

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ  
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»



**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ  
И СОЦИАЛЬНЫЕ  
ПЕРЕМЕНЫ:  
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Том 12, № 2, 2019**

---

## Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода  
журнала – 6 раз в год

Решением  
Минобрнауки РФ  
журнал «Экономические  
и социальные  
перемены: факты,  
тенденции, прогноз»  
включен в Перечень  
рецензируемых  
научных изданий,  
в которых должны  
быть опубликованы  
основные научные  
результаты диссертаций  
на соискание ученой  
степени кандидата  
наук, на соискание  
ученой степени доктора  
наук по научным  
специальностям:  
22.00.00 –  
социологические  
науки; 08.00.00 –  
экономические науки.

Журнал размещается в  
следующих рефератив-  
ных и полнотекстовых  
базах данных:  
Web of Science (ESCI),  
ProQuest, EBSCOhost,  
Directory of Open Access  
Journals (DOAJ), RePEC,  
Ulrich's Periodicals  
Directory, ВИНТИ  
РАН, Российский  
индекс научного  
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала  
направляются в  
Библиотеку Конгресса  
США и в Германскую  
национальную  
экономическую  
библиотеку.

Все статьи проходят  
обязательное  
рецензирование.  
Высказанные в статьях  
мнения и суждения  
могут не совпадать  
с точкой зрения  
редакции.  
Ответственность за  
подбор и изложение  
материалов несут  
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)  
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

## ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

**Учредитель:** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

### ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Ильин В.А.**, член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Байджан Тозин**, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

**Ка Лин**, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

**Тетсуо Мисуками**, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

**Дайширо Номия**, к.с.н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

**Оуй Пейтер**, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

**Сапир Жак**, проф. (Высшая школа социальных наук (EHES), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

**Хохгернер Йозеф**, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

**Шрёдер Антониус** (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

**Штомпка Пётр**, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

**Кшиштоф Т. Конек**, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

**Артамонова А.С.**, ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Губанова Е.С.**, д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

**Гулин К.А.**, заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Калачикова О.Н.**, к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Лаженицев В.Н.**, член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

**Морев М.В.**, к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Сычев М.Ф.**, к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Третьякова О.В.**, заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Ускова Т.В.**, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Шабунова А.А.**, д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

**Веркей Жюльен**, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

**Витязь П.А.**, академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

**Дайнеко А.Е.**, д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

**Кивинен М.**, проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

**Котляров И.В.**, д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

**Чжан Шухуа**, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

**Афанасьев Д.В.**, к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

**Валентей С.Д.**, д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

**Гайнапов Д.А.**, д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

**Горшков М.К.**, академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

**Ивантер В.В.**, академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

**Кузнецов С.В.**, д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

**Ленчук Е.Б.**, д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

**Леонидова Г.В.**, к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

**Макаров В.Л.**, академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

**Некипелов А.Д.**, академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

**Окреплов В.В.**, академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

**Полтерович В.М.**, академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

**Чукреев Ю.Я.**, д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE  
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES



**ECONOMIC  
AND SOCIAL  
CHANGES:  
FACTS, TRENDS, FORECAST**

**Vol. 12, no. 2, 2019**

---

## ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

**Founder:** Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

### The journal was founded in 2008

Publication frequency:  
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

### EDITOR-IN-CHIEF

*V.A. Ilyin*, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

### EDITORIAL BOARD

*Tizgin Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

*Ka Lin*, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

*Tetsuo Mizukami*, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

*Daishiro Nomiya*, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

*P.R. A. Oeij* (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

*Jacques Sapir*, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

*Josef Hochgerner*, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

*Antonius Schröder* (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

*Piotr Sztopka*, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

*Krzysztof T. Konecki*, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

*A.S. Artamonova*, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*E.S. Gubanova*, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

*K.A. Gulin*, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*O.N. Kalachikova*, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*V.N. Lazhentsev*, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

*M.V. Morev*, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*M.F. Sychev*, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*O.V. Tret'yakova*, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*T.V. Uskova*, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*A.A. Shabunova*, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

### EDITORIAL COUNCIL

*Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

*P.A. Vityaz*, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

*A.E. Dayneko*, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

*Markku Kivinen*, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

*I.V. Kotlyarov*, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

*Zhang Shuhua*, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

*D.V. Afanasyev*, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

*S.D. Valentey*, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

*D.A. Gaynanov*, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

*M.K. Gorshkov*, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

*V.V. Ivanter*, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

*S.V. Kuznetsov*, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

*E.B. Len'chuk*, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

*G.V. Leonidova*, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

*V.L. Makarov*, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

*A.D. Nekipelov*, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

*V.V. Okrepilov*, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

*V.M. Polterovich*, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

*Yu. Ya. Chukreev*, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)  
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2019

# СОДЕРЖАНИЕ

## ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства».....	9
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------	---

## СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций .....	36
---------------------------------------------------------------------------	----

## РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска .....	56
Степанова В.В., Уханова А.В., Григоришин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка цифровых экосистем регионов России .....	73
Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО .....	91

## ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Кабанов В.Н. Территориальное планирование и закон Ципфа .....	103
---------------------------------------------------------------	-----

## МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Стельмах В.С. Методические аспекты прогнозирования вероятности банкротства на примере фармацевтических предприятий .....	115
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Усков В.С. Развитие промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции .....	128
-----------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ**

Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России .....	147
Беркович М.И., Духанина Л.Н., Максименко А.А., Надуткина И.Э. Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект .....	161
Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России .....	179
Ненашева М.В. Оценка воздействия на социальную среду как инструмент устойчивого развития Российской Арктики .....	196

## **ЭКОНОМИКА ТРУДА**

Перекаренко Ю.А., Крышка В.И. Минимальная заработная плата и прожиточный минимум в российской экономике: теоретический и эмпирический анализ основных тенденций .....	210
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И. Детерминанты удовлетворённости трудом работников X и Y поколений: региональное исследование .....	225
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества .....	238
Правила приёма статей .....	245
Информация о подписке .....	251

# CONTENT

## EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. “Intellectual Feebleness” of the Ruling Elites and the “Deep People” of the “Long State” .....	9
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	---

## SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Sukharev O.S. Technological Development: Investment Structure Impact .....	36
----------------------------------------------------------------------------	----

## REGIONAL ECONOMY

Izotov D.A. Inflow of Foreign Direct Investments in Russia’s Regions: Potential and Risk Factors .....	56
Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyaev D.B. Evaluating Digital Ecosystems in Russia’s Regions .....	73
Mel’nikov A.E. Investment Processes and Structural Changes in the Economy of Old Industrial Regions of the Northwestern Federal District .....	91

## ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

Kabanov V.N. Territorial Planning and Zipf’s Law .....	103
--------------------------------------------------------	-----

## MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Stel’makh V.S. Methodological Aspects of Predicting the Probability of Bankruptcy on the Example of Pharmaceutical Companies .....	115
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## INNOVATION DEVELOPMENT

Uskov V.S. Russian Industrial Sector Development in the Context of New Technological Revolution .....	128
----------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **SOCIAL DEVELOPMENT**

Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social Vulnerability of Families with Children in Modern Russia .....	147
Berkovich M.I., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A., Nadutkina I.E. Perception of Corruption as a Socio-Economic Phenomenon by the Population of a Region: the Structural Aspect .....	161
Smoleva E.O. Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population .....	179
Nenasheva M.V. Social Impact Assessment as a Tool for Sustainable Development of the Russian Arctic .....	196

## **LABOR ECONOMICS**

Perekarenkova Yu.A., Kryshka V.I. Minimum Wage and the Subsistence Level in the Russian Economy: Theoretical and Empirical Analysis of the Main Trends .....	210
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **FOREIGN EXPERIENCE**

Matveichuk V., Voronov V.V., Samul J. Determinants of Job Satisfaction of Workers from Generations X and Y: Regional Research .....	225
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

## **PUBLIC OPINION MONITORING**

Public Opinion Monitoring .....	238
Manuscript Submission Guidelines .....	245
Subscription Information .....	251



# ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

## «Интеллектуальное бессилие»<sup>1</sup> правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства»



**Владимир Александрович**

**ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук  
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а  
E-mail: [ilin@vscc.ac.ru](mailto:ilin@vscc.ac.ru)



**Михаил Владимирович**

**МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук  
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а  
E-mail: [379post@mail.ru](mailto:379post@mail.ru)

**Аннотация.** В 2018 году российское общество столкнулось с противоречием, вызванным несоответствием официальной политической риторики и реальных действий со стороны Правительства. Вместо заявленных в Послании Президента Федеральному Собранию и «майском указе» приоритетных ориентиров на решение внутренних проблем страны (включая снижение уровня бедности в два раза, вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира и т.д.), общество столкнулось с необходимостью принимать «горькое лекарство» в виде повышения пенсионного возраста. Причем новость об изменениях в пенсионном законодательстве дошла до широкой общественности буквально сразу после инаугурации Президента (инаугурация состоялась 7 мая 2018 г., законопроект о пенсионной реформе был внесен в Государственную Думу 16 июня). Первая реакция на пенсионную реформу была категорически отрицательной: по данным соцо-

<sup>1</sup> Носкович О.И. Как построить долгое государство? // Независимая газета. 2019. 18 мар. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

**Для цитирования:** Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 9-35. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.1

**For citation:** Ilyin V.A., Morev M.V. “Intellectual feebleness” of the ruling elites and the “deep people” of the “long state”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 9-35. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.1

просов Фонда «Общественное мнение», против нее выступили почти 80% россиян. На протяжении последующих месяцев по всей стране прокатилась волна протестных выступлений, которые прекратились лишь после того, как В. Путин выступил 29 августа с официальным обращением к россиянам с разъяснениями по поводу необходимости реформирования пенсионной системы, в ходе которого он предложил некоторые корректировки, смягчающие условия реформы для отдельных категорий населения. Однако, несмотря на постепенное угасание видимых признаков общественного недовольства (акций протеста, критических статей и т.д.), уровень поддержки органов власти, в том числе и Президента РФ, продолжил снижаться; в общественном сознании начали происходить фундаментальные сдвиги, носящие долгосрочный характер. Это свидетельствовало о том, что пенсионная реформа послужила лишь пусковым механизмом для проявления более глубокого внутреннего недовольства, накапливавшегося на протяжении последних лет. Таким образом, в начале 2019 г. принципиальный вопрос о легитимности власти в России стал одним из насущных и наиболее острых для общества и органов власти для реального выполнения задач «майского указа», качественного роста уровня жизни и, по большому счету, сохранения российской государственности. Во многом на решение именно этой задачи (как считают некоторые эксперты) была нацелена глубокая, идеологически насыщенная статья помощника Президента В.Ю. Суркова, которая была опубликована в феврале 2019 г. и вызвала широкий резонанс в научной, политической и общественной среде. В нижеследующих материалах представлен наш взгляд на его статью, а также на значительный комплекс затрагиваемых в ней вопросов. Выводы, к которым мы приходим, подкреплены не только результатами собственных исследований многолетней динамики общественного мнения, но и экспертными оценками, во многом отражающими реальное положение дел в стране.

**Ключевые слова:** «долгое государство», «глубинный народ», общественное мнение, эффективность государственного управления, Президент.

### **I. Основные тезисы и ключевые понятия теории В. Суркова о «долгом государстве».**

Авторство терминов «долгое государство» и «глубинный народ» принадлежит помощнику Президента В. Суркову. В марте 2019 г. вышла его статья «Долгое государство В. Путина», в которой была представлена попытка выстраивания идеологической концепции политики действующего Президента и фактически всей России постсоветского периода.

Публикация приобрела широкий резонанс в политических, общественных и журналистских кругах и даже была удостоена реакции Кремля. *«Статья достаточно сложная и требует осмысления. Это личный подход, личное мировоззрение... Наверное, вряд ли подлежит обсуждению то, что статья будет интересна многим, и то, что она весьма содержательная и глубокая. Все остальное опять же можно и, наверное, нужно обсуждать»* – так прокомментировал публикацию В. Суркова пресс-секретарь Президента Д. Песков<sup>2</sup>.

**Путину безраздельно принадлежит политическое настоящее России, но на будущее, которое наступит сразу после него, он не окажет никакого влияния.** Так было с Горбачёвым и Ельциным. Их преемники вели совершенно иной курс, вообще не считаясь с предшественниками. Конечно, что-то переходило из эпохи в эпоху по линии институциональной инерции, но основной вектор менялся радикально. **Истина Путина в том, что на будущее его контроль не распространяется...** никакой особой политической модели он не создал; он лишь исправил самые чудовищные формы прозападной либеральной демократии, вопреки воле народа установленной в 90-е. То есть политически это все та же **либеральная парадигма**, укрощённая авторитарным правителем с личными патриотическими и смутно консервативными симпатиями. Для новой политической модели этого совершенно не достаточно.

**Без Путина элита и власть в целом будет уже полностью нелегитимна, какой она была при Ельцине.** При этом никаких структур, которые отражали бы позицию народа, за все эти годы не создалось<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Новости делового портала Business.FM. 2019. 11 фев. / <https://www.bfm.ru/news/406623>

<sup>3</sup> Дугин А. Путин или Сверх-Путин // Официальный сайт Изборского клуба. 2019. 12 фев. <https://izborsk-club.ru/16492>

Так что же такое «долгое государство» и «глубинный народ»?

На фоне разгорающихся дискуссий, вызванных приближением 2024 года, когда В. Путин согласно действующей Конституции не может быть вновь избран Президентом России, обостряются опасения многих экспертов по поводу судьбы страны в самом широком смысле этого слова.

Большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу. Выход ее на полную мощность далеко впереди, так что и через много лет Россия все еще будет государством Путина, подобно тому как современная Франция до сих пор называет себя Пятой республикой де Голля, Турция (при том, что у власти там сейчас антикемалисты) по-прежнему опирается на идеологию «Шести стрел» Ататюрка, а Соединенные Штаты и поныне обращаются к образам и ценностям полубогам «отцов-основателей»<sup>4</sup>.

Модель «долгого государства» Владислава Суркова предполагает, что «Россия эпохи правления В. Путина — «это государство нового типа, какого у нас еще не было. Оформившееся в целом к середине нулевых, оно пока мало изучено, но его своеобразие и жизнеспособность очевидны. Стресс-тесты, которые оно прошло и проходит, показывают, что именно такая, органически сложившаяся модель политического устройства явится эффективным средством выживания и возвышения российской нации на ближайшие не только годы, но и десятилетия, а скорее всего и на весь предстоящий век...»<sup>5</sup> Это и есть «долгое государство» — государство, которое только-только начинается и не закончится с уходом В. Путина с политического олимпа страны. В. Сурков, как отмечают некоторые эксперты, «сказал вещь фундаментальную: даже в отсутствие своего начальника „путинизм“ как идеология, как эманация высшего духа останется надолго. Даже когда придет новый Президент»<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. [http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5\\_7503\\_surkov.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html)

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Помощник Президента России провозгласил эру путинизма (материалы интервью с М. Делягиным) // Аргументы недели. №7(651). 2019. 21 фев.

«Глубинный народ» — понятие более сложное и, наверное, требующее определенных ментальных качеств для его осмысления. «На глянцевой поверхности, — пишет В. Сурков, — блистает элита, век за веком активно (надо отдать ей должное) вовлекающая народ в некоторые свои мероприятия — партийные собрания, войны, выборы, экономические эксперименты. Народ в мероприятиях участвует, но несколько отстраненно, на поверхности не показывается, живя в собственной глубине совсем другой жизнью. Две национальные жизни, поверхностная и глубокая, иногда проживаются в противоположных направлениях, иногда в совпадающих, но никогда не сливаются в одну»<sup>7</sup>.

Глубинный народ всегда себе на уме, недосягаемый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия. Понимание, кто он, что думает и чего хочет, часто приходит внезапно и поздно, и не к тем, кто может что-то сделать... Своей гигантской супермассой глубокий народ создает непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить<sup>8</sup>.

«Глубинность» российского народа, таким образом, — это некоторая его ментальная характеристика, позволяющая стране в целом относительно успешно проходить самые разнообразные «стресс-тесты», руководствуясь не столько логикой и здравым смыслом, сколько культурно-историческими особенностями, сложившимися за долгие века существования русского государства. Это не понять «западному человеку», но в этом и есть преимущество России, которое обеспечит ей светлое будущее, несмотря ни на какие угрозы, санкции и прочие условия, создаваемые нашими «зарубежными партнерами».

Проще всего реальное действие «глубинности» российского народа показать на конкретных примерах. «Глубинный народ», например, может десятилетиями жить в условиях такого уровня социального неравенства, при котором в западном обществе уже давно бы

<sup>7</sup> Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета 2019. 11 фев. [http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5\\_7503\\_surkov.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html)

<sup>8</sup> Там же.

произошел социальный взрыв. И не просто жить, а искренне и консолидированно поддерживать существующий политический курс и конкретных людей, претворяющих его в жизнь, обеспечивая партии власти конституционное большинство в Государственной Думе, а главе государства — рекордную поддержку на президентских выборах.

По данным федеральной службы государственной статистики коэффициент фондов в России составляет 16.

По оценкам экспертов, 8 – это предельно критическое значение коэффициента фондов<sup>9</sup>, достижение которого свидетельствует «о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций»<sup>10</sup>.

По рекомендациям ООН данный показатель не должен превышать 8–10, «иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами»<sup>11</sup>.

«Глубинный народ» — это когда многолетняя и нереализованная потребность в повышении уровня и качества жизни в одночасье уступает место эйфории от «возвращения Крыма и Севастополя в родную гавань».

Это общество, которое не помнит обещания действующей власти, не пытается их вспомнить и не пытается анализировать эффективность их выполнения, делая соответствующие выводы и задавая соответствующие вопросы главе государства. Вместо этого «глубинный народ» из года в год воспринимает и совершенно искренне поддерживает новые, еще более амбициозные задачи на ближайшее будущее, пусть даже и реализуемые всё той же командой управленцев.

<sup>9</sup> Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-614.

<sup>10</sup> Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 5. С. 72.

<sup>11</sup> Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. Режим доступа: <http://refru.ru/income16.pdf>

Это народ, который искренне радуется тому, что Президент в своем Послании Федеральному Собранию обращает внимание Правительства на неправильно проведенную индексацию пенсий, понимая, что теперь эта несправедливость будет устранена, и уже не задаваясь вопросом о том, как вообще такое оказалось возможным.

«Глубинный народ» с воодушевлением воспринимает арест очередного проворовавшегося чиновника и не задает вопросов о том, как он умудрился накопить своё многомиллиардное состояние, кто его поставил на эту должность и куда потом делись конфискованные у него средства. Даже если этот чиновник — министр экономического развития.

Наконец, «глубинность» российского народа позволяет власти общаться с ним через СМИ на языке глобальных «мегапонятий» наподобие «Северного потока», «Керченского моста», «Лидеров России», «сверхсовременных термоядерных реакторов» и т.д., совершенно не затрагивая те проблемы, которые беспокоят людей в первую очередь: бедность, неравенство, несправедливость, социальная незащищенность и т.д.

Примеров «глубинного народа», что называется, в действии можно привести великое множество. **Факт в том, что именно эта ментальная черта российского общества выступает фундаментом, цементирующим всю систему «долгого государства» В. Путина. И (согласно позиции В. Суркова) этот фундамент является куда более крепким, чем западный прагматизм, индивидуализм и финансово-юридическая грамотность, вместе взятые.**

В концепции В. Суркова есть еще один момент, с которым следует разобраться, как говорится, «на берегу». «Долгое государство» — это своего рода система, в которой тесно взаимосвязаны три типа субъектов — Президент, элита и общество (тот самый «глубинный народ»). Каждый из них выполняет свою роль и является важной частью «долгого государства», самым своим существованием обеспечивая его многолетнюю (а то и многовековую) бесперебойность функционирования. В том числе и элита. Вот как о роли всех трех субъектов пишет сам В. Сурков.

**1. Элита.** «В новой системе все институты подчинены основной задаче — доверительному общению и взаимодействию верховного прави-

теля с гражданами. Различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь. Кроме них, в обход формальных структур и элитных групп работают неформальные способы коммуникации. А когда глупость, отсталость или коррупция создают помехи в линиях связи с людьми, принимаются энергичные меры для восстановления слышимости».

**2. Президент.** «Умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно — уникальное и главное достоинство государства Путина. Оно адекватно народу, попутно ему, а значит, не подвержено разрушительным перегрузкам от встречных течений истории. Следовательно, оно эффективно и долговечно».

**3. «Глубинный народ».** «Общество доверяет только первому лицу... Современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику. И в этом ее сила».

**Таким образом, в концепции «долгого государства», выдвинутой В. Сурковым, правящим элитам уделено значимое место в системе управления страной: накапливающееся к ним раздражение в народе автоматически транслируется в рост доверия Президенту, и это становится фундаментом сакральной связи между обществом и главой государства, что обеспечивает в конечном итоге уникальность и долговечность новой российской государственности, выстроенной В. Путиным.**

Так (в самых общих чертах) функционирует «долгое государство» В. Путина. Отметим, что у теории В. Суркова сразу же нашлись сторонники и критики.

Одни эксперты увидели в ней «знак взросления нашей политической мысли»<sup>12</sup>. Они говорят о том, что В. Сурков «довольно исчерпывающе описывает базовые принципы состоявшегося в России государства»<sup>13</sup> и что его теория — это одна из немногих (и, главное, очень своевременных) попыток глубокого философского

<sup>12</sup> Воеводина Т. Народы не властны в своих учреждениях // Газета «Завтра». 2019. 17 фев. [http://zavtra.ru/blogs/narodi\\_ne\\_vlastni\\_v\\_svoih\\_uchrezhdeniyah](http://zavtra.ru/blogs/narodi_ne_vlastni_v_svoih_uchrezhdeniyah)

<sup>13</sup> Носкович О.И. Как построить долгое государство? // Независимая газета. 2019. 18 мар. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

Статья Владислава Суркова «Долгое государство Путина» четко высвечивает основную проблему современного российского общества и обрамляющего его государства, заключающуюся в том, что мы не знаем, что же такое мы строим... Способно ли путинское государство в его современном виде обеспечить насыщенные преобразования исторического масштаба?<sup>14</sup>

осмысления того, что представляет собой «путинская» Россия: на что она опирается, куда движется и какие конкурентные преимущества обеспечат ей процветание в ближайшем будущем.

Другие — считают, что теория В. Суркова, «претендующего на роль главного путинского идеолога-пиарщика»<sup>15</sup>, некогда выдвинувшего концепцию «суверенной демократии», есть не что иное как попытка объяснить стремительно падающие на фоне пенсионной реформы рейтинги власти<sup>16</sup>; в том числе и Президента, уровень одобрения которого еще в середине июня 2018 г. обрушился с 77 до 62% и с тех пор колеблется в интервале 62–65%<sup>17</sup>.

Я нахожу, что в статье Суркова основной посыл является искренним и отражает волю нынешних элит к самосохранению и к консервированию режима в неизменном состоянии и в постпутинский период. Чтобы сам Путин не решил чего-нибудь под занавес ненароком изменить, его успокаивают: всё и так идеально. Но искренность не значит истина. Солипсизм правящей элиты всё же не может заменить собой историю и политическую логику. Поэтому сурковский анализ состояния политического режима современной России является целиком и полностью **ложным** в самих своих основаниях<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> Носкович О.И. Как построить долгое государство? // Независимая газета. 2019. 18 мар. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

<sup>15</sup> Дугин А. Путин или Сверх-Путин // Официальный сайт Изборского клуба. 2019. 12 фев. <https://izborsk-club.ru/16492>

<sup>16</sup> Угланов А. Что на уме у глубинного народа? // Аргументы недели. 2019. №6(650). 14 фев.

<sup>17</sup> Данные ВЦИОМ / [https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie\\_deyatelnosti\\_gosudarstvennykh\\_institutov/](https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/)

<sup>18</sup> Дугин А. Путин или Сверх-Путин // Официальный сайт Изборского клуба. 2019. 12 фев. <https://izborsk-club.ru/16492>

Станет ли эта попытка удачной, пока неизвестно, однако нельзя не признать, что в теории В. Суркова действительно есть «рациональное зерно», во многом объясняющее, почему «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», причем не только в XIX, но и сегодня, в XXI веке.

## **II. Итоги 2018 года – сомнения в «долгом государстве».**

Многие эксперты в разные годы говорили о том, что при неизменности политического курса и без принятия жестких решений со стороны Президента Россию неизбежно ждут «деградация и сползание к масштабному типу революционного кризиса»<sup>19</sup>. Однако этого не было, нет и (согласно концепции В. Суркова) не будет. Даже пенсионная реформа, затронувшая практически всех жителей нашей страны, хотя и сопровождалась рядом массовых выступлений, организованных несистемной оппозицией, уже к сентябрю 2018 г. скатилась в «рутинизацию»<sup>20</sup> и сегодня воспринимается большинством россиян как объективные условия, в которых так или иначе придется жить дальше.

**Тем не менее некоторые ключевые изменения, происходящие в общественном сознании россиян, заставляют усомниться в том, что одной лишь «глубинности» российского народа и его сакральной связи с национальным лидером будет достаточно для того, чтобы обеспечить процветание «долгого государства» на многие десятилетия вперед.**

Катализатором этих изменений стали события «крымской весны» и (что немаловажно) новый виток экономического кризиса, с которым Россия столкнулась в начале 2015 г. Вызванный экономическими санкциями кризис был, конечно, не таким ощутимым, как кризис 1991-го и даже 2008 гг. Однако ирония в том, что люди встретили его, пребывая в «крымской эйфории»: ощущение того, что «Россия вступает в свой новый век, светлый и

<sup>19</sup> Сулакшин С.С. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). М: Наука и политика, 2016. С. 683.

<sup>20</sup> Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий : прессы-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3788. 12 окт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

жизнеутверждающий»<sup>21</sup>, столкнулось с необходимостью в очередной раз «затянуть пояса» до лучших времен.

Именно в этот момент в российском обществе зарождается тенденция потребности в переменах, которая впервые за весь период правления В. Путина приобрела действительно многолетний характер (рис. 1).

Сегодня в стране, как отмечают ученые, стабильность политической и экономической ситуации, которой с таким трудом удалось достичь команде В. Путина в начале 2000-х гг. и которая всегда была в цене у «глубинного народа», пережившего тяжелейший период «лихих 90-х», воспринимается им не иначе как «консервация застоя и кризисных явлений»<sup>22</sup>. «В стране растет понимание того, что *без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно успешное десятилетие, страна вряд ли сможет эффективно двигаться вперед*»<sup>23</sup>.

Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на её вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. Подчеркну это: именно решающими...

Скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнёт, утопит. Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело<sup>24</sup>.

<sup>21</sup> Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 17.

<sup>22</sup> Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. №11. С. 43.

<sup>23</sup> Российское общество после президентских выборов–2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. С. 7.

<sup>24</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

Рис. 1. Динамика ориентации россиян на стабильность и перемены (в % от числа опрошенных)



Источник: Российское общество после президентских выборов–2018: запрос на перемены : информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. С. 7.

Таблица 1. Президент РФ В.В. Путин 1 марта 2018 г. обратился с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию. Как Вы считаете, насколько реалистичны задачи, которые Президент в нем озвучил, и будут ли они выполнены или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от числа тех, кто следил за Посланием или узнал его содержание из новостей)

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2018 г.
Президент озвучил конкретные, реальные задачи и, скорее всего, они будут выполнены в кратчайшие сроки	28	31	31	36	29	49	34
Президент озвучил конкретные, реальные задачи, но они не будут выполнены из-за коррупции и бюрократии во власти	49	47	40	42	46	31	47
Предложения Президента слишком общие, неконкретные, их невозможно реализовать	11	12	17	16	20	8	6
Затрудняюсь ответить	12	10	12	6	5	12	13

Не удивительно, что объявленный Президентом в марте 2018 года курс на «прорывное развитие» внутренней ситуации в стране (причем не просто как новый вектор государственной политики до 2024 года, а необходимое условие для выживания в стремительно развивающемся мире) нашел поддержку в широких слоях российского общества и обеспечил ему рекордное число голосов на президентских выборах.

Таким образом, рассуждая в русле концепции В. Суркова, можно сказать, что долгие годы созревающая изнутри потребность «глубинного народа» в переменах по каналам сакральной связи нашла свое реальное оформление на самом «верху», в Послании Президента Федеральному

Собранию, и была в приказном порядке спущена элитам в виде «майского указа» и национальных проектов.

78% россиян (рекордное число за весь период с 2009 по 2018 г.) отметили, что Президент в своем Послании «озвучил конкретные, реальные задачи». Правда, большинство из них (47%) посчитали, что эти задачи «не будут выполнены», причем именно «из-за коррупции и бюрократии во власти» (табл. 1).

По большому счету и сам Президент говорил о том, что перед страной стоят «очень сложные задачи» и для их реализации потребуются «принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения», «сконцентри-

ровать все ресурсы, собрать все силы в кулак, проявить волю для дерзновенного, результативного труда»<sup>25</sup>.

... Как было в 90-х годах в нашей новейшей истории: принималось огромное количество приятных для уха обывателя нормативных актов, и более половины, уверенно можно сказать, не исполнялось да и не могло быть исполнено в силу очень тяжёлого финансового и экономического положения в стране. Что это означало? Надувательство людей, просто обман. Принимали законы, зная, что они никогда не будут исполнены, навешивали огромное количество льгот, понимая, что бюджет не в состоянии реализовать эти решения. Мы ни в коем случае не можем возвращаться к такой практике<sup>26</sup>.

Более того, спустя год на заседании коллегии Генпрокуратуры он еще раз подтвердил свои намерения, подчеркнув, что ни в коем случае нельзя возвращаться к практике 90-х годов, когда власть принимала «огромное количество приятных для уха решений», заранее понимая, что реализовать их невозможно; это «надувательство людей, просто обман».

Однако по иронии судьбы не единичные случаи, а именно сложившаяся **практика** неисполнения Правительством прямых поручений главы государства является атрибутом «олигархического капитализма», существующего в нынешней политической системе «долгого государства». Эта практика стала причиной невыполнения «майских указов» 2012 г. (*вкладка 1*): «есть какие-то недовыполнения»<sup>27</sup>, как очень мягко отметил Президент, или, попросту говоря, они были «благополучно забыты»<sup>28</sup>, как более жестко констатируют эксперты.

<sup>25</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

<sup>26</sup> Стенограмма заседания коллегии Генпрокуратуры 19 марта 2019 г. // Сайт Президента <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60100>

<sup>27</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

<sup>28</sup> Оформление загранпаспорта обойдется в 5 тысяч рублей: почему так дорого // Московский комсомолец. 2018. 19 июня. Режим доступа: [http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-oboedetsya-v-5-tysyach-rublej-pochemu-tak-dorogo.html](http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-oboedetsya-v-5-tysyach-rublej-pochemu-tak-dorogo)

Эта же практика легла в основу неправильной индексации пенсий в 2019 г., на что Президент указал вполне недвусмысленно: «Необходимо было учесть все нюансы, однако этого сделано не было, а такого быть, конечно, не должно. Возникшую несправедливость, а это, безусловно, так и есть, надо немедленно устранить»<sup>29</sup>.

Первым сигналом к тому, что «майский указ» 2018 г. и предвыборные обещания Президента (а вместе с ними и надежды «глубинного народа») будут в очередной раз саботированы, стали «косметические» перемены в составе Правительства, фактически означающие, что реализация «решительного прорыва», в котором так остро нуждаются россияне, будет доверена той же команде, которая не смогла решить данную задачу на протяжении предыдущих 18-ти лет.

Не очень понятно, какой вообще смысл затевать новые «майские указы», когда еще не выполнены предыдущие. Более того, **выполнение предыдущих «майских указов» на протяжении последних 5,5 лет производит впечатление наглого и циничного саботажа**. Доходило до того, что правительство заявляло, что у него нет одного триллиона рублей на выполнение «майских указов» в тот самый год, когда неиспользуемые остатки на счетах федерального бюджета, то есть бюджетного резерва этого же самого правительства, выросли на полтора триллиона рублей, то есть в 1,5 раза больше необходимой суммы. Так что сама идея «майских указов» президента скомпрометирована, с одной стороны, правительством Медведева, а с другой стороны – гуманизмом президента, который все это терпит<sup>30</sup>.

Окончательные сомнения развеяла пенсионная реформа, о которой люди узнали в июне 2019 г. Как отмечают эксперты, она стала переломным моментом для общества, поскольку довела до конца то, что не смогла довести реформа монетизации льгот. С этого момента,

<sup>29</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

<sup>30</sup> Половников А. Новые «майские указы» – хорошо забытые старые? (материалы интервью с М. Делягиным) // Портал Накануне.ru. 2018. 26 фев. <https://www.nakanune.ru/articles/113723/>



**Вкладка 1**

**Сведения о достижениях показателей по некоторым поручениям, установленным в майских указах Президента РФ<sup>31</sup>**

Источник	Поручение Президента	Факт*	Отклонение
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»	«Повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й – в 2015 году и до 20-й – в 2018 году» «Увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года» «Создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году»	35 место** (2018 г.) 22,1% (2017 г.)*** 15983,279 тыс. ед. (2016 г.)	-15 ед. -3,5% -9,02 млн.
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»	«Увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4 – 1,5 раза»	100,8% (2016 г.)****	-56%
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»	«Снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) до 192,8 случая на 100 тыс. населения» «Снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10,6 случая на 100 тыс. населения»	196,9 на 100 тыс. нас. (2017 г.) 13,6 на 100 тыс. нас. (2017 г.)	-4,1 на 100 тыс. нас. -3 на 100 тыс. нас.
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»	«Увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта»	1,10% (2016 г.)	-0,67%
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»	«До 2020 года – предоставление доступного и комфортного жилья 60 процентам российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия»	5% (2016 г.)	-55%
Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»	«Обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет»	72,7 лет (2017 г.)	-1,3 лет

\* Данные Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

\*\* Источник: Doing Business 2018. Всемирный банк опубликовал рейтинг стран по простоте ведения бизнеса [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://povogusmir.ru/archives/31784>

\*\*\* В 2011 г. доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте составляла 19,7%. По Поручению Президента к 2018 г. необходимо достигнуть уровня 25,6%.

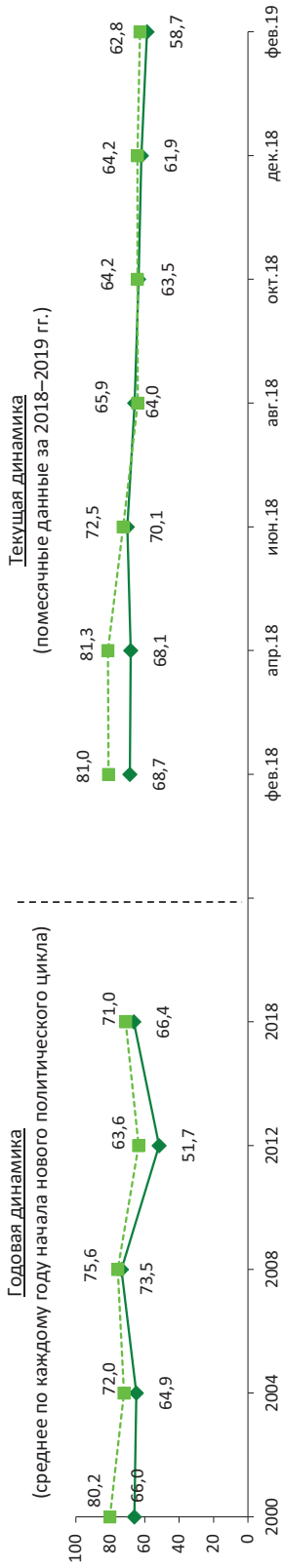
\*\*\*\* В 2012 г. реальная начисленная заработная плата в процентах к предыдущему году составляла 108,4%.

Согласно данным Росстата, на 2016–2017 гг. многие поручения Президента, зафиксированные в майских указах 2012 г., остаются невыполненными, причем это касается самых разных сфер: экономики, науки, демографии, уровня и качества жизни населения. В Послании Федеральному Собранию 2018 г. Президент упомянул о том, что при реализации майских указов возникли «какие-то недовыполнения», однако их вполне достаточно для обоснованной настороженности экспертов: «Непроведенная работа над ошибками заставляет задуматься, а что из нынешнего громады планов труднореализуемо, что попало в текст впопыхах или в надежде на короткую память населения?»<sup>32</sup>.

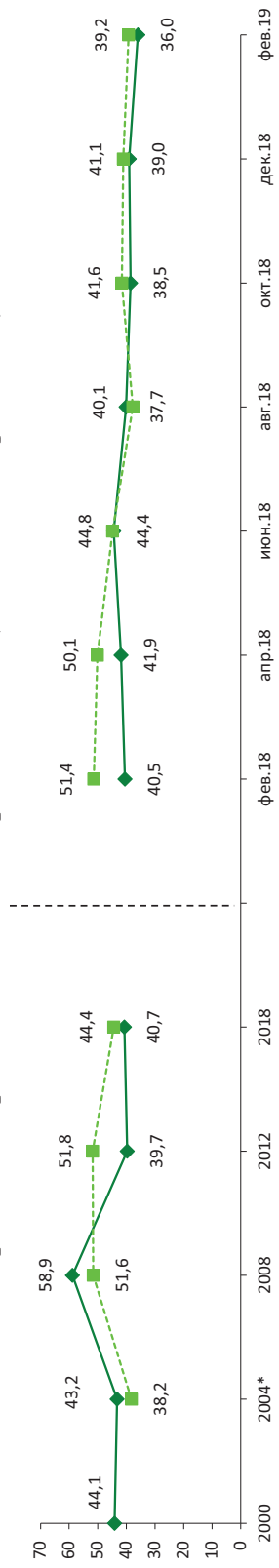
<sup>31</sup> Ильин В.А., Морев М.В. Российская Федерация – социальное государство? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 20.

<sup>32</sup> Комраков А. Социологи оценили реакцию населения на обещания Владимира Путина // Независимая газета. 2018. 14 марта. Режим доступа: [http://www.ng.ru/economics/2018-03-14/4\\_7189\\_putin.html](http://www.ng.ru/economics/2018-03-14/4_7189_putin.html)

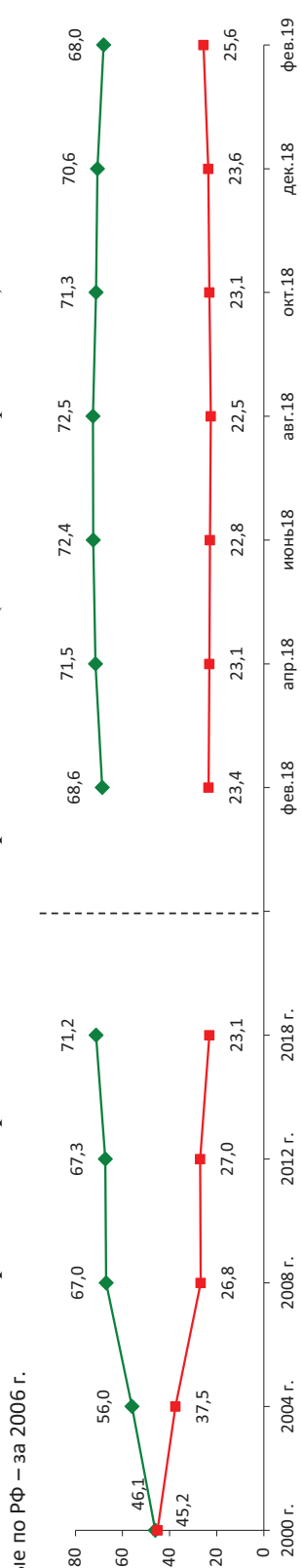
**Вкладка 2**



**Уровень одобрения деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных)**



**Уровень одобрения деятельности Правительства РФ (в % от числа опрошенных)**



\* Данные по РФ – за 2006 г.

◆ Нормальное состояние, прекрасное настроение — Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску

**Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни? (данные ВолнЦ РАН по Вологодской области, в % от числа опрошенных)**

как показывают опросы общественного мнения, предвыборное воодушевление общества сошло на «нет», а его место заняла тенденция падения рейтингов власти и ухудшения социального настроения. И если положение Президента в некотором роде спасло его августовское обращение к народу по федеральным телеканалам с разъяснениями и корректировками пенсионной реформы (не случайно именно с сентября 2018-го темпы снижения поддержки Президента несколько замедлились, хотя о возврате положительного тренда речи по-прежнему не идет), то оценки деятельности Правительства продолжают падать и по сей день (вкладка 2).

Если обратиться к эпизоду монетизации льгот в 2005 г., то тогда всплеск протестов не был подкреплен фундаментальными факторами изменения массового сознания. Поэтому он сошел на нет менее чем через год, а большинство социологических индикаторов вернулось в относительно «спокойное» русло. Но теперь, когда непопулярное решение властей сыграло роль триггера для активации более фундаментальных изменений, последствия могут растянуться на более длительное время<sup>33</sup>.

С учётом того факта, что российское общество уже давно не верит в свою возможность оказывать хоть какое-то влияние на положение дел в стране<sup>34</sup>, а всё чаще предпочитает строить

<sup>33</sup> Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В. Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 16.

<sup>34</sup> Об этом свидетельствуют данные международных, российских и региональных исследований:

1. Так, по данным Европейского социального исследования (The European Social Survey) в 2016 г. около 74% россиян считали, что «не способны лично участвовать в политике». Это 13 место среди 16 стран Западной Европы. Противоположной точки зрения придерживались всего 6% населения (для сравнения: в Германии, Норвегии, Швейцарии этот показатель составляет 23–25%).

2. По данным ВЦИОМ в 2017 г. 70% россиян говорили о том, что не могут влиять на ситуацию в своём населённом пункте, в области, в стране в целом; 51% утверждали, что «у граждан России нет возможности контролировать деятельность властей или каким-то образом влиять на решения, которые принимаются властями».

3. По данным ВолНЦ РАН 82% считают, что не могут влиять на положение дел в области или в стране; 74% — на положение дел в своём муниципальном образовании.

свою жизнь «не оглядываясь» на то, что делает государство<sup>35</sup>, «рутинизация» вопроса о пенсионной реформе была неизбежна.

... После объявления пенсионной реформы доверие граждан к власти пошатнулось серьезно, скепсис сохраняется и заявлениями ситуацию быстро не исправить... С другой стороны, замеры рейтингов до и после президентского Послания имели бы большой смысл, если бы правящая элита в России жила в условиях мощной политической конкуренции. Такой конкуренции не наблюдается... Граждане, перестающие доверять власти, одновременно не готовы включиться в политику. Напротив, они хотят отгородиться от нее и ее процедур, включая выборы. Это можно назвать потенциалом политической апатии<sup>36</sup>.

Однако всё, чего добилось государство, — это очередной виток борьбы за возвращение утраченного доверия. Говорить же о былом единении общества и власти в осознании и готовности к реализации цели прорывного развития сегодня вряд ли приходится. И дело здесь не только в пенсионной реформе. «Горькое, но необходимое лекарство» было бы принято обществом с гораздо меньшими потерями, если бы этот процесс был «подслащен» столь же весомыми мерами, **напрямую** (а не когда-то там «вдолгую») ориентированными на решение главных проблем населения — преодоление бедности и социального неравенства. Вместо этого россияне увидели, как за ширмой дискуссий по поводу изменений в пенсионном законодательстве происходят менее видимые, однако всё так же «бьющие по карману» рядовых граждан реформы: повышение НДС, налог на покупки в интернет-магазинах, «пилотирование» налогообложения самозанятых, повышение тарифов на утилизацию твердых бытовых отходов и т.д.

<sup>35</sup> Об этом свидетельствует рост числа «самодостаточных» россиян, доля которых за период с 2011 по 2016 год увеличилась с 34 до 48%. При этом «самодостаточные» россияне — это люди, «которые не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность» (источник: Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 50).

<sup>36</sup> Протестный потенциал или политическая апатия? (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 4 мар. [http://www.ng.ru/editorial/2019-03-04/2\\_7523\\_red.html](http://www.ng.ru/editorial/2019-03-04/2_7523_red.html)

Таблица 2. Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население\* (в % от числа опрошенных)

Проблема	1999 г.		2000 г.		2007 г.		2012 г.		2018 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
<b>Инфляция</b>	<b>54,5</b>	<b>2</b>	<b>44,7</b>	<b>2</b>	<b>43,8</b>	<b>1</b>	<b>55,3</b>	<b>1</b>	<b>53,7</b>	<b>1</b>
<b>Низкий уровень жизни, бедность</b>	<b>57,1</b>	<b>1</b>	<b>50,8</b>	<b>1</b>	<b>40,4</b>	<b>2</b>	<b>43,2</b>	<b>2</b>	<b>51,1</b>	<b>2</b>
<b>Расслоение населения на «бедных» и «богатых»</b>	<b>21,3</b>	<b>9</b>	<b>27,7</b>	<b>7</b>	<b>31,0</b>	<b>4</b>	<b>37,5</b>	<b>3</b>	<b>35,9</b>	<b>3</b>
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	16,8	9	31,8	3	28,6	4	23,5	4
Политическая нестабильность	21,9	8	16,0	10	7,9	15	11,2	16	23,1	5
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	29,1	6	14,5	13	16,5	11	22,5	6
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,4	11	15,0	12	19,8	9	21,9	7
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	25,3	7	20,1	8
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	34,4	4	26,7	7	22,3	8	19,9	9
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства	33,4	5	36,9	3	30,2	6	25,5	6	19,0	10

\* Ранжировано по данным за 2018 г. Всего в опросе фигурируют 23 проблемы, в таблице представлена 10-ка самых актуальных в 2018 году.  
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

И это происходит на фоне всё более открытой демонстрации представителями власти своего пренебрежительного (если не сказать наплева- тельского) отношения к населению...<sup>37</sup>

В декабре 2018 г. Правительством РФ был разработан конкретный инструментарий реализации «майского указа» Президента – национальные проекты. Они не стали исключением из правил, а органично продолжили линию Послания и «майских указов» 2018 г.: в них отмечаются всё те же правильные посылы, амбициозные показатели, «размытые» инструменты достижения и всё те же ответственные лица. Но, самое важное то, что среди 12-ти нацпроектов, «главная задача которых, – по словам Президента, – реальные позитивные изменения в жизни каждого российского гражданина и каждой семьи»<sup>38</sup>, не нашлось места для проекта преодоления

<sup>37</sup> См., например: Шабуров А. «Государство вам не должно». Почему чиновники сменили тон в общении с народом // Информационный портал г. Бакал. 2018. 22 нояб. <http://vbakale74.ru/power/5223-gosudarstvo-vam-ne-dolzno-pochemu-chinovniki-smenili-ton-v-obschenii-s-narodom.html>

<sup>38</sup> Стенограмма выступления В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам 24 окт. 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894>

бедности и неравенства<sup>39</sup>, то есть не нашлось места для оформления законодательного и понятного широким слоям населения пути, плана, механизма, инструментов решения тех самых проблем, которые на протяжении последних 20 лет беспокоят людей прежде всего (табл. 2).

Более того, на фоне ухудшающейся статистики Росстата «в правительстве все громче раздаются призывы изменить методики расчета статистических показателей. Эти призывы касаются таких показателей, которые отражают ситуацию с самыми болезненными для населения проблемами: с уровнем бедности и динамикой доходов»<sup>40</sup>. По словам Т. Голиковой, «в короткий период нам предстоит по-новому осмыслить сами подходы к оценке бедности, к ее измерению, перейти на более современные стандарты»<sup>41</sup>. Как заявляет М. Орешкин,

<sup>39</sup> Борьба с бедностью идёт, но почему-то не в рамках нацпроекта (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 20.02. [http://www.ng.ru/editorial/2019-02-20/7513\\_2\\_red.html](http://www.ng.ru/editorial/2019-02-20/7513_2_red.html)

<sup>40</sup> Методологический кризис Правительства (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 14 мар. [http://www.ng.ru/editorial/2019-03-14/2\\_7530\\_red.html](http://www.ng.ru/editorial/2019-03-14/2_7530_red.html)

<sup>41</sup> Правительство разработает новые подходы к оценке бедности (из выступления Т. Голиковой на Гайдаровском форуме–2019) // <https://ria.ru/20190115/1549363040.html> // РИА-новости.

«снижение реальных располагаемых доходов населения — технический показатель... На самом деле доходы растут, это вопрос методологический»<sup>42</sup>. А. Силуанов отмечает: «Росстат — важнейшее ведомство, которое пользуется устаревшими технологиями и устаревшими инструментами. Организация нуждается в серьезном реформировании... Реальные зарплаты, которые составляют большую часть реальных доходов населения, как считается, более-менее понятно и достоверно. Что касается расчета реальных доходов населения, большие очень претензии»<sup>43</sup>.

По Росстату, за период после 2013 года численность бедных в стране увеличилась примерно на 26%: в 2013-м за чертой бедности находились 15,5 млн человек, в январе–сентябре 2018-го — 19,6 млн человек. Страна «отпраздновала» пятилетку падения реальных располагаемых доходов граждан — доходов, скорректированных на инфляцию и обязательные платежи. По уточненной оценке статведомства, доходы населения в 2018-м сократились на 0,3% в годовом выражении (с учетом единовременной выплаты от 2017-го). Теперь начался шестой год обнищания граждан. В январе, по Росстату, доходы населения сократились в годовом выражении на 1,3%<sup>44</sup>.

Таким образом, первый год нового политического цикла показал, что элиты «интеллектуально бессильны»<sup>45</sup>, и это требует «энергичных мер для восстановления слышимости»<sup>46</sup> между «глубинным народом» и Президентом. Однако, во-первых, устойчивый, уже многолетний рост числа россиян, требующих перемен, говорит о том, что рано или поздно эта тенденция во что-нибудь «выльется», и это

<sup>42</sup> Орешкин назвал снижение реальных располагаемых доходов населения техническим показателем // Новости ТАСС. 2017. 21 авг. <https://tass.ru/ekonomika/4496233>

<sup>43</sup> Силуанов обвинил Росстат в «ужасном качестве счета» реальных доходов // Новости РБК. 2018. 24 дек. / <https://www.rbc.ru/economics/24/12/2018/5c2118a39a7947e242a659c4>

<sup>44</sup> Методологический кризис Правительства (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 14 мар. [http://www.ng.ru/editorial/2019-03-14/2\\_7530\\_red.html](http://www.ng.ru/editorial/2019-03-14/2_7530_red.html)

<sup>45</sup> Носкович О. Как построить «долгое государство»? // Независимая газета. 2019. 18.03. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

<sup>46</sup> Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. [http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5\\_7503\\_surkov.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html)

означает, что даже у «глубинного народа» есть свой предел. Во-вторых, какая бы теория ни объясняла специфику сложных, многофакторных отношений, складывающихся между основными субъектами «долгого государства», есть объективные условия — конечность срока пребывания В. Путина на посту Президента и то самое «отставание» от развитых стран мира, о котором Президент говорил не иначе как о «главной угрозе и нашем главном враге», который будет «неизбежно усиливаться»<sup>47</sup>, если его игнорировать.

Прошел первый год из шести, оставшихся до президентских выборов, и из четырех — оставшихся до выборов в Государственную Думу. Касательно его итогов можно употребить фразу, которой эксперты ИС РАН охарактеризовали российское общество 5 лет назад: оно «разделено на две сопоставимые по численности группы»<sup>48</sup>. Только на этот раз не по своему отношению к настоящему и будущему России, а своему поведению, своим действиям, продиктованным существующими условиями жизни: те, кто имеет личные ресурсы или может рассчитывать на свое ближайшее окружение, пополняет ряды «самодостаточных» россиян, а те, кто не имеет такой возможности, продолжает ждать и надеяться на нравственную ответственность государства и Президента. Не потому, что теперь всё изменилось и повестка власти наконец-то стала конкретной и направленной на решение внутренних проблем, а потому что больше надеяться не на что.

### III. Фундамент «долгого государства».

Исторический опыт нашей страны показывает, что власть, опирающаяся исключительно на терпение народа, игнорирующая его потребности, неизбежно заканчивается и нередко финал истории становится крайне трагичным для них обоих. В этой связи говорить о том, что одной лишь сакральной связи «глубинного народа» с национальным лидером будет достаточно для того, что обеспечить долгое существование государства, выстроенного В. Путиным, вряд ли представляется возможным.

<sup>47</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

<sup>48</sup> Российское общество в контексте новых реалий: информационно-аналитическое резюме / ИС РАН. 2015. С. 3.

Безусловная личная заслуга и историческая роль Президента в том, что он выстроил каркас нового типа государства и сумел обеспечить его защиту от каких-либо внешних эффектов. Для этого было необходимо «ручное управление» всей государственной системой, и до поры до времени этого хватало, чтобы реализовать потребность людей в стабильности.

Однако сегодня, когда внутри страны потребность в стабильности стремится к нулю, а общество всё более остро реагирует на конкретные эпизоды, свидетельствующие о неэффективности государственного управления; когда факторы внешней геополитической среды вынуждают Россию совершать мощный и, главное, быстрый рывок в развитии, становится всё более очевидным, что усилий одного человека недостаточно для ответа на эти внутренние и внешние вызовы.

**Отсюда возникает необходимость поиска новых, более основательных элементов фундамента, способного обеспечить устойчивость российской государственности, созданной в 2000-х годах. Таких элементов, на наш взгляд, как минимум два.**

**Первый элемент** заключается в том, что в России накоплен значительный научный и научно-философский потенциал, который всегда исходил из приоритетности цели сохранения и укрепления российской государственности как на внешней, так и на внутренней политической арене и который одновременно открыто и регулярно указывает на низкий уровень эффективности государственного управления, предлагает конкретные практические меры по решению данной проблемы (что, впрочем, продолжает игнорироваться органами власти).

Случайно (а быть может, и нет), но в концепции В. Суркова нет ни слова об экспертном сообществе; в триаде «Президент – элита – «глубинный народ»», на которой покоится «долгое государство» В. Путина, ему не находится места. Что вполне объяснимо, ведь научные институты, согласно приоритетным ориентирам научно-технологического развития РФ, реализуют тот самый «решительный прорыв» и «ликвидируют отставание» в сфере высоких технологий, поэтому социогуманитарная наука, в русле которой возможно осуществление рефлексии происходящих в стране событий и процессов, находится на «втором плане».

В ближайшие 10–15 лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации следует считать те направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке, и обеспечат:

- а) переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям...
- б) переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике...
- в) переход к персонализированной медицине...
- г) переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству...
- д) противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам...
- е) связанность территории Российской Федерации за счет создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем...
- ж) возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы...<sup>49</sup>

В «долгом государстве» экспертное мнение, не совпадающее с точкой зрения и действиями правящих элит, может высказываться, но к нему никто не прислушивается. Ведь не находится места альтернативным точкам зрения на реализацию экономического курса ни на гайдаровском форуме, ни на Петербургском...

Между тем именно эксперты – не только ученые (экономисты, социологи), но и политики, общественные деятели и т.д. – указывают на уязвимость «долгого государства», задают острые, но необходимые вопросы и, что особенно важно, предлагают стратегические направления и конкретные действия, способные сделать так, **чтобы «долгое государство» основывалось не на одном лишь терпении «глубинного народа», а на взвешенных, научно обоснованных управленческих решениях, направленных на преодоление ключевых проблем, волнующих население (вкладка 3).**

<sup>49</sup> Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642) / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/>

**Некоторые оценки представителей экспертного сообщества (ранжировано по хронологии цитирования)**

<p>Фадеев В.А. Неравенство и бедность // Эксперт. 2019. № 4. С. 18-22.</p>	<p>«Нужна дискуссия, целью которой станет выработка решений по преодолению неравенства, повышению справедливости в обществе и, как ни парадоксально это покажется ортодоксальным экономистам, управляющим сегодня в России, как следствие, и по выходу на траекторию экономического развития... Такой общенациональный диалог, вскрывающий проблемы неравенства и несправедливости, не будет будоражить бунтарские настроения, а наоборот, будет способствовать созданию атмосферы доверия в обществе, доверия между властью и обществом. Он покажет, что власть не уклоняется от обсуждения самых животрепещущих, самых острых проблем, не пытается ускользнуть от этих проблем с помощью пропаганды, а готова вместе с обществом их решать».</p>
<p>Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. №2. С. 3-12.</p>	<p>«В пореформенной России промышленность производит деньги для акционеров, а не промышленную продукцию... Таким образом, в пореформенной России экономика промышленного производства замещается на «экономику услуг». В результате либеральных экономических реформ были созданы системные предпосылки для формирования в России «экономики услуг», суть которой не в производстве промышленной продукции, а оказании на ее основе, независимо от того, где и кем эта продукция произведена. Цель системы образования «экономики услуг» – подготовка потребителей и польвателей массовой промышленной продукции компаний-лидеров глобальных мировых рынков, а вовсе не подготовка кадров для промышленности науки и образования России... Необходимое условие вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира – возврат к экономике промышленного производства на основе диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса страны».</p>
<p>Бобков В.Н. Пенсионная реформа: простота тактических решений чревата стратегическим провалом // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 31–40.</p>	<p>«Весь спектр направленных на повышение уровня и улучшение качества жизни россиян возможных альтернативных решений, связанных с переводом российской экономики на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста (что предполагает системное совершенствование социально-трудовых отношений), проигнорирован властными структурами и не доводился до общественности. Возобладали простые, «арифметические» решения: сократить количество получателей пенсий и увеличить количество плательщиков Пенсионного фонда...Принято законодательство о повышении пенсионного возраста исходит из логики, связанной с принудительным включением в экономику дополнительных трудовых ресурсов из числа лиц старших возрастов и тем самым – с консервацией дешевой рабочей силы, созданием барьеров для роста производительности труда со снижением уровня и качества жизни. Это, очевидно, противоречит императиву современного социально-экономического прогресса. Если оценивать официально намеченный к достижению на 2024 г. среднемесячный размер трудовой пенсии по старости – 20 тыс. руб. через призму критериев принадлежности населения к социальным группам с разным уровнем жизни, становится очевидным: этот размер не позволит пенсионерам преодолеть границу низкой обеспеченности. Это, конечно, не тот рубезж, который следовало бы установить государству, намеренному обеспечить «прорывы» в социально-экономическом развитии страны».</p>
<p>Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 24.</p>	<p>«Неллишне напомнить наш исторический опыт. Он убедительно доказывает, что каждая «компраторская» реформа, начиная с приватизации собственности и либерализации цен, сопровождалась оглушительной канонадой словесной трескотни об общечеловеческих ценностях, свободе и демократии, скором благоденствии и процветании, заботе о благосостоянии людей. В действительности же каждая «реформа» являлась системной войной компраторского клана против народа и страны, оставляя после себя разруху, нищету, отсталость, потерю социальных завоеваний, закабаление и массовую смертность».</p>
<p>Гринберг Р.С. Пенсионная реформа как самодискредитация русского либерализма // Независимая газета. 2018. 24 сент. URL: <a href="http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html">http://www.ng.ru/scenario/2018-09-24/10_7317_pensii.html</a></p>	<p>«Налогообложение доходов индивидуальных предпринимателей устроено таким образом, что после достижения выручки в размере 300 тыс. руб. и более начинается зона снижения налоговых ставок, то есть чем больше вы зарабатываете, тем меньшая доля от вашего дохода передается в государственную казну. А если удастся заработать больше 18 млн руб. в год, вас ждет полное освобождение от участия в пополнении Пенсионного фонда. В общем, как говорится, деньги к деньгам. Но это как раз тот случай, когда вместо социального выравнивания происходит увеличение и без того социально опасного неравенства».</p>
<p>Белюсов А.Р. Выступление на Восточном экономическом форуме, г. Владивосток (11–13 сент.) // РИА-новости. 2018. 12 сент. URL: <a href="https://ria.ru/economy/20180912/1528347713.html">https://ria.ru/economy/20180912/1528347713.html</a></p>	<p>«Классную систему мы создали, при которой жулики и преступники чувствуют себя комфортно. То есть у нас получается так, что мы создали такую систему контрольно-надзорной деятельности, когда люди, которые занимаются незаконным предпринимательством, по которому, вообще-то говоря, есть уголовная статья, чувствуют себя комфортно, с ними ничего нельзя сделать».</p>

Глазев С.Ю. О бенефициарах проводимой экономической политики // Сайт Российской академии наук. 2018. 6 сент. <a href="http://www.ras.ru/digest/showidnews.aspx?id=14fb2029-3d9e-44e2-972c-8af4f8692e5a">http://www.ras.ru/digest/showidnews.aspx?id=14fb2029-3d9e-44e2-972c-8af4f8692e5a</a>	«У Центрального банка три основных инструмента денежной политики: процентная ставка, курс валюты и объёмы эмиссии денег. Так вот, руководство ЦБ поверило глупости из МВФ, который утверждает, что нельзя управлять этими тремя инструментами одновременно но... <b>Денежные власти находятся в плену самых нелепых догм, которые навязываются вашингтонскими финансовыми организациями туземцам, чтобы лишить их возможности самостоятельного развития.</b> Руководствуясь этими догмами, наши денежные власти лишили экономику кредита, без которого она развиваться не может. Студентов второго курса учат: число управляющих параметров должно соответствовать степеням свободы объектов управления. А Банк России бросает денежную систему на произвол судьбы, точнее, отдаёт её в руки валютных спекулянтов и придворных банкиров».
Обухова Е., Пахунов К., Ивантер А. Это реформа, детка! // Эксперт. 2018. № 26 (1080). 25 июня.	«Причин проводить столь жесткую по срокам изменения возраста выхода на пенсию реформу пока не видно. Наш анализ, кажется беспристрастный, показывает, что <b>экономика в этом случае может не только ничего не выиграть, но даже и проиграть – за счет роста расходов на льготные виды пенсий, безработицы и, главное, потенциального снижения фонда заработной платы – базы для формирования Пенсионного фонда.</b> »
Широв А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. № 24. 11–17 июня.	«Никаких разумных демографических аргументов для немедленного повышения пенсионного возраста у мужчин нет... Попытки решения фискальных задач на основе изменения параметров пенсионной системы несут <b>долгосрочные риски, главный из которых – подрыв доверия к социальной политике государства в обществе.</b> ... В целом при инерционном развитии экономики единственным способом сохранения роста уровня реальных пенсий является не просто повышение уровня пенсионного возраста, но и увеличение затрат на выплату пенсий по отношению к ВВП до уровней, характерных для стран Восточной Европы. Устранение дефицита бюджета ПФР при прочих равных условиях ведет к значительному снижению уровня жизни пенсионеров, а также негативно влияет на темпы роста экономики».
Катасонов В.Ю. «Очкастые козлы» доят комаров // Информационный портал «Россия новая». 2018. 28 мая. Режим доступа: <a href="http://russpov.ru/valentin-katasonov-ochkastye-kozyly-doyat-komarov-28-05-2018/">http://russpov.ru/valentin-katasonov-ochkastye-kozyly-doyat-komarov-28-05-2018/</a>	«У меня сложилось впечатление, что кто-то дирижирует всем этим <b>спектаклем под названием «Петербургский международный экономический форум».</b> И делается всё возможное и невозможное, чтобы привлечь внимание аудитории к закулисным, а иногда и не закулисным разборкам. Но это всё колесный спор, по большому счёту. Никаких серьёзных обсуждений ни на самом форуме, ни по поводу форума в интернет-пространстве я не нашёл... <b>Орешкин, Кудрин, Силуанов, да и вообще все чиновники обходят ключевые вопросы.</b> И крайне редко — и то не в центральных СМИ — эти вопросы обсуждаются. С момента формирования правительства прошло достаточно много времени, уже достаточно много признаков того, что правительство будет продолжать прежний либеральный курс. <b>Этот курс будет по-прежнему приводить к эрозиям остатков нашей экономики.</b> »
Ивашов Л. Борьбу с коррупцией надо начинать не с Дагестана, а с Кремля! // Портал Публицист.ру. 2018. 9 фев. Реж. дост.: <a href="https://publizist.ru/blogs/108984/23242/">https://publizist.ru/blogs/108984/23242/</a>	«Если посмотреть на наше правительство и на ряд арестованных губернаторов, давайте скажем прямо: ведь им отдавали регионы и труд их жителей на кормление. И радикальные меры, которые сегодня принимаются в Дагестане, аресты высоких чиновников — это, скорее всего, не системная борьба с коррупцией. Потому что коррупция начинается, увы, не в Дагестане, не на Камчатке и не в Ханты-Мансийском округе... Если предпринимать очищение от коррупции, то Путину <b>нужно начинать с Кремля, ибо все должностные лица, которые сегодня арестованы в Дагестане, именот покровительство именно в Москве.</b> »
Проханов А. Оборонное сознание. Враг у ворот // Газета «Завтра». 2018. 7 фев. Режим доступа: <a href="http://zavtra.ru/blogs/oboronomoe_soznanie_vrag_u_vorot">http://zavtra.ru/blogs/oboronomoe_soznanie_vrag_u_vorot</a>	«Сегодня у российского государства денег нет... Фонды пусты. Накопления истрачены. Деньги есть у миллиардеров, которые держат их в офшорных зонах и ценных бумагах Америки. Эти несметные богатства есть <b>результат бессовестной эксплуатации российского народа, поставленного на грань нищеты и вымирания.</b> Вернуть все эти деньги в Россию, направить их на развитие, обеспечить этими деньгами рынок — это насущная задача Кремля, задача Путина».
Фурсов А.И. Тот, кто победит — будет жить // Газета «Завтра». 2018. 22 янв. Режим доступа: <a href="http://zavtra.ru/blogs/elita_-_hhi">http://zavtra.ru/blogs/elita_-_hhi</a>	«Элита, которая ассоциирует себя с "Барвиха Luxury Village" и которая за эту "Барвиху Luxury Village", безусловно, сдаст всё, всё и проиграет... поэтому <b>самое главное, необходимое условие победы – элита должна ассоциировать себя с обществом, частью которого является.</b> »
Коротав С.А., Шкартан О.И. Постсоветская государственность и общество. Статья 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 70.	«Российской элите не присущи гражданственность и государственность в разрешении ситуации с бедностью большинства граждан, безразличие к судьбам отечественной экономики объясняется синдромом <b>быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении.</b> Такой ценностный "набор" во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления государственного управления».



Продолжение вкладки 3

<p>Горшков М.К. Телеэфир программы «Вечер с В. Соловьевым». 2017. 15.06.</p>	<p>«Чтобы оценивать эффективность работы чиновников, нужно вводить к сухим цифрам объективных показателей развития экономики показатели субъективного характера. Насколько высока степень удовлетворенности людей разными аспектами жизни: удовлетворены ли Вы уровнем жизни? Вашей зарплатой? Качеством здравоохранения? Образованиием, которое получают Ваши дети? Качеством досуга?...У нас 15 пунктов таких показателей. Их кто-то учитывает? Или кто-то интересуется? Если бы эти показатели были включены в общий объем государственной статистики, я боюсь, полновны чиновников не стало бы на своих местах».</p>
<p>Стариков Н.В. Пришло время принять Закон о созыве Конституционного собрания // Официальный блог Н.Старикова от 06.03.2017. Режим доступа: <a href="https://nstarikov.ru/blog/76003">https://nstarikov.ru/blog/76003</a></p>	<p>«Нас волнует вопрос: почему за 23 (!) года с момента принятия Конституции, до сих пор не был разработан и принят рабочий вариант важнейшего федерального конституционного закона? Текст самой Конституции был составлен и принят в считанные месяцы. Закон о Конституционном Собрании не принят до сих пор. У нас внезапно закончились грамотные юристы и специалисты по конституционному праву? Или вопрос в политической воле? Скорее всего - последнее...».</p>
<p>Реализация «Стратегии Роста» позволит России к 2035 году удвоить объем ВВП : интервью Б.Ю. Титова (20.02.2017) / Сайт Столыпинского клуба <a href="http://stolypinsky.club/">http://stolypinsky.club/</a> 2017/02/20/boris-titov-realizatsiya-strategii-tosta-rozvoilit-rossii-k-2035-godu-udvoit-obem-vvp/</p>	<p>«Сейчас Всемирный банк оценивает возможности роста российской экономики в 1,2% до 2025 года. Такие же оценки и в нашем правительстве. Мы считаем, что российская экономика не может развиваться с темпами 1% ВВП в год при средних темпах мировой экономики – 3%. Если у нас не будет 4%-6% роста, то это приведет к дальнейшей стагнации и Россия перейдет сначала во второй, а потом и в третий эшелон стран по экономике... Темпы роста менее 2-3% означают, что Россия может навсегда отстать от ведущих стран мира...».</p>
<p>Спицын Е.Ю. Лекция в «Политкафе» (Москва, 27 декабря 2016 г.) // Официальный блог Н.Старикова. Режим доступа: <a href="https://nstarikov.ru/blog/73788">https://nstarikov.ru/blog/73788</a></p>	<p>«Наши проблемы во всех сферах жизни – в экономике, в образовании, в здравоохранении и во внешней политике – во многом связаны с тем, что наше политическое руководство (и выше, и среднее звено), чиновники разного уровня, исповедуют двоемыслие, они сидят на двух стульях. Проводить политику, сидячи на двух стульях, нельзя. Рано или поздно эти стулья раздвинутся и можно грохнуться так, что костей не соберешь. И пока у нас с одной стороны есть некая патриотическая риторика, а с другой стороны проводится совершенно откровенный антипатриотический курс, то мы, конечно, далеко не уедем. Поэтому рано или поздно подобного рода вещи поставят перед нашим руководством эту дилемму: делать этот выбор (может быть, метафизический выбор) – каким же путем все-таки должна двигаться сегодняшняя страна?».</p>
<p>Болдырев Ю.Ю. Как либералы продавали России: «Крыса съест три зернышка, миллион провоняет» // Московский комсомолец. 2016. 8 дек.</p>	<p>«Игнорирование норм Конституции – вопрос исключительно к представителям копрадорской элиты, сознательно отдающим приоритет своим частным интересам в ущерб интересам российского общества. И вопрос к «центральной государственной власти – президенту и парламенту, в полномочиях которых всё».</p>
<p>Делягин М.Г. Либералы относятся к России как к котлете – объекту потребления // Электронная газета «Бизнес-онлайн». 2016. 9 нояб. Реж. дост.: <a href="https://www.business-gazeta.ru/article/327971">https://www.business-gazeta.ru/article/327971</a></p>	<p>«Президент должен заниматься стратегией, правительство должно заниматься хозяйством, а Банк России – финансовой системой. А вот то, что он, делегируя обязанности, не контролирует в должной степени их исполнение и даже мирится с хроническим саботажем своих же «майских указов», – не столько проявление гуманности, сколько глубокий порок всей нашей системы управления. Именно отсюда исходит угроза всему нашему будущему.</p> <p>Проблема экономики не в дешевой нефти или санкциях, а в том, что вся деятельность либералов, сидящих на ключевых постах в правительстве Медведева и в Банке России Набиуллиной, насколько можно судить по их действиям, подчинена задаче блокировать развитие нашей страны. И в целом, поскольку мы их терпим, им это удается...».</p>
<p>Гаганов А.А. Есть ли в России стратегическое планирование? / Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2016. 28 янв. <a href="http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie">http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie</a></p>	<p>«Закон о стратегическом планировании есть, но толку от него пока нет. Органы исполнительной власти заняты преимущественно тактическим решением острых проблем. Функция стратегического планирования реализуется бессистемно, на среднесрочную и краткосрочную перспективу, что не позволяет сделать действующими стратегическими инструментами управления. Отсутствие долгосрочного планирования привело к тому, что подавляющее большинство проблем во всех сферах жизнеустройства страны остались за последние десятилетие не решенными. Отсутствуют политические механизмы и институты, обеспечивающие ответственность органов исполнительной власти за результаты своей деятельности. Это негативно влияет на любую сферу государственного управления и, в частности, это тормозит развитие стратегического планирования».</p>

Окончание вкладки 3

<p>Сулашкин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). М.: Наука и политика, 2016. С. 669-670.</p>	<p>«Никаких существенных изменений в либеральной модели страны на протяжении многих лет, и даже кризисных 2014–2015 гг., не произошло. <b>Приверженность либеральной модели только подтверждается. Соответственно, деградационные процессы, переходящие в кризисные, также обретают форму устойчивого типа процессов.</b> Кадровая политика – предельно консервативна. Система рефлексии в управлении практически подавлена, управляющий центр оказался в построенной им самим ловушке недостоверной информации. Система исходных ценностей и целей, по-видимому, окончательно выдавила из своих перечней интересы страны в целом, большинства населения, устойчивости развития, позиционирования страны в мире, успешности в классическом наборе целей развития страны... Таким образом, стал более определенным новейший исторический процесс, в который погружена Россия. Исходя из его качественного видения, неудивительными становятся наиболее вероятные по данным исследования консервативные варианты. <b>Это сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития.</b>»</p>
<p>Полтерович В.М. Реформаторам науки недостает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 28-31.</p>	<p>«<b>Наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ. И одна из главных ошибок, которую они делают и повторяют от реформы к реформе, – использование так называемого метода шоковой терапии.</b> Так, проект закона от 28 июня 2013 года (о реформировании госакадемий) – типичная шоковая терапия. Цели этого закона не имели ничего общего с целями повышения уровня науки в России. Что мы получили, всем известно. Компромисс, который мы сейчас имеем, достигается в отчаянной борьбе, а не в процессе проектирования. Это ведет к колоссальным издержкам.»</p>
<p>Добренчиков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 26-55.</p>	<p>«Принимая во внимание экономическую неэффективность и социальную нелегитимность сложившейся на начало 2000-х годов структуры прав собственности, закономерно встает вопрос о возможном пересмотре итогов приватизации начала 90-х и их корректировке. Вместе с тем, очевидно, <b>что попытки пересмотра итогов приватизации натолкнутся на многие ограничения, связанные с доминирующей ролью в экономике России «капитализма для своих».</b> Институт нелегитимной собственности обеспечивает воспроизводство коррупционных властных отношений ограниченной группы лиц, а не устойчивое в долгосрочном периоде социально-экономическое развитие, экономический рост и модернизацию экономики.</p> <p>В самом общем виде мнение и специалистов, и экспертов, и оппозиции сводится к тому, что необходима Комплексная программа преодоления олигархических структур и властной элиты российской экономики... <b>«Капитализм для своих» в современной России выработал определенную систему базовых ценностей. Эту систему с известной степенью точности можно назвать антинациональной.</b> Необходимо отметить, что как субъект российской экономики бизнес элита новой формации выступает в основном в роли иностранных инвесторов. Нелегитимная собственность на территории России оформлена на иностранных юридических лица, преимущественно офшорные компании. Можно сказать, что ключевые субъекты правящего слоя осознанно апеллируют к ресурсу других государств как гарантов их интересов на политико-экономическом пространстве России... <b>Следование курсом «Капитализм для своих» ведет страну в тупик – лишает страну перспектив государственно-политического развития, ведет ее к отсталости, социально-политической деградации и государственному распаду.</b> Национальная задача состоит в лишении ключевых субъектов правящего слоя – современных олигархов и властной элиты – неоправданного влияния на развитие страны, коррупционного получения сверхприбылей, возможностей теневого влияния на государственные органы власти и управления на всех уровнях, а также политические партии, интеллектуальную среду, экспертное сообщество. Решение задачи изменения характера развития страны требует <b>кардинального усиления российского государства, отвечающего интересам его справедливого, динамичного и эффективного развития.</b>»</p>
<p>Большое Правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг». 2012. С. 2.</p>	<p>«Правящая элита России может быть описана в модели советского коллективного властного органа — Политбюро ЦК КПСС. Процесс властвования нацелен, в первую очередь, на поддержание сложившегося межклассового баланса... <b>Российская власть – это конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы.</b> И роль Владимира Путина в этой системе остается неизменной – это роль арбитра и модератора.»</p>
<p>Абалкин Л.И. Путь к успеху – системность и сотрудничество // Национальные проекты. 2007. №8 (15). С. 12-13.</p>	<p>«Нынешняя политика государства в области экономики и управления внутренне противоречива и недостаточно эффективна. Примеров множество. Пенсионный фонд, задуманный как источник «длинных» денег, оказался на дотации бюджета. «Монетизированные» льготы требуют для своего осуществления больше средств, чем прежде. Огромные валютные доходы не идут на стимулирование отечественного производства. При сокращении занятых в стране численность сотрудников аппарата управления выросла в два раза. <b>Чиновники узурпировали государственную власть и сделали ее источником получения незаконных средств... Нужно стратегическое мировоззрение, отличительная черта которого – приоритет системности над несоординированной чередой единичных мер.</b>»</p>

Эксперты обращают внимание на манипуляции со статистикой и пересмотры плановых показателей, что приводит к невыполнению Правительством поручений и «майских указов» Президента<sup>50</sup>. Ими доказано, что в пенсионной реформе, проведенной в 2018 году, не было необходимости, что она была реализована некорректно и, главное, — что она не принесет желаемого эффекта в виде повышения уровня жизни пенсионеров<sup>51</sup>. Они указывают на неработающий закон о стратегическом планировании<sup>52</sup> и превращение некогда второй экономики мира в «экономику услуг», полностью нацеленную на интересы «компаний — лидеров глобальных мировых рынков, а вовсе не на подготовку кадров промышленности, науки и образования России»<sup>53</sup>; на недопустимость подчиненности Росстата Министерству экономического развития<sup>54</sup> и категорически противоречащую национальным интересам деятельность Центрального банка РФ<sup>55</sup>; на социальное неравенство, значительно превышающее предельно критический уровень в России, что чревато «рисками функционирования социальных отношений», «угрозой перехода в состояние повышенной неустойчивости»<sup>56</sup>,

<sup>50</sup> Доклад проректора НИУ ВШЭ А. Жулина на пленарной сессии XVII Апрельской международной конференции // Новости НИУ ВШЭ. 2016. 22 апр. <https://www.hse.ru/news/science/181135658.html>

<sup>51</sup> Широков А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. № 24. 11–17 июня.

<sup>52</sup> Гаганов А.А. Есть ли в России стратегическое планирование? / Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). <http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie>

<sup>53</sup> Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 7.

<sup>54</sup> Ганзя В.А. Росстат должен стать независимым от исполнительной власти (14.01.2019). Реж. дост.: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/181747.html>

<sup>55</sup> Глазьев С.Ю. Политика Центробанка вреднее санкций // Сайт С.Ю. Глазьева 06.04.2019. <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/66501-politika-tsentrobanka-vrednee-sanktsiy>

<sup>56</sup> Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614; Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 5. С. 71–75.

и на протестный потенциал, долгие годы стабильно находящийся на угрожающе высокой отметке в 20%<sup>57</sup>.

Однако самое главное то, что, анализируя весь постсоветский период, нередко сравнивая его итоги с достижениями Советского Союза, разные эксперты приходят, по сути, к одному и тому же выводу: в «долгом государстве», созданном В. Путиным, выстроена неэффективная система государственного управления, поскольку властвующие в ней элиты имеют компрадорскую сущность<sup>58</sup>, недалеко ушедшую от «фантомной» сущности элит 90-х годов<sup>59</sup>. Для этих элит характерна имитация деятельности как «процесс, отражающий подмену деятельности во всех ее проявлениях; умышленная подделка, правдоподобие с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности»<sup>60</sup>. Они поглощены строительством «капитализма для своих»<sup>61</sup>, вместо того чтобы приводить ситуацию в стране в соответствие с 7 статьей Конституции РФ, в которой указано, что Россия — социальное государство<sup>62</sup>, на что также обращают внимание эксперты<sup>63</sup>.

Поскольку от Правительства (согласно статье 114 Конституции РФ) зависят разработка и исполнение федерального бюджета, а также обеспечение «единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения,

<sup>57</sup> Шейнис В.Л. Исторический транзит: российская драма // Независимая газета. 2017. 27.01. Режим дост.: [http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5\\_6914\\_drama.html](http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5_6914_drama.html)

<sup>58</sup> См. например: Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 10–24.

<sup>59</sup> Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. Ч. 1.

<sup>60</sup> Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс. 2012. № 12. С. 24.

<sup>61</sup> Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 30.

<sup>62</sup> Конституция РФ. Статья 7 // База данных «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100040,0&rnd=0.2480454526720497#08426057577392236>

<sup>63</sup> Лапин Н.И. Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 7.

экологии»<sup>64</sup>, оно не может рассматриваться как легкий раздражитель, во многом обеспечивающий своими непонятными для народа решениями сакральную связь и взаимопонимание общества с Президентом. **Практически все пункты «майского указа» и национальных проектов, по которым Россия до 2024 года должна осуществить решительный рывок и ликвидировать отставание от ведущих стран мира, являются полем деятельности и ответственностью не только Президента, но и исполнительной власти, поэтому ориентированность элит на национальные интересы — принципиальное условие, без которого невозможно существование «долгого государства».**

**И не менее принципиальное условие заключается в том, чтобы в процессе управления государством слышать и во многом ориентироваться на мнение компетентных людей, которое опирается на исторические факты, статистические сведения и математические расчеты.**

Если первым элементом фундамента, способного обеспечить существование «долгого государства», выступают экспертные оценки научного сообщества, то **второй элемент заключается в том, что в России накоплен значительный практический опыт эффективного государственного управления**, который необходимо экстраполировать на ключевые сферы, обеспечивающие динамичное развитие уровня и качества жизни людей; на те сферы, отставание в которых несет в себя прямую угрозу национальной безопасности.

Подает этот пример все тот же человек, на котором, по сути, и держится «долгое государство», — Президент РФ, осуществляющий руководство внешней политикой (согласно статье 86 Конституции РФ) и являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ (согласно статье 87).

**Ретроспективный взгляд на политическую карьеру В. Путина наглядно показывает, что личное вмешательство Президента в решение любой проблемы практически всегда заканчивается успешно и практически всегда происходит в интере-**

**сах широких слоев населения, в национальных интересах.** Это можно в равной степени отнести и к присоединению Крыма, и к запрету на отмену электричек.

Осуществляя руководство «силовым блоком», В. Путин еще до вступления в должность Президента с успехом преодолел «чеченский кризис»; позже были «приструнены» распоясавшиеся в 90-е гг. олигархи; восстановлен геополитический статус России как одного из главных центров многополярного мира; инициирована активная и долгосрочная борьба с коррупцией, не щадящая чиновников самого высокого уровня; полностью переконструирован внешний и внутренний облик российской армии и, что самое главное на сегодняшний исторический момент времени, — обеспечена безопасность внешних границ на ближайшее будущее, то есть фактически сделано всё для того, чтобы беспрепятственно решать насущные проблемы «внутри страны, в своем собственном доме»<sup>65</sup>.

Многие критики независимого курса внешней политики, реализуемого В. Путиным, смотрят на ситуацию совершенно иначе, ставя ему «в пик» рост русофобских настроений, экономические санкции и многие другие симптомы, явным образом свидетельствующие о том, что Западному миру (США и Европе) не по нраву сильный сосед рядом, и уж тем более такой, как Россия. Не меньше критики звучит в адрес того, что финансовые затраты на обеспечение обороноспособности страны (особенно когда она вступает в военные конфликты за пределами своей территории) могли бы быть направлены на решение социальных нужд, и тогда мы бы уже давно имели лидирующее положение по здравоохранению, образованию, науке...

Стоит, тем не менее, отметить, учитывая исторические отношения, сложившиеся между Россией и США, а также «инстинкт государственного могущества»<sup>66</sup>, характерный для менталитета обоих государств, что геополитическая уязвимость России, которой она

<sup>64</sup> Конституция РФ. Статья 114 // База данных «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100040,0&rnd=0.2480454526720497#08426057577392236>

<sup>65</sup> Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным 16 апр. 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261>

<sup>66</sup> Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 15.

Вкладка 4

Динамика статистических показателей, отражающих степень криминальности ситуации в стране

Показатели	Для справки: 1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение, в %		
								2000 к 1990 г.	2017 к 1990 г.	2017 к 2000 г.
Выявлено лиц, совершивших преступления, тыс. чел.	897,3	1741,4	1297,1	1111,1	1075,3	1015,9	967,1	194,1	107,8	55,5
Зарегистрировано преступлений – всего, тысяч:	1839,5	2952,4	3554,7	2628,8	2388,5	2160,1	2058,5	160,5	111,9	69,7
убийство и покушение на убийство	15,6	31,8	30,8	15,6	11,5	10,4	9,7	203,8	62,2	30,5
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	41	49,8	57,9	39,7	30,2	27,4	24,6	121,5	60,0	49,4
изнасилование и покушение на изнасилование	15	7,9	9,2	4,9	3,9	3,9	3,5	52,7	23,3	44,3
грабеж	83,3	132,4	344,4	164,5	72,7	61,5	56,9	158,9	68,3	43,0
разбой	16,5	39,4	63,7	24,5	13,6	11,4	9,1	238,8	55,2	23,1
кража	913,1	1310,1	1573	1108,4	1018,5	871,1	788,5	143,5	86,4	60,2
террористический акт, ед.	н.д.	135	203	31	8	25	37	н.д.	н.д.	27,4
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, тыс.	16,3	243,6	175,2	222,6	236,9	201,2	208,7	1494,5	1280,4	85,7
ДТП, тыс. случаев	96,2	52,7	26,6	26,3	26,7	22	21	54,8	21,8	39,8
из них повлекшие по неосторожности смерть	15,9	15,4	15,7	10,3	9,5	7,9	7,5	96,9	47,2	48,7
взятничество, тыс.	2,7	7	9,8	12	13,3	10	6,3	259,3	233,3	90,0
число преступлений экономической направленности, ед.	н.д.	80931*	276435	202454	108754	105087	109463	н.д.	н.д.	39,6**
число лиц, совершивших преступления экономической направленности, чел.	н.д.	47247*	101728	64593	46952	47328	47134	н.д.	н.д.	46,3**
число потерпевших, чел.	н.д.	2095500	2809200	1785200	1699000	1544200	1417400	н.д.	н.д.	67,6
число содержащихся в местах лишения свободы, тыс. чел.	н.д.	925,1	823,4	819,3	639,9	630,1	602,2	н.д.	н.д.	65,1
число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, тыс. чел.	162,7	195,4	154,7	78,5	61,8	53,7	45,3	120,1	27,8	23,2
число несовершеннолетних, совершивших преступления, тыс. чел.	153,2	177,9	150,0	72,7	56,0	48,6	42,5	116,1	27,7	23,9
число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, тыс.	257,9	651,5	517,4	530,7	688,8	674,9	650,6	252,6	252,3	99,9

\* До 2005 г. – число преступлений / лиц, совершивших преступления в сфере экономики.

\*\* Изменение к 2005 г.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Вкладка 5

Динамика субъективных оценок населения в отношении уровня безопасности и деятельности полиции (данные по Вологодской области, в % от числа опрошенных)

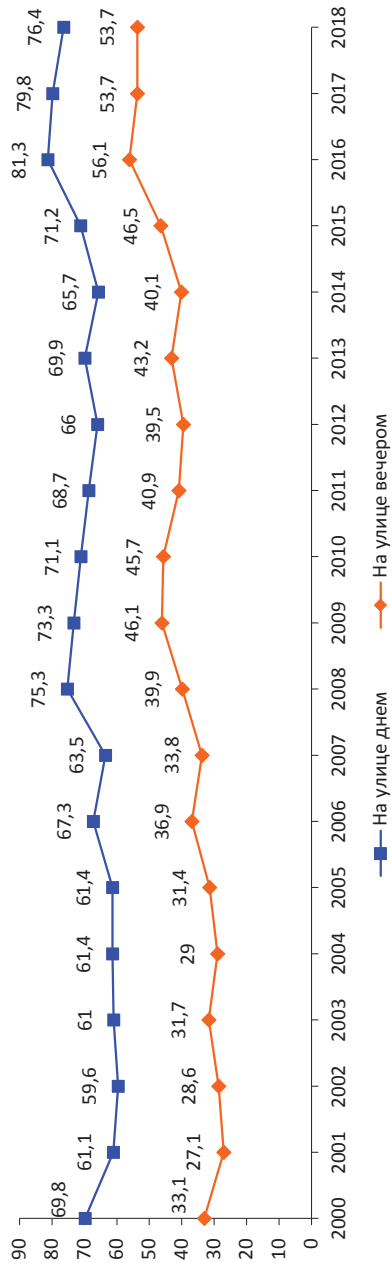


Рис. 1. Чувствуете ли Вы себя в безопасности в настоящее время? (вариант ответа «да и скорее да, чем нет», в % от числа опрошенных)

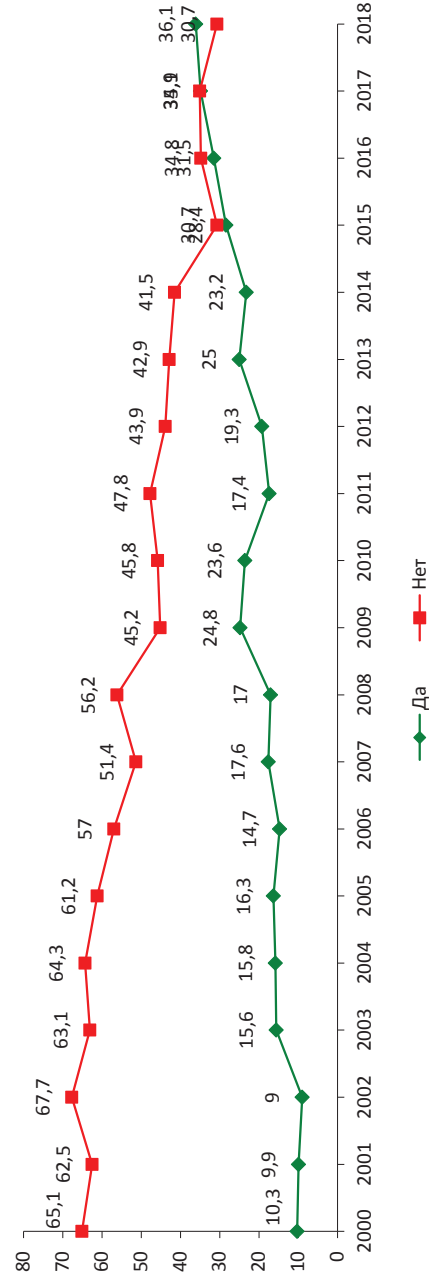


Рис. 2. Считаете ли Вы, что полиция в настоящее время может справиться с преступностью? (в % от числа опрошенных)

обладала в 1990-е годы (как в плане курса внешней политики, так и в плане морально устаревшего ВПК), делала вероятным абсолютно любой сценарий ее будущего. В том числе и самый катастрофический.

Выдающиеся достижения и действительно прорывной характер, с которым была фактически «с нуля» переконструирована российская армия, включая не только передовое вооружение, но и, прежде всего, боевой дух и престиж военной службы, сложно подвергнуть сомнениям. Это в полной мере доказывают и эффективное участие России в военных кампаниях за пределами страны, и конкретные эпизоды героических подвигов простых людей, которые, разумеется, были бы невозможны без искренних и высоких чувств по отношению к Родине.

Однако не менее впечатляющий эффект от преобразования силового блока можно наблюдать и в гражданской жизни. На протяжении всего периода с 2000 по 2017 г. в России отмечалось устойчивое снижение уровня преступности, включая различные виды тяжких правонарушений (убийства, разбойные нападения и т.д.) и преступлений экономической направленности (вкладка 4).

Не менее показательны субъективные оценки населения, наглядно свидетельствующие о том, что в период с 2000 по 2018 г. люди стали чаще ощущать себя в безопасности на улице. В частности, по причине значительного роста (с 10 до 36%) уверенности в том, что полиция способна справиться с преступностью (вкладка 5).

В структуре наиболее актуальных проблем, волнующих население, такие из них, как «высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганство», опустились с 3 на 10 место (обеспокоенность данными проблемами в 2000 г. выражали 37% жителей региона, в 2018 г. — 19%; табл. 1).

**Таким образом, в России накоплен значительный опыт того, что могло бы послужить фундаментом для будущего «долгого государства». Проблема в том, что этот опыт не распространяется дальше самого себя, чему препятствуют компрадорские интересы правящих элит, и именно в этом (а вовсе не в «некоторых мероприятиях» с**

**«отстраненным» участием «глубинного» народа<sup>67</sup>) проявляется их реальное воздействие на настоящее и будущее России.**

**Формально перед Президентом нет никаких преград для того, чтобы ликвидировать «интеллектуальное бессилие»<sup>68</sup> правящих элит. Статья 83 Конституции РФ дает ему право назначать Председателя Правительства, выдвигать кандидатуру на должность Председателя Центрального банка, принимать решения об отставке министров и т.д. Однако для этого необходимо проявить политическую волю: «перевернуть страницу»<sup>69</sup> и «принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения»<sup>70</sup>.**

#### **IV. Перспективы будущего «долгого государства».**

С концептуальными положениями, выдвинутыми В. Сурковым в статье «Долгое государство В. Путина», можно соглашаться или спорить. Точно так же, как можно дискутировать по поводу мотивов, побудивших его к публикации столь резонансной по содержанию статьи.

На наш взгляд, важно подчеркнуть другое: статья Суркова обнажила два крайне острых вопроса, которые, по большому счету, были актуальны на протяжении всего постсоветского периода, но сегодня их острота усилилась настолько, что они уже не могут игнорироваться, и, судя по всему, осознание этого есть и в Кремле.

**Первый вопрос связан с необходимостью глубокой рефлексии и понимания культурно-исторического движения России: откуда идет «долгое государство» В. Путина? К чему оно движется? И к чему оно должно двигаться?** Эти вопросы тесно связаны с вопросом о разработке концепции государственной идеологии, которой в России не может быть, т.к. статья 13 Конституции РФ гласит, что «никакая идеология не может уста-

<sup>67</sup> Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. [http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5\\_7503\\_surkov.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html)

<sup>68</sup> Носкович О.И. Как построить долгое государство? // Независимая газета. 2019. 18 мар. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

<sup>69</sup> Выступление В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 9 февраля 2012 г.

<sup>70</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

навливаясь в качестве государственной или обязательной»<sup>71</sup>. Потребность в решении этих ключевых вопросов для существования и развития государства и общества уже давно высказывали эксперты<sup>72</sup>, однако если раньше это были лишь их предостережения, то **сегодня коренным образом изменились объективные условия – потребности общества, его запросы, ценности, требования к власти**. Это и вынуждает государство так или иначе реагировать на данную проблему, в том числе посредством статьи В. Суркова.

**Второй вопрос является еще более конкретным и острым. Поскольку выстроенная в постсоветский период система «долгого государства» целиком и полностью заиклена на конкретном человеке – Президенте РФ, возникает вопрос о том, что будет после В. Путина.** Необходимость ответа на него очерчена конкретными и предельно краткосрочными временными рамками – 2024 годом (а по некоторым оценкам и 2021-м – годом парламентских выборов<sup>73</sup>).

**Истина Путина в том, что на будущее его контроль не распространяется.** Государственную идею он не утвердил, институционального выражения своему курсу не придал, новой государственной элиты не учредил, стратегического пути России не сформулировал. Он говорил и делал разные вещи, некоторые успешные и феерически позитивные, спасительные, другие полностью провальные и глубоко ошибочные. Баланс этих плюсов и минусов можно складывать по-разному. На мой взгляд, положительных элементов намного больше в целом, нежели отрицательных. Путин спас Россию, зависшую над бездной, вернул её в историю. Это превосходно. Но **ни один из его успехов не достиг точки необратимости**. Все они будут поставлены под вопрос после его конца<sup>74</sup>.

<sup>71</sup> Конституция РФ, ст. 13. п. 2. <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

<sup>72</sup> См. например: Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. С. 6, 12; Нам обязательно надо менять Конституцию!: интервью Н. Старикова, 20 июля 2014 г. Реж. дост.: <https://www.youtube.com/watch?v=ZSe6kFB-OQ8>

<sup>73</sup> Гурова Т., Скоробогатый П. Люди слишком самостоятельные, чтобы их можно было купить за грант (интервью с председателем Общественной палаты РФ В.В. Фадеевым) // Эксперт. 2019. № 1–3. С. 59.

<sup>74</sup> Дугин А. Путин или Сверх-Путин // Официальный сайт Изборского клуба. 2019. 12 фев. <https://izborsk-club.ru/16492>

Как отмечают некоторые эксперты, «Путину безраздельно принадлежит политическое настоящее России, но на будущее, которое наступит сразу после него, он не окажет никакого влияния»<sup>75</sup>.

**Таким образом, реальная проверка «долгого государства» В. Путина заключается не столько в текущих «стресс-тестах» (с которыми успешно справляется не система государственного управления, а скорее сам Президент), сколько в том, как оно сможет обходиться без него.**

Ответ на этот вопрос статья В. Суркова, в принципе, дает, но он не выглядит убедительным. Автор в основном описывает настоящее и объясняет, почему так терпелив российский народ. Однако в контексте внутренних и внешних вызовов, перед которыми стоит сегодня «долгое государство» В. Путина, этого объяснения явно недостаточно.

Хроническая недееспособность постсоветского государственного руководства в области народного хозяйства, сполна проявляемая в системном кризисе, деиндустриализации и научно-технологической отсталости, возникла не на пустом месте, а порождена компрадорской экономической системой, гибельность которой для России давно уже ясна и не требует доказательств.

Выкачивание и офшоризация компрадорской ренты, трансформация российской собственности в нероссийскую, превращение национального богатства в транснациональное – все это несовместимо с подъемом производительных сил нашей страны и качества жизни трудящегося большинства<sup>76</sup>.

**Устойчивый рост доли россиян, требующих перемен, говорит о том, что «глубинный народ» ждет от главы государства решительных действий по выполнению предвыборных обещаний, маркером которых являются реальные изменения в уровне и качестве жизни. От того, насколько эти изменения будут ощутимы для широких слоев населения, зависит главное, на чём держится «долгое государство» В. Путина – качество**

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 19.



сакральной связи между народом и Президентом: его успешные действия укрепят эту связь, неуспешные (как показывают данные социологических опросов последних месяцев) – могут привести к очень быстрой утрате доверия и субъективному причислению главы государства к тем, кто проявляет не только интеллектуальное, но и волевое бессилие.

С момента внесения законопроекта о пенсионной реформе в Государственную Думу уровень одобрения деятельности Президента снизился в Вологодской области (по данным ВолНЦ РАН) на 14 п.п. (с 70% в июне 2018 г. до 56% в апреле 2019 г.), в целом по России (по данным ВЦИОМ) – на 8 п.п. (с 73 до 65%)<sup>77</sup>.

Кроме того, многочисленные последствия «олигархического капитализма» и «интеллектуального бессилия» властвующих элит (в экономике, политике, социальной сфере и т.д.) носят объективный характер, что не позволяет сбрасывать их со счетов, потому что именно они являются причиной «нашего главного врага – отставания» и при дальнейшем игнорировании это отставание будет только усиливаться, становясь всё более ощутимой угрозой для национальной безопасности.

«Долгое государство», созданное В. Путиным, насколько долговечная, настолько же и хрупкая конструкция, поскольку она не готова к значительным трансформациям системы государственного управления, а без этой трансформации невозможна реализация столь амбициозных планов, которые были заявлены Президентом в 2018 году. Недавний исторический опыт свидетельствует о том, что даже такая «политическая машина», как Советский Союз, буквально рушится, если оказывается неспособной адаптироваться к быстрым изменениям объективных условий и общественных потребностей. На те же грабли рискует наступить сегодня «долгое государство»

В. Путина, если оно и далее будет основываться исключительно на его личностных качествах и на безграничном терпении «глубинного народа».

«Скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх», причем «изменения в мире носят цивилизационный характер»<sup>78</sup>. Этот процесс идет слишком быстро для того, чтобы успевать за ним, осуществляя лишь «косметические перемены» в рамках закостенелой системы фактически четвертьвековой давности.

Кто мы? Откуда мы пришли? Куда идем? Эти вопросы никогда не оставляли в покое думающую часть нашего общества. Ведь мы – главная страна транзита. Транзита минеральных ресурсов, товаров, но, что более важно, людей и, что еще более важно, идей. Чтобы дальнейший транзит нашей национальной идеи продолжился, власть должна внимательно и бережно относиться к главным ресурсам нашего народа – уму и совести. Все мы помним лозунг советских времен: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». У власти должна быть честь, чтобы ум и совесть народа имели будущее<sup>79</sup>.

Тем не менее наличие двух ресурсов, о которых нет упоминания в статье В. Суркова (накопленный научный потенциал и позитивный опыт государственного управления ВПК), позволяет со сдержанным оптимизмом смотреть в будущее: с надеждой, потому что потенциал этих факторов огромен, и с тревогой, потому что для его высвобождения требуется не только глубокое интеллектуальное понимание необходимых стратегических решений, но и конкретные политические действия Президента РФ В.В. Путина – необходимое условие для создания действительно прочного «долгого российского государства», продолжающего свою тысячелетнюю историю.

<sup>77</sup> Подробнее об этом см. в рубрике «Мониторинг общественного мнения» нашего журнала (с. 238–245).

<sup>78</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

<sup>79</sup> Латыпов Н. Транзит власти или власть транзита // Независимая газета. 2019. 1 апр. [http://www.ng.ru/ideas/2019-04-01/8\\_7545\\_transit.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-04-01/8_7545_transit.html)

## Литература

1. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-614.
2. Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. №5. С. 71-75.
3. Сулакшин С.С. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). М: Наука и политика, 2016. 712 с.
4. Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 6-18.
5. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40-53.
6. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. 55 с.
7. Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В. Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 5-18.
8. Российское общество в контексте новых реалий: информационно-аналитическое резюме / ИС РАН. 2015. 58 с.
9. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642) / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/>
10. Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства / Экономист. 2019. № 2. С. 3-12.
11. Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 5. С. 71-75.
12. Губанов С.С. Пенсионное обострение: что оно означает и во что выльется // Экономист. 2018. № 9. С. 10-24.
13. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. Ч. 1. 668 с.
14. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс. 2012. № 12. С. 23-36.
15. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 26-55.
16. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3-11.
17. Бобков В.Н. Пенсионная реформа: простота тактических решений чревата стратегическим провалом // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 31-40.
18. Коротаев С.А., Шкаратан О.И. Постсоветская государственность и общество. Статья 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 59-74.
19. Полтерович В.М. Реформаторам науки не хватает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 28-31.
20. Абалкин Л.И. Путь к успеху – системность и сотрудничество // Национальные проекты. 2007. № 8 (15). С. 12-13.
21. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 160 с.
22. Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.

### Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: [ilin@vscc.ac.ru](mailto:ilin@vscc.ac.ru))

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: [379post@mail.ru](mailto:379post@mail.ru))

Ilyin V.A., Morev M.V.

### “Intellectual Feebleness” of the Ruling Elites and the “Deep People” of the “Long State”

**Abstract.** In 2018, Russian society faced a contradiction, caused by the discrepancy between the official political rhetoric and the real actions of the Government. Instead of the priorities stated in the President’s Address to the Federal Assembly and in the “May decree” (reducing poverty twofold, Russia’s joining the top five economies of the world, etc.), the society was faced with the need to take a “bitter medicine” in the form of raising the retirement age. Moreover, the news about the changes in pension legislation reached the general public just after the inauguration of the President (the inauguration took place on May 7, 2018, and the draft law on the pension reform was submitted to the State Duma on June 16). The initial reaction to the pension reform was adamantly negative: according to the surveys conducted by the Public Opinion Foundation, almost 80% of Russians were against the reform. Over the following months, a wave of protests swept across the country and stopped only after Vladimir Putin made an official appeal to the Russian people on August 29 and explained that the pension system has to be reformed; he proposed some adjustments that would soften some conditions of the reform for certain population groups. However, despite the fact that the visible signs of public discontent (protests, critical articles, etc.) are gradually fading, the level of people’s support for the authorities, including the President of the Russian Federation, continued to decline; fundamental changes began to take place in the public consciousness, and such changes are of a long-term nature. This fact proves that the pension reform only triggered a more profound internal discontent that has been accumulating over the last years. Thus, at the beginning of 2019, the fundamental question concerning the legitimacy of power in Russia became one of the most pressing and urgent for society and authorities with regard to actual implementation of the tasks set out in the “May Decree”, qualitative growth of the standard of living and, by and large, preservation of the Russian statehood. A deep and ideologically saturated article of V. Putin’s personal adviser V. Surkov, which was published in February 2019, addresses this very issue (as some experts think), and it has caused a wide resonance in the academic, political and social environment. The following materials present our views on Surkov’s article and on a significant set of issues raised in it. The conclusions we come to are supported not only by the results of our own studies of the long-term dynamics of public opinion, but also by expert assessments, which largely reflect the real situation in the country.

**Key words:** “long state”, “deep people”, public opinion, public administration efficiency, President.

### Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: [ilin@vscc.ac.ru](mailto:ilin@vscc.ac.ru))

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: [379post@mail.ru](mailto:379post@mail.ru))

# СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2

УДК 330.3, ББК 65.012.3

© Сухарев О.С.

## Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций\*



**Олег Сергеевич  
СУХАРЕВ**

Институт экономики Российской академии наук  
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32  
E-mail: o\_sukharev@list.ru

**Аннотация.** Целью исследования выступает определение влияния структуры инвестиций в технологии на изменение уровня технологичности экономики, что необходимо учитывать в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Методология исследования включает структурный и эмпирический анализ распределения инвестиций между новыми и старыми технологиями, эконометрические модели уровня технологичности и отдельно инвестиций в новые и старые технологии, прошедшие процедуру обоснованного отбора согласно принципу наилучшей достоверности, а также включает формулировку общих принципов и обоснование целей технологического развития для среднесрочной и долгосрочной перспективы. Структура технологий определяет потенциал технологического развития и его динамику и складывается в силу реализации среднесрочных и долгосрочных целей, поиска ответов на конкурентные вызовы. Результатом является подтверждение влияния структуры инвестиций на общий уровень технологичности экономики, различной чувствительности инвестиций в новые и старые технологии к изменению риска и процентной ставки. Для российской экономики анализ, проведенный по двум секторам – обрабатывающему и транзакционно-сырьевому, показал, что с ростом процентной ставки инвестиции в новые технологии сокращаются сильнее, чем в старые технологии, уровень технологичности снижается. Поэтому задача технологического обновления в российской экономике может быть решена с учётом мер снижения риска в обрабатывающем секторе и применением дифференцированной процентной ставки в секторальном разрезе, с обеспечением её общего понижения. С применением таксономического метода анализа выделены (на теоретическом уровне) основные модели технологического развития по характеристике складывающейся

\* Статья подготовлена в рамках исследований по гранту РНФ на выполнение фундаментальных и поисковых научных исследований по теме «Исследование возможностей долгосрочного научно-технического развития экономики в условиях глобальных технологических сдвигов и кризисов». Руководитель гранта – С.Ю. Глазьев, академик РАН, советник Президента РФ.

**Для цитирования:** Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 36-55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2

**For citation:** Sukharev O.S. Technological development: investment structure impact. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 36-55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2

структуры инвестиций в новые и старые технологии. Это позволяет конкретизировать меры экономической политики в аспекте влияния распределения инвестиций на технологический уровень, а также их динамики, то есть оценить вклад инвестиций в различные типы технологий в общий темп экономического роста.

**Ключевые слова:** технологии, инвестиции в новые и старые технологии, среднесрочные и долгосрочные цели технологического развития, вызовы и ответы в развитии техники, алгоритм формирования целей развития.

### 1. Введение. Постановка задачи и методология исследования

Технологическое развитие характеризуется значительной нестабильностью. Современные экономические изменения связаны с деформацией ранее принятых и установленных норм, скоростными изменениями институтов и технологий. Институциональная нестабильность резко возрастает [1–10]. Однако в чём причины таких изменений?

Во-первых, расширяющееся научное и технологическое разнообразие, быстрая передача знаний и опыта на большие расстояния с обучением значительного числа людей позволяют за короткий промежуток времени реализовать то или иное решение, вырваться вперёд в конкурентной гонке.

Во-вторых, знания и базирующиеся на них новые технологии, с одной стороны, расширяют возможности, но, с другой стороны, порождают высокую неопределённость по поводу перспектив экономических отношений и развития. Эта неопределённость повышает риски ведения хозяйственных дел [11–15].

В рамках современной теории экономического роста и развития, агрегированные модели не учитывают структурные аспекты динамики технологий, особенно влияние макропараметров экономики на изменение технологического уровня [2, 3, 8–10, 14, 15]. Среднесрочные и долгосрочные цели технологического развития также требуют алгоритмов согласования в рамках единой системы государственного планирования, потому что без подобных процедур будет затруднён процесс выбора приоритетов, особенно если не учитывается состояние сложившейся технологической структуры, меры стимулирования развития технологий могут привести к увеличению диспропорций в экономическом развитии.

Если в среднесрочном периоде имеет значение безопасность и повышение эффективности

использования имеющегося технологического задела, то в долгосрочном периоде целью выступает смена технологического уклада, как способа воспроизводства, базирующегося на совокупности передовых технологий, отличающихся от предыдущего класса технологий более высокой эффективностью.

Связь среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития может быть изучена посредством анализа структуры «старые–новые»<sup>1</sup> технологии [2, 3, 12, 13], что можно осуществить, решая задачу распределения инвестиций между этими технологиями с учётом влияния отдельных макропараметров, таких как риск ведения хозяйственной деятельности<sup>2</sup> и процентная ставка. Далее проведём анализ различий целей технологического развития, с установлением возможных алгоритмов проектирования таких целей в рамках общего подхода к планированию, с дальнейшим исследованием влияния инвестиций в новые и старые технологии, а также риска ведения экономической деятельности в секторах и процентной ставки на технологический уровень. В качестве методов исследования используем сопоставительный эмпирический анализ, эконометрическое моделирование (с отбором наиболее значимой статистической связи параметров).

<sup>1</sup> Инвестиции в новые технологии – затраты на технологические инновации. Инвестиции в старые технологии – разница между инвестициями в основной капитал и затратами на технологические инновации (источник: рассчитано по: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/science\\_and\\_innovations/science/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#) и [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#)).

<sup>2</sup> Риск определяется как среднее квадратическое отклонение прибыли по: сборник Росстата «Россия в цифрах» за 2006–2017 гг., раздел «Финансовая деятельность предприятия». В качестве интервала для исследования был взят период 2005–2016 гг., за который имеется статистическая информация, необходимая для построения моделей, за ранний период информация отсутствует.

## 2. Различие целей технологического развития во времени

Общая цель и смысл технологического развития в том, чтобы создать такой способ воздействия на ресурс, объект, систему, который был бы более эффективен экономически, чем существовавший прежде. Либо создать такой способ, который до сих пор в принципе отсутствовал, но нужен, так как позволяет экономить время и ресурсы, либо создавать новые виды благ, услуг и т.д. [2, 3, 14–17]. Тем самым на создание новой технологии требуется метод, который имеется в распоряжении на текущий момент, – старая технология. Её возможности, а также получение нового знания формируют потенциал создания новой технологии как способа воздействия. Эта новая технология может модернизировать старую технологию, полностью или частично её вытеснив (процесс идёт по технологическому ядру [11, с. 282–283]), либо заменить лишь технологическую периферию, усовершенствовав старую технологию, придав ей обновлённый вид. Поэтому возможности технологического развития, достижимость целей этого развития сильно зависят от располагаемого технологического базиса, потребностей производства, состояния спроса, структуры рынка, а также возможностей науки создавать новое знание, обеспечивать прикладные разработки с тем, чтобы в дальнейшем они внедрялись, составляя основу для усовершенствования применяющихся технологий и создания новых [3].

Долгосрочную перспективу технологического развития оценить не просто. Например, по технологическим укладам оценку седьмого или восьмого уклада на сегодня трудно осуществить, поскольку предугадать доминирование каких-то технологий через 50 или 100 лет – это область футурологии. Экономическая наука, несмотря на высокое значение неолшумпетерианской школы, развивающей идею технико-экономических парадигм и технологических укладов, сегодня не в состоянии точно сказать, какие виды технологий будут доминировать через указанное время.

Можно представить долгосрочные цели в области технологий как цели сохранения цивилизации, продления самой жизни на планете Земля. Если планы могут влиять на развитие, провоцируя динамику по той или иной траектории, то важно не развиваться по хреодной

траектории<sup>3</sup>. Однако самая хреодная траектория в долгосрочном периоде – это потеря жизненных сил цивилизации и/или её смерть в силу войны либо исчерпания биоразнообразия, ресурсов, климатических катастроф и др. Экономика в технологическом смысле должна быть так организована, чтобы именно этот аспект был предотвращён в долгосрочном периоде.

Чтобы достичь среднесрочных целей развития, требуется анализировать текущее состояние экономики и технологий, определять приоритеты, причём, в идеале, не нормативно, а исходя из ресурсных возможностей и задач экономического развития, детерминируемых системой вызовов и угроз.

В таком случае вызовы нужно уметь точно определить, как и угрозы развитию, предусмотрев методы элиминирования угроз, снижения возможного ущерба и подготовки ответов на вызовы. Ответы на вызовы – это система мер, которая предвосхищает угрозу и ущерб, так как если вызов ликвидирован и получен ответ, то угроза не состоится и ущерб не будет нанесен. Здесь сталкиваемся с «технологическим парадоксом», когда развитие технологий требует совершенной технологии принятия решений и осуществления государственной научно-технической и научно-образовательной политики, которые бы способствовали технологическому развитию, а не выступали сами для него вызовом, на который требуется искать обоснованный ответ.

Таким образом, обобщая, отметим, что среднесрочные цели технологического развития – это подготовка ответов на текущие вызовы в области технологий, безопасности государства, что требует установки приоритетов, очерёдности и объёма инвестиций по направлениям технологического развития (приоритетам), отраслевым направлениям, формирования плана модернизации экономики. Обычно на коротком и среднем интервале времени технологическая карта и направления совершенствования в ближайшем будущем понятны, только требуют уточнения отдельные сочетания, позиции, приоритеты. Так, шестой технологический уклад – это нанотехнологии, био-

<sup>3</sup> Термин «хреодная траектория» в институциональной экономической теории означает «неэффективная траектория развития», от которой бывает трудно отказать.

технологии, робототехника, искусственный интеллект и т.д. Однако важно понять, какими станут нанотехнологии, роботы, искусственный интеллект и какие технологии способны породить на следующем этапе развития. Только так можно будет что-то сказать о возможностях седьмого, восьмого укладов и далее. Например, с инженерной точки зрения названные технические системы – роботы, искусственный интеллект, компьютерные программы – это вспомогательные технологии. А седьмой или восьмой уклады будут, например, характеризоваться экологическими технологиями, или технологиями спасения живой природы и леса либо выращивания новых видов растений и размножения людей-клонов (генная инженерия). Многие виды старых технологий, уже составляющих базис и стандарт обработки металлов, – сохранятся. Они могут быть многократно улучшены за счёт нанотехнологий. Технологии получения и, что важно, распределения, транспортировки энергии – вот что, на наш взгляд, может и должно измениться, чтобы человеческое общество вступило в эру новой технологической революции.

Таким образом, долгосрочные цели технологического развития – это поиск новейших технологий на кардинально ином принципе, затрагивающих базовые процессы создания благ и преобразования ресурсов, а также управления обществом.

В качестве долгосрочных целей развития технологий могут выступать:

- экологические технологии;
- технологии сохранения или восстановления исчерпаемых ресурсов либо замены на использование неисчерпаемых ресурсов;
- трансгенные технологии;
- биокommunikация;
- технологии сохранения разумной жизни на планете.

Безусловно, эти цели не могут быть не связаны с технологическими задачами развития цифровых систем, электроники, нанотехнологий, робототехники, искусственного интеллекта, новых автоматов, полностью автоматизированных (автономных) систем, генетики и т.д.

Тем самым имеются исходная технологическая база и перспективные направления развития, которые основываются на уже созданном технологическом и научном заделе.

Условия функционирования рынков и стран в мировой системе детерминируют возможности технологического обновления. Выделим три элемента, задающие силу этим условиям:

1) общественно-политическое устройство стран и мировой системы, диктующее модель превосходства в экономической политике, которое требует превосходства по технологиям;

2) достижение превосходства определяется ресурсами, уровнем науки и техники (технологиями, включая социальную организацию), исторически сложившимся статусом и достигнутым уровнем развития страны;

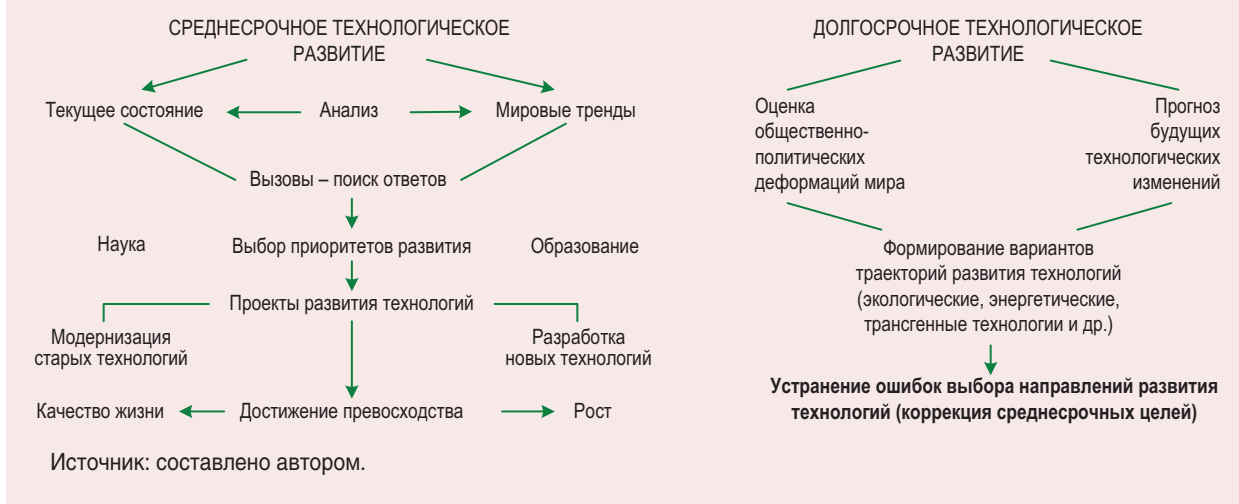
3) экономическое развитие, определяемое уровнем и качеством жизни, который не может быть не связан с уровнем технологического развития.

Первый элемент не поддаётся изменению на среднем интервале времени. По этой причине второй и третий элементы являются объектом приложения усилий в области как среднесрочных, так и долгосрочных целей технологического развития.

Разницу в подходе к определению среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития отражает *рисунок 1*. Он демонстрирует различное содержание процесса формулировки среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития, причём оба алгоритма закономерно являются составными элементами системы государственного планирования.

Среднесрочные цели требуют глубокого анализа текущего состояния и возможностей (потенциала) развития, учёта мировых трендов и динамики, методического инструментария управления выбором и заменой приоритетов в области технологий и других направлений экономического развития, согласованных проектов либо модернизации текущих, либо создания принципиально новых технологий. Это требует решить структурную задачу распределения инвестиций между поддержкой старых и новых технологий. За счёт её решения удастся обеспечить рост экономики и повышение качества жизни в рамках парадигмы «превосходства». Долгосрочное технологическое развитие требует сценарного прогноза: что будет с технологическим обликом и общественно-политическим устройством мира и стран.

Рис. 1. Примерный алгоритм определения среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития



Далее подлежат оценке несколько возможных траекторий развития, с указанием доминантной роли как отдельных видов технологий, так и структуры технологических укладов. На длинном интервале времени очень важно учесть ошибки выбора вариантов и самой траектории, предусмотрев методы коррекции траектории движения в области развития технологий. Данный подход позволит переключиться на алгоритм среднесрочного технологического развития и скорректировать среднесрочные цели.

Стремление к технологическому превосходству напрямую связано с выгодами, которые получает экономика от этого. В среднесрочной перспективе вызовы в конкретных областях провоцируют появление ответов в виде усовершенствования имеющихся или создания новых технологий. Примеры даёт *таблица 1*.

Как видим из таблицы, часть технологических ответов новы, часть являются модификацией применяемых технологий, но поиск ответа заставляет осуществлять разработки и адаптацию к изменяющимся условиям.

Под превосходящим ответом на имеющийся технологический вызов имеется в виду разработка таких технологий, которые бы покрывали преимущества располагаемых и используемых конкурирующей стороной технологических возможностей [18–22]. Исходя из сказанного, технологии могут быть, как и ответы на вызовы: «превосходящие», «нейтрализующие» и «адекватные».

А. «Превосходящие» технологии – это опережающие передовые технологии, в том числе противодействия усилиям конкурента (обесценивающие его усилия), направленные на достижение превосходства в данной сфере. Они, как правило, менее затратные в реализации, при получении того же или многократно лучшего результата. Кроме того, на довольно продолжительном отрезке времени конкурент не может найти превосходящее решение, то есть такие технологии длительно действующие, блокирующие конкуренту перспективу в этой сфере. Данный тип технологий воплощает высшую новизну в области технологического развития – передовые вновь созданные, ранее не использовавшиеся технологии.

Б. «Нейтрализующие» технологии – это технологии, сводящие к нулю все меры конкурента на данном этапе соревнования, но позволяющие ему подобрать другой набор средств и методов на иной технологической основе. Следовательно, нейтрализующие технологии, которые дешевле «превосходящих», тем не менее надолго не обеспечат технологической и иной независимости развития. Однако в качестве быстрого ответа, позволяющего выиграть время для принятия стратегических решений, особенно если превосходящими технологиями пока не обладаем, могут успешно применяться. Затраты на нейтрализацию должны быть небольшие, тогда этот вариант приемлем и готов к применению. Причём до ввода противо-



Таблица 1. Вызовы и провоцируемые ими ответы в виде развития новой техники и технологий

№ п/п	Вызов	Развитие техники и технологий как ответ
<i>I. Военные технологии</i>		
1.	Выход из Договора о противоракетной обороне и ракетах средней и меньшей дальности	Гиперзвук («Кинжал»), средства радиоэлектронной борьбы, системы противовоздушной обороны С-400, С-500, новый ядерный двигатель, позволяющий иметь ракету неограниченной дальности полёта
2.	Беспилотные аппараты	Боевые лазеры
<i>II. Технологии производства продуктов</i>		
3.	Запрет на поставки сельскохозяйственной техники, продукции (санкции)	Развитие селекции и семеноводства, производство без генномодифицированных компонентов
4.	Санкции по поводу поставок электронных компонентов и технологий двойного назначения, программного обеспечения	Развитие отечественных технологий, замещение импорта, создание и развитие электронных центров типа Зеленограда и т.д. Разработка собственных программ, работа для отечественных программистов
<i>III. Финансовые технологии</i>		
5.	Блокирование системы расчётов «Свифт», банковских карт Visa, Mastercard, электронных серверов, счетов банков – расчётов по банковским операциям в долларах	Развёртывание отечественной платёжной системы, карта «Мир», создание собственных финансовых платформ, перевод расчётов на национальные валюты*.
* Часть приведенных технологий не являются новыми, это модификация применяющихся технологий, которая подчинена ответу на вызов для сохранения устойчивости экономического развития и, главное, экономического и финансового суверенитета страны. Источник: составлено автором.		

положительной стороной своих технологий нужно располагать «нейтрализующим ответом» (технологиями). Этот тип технологий символизирует технологическую модернизацию.

В. «Адаптивные» технологии — позволяют сократить отставание от лидеров в области технологического развития, не порождая диспропорций развития, и требуют наименьших затрат. Обычно полной нейтрализации они не дают и тем более не позволяют лишить возможности конкурента на какое-то время вернуть свои лидирующие позиции. Вместе с тем экономика находит новые возможности адаптации к динамически изменяемому технологическому ландшафту. Эти технологии и ответы позволяют согласовать среднесрочные цели развития и долгосрочные ориентиры. Нужно решить, отвечать ли на вызовы и каким именно способом. Причём ответы должны приводить к росту экономики и качества жизни [12, 18–20].

Какие бы типы технологий и ответов ни рассматривались, но проблема технологической динамики сведётся к структуре технологий, когда в экономике присутствуют новые и старые технологии, а инвестиции распределяются между этими группами технологий, задавая режим их замещения и вытеснения [20, 22–24].

Оценка и реализация среднесрочных целей развития технологий будет предполагать:

— определение фактического состояния экономики, технологической базы, мировых трендов развития техники и науки;

— анализ военных, политических, финансовых, экономических, социальных, демографических, экологических и других вызовов развития;

— анализ модели роста и потенциала улучшения качества жизни;

— выбор приоритетов развития по этапам — времени реализации этапа;

— определение необходимых ресурсов — инвестиций в изменение технологической структуры;

— анализ макроэкономической политики, позволяющей либо не позволяющей реализовать приоритеты развития, создание условий для эффективного распределения инвестиций между новыми и старыми технологиями;

— осуществление среднесрочного планирования проектов и программ развития экономики с акцентом на технологическом обновлении и создание экономических, организационных, институциональных и социальных стимулов к этому;

— активизация системы науки и образования — полная ориентация на разработку новых технологий и наращивание интеллектуального потенциала;

– модернизация существующих технологий на новых принципах – ввод адаптивных нейтрализующих технологий;

– решение задачи опережения – создания новых разработок и технологий на базе фундаментальных исследований (научных разработок), формирование и развёртывание схем их внедрения в производство.

Для постановки и достижения долгосрочных целей технологического развития потребуется особый тип прогноза (теория технологических укладов в этом имеет ограничения, как и технико-экономическая парадигма, так как не ясно, какая будет парадигма или уклад через значительный промежуток времени). Вместе с тем такое имманентное ограничение не должно отпугивать исследователя от выработки предложений по ориентировочной оценке таких целей, например, исходя из краткосрочных и среднесрочных целей технологического развития.

Примерный алгоритм для оценки долгосрочных целей технологического развития, на наш взгляд, может предполагать:

– анализ оценок и исследований футурологов-экономистов;

– анализ тенденций развития науки – фундаментальных дисциплин – физики, химии, биологии, электроники и т.д.;

– определение возможной «технологической комбинаторики», исходя из свойств технологического развития на 2 среднесрочные перспективы, а также из того, что потребуются решить человеческому обществу, где ограничения носят фатальный характер (это и станет предметом поиска и создания новых технологий – по принципу преодоления угрозы либо отказа от использования и воспроизводства других возможностей);

– оценка диспропорций, порождаемых новыми технологиями в среднесрочной перспективе, которые обеспечат проблемы будущего и технологии для их решения.

Это далеко не весь возможный перечень целей долгосрочного технологического развития. При этом комбинаторный эффект в области технологий имеет очень большой потенциал, даже если частота фундаментальных открытий упадёт и начнется период стагнации научных открытий. На комбинаторном эффекте возможно решение многих задач развития, повышение

отдачи, создание видов новой деятельности людей и т.д. В связи с этим, вероятно, новые технологические уклады – база развития экономики – будут складываться на комбинаторном принципе<sup>4</sup>, доминирование каких-то видов технологий станет не обязательным условием и характеристикой технологической динамики [16, 17].

Однако возможный такой исход всё равно сохранит конкуренцию новых и старых технологий, причем рост на старых технологиях будет в некоторых случаях предпочтительнее роста на новых технологиях, который менее стабилен. Поэтому структура инвестиций в старые и новые технологии детерминирует современное технологическое развитие, задаётся она величиной риска и доходности по старым и новым технологиям, состоянием секторов, где используются различные типы технологий. Рассмотрим далее эту структуру применительно к российской экономике, где остро стоит проблема технологического обновления. Используем данные Росстата и эконометрические оценки, с расчётом статистической значимости применяемых моделей и отбора наиболее приемлемых моделей, исследуем чувствительность инвестиций в старые и новые технологии, а также уровня технологичности к риску и изменению процентной ставки в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Комбинаторный принцип – объясняет объединение технологий с появлением новых возможностей или технологий либо усовершенствованием старых технологий, причём часто этот процесс не требует большого ресурса и вложений.

<sup>5</sup> В состав обрабатывающего сектора включены виды деятельности (по ОКВЭД): раздел D – Обрабатывающие производства; раздел F – Строительство. В состав транзакционно-сырьевого сектора включены виды деятельности (по ОКВЭД): раздел A – Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; раздел B – Рыболовство, рыбоводство; раздел C – Добыча полезных ископаемых; раздел E – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; раздел G – Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; раздел H – Гостиницы и рестораны; раздел I – Транспорт и связь; раздел J – Финансовая деятельность; раздел K – Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; раздел L – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; раздел M – Образование; раздел N – Здравоохранение и предоставление социальных услуг; раздел O – Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

### 3. Изменение структуры инвестиций и технологий: влияние риска и процентной ставки

В экономике постоянно изменяется не только величина инвестиций, но и структура инвестиций в новые и старые технологии. Возможны различные варианты – модели технологического развития в зависимости от изменения инвестиций и их структуры (сведены в таблицу 2). Важна оценка вклада, который вносят в динамику продукта инвестиции в новые и старые технологии. Для определения этого вклада необходимы дополнительные выкладки в рамках структурной формулы [18, с. 23-26] для темпа роста ВВП:

$$g = g_c c + g_I n + g_G a + g_{NX} b,$$

где:  $g = (1/Y) dY/dt$ ;  $g_c = (1/C) dC/dt$ ;  $g_I = (1/I) dI/dt$ ;  $g_G = (1/G) dG/dt$ ;  $g_{NX} = (1/NX) dNX/dt$ ,  $c = C/Y$ ,  $n = I/Y$ ,  $a = G/Y$ ,  $b = NX/Y$  – структурные параметры валового внутреннего продукта по расходам  $Y = C + I + G + NX$ ,  $C$  – валовое потребление,  $I$  – валовые инвестиции,  $G$  – правительственные расходы,  $NX$  – чистый экспорт.

Если учесть структуру «новые–старые» технологии, то структурная формула примет следующий вид:

$$\frac{dI}{dt} = I_s \frac{d\gamma}{dt} + \frac{dI_s}{dt} (1 + \gamma)$$

$$\gamma = \frac{In}{I_s}$$

$$\frac{d\gamma}{dt} = \gamma(g_{In} - g_{I_s})$$

$$d_{I_s} = \frac{I_s}{I}$$

$$i_s = \frac{I_s}{Y}$$

$$I = I_s + In = (1 + \gamma)I_s$$

Откуда:

$$g = g_{In}(1 + \gamma) \gamma i_s d_{I_s} + g_{I_s}(1 + \gamma) i_s d_{I_s} + g_c c + g_G a + g_{NX} b.$$

Данный вид структурной формулы обозначает вклад новых технологий в общий темп роста экономики – по темпу роста инвестиций, а также старых технологий – по темпу инвестиций в старые технологии.

Как видно из данных таблицы, возможны различные модели технологического развития экономики в зависимости от складывающейся структуры инвестиций в новые и старые технологии. В зависимости от сложившейся модели закономерными становятся те или иные меры экономической политики, стимулирующей технологическое развитие и переход от одной модели к другой. В качестве таких вариантов приведём:

- увеличение общих инвестиций, если они по факту в настоящее время не растут или сокращаются, причём в последнем случае требуется располагать мерами противодействия их сокращению;

- увеличение инвестиций в новые технологии;

- увеличение инвестиций в совершенствование старых технологий;

- изменение соотношения темпов, задаваемых в общем виде  $dIn/dt$  и  $dIs/dt$  при росте инвестиций  $I$  и росте каждой компоненты в структуре инвестиций в пользу инвестиций в новые технологии.

Подбор инструментов экономической политики, с учётом отраслевой специфики, представляет собой самостоятельную задачу, но она будет связана с тем, чтобы понижать риск ведения хозяйственной деятельности в секторах экономики, поскольку такое воздействие позитивно влияет на величину инвестиций в старые и новые технологии

Закономерно полагать, что большей величине инвестиций соответствует больший риск. Такая же зависимость характерна и для российской экономики, причём и по секторам – обрабатывающему и транзакционно-сырьевому сектору. Уровень технологичности, определяемый отношением объёма производства на новых технологиях к объёму производства на старых технологиях<sup>6</sup>, зависит от соотношения инвестиций в новые и старые технологии соответственно. С ростом рентабельности секторов в среднем растёт и риск. Рост расходов на старые технологии снижает общий уровень технологичности, на новые технологии – увеличивает уровень технологичности российской экономики.

<sup>6</sup> Объем производства на новых технологиях – объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг. Объем производства на старых технологиях – общий объем отгруженной продукции за вычетом отгруженной инновационной продукции.

Таблица 2. Структура инвестиций (In/Is) и модели технологического развития

Общая величина инвестиций – I	Структура инвестиций в «новые–старые» технологии	Режим технологического развития
I – растёт (индустриализация)	In – растёт Is – растёт	Инновационная модель. (технологическая индустриализация). Развитие наукоёмких производств (возникновение новых) с развитием исходной технологической базы, возможны ещё два режима по соотношению темпа роста In и Is. $dIn/dt > dIs/dt$ – инновационное развитие за счёт новых технологий (сильнее эффект вытеснения старых новыми технологиями) или $dIn/dt < dIs/dt$ – инновационное развитие с акцентом на совершенствовании существующей технологической базы (сильнее эффект вытеснения новых старыми технологиями)
	In – растёт Is – снижается	Модель технологического рывка, при котором новые технологии вытесняют старые технологии (технологическая индустриализация методом замещения технологий)
	In – снижается Is – растёт	Модель укрепления имеющейся технологической базы, без появления новых технологий (технологическая деиндустриализация)
I – не изменяется (смешанные модели)	In – не изменяется Is – не изменяется	Консервация технологического развития. Стагнация технологий. Повышение износа имеющейся технологической базы (сохранение индустриального уровня)
	In – растёт Is – снижается	Модель «созидательного разрушения» в области технологий. Для данного технологического и индустриального уровня идёт распределение ресурса в пользу отдельных новых технологий за счёт старых – принцип «созидательного разрушения»
	In – снижается Is – растёт	Модель технологической деиндустриализации, при росте влияния старых технологий
I – сокращается (деиндустриализация)	In – снижается Is – снижается	Модель абсолютной технологической деиндустриализации (технологическая деградация)
	In – растёт Is – снижается	Модель «локальных инноваций» при общей деиндустриализации системы
	In – снижается Is – растёт	Модель консервации технологической отсталости

Источник: составлено автором.

Уровень технологичности согласно полученным выше зависимостям представлен на *рисунке 2*.

С ростом соотношения инвестиций в новые и старые технологии увеличивается уровень технологичности. Уровень технологичности изменяется в очень узком диапазоне. Узость диапазона изменения, конечно, не позволяет утверждать, что уровень технологичности весьма сильно чувствителен к риску и процентной ставке.

Как видим, инвестиции в новые технологии наиболее существенны для повышения технологического уровня обрабатывающего сектора, нежели транзакционно-сырьевого сектора.

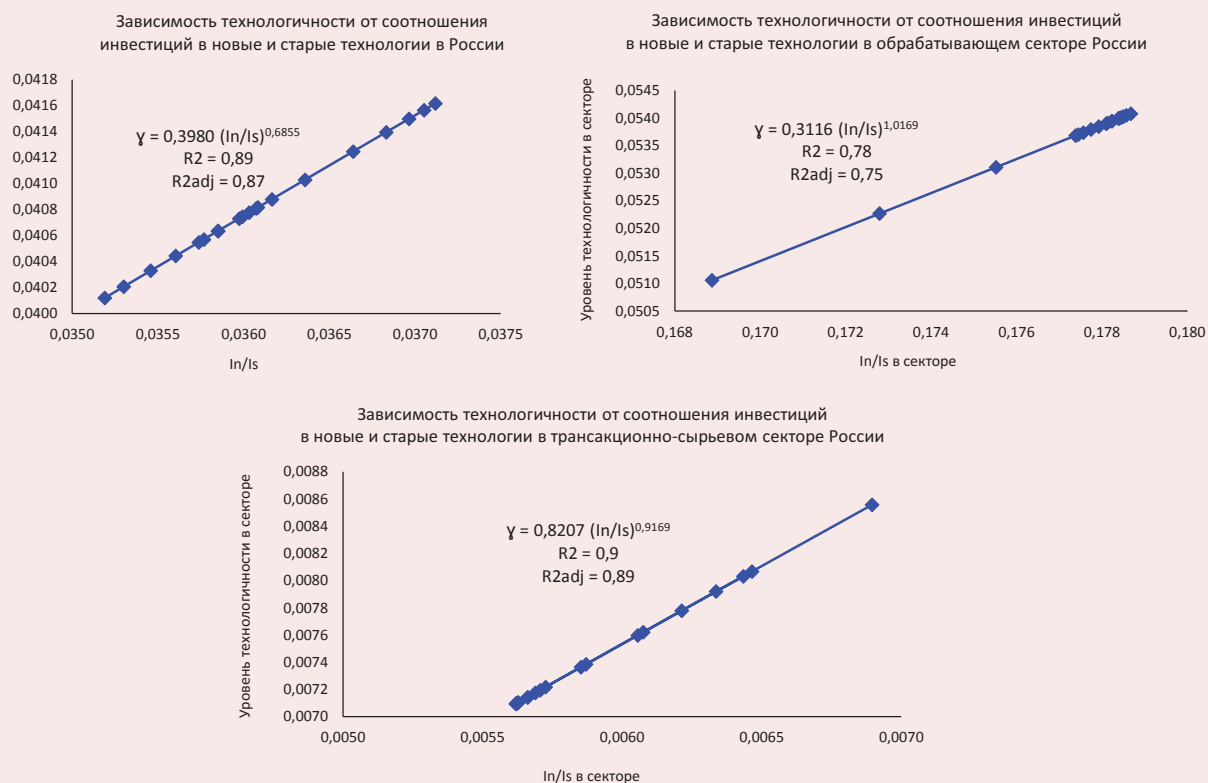
Величина вложений в старые технологии в России значительно превышает инвестиции в новые технологии, задавая структуру инвестиций, не способствующую существенному росту технологичности (*рис. 3–5*), причём рост риска

существенно свёртывает инвестиции в новые технологии, а также снижает инвестиции в старые технологии.

В обрабатывающем секторе общий характер связи инвестиций в новые и старые технологии и риска в секторе напоминает графики для российской экономики (числовые значения, разумеется, другие. Для транзакционно-сырьевого сектора, инвестиции в новые технологии более чем в 100 раз меньше, чем в старые, причём более высокая величина инвестиций соответствует более высокому риску. С ростом риска всё-таки наблюдается снижение инвестиций в этом секторе на рассматриваемом интервале времени как в новые, так и старые технологии (результаты получены для российской экономики в период 2005–2016 гг.).

Таким образом, проблема технологического обновления российской экономики сводится к выправлению структуры инвестиций между но-

Рис. 2. Уровень технологичности экономики России\*, обрабатывающего\*\* и транзакционно-сырьевого\*\*\* сектора от инвестиций в новые и старые технологии (слева направо)



\* Статистики: F-критерий = 80,9; D-W критерий = 1,62  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (0,08) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

\*\* Статистики: F-критерий = 36,9; D-W критерий = 1,63  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (0,13) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

\*\*\* Статистики: F-критерий = 90,7; D-W критерий = 1,37  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (3,2) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

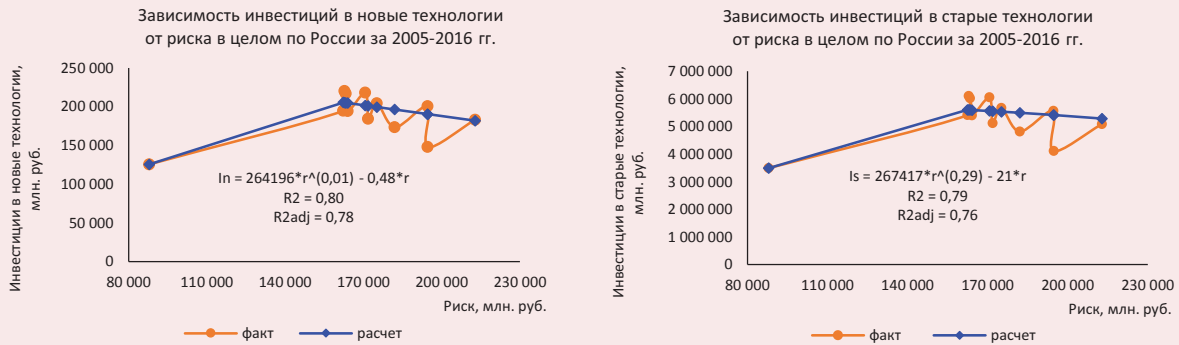
Источник: рассчитано по: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/science\\_and\\_innovations/science/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#); [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#) и [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#).

выми и старыми технологиями и производствами, к повышению общего технологического уровня в секторах экономики [2, 3, 11–13, 22]. Для этого необходимо изменение и институциональных условий, в частности снижение риска в обрабатывающем секторе и повышение риска в транзакционно-сырьевом секторе. Задача концентрации ресурса развития решается не только посредством привлечения резервов, активов банковской системы, изменений денежно-кредитной политики в сторону кредитования обрабатывающих производств, но и за счёт организации перелива ресурсов из разросшегося транзакционно-сырьевого сектора в обрабатывающие производства. Этот перелив обеспечит наращивание инвестиций в но-

вые технологии и способен повысить технологичность обрабатывающего сектора. Покажем возможности такого управления, как способ достижения среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития, рассчитав чувствительность инвестиций в новые и старые технологии к риску и процентной ставке, как параметрам управления (своеобразным инструментам экономической политики).

Приведём полученные в ходе эконометрического исследования влияния параметров зависимости, связывающие риск и процентную ставку в обрабатывающем, транзакционно-сырьевом секторе и экономике России, а также инвестиции в новые и старые технологии от величины риска в каждом секторе.

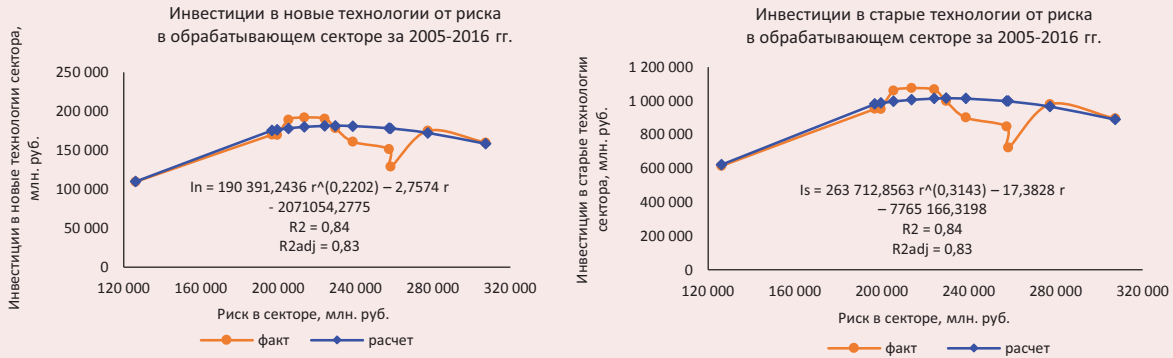
Рис. 3. Инвестиции в новые технологии (слева)\* и в старые технологии (справа)\*\* и риск для российской экономики, 2005–2016 гг.



\* Статистики: F-критерий = 31,5; D-W критерий = 1,69 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (1,35) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

\*\* Статистики: F-критерий = 26,8; D-W критерий = 1,45 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (2,76) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

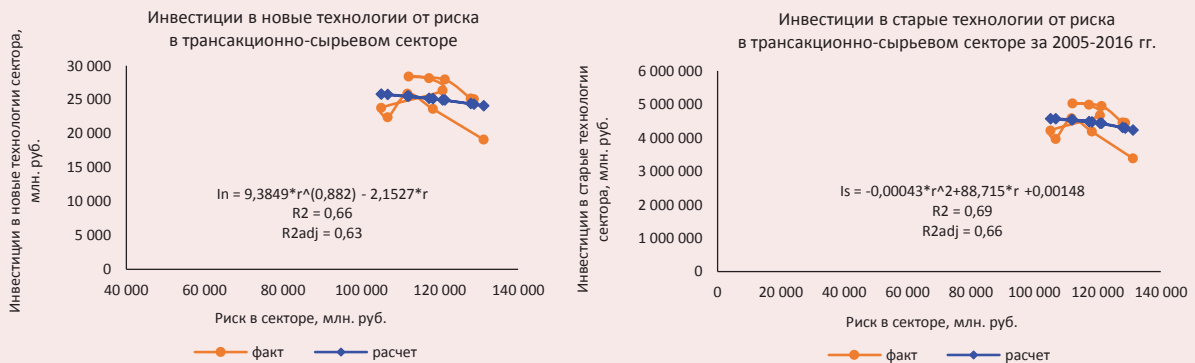
Рис. 4. Инвестиции в новые технологии (слева)\* и в старые технологии (справа)\*\* и риск в обрабатывающем секторе, 2005–2016 гг.



\* Статистики: F-критерий = 58,1; D-W критерий = 1,64 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (1,81) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

\*\* Статистики: F-критерий = 56,1; D-W критерий = 1,46 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (1,93) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

Рис. 5. Инвестиции в новые технологии (слева)\* и в старые технологии (справа)\*\* и риск в транзакционно-сырьевом секторе, 2005–2016 гг.



\* Статистики: F-критерий = 39,6; D-W критерий = 1,33 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (3,4) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

\*\* Статистики: F-критерий = 36,7; D-W критерий = 1,41 ∈ [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (2,2) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

Источник: рассчитано по: сборник Росстата «Россия в цифрах» за 2006–2017 гг., раздел «Финансовая деятельность предприятия» (рис. 3–5).

Связь риска и процентной ставки:

А) для экономики России<sup>7</sup>:  $r = 2096,3579 i + 152\,724,7726$ .

Б) в обрабатывающем секторе<sup>8</sup>:  $r = 12997 i + 87\,224$ .

В) в транзакционно-сырьевом секторе<sup>9</sup>:  $r = 5430 i + 56\,967$ .

Связь инвестиций в новые (In) и старые (Is) технологии и риска<sup>10</sup>:

А) для экономики России:

$$In = 264195,6752 r^{0,0056} - 0,4756 r.$$

$$Is = 267\,416,9011 r^{0,2931} - 20,9689 r.$$

Б) в обрабатывающем секторе:

$$In = 190\,391,2436 r^{0,2202} - 2,7574 r - 2071054,2775.$$

$$Is = 263\,712,8563 r^{0,3143} - 17,3828 r - 7765\,166,3198.$$

В) в транзакционно-сырьевом секторе:

$$In = 9,3849 r^{0,882} - 2,1527 r.$$

$$Is = -0,00043 r^2 + 88,71503 r + 0,00148.$$

Теперь приведём модели, полученные для технологичности ( $\gamma$  – отношение объёма производства на новых технологиях к объёму про-

изводства на старых технологиях в рассматриваемых секторах и экономике РФ) от соотношения инвестиций в новые и старые технологии:

А) для экономики России:  $\gamma = 0,3980 (In/Is)^{0,6855}$ .

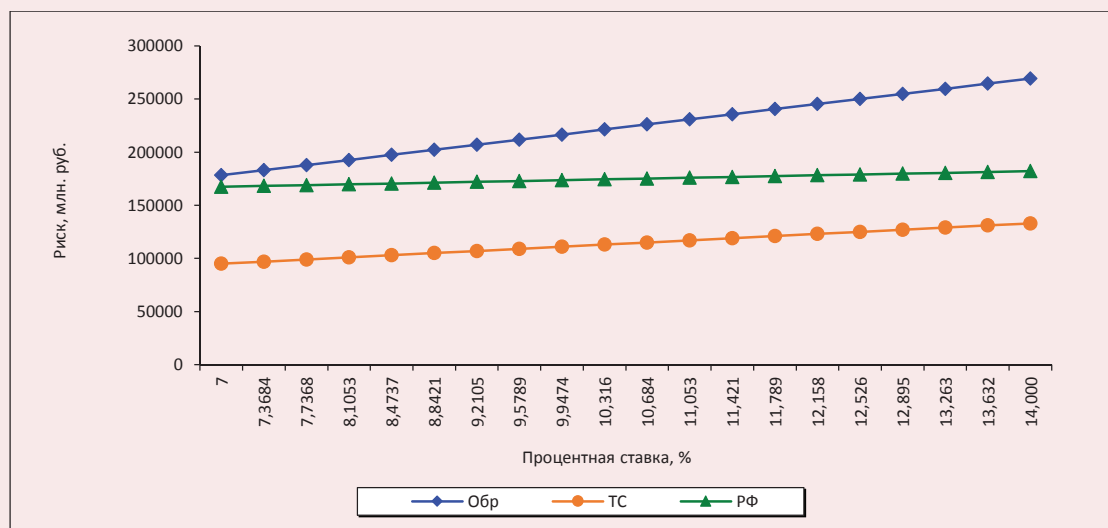
Б) в обрабатывающем секторе:  $\gamma = 0,3116 (In/Is)^{1,0169}$ .

В) в транзакционно-сырьевом секторе:  $\gamma = 0,8207 (In/Is)^{0,9169}$ .

Покажем чувствительность к инструментам экономической политики (рisku и процентной ставке) инвестиций в новые и старые технологии, а также технологичности.

На *рисунке б* отражено изменение риска от величины процентной ставки для российской экономики. Как видим, риск в российской экономике с ростом процентной ставки от 7 до 14% незначительно возрастает. Однако в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах он растёт быстрее, причём в обрабатывающем секторе значительно превышает риск в транзакционно-сырьевом секторе.

Рис. 6. Риск и процентная ставка (обрабатывающий, транзакционно-сырьевой сектор – ТС, экономика России)



Источник: рассчитано по: [http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=int\\_rat&ch=PAR\\_222#CheckedItem](http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=int_rat&ch=PAR_222#CheckedItem).

<sup>7</sup> Статистики: F-критерий = 5,4; D-W критерий = 1,34  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (1,31) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

<sup>8</sup> Статистики: F-критерий = 4,98; D-W критерий = 1,84  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (1,43) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

<sup>9</sup> Статистики: F-критерий = 22; D-W критерий = 1,47  $\in$  [1,33; 2,67]; тест Уайта:  $\chi^2$  расчет. (2,04) <  $\chi^2$  крит. (3,8).

<sup>10</sup> Для остальных зависимостей статистики приводятся на рис. 3–5.

При снижении процентной ставки в соответствии с полученной зависимостью риск в секторах будет снижаться. На изменение соотношения рисков, кроме процентной ставки, влияют внутренние условия, складывающиеся в каждом секторе, а также изменения общего экономического характера.

Рост риска в обрабатывающем секторе происходит быстрее с ростом процентной ставки, чем в транзакционно-сырьевом секторе, значительно превышает и риск в экономике России, так что разница в рисках между секторами при повышении процентной ставки возрастает, при снижении — уменьшается. Это влияет на перелив ресурсов в экономической системе, потому что распределение ресурсов (в частности, инвестиций) чувствительно к риску.

На рисунках<sup>11</sup> 7–8 отражены инвестиции в новые и старые технологии в России от вели-

чины риска и процентной ставки. С ростом процентной ставки и риска инвестиции снижаются, со снижением — увеличиваются. Причём инвестиции в старые технологии более чем на порядок превышают инвестиции в новые технологии и чувствительность их к изменению риска и процентной ставки значительно выше.

На рисунке 9 представлены инвестиции в новые технологии от риска и процентной ставки для обрабатывающего сектора России.

Инвестиции в новые технологии в обрабатывающем секторе также не высоки по величине, с ростом риска и процентной ставки сначала несколько возрастают, затем сокращаются. Это связано с притоком риска в области новых результатов, технологий, которые имманентно рискованные, то есть инвестиции возрастают и этот рост соответствует увеличивающемуся риску. Процентная ставка, увеличиваясь, увели-

Рис. 7. Инвестиции в новые технологии, риск (слева) и процентная ставка (справа), РФ

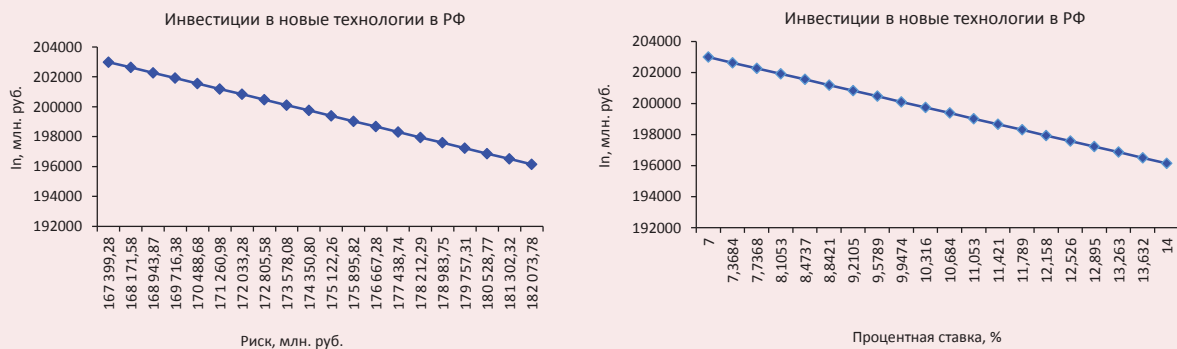
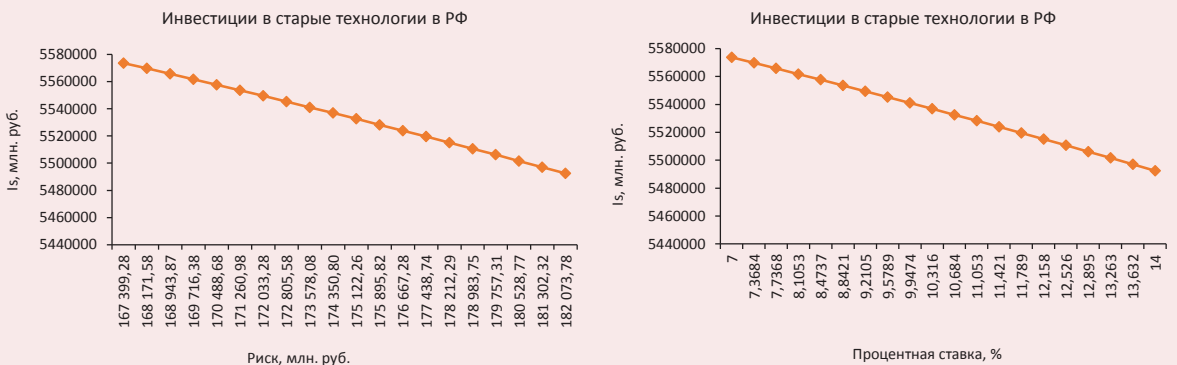


Рис. 8. Инвестиции в старые технологии, риск (слева) и процентная ставка (справа), РФ



<sup>11</sup> На этих и последующих рисунках приведены эмпирические значения параметров по фактическим данным указанных параметров, источники которых указаны выше (см. рис. 2–6).



Рис. 9. Инвестиции в новые технологии, риск (слева) и процентная ставка (справа), обрабатывающий сектор

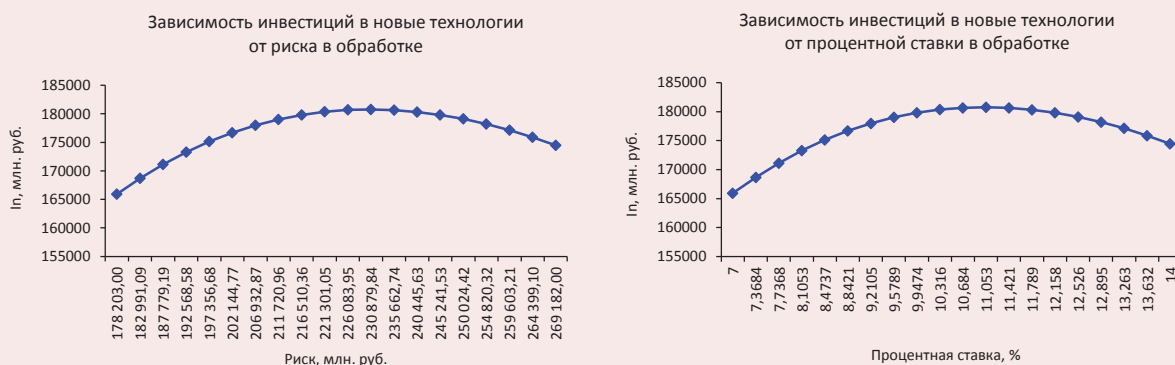
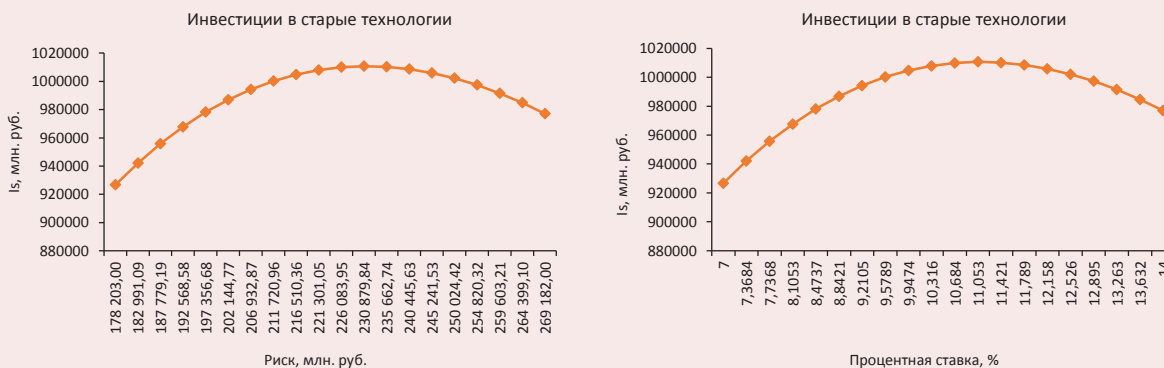


Рис. 10. Инвестиции в старые технологии, риск (слева) и процентная ставка (справа), обрабатывающий сектор



чивает риск. До некоторой величины инвестиции идут на этот риск (приятие риска), но затем данные инвестиции свёртываются, новые технологии не внедряются, так как риск блокирует это внедрение.

Инвестиции в старые технологии в обрабатывающем секторе отражает рисунок 10.

Общий характер их изменения примерно такой же, как и инвестиций в новые технологии в обрабатывающем секторе, но инвестиции в старые технологии существенно выше по величине.

В транзакционно-сырьевом секторе изменения инвестиций в новые технологии от риска и процентной ставки происходят иначе, нежели в обрабатывающем секторе (рис. 11). С ростом процентной ставки и риска они снижаются. Аналогично и для инвестиций в старые тех-

нологии в этом секторе. Причём их снижение происходит довольно быстро, в интервале от 7 до 14% (рис. 12).

Общая величина инвестиций в российской экономике снижается при росте риска и процентной ставки, в обрабатывающем секторе динамика инвестиций повторяет динамику инвестиций в новые и старые технологии. В транзакционно-сырьевом секторе динамика общих инвестиций аналогична динамике в новые и старые технологии. Имеется очень незначительный участок роста инвестиции при росте риска, и затем они существенно снижаются при росте риска и процентной ставки.

С ростом риска и процентной ставки уровень технологичности снижается в обрабатывающем секторе (рис. 13), для транзакционно-сырьевого сектора с ростом риска и процентной

Рис. 11. Инвестиции в новые технологии и риск (слева), процентная ставка (справа), транзакционно-сырьевой сектор

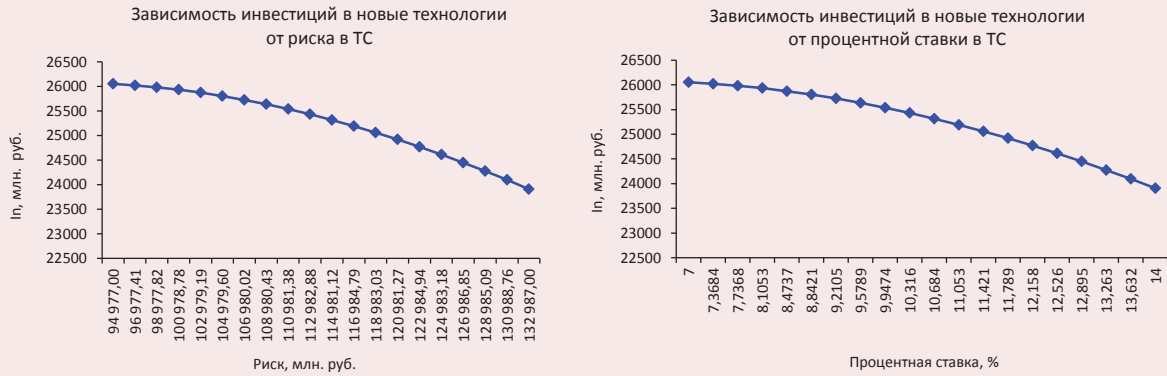


Рис. 12. Инвестиции в старые технологии и риск (слева), процентная ставка (справа), транзакционно-сырьевой сектор

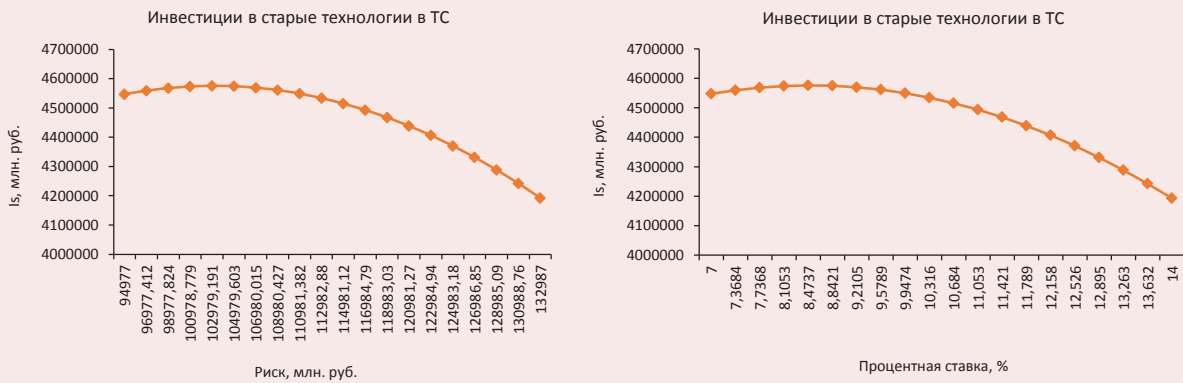


Рис. 13. Технологичность обрабатывающего сектора и риск (слева), процентная ставка (справа)

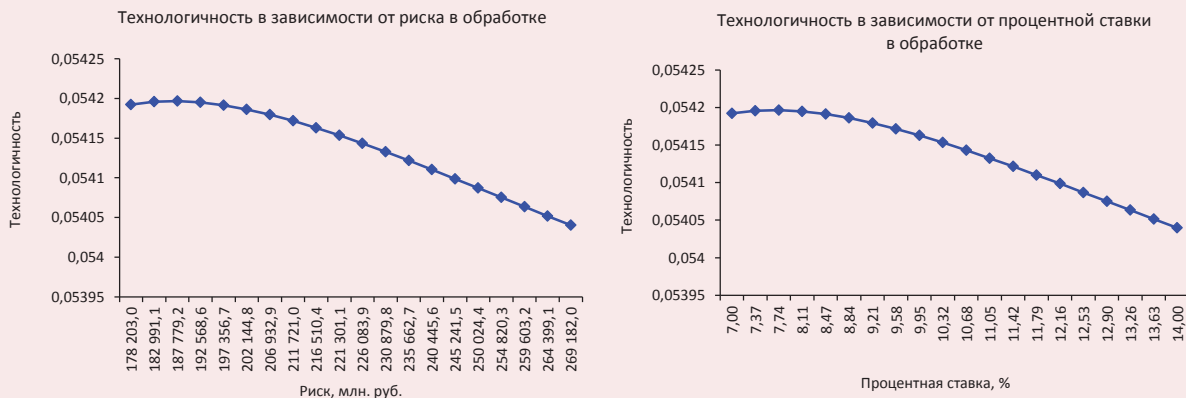


Рис. 14. Технологичность транзакционно-сырьевого (ТС) сектора и риск (слева), процентная ставка (справа)

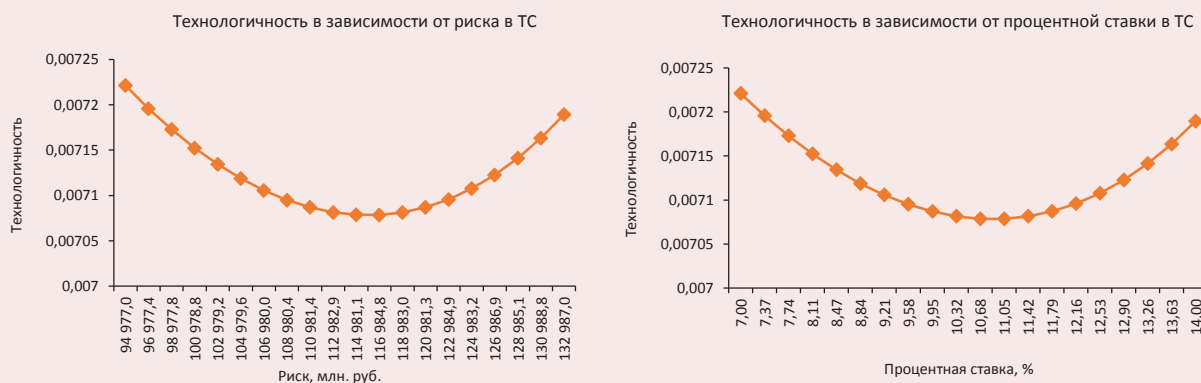
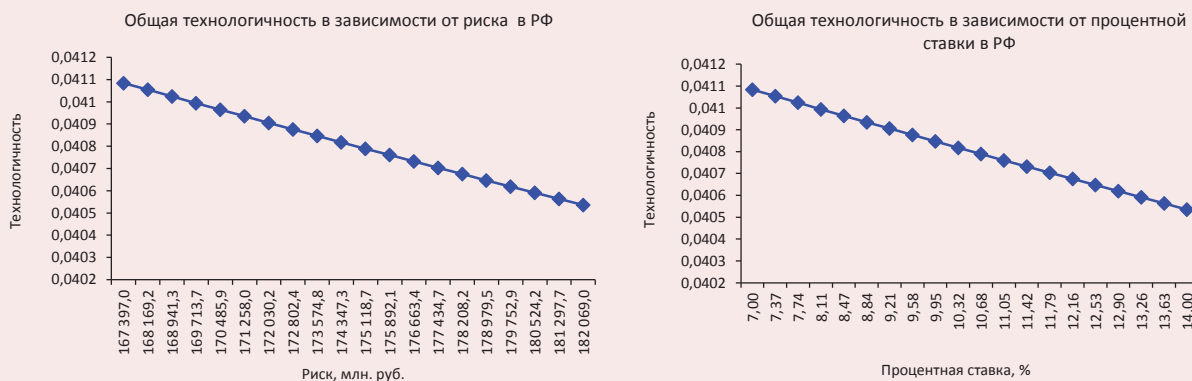


Рис. 15. Технологичность экономики России и риск (слева), процентная ставка (справа)



ставки технологичность сначала снижается, затем растёт. И для российской экономики увеличение риска и процента сопровождаются снижением общего уровня технологичности (рис. 14 и 15).

Уровень технологичности в обрабатывающем секторе экономики при снижении процентной ставки ниже 7% практически уравнивает риск в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах (рис. 16).

При ставке процента выше 5,5% риск в обрабатывающем секторе становится выше российского уровня.

Снижение процента сопровождается снижением риска. Конечно, в данной модели сделано существенное допущение о том, что риск зависит от процентной ставки, когда он может в большей степени определяться иными факторами. Поэтому для строгости анализа необходимо произвести отбраковку факторов по их

влиянию на риск. Однако для цели демонстрации роли процентной ставки данной модели вполне достаточно.

Связь уровня технологичности и процентной ставки в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах отражена на рисунке 17.

Как видим, при процентной ставке до 8–10% в обрабатывающем секторе с ростом процента растёт уровень технологичности. Этот участок соответствует и росту риска. Затем, при ставке выше 10% (риск выше 200 000 млн. руб.), уровень технологичности снижается. Нужно отметить, что возрастание и снижение крайне незначительное и происходит в очень узком диапазоне технологичности.

Этот эффект связан, вероятно, с тем, что, достигнув некоторого уровня, технологичность трудно быстро снизить, изменив процентную ставку. Тем более что уровень технологичности невысокий и изменяется на незначительную

Рис. 16. Риск и процентная ставка в экономике России и её секторах

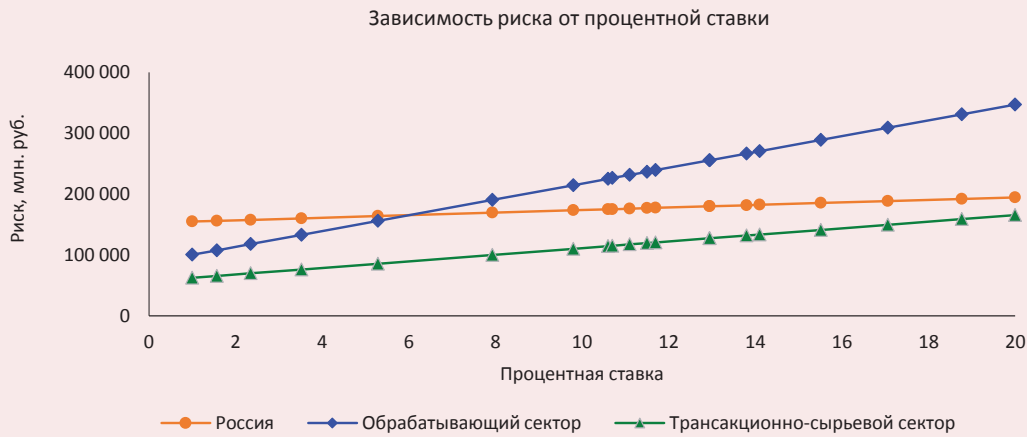
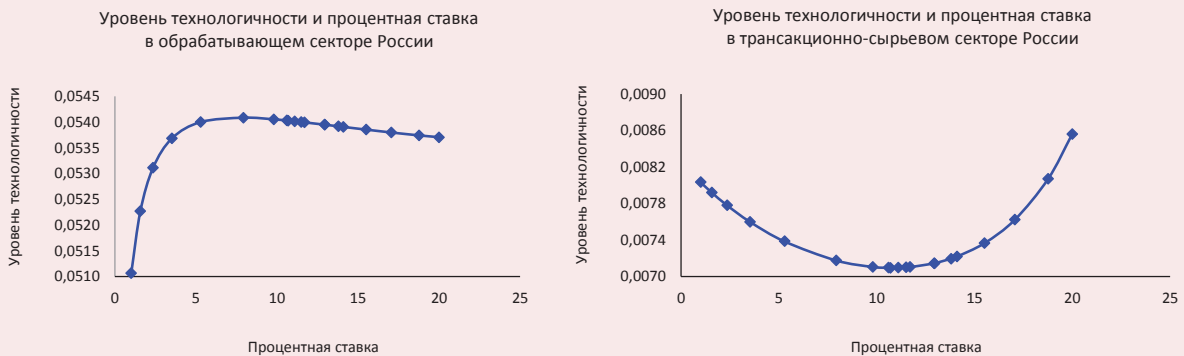


Рис. 17. Технологичность обрабатывающего сектора (слева) и транзакционно-сырьевого (справа) секторов от процентной ставки



величину. В транзакционно-сырьевом секторе при ставке процента до 10% уровень технологичности снижается с ростом процента (при этом он на порядок ниже, чем в обрабатывающем секторе), затем, с ростом процента, увеличивается. Хотя также на незначительную величину. Возможно, это связано с тем, что транзакционный сектор при высоком проценте имеет большие возможности за счёт спекулятивной составляющей осуществлять замену используемых технологий. Для российской экономики в целом сохраняется соотношение, что с ростом процентной ставки наблюдается снижение технологического уровня.

Таким образом, в обрабатывающем секторе рост процентной ставки в низком диапазоне, приводящий к росту риска, отражает рост данного сектора и инвестиций в нём, что само по себе связано с ростом спроса на капитал, по-

вышением процентной ставки и риска. Такая реакция является закономерной. При большей величине ставки, с её ростом, увеличивается и риск, уровень технологичности будет снижаться, но постепенно, довольно медленно, пока не исчерпаются созданные технологические возможности. При малом риске и малом проценте инвестиции в новые и старые технологии в обрабатывающем секторе растут, при большей величине риска и процента — снижаются. Аналогична качественная зависимость и для транзакционно-сырьевого сектора. Однако инвестиции в обрабатывающем секторе дают рост уровня технологичности, а в транзакционно-сырьевом секторе — снижение, что связано с функцией технологичности для одного и другого сектора (отдача убывающая в транзакционно-сырьевом секторе и возрастающая в обрабатывающем).

#### 4. Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем некоторые существенные выводы.

Во-первых, создание новой модели роста российской экономики может происходить за счёт изменения её технологической структуры, задаваемой новыми и старыми технологиями и инвестициями в них. Это потребует перемещения ресурсов между обрабатывающим и транзакционно-сырьевым секторами. Учёт эффекта распределения инвестиций между различными технологическими возможностями до сих пор полноценно не осуществлялся в инвестиционных моделях, что повышает полезность применённого в статье подхода не только для диагностики складывающейся экономической ситуации, но и с точки зрения конкретизации задач технологического развития, с вытекающим определением действий в области экономической политики. В теоретическом смысле показано влияние риска и процентной ставки как макропараметров на процесс технологического обновления.

Во-вторых, проведенные количественные оценки подтверждают, что чувствительность инвестиций в новые и старые технологии различна к изменению риска и процентной ставки, которые выступают управляющими параметрами, определяющими величину инвестиционного потока, значит, масштаб технологического обновления в секторах экономики.

В-третьих, в рамках системы государственного планирования определена связь среднесрочных и долгосрочных целей технологического развития (с алгоритмом их аналитического определения – постановки), с разграничением данных целей в аспекте задачи изменения структуры старых и новых технологий, когда происходит закономерное (стимулируемое) вытеснение одних технологий другими. Из рассмотренных групп технологий (в авторской классификации [11]) показана необходимость стимулирования создания «превосходящих», «нейтрализующих» и «адаптивных» технологий, соизмеряя возможности обеспечить внедрение и взаимодействие каждого из

указанных типов технологий в складывающихся условиях. Предложенные алгоритмы позволяют уточнить установку приоритетов развития экономики в области технологий, снизить уровень необоснованного изменения приоритетов и целей развития.

В-четвёртых, получено, что уровень технологичности российской экономики довольно слабо реагирует на изменение процента и риска, особенно в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах. Но те изменения, которые удалось установить, показывают, что рост процента и риска действуют в сторону снижения технологичности, по крайней мере, не позволят его ощутимо повысить. Конечно, уровень технологичности зависит от многих факторов, как и риск, тем не менее, если предполагать линейную связь процента и риска (статистически такая зависимость является вполне обоснованной), то общее влияние будет именно такое, рост процента в области его низких значений может сопровождаться ростом технологичности обрабатывающего сектора. При высоком проценте технологичность обрабатывающего сектора с ростом процента понижается. Транзакционно-сырьевой сектор функционирует в рамках противоположной модели, так как его технологичность растёт при высоком проценте, поскольку спекулятивный характер (при доминировании транзакционных видов деятельности) этого сектора при высоком проценте расширяет возможности замены технологий, имеющих существенную специфику, относительно технологий производственного назначения (применяющихся в обрабатывающем секторе). Тем самым в ходе эмпирического анализа установлено (по фактическим данным), что различным уровням процентной ставки может соответствовать разный уровень технологичности сектора.

Перспективу проведенного исследования составляет возможность сравнения уровней технологического развития в разных странах, с определением влияния различных макропараметров системы на его изменение, включая и секторальный разрез проблемы, а также структуру распределения инвестиций в технологическое обновление.

## Литература

1. Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения. М. : Наука, 2005. 464 с.
2. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай. Семь вариантов ближайшего будущего. М. : Книжный мир, 2017. 352 с.
3. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018. 768 с.
4. Клейнер Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика: избранные труды. М. : ЦЭМИ РАН, 2016. 856 с.
5. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. М. : Экономика, 1997. 479 с.
6. Маевский В.И. Введение в эволюционную макроэкономику. М. : Япония сегодня, 1997. 108 с.
7. Мински Х. Стабилизируя нестабильную экономику. М., СПб : Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2017. 624 с.
8. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М. : ЗАО Финстатинформ, 2000. 474 с.
9. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. М. : Дело, 2011. 232 с.
10. Хэлпман Э. Загадка экономического роста. М. : Изд-во Института Гайдара, 2012. 240 с.
11. Фелпс Э. Массовое процветание: как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М. : Издательство Института Гайдара, Фонд «Либеральная миссия», 2015. 472 с.
12. Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
13. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М. : Финансы и статистика, 2014. 464 с.
14. Сухарев О.С. Эволюционная экономическая теория институтов и технологий. М. : Ленанд, 2017. 144 с.
15. Сухарев О.С. Экономическая политика: институциональный механизм. М. : Ленанд, 2018. 544 с.
16. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. 864 с.
17. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М. : Наука, 1999. 414 с.
18. Сухарев О.С. Экономический рост в России: проблема управления. *Экономист*. 2016. № 7. С. 21-31.
19. Fu X., Pietrobelli C., Soete L. The Role of Foreign Technology and Indigenous Innovation in the Emerging Economies: Technological Change and Catching-up. *World Development*, 2011, vol. 39, pp. 1204-1212
20. Andergassen R., Nardini F., Ricottilli M. Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2017, vol. 40, pp. 72-80
21. Iamsiraroj S. The foreign direct investment—economic growth nexus. *International Review of Economics & Finance*, vol. 42, 2016, pp. 116-133
22. Felice G. Size and composition of public investment, sectoral composition and growth. *European Journal of Political Economy*, vol. 44, 2016, pp. 136-158
23. Zhao J., Tang J. Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison. *China Economic Review*, 2018, vol. 47, pp. 219-233
24. Luo J., Olechowski A. L., Magee C. L. Technology-based design and sustainable economic growth. *Technovation*, 2014, vol. 34, pp. 663-677
25. Su H-N, Moaniba I.M. Investigating the dynamics of interdisciplinary evolution in technology developments. *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, vol. 122, pp. 12-23.

## Сведения об авторе

Олег Сергеевич Сухарев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: o\_sukharev@list.ru)

Sukharev O.S.

## Technological Development: Investment Structure Impact

**Abstract.** The study is aimed at determining the impact of a technology investment structure on changes in technological effectiveness of the economy that should be taken into account in the medium and long term. The research methodology includes structural and empirical analysis of the distribution of investment between new and old technologies, econometric models of technological level and investment in new and old technologies that have undergone a reasonable selection procedure according to the principle of best reliability; involves formulation of general principles and substantiation of technological development goals for the medium and long term. The technology structure determines potential of technological development and its dynamics. It is based on realized medium- and long-term goals and search for responses to competitive challenges. The work results in confirmation of the investments structure influence on the overall level of technological effectiveness of the economy, different sensitivity of investment in new and old technologies to changes in risk and interest rates. For Russian economy the analysis of two sectors, particularly manufacturing and transactional raw materials ones, shows that with interest rates gone up, we observe faster decrease in investment in new technologies than those in old technologies, the level of manufacturability goes down as well. Therefore, the task of Russian economy technological renewal can be solved with regard to risk reduction measures in the manufacturing sector and application of differentiated interest rates in a sectoral perspective, ensuring its overall reduction. Using the taxonomic analysis method, the author identifies key models of technological development (at a theoretical level) according to characteristics of the structure of investment in new and old technologies. This helps specify economic policy measures in terms of the impact of investments distribution on the technological level, as well as their dynamics, that is, evaluate contribution of investments in various types of technologies to the overall rate of economic growth.

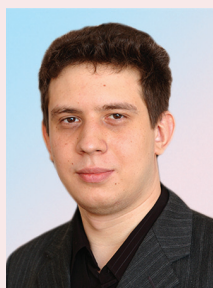
**Key words:** technology, investment in new and old technologies, medium- and long-term goals of technological development, challenges and responses to the technology development, algorithm for elaborating development goals

### Information about the Author

Oleg S. Sukharev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of RAS (Moscow, Russian Federation, 32, Nakhimovsky Prospect, 117218; e-mail: o\_sukharev@list.ru)

Статья поступила 21.11.2018.

## Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска



**Дмитрий Александрович  
ИЗOTOV**

Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153  
E-mail: izotov80@yandex.ru

**Аннотация.** Российская экономика является тесно интегрированной с мировым рынком капитала, характеризуясь видимыми региональными различиями в динамике поступления прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Цель исследования – количественная оценка факторов притока ПИИ в российские регионы в 2011–2017 гг. в рамках агрегированных и частных показателей риска и потенциала. Полученные оценки указали на положительное влияние агрегированного показателя инвестиционного потенциала на приток ПИИ в регионы. Обнаружено, что по мере нарастания рисков для отечественной экономики, статистически значимая обратная зависимость между притоком ПИИ и агрегированным показателем инвестиционного риска перестала наблюдаться с 2014 г., при видимой конвергенции между российскими регионами по данному показателю. Полученные оценки дают основание предположить, что без преодоления высоких рисков, генерируемых национальной экономикой в целом, снижение агрегированных рисков между российскими регионами в целом незначимо для увеличения притока ПИИ. В соответствии с полученной оценкой определено, что региональная динамика притока ПИИ в 2011–2017 гг. объяснялась некоторыми частными показателями инвестиционного риска и потенциала, в целом оказывавшими соответственно обратное и прямое воздействие на зависимую переменную. Специфические характеристики регионов России существенно корректировали значимость и соотношение факторов привлечения ПИИ, поэтому полученные значения соответствующих эластичностей указали скорее на различие, чем на общность частных показателей

**Для цитирования:** Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 56–72. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.3

**For citation:** Izotov D.A. Inflow of foreign direct investments in Russia's regions: potential and risk factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 56–72. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.3



риска и потенциала, объясняющих приток прямых капиталовложений на Дальний Восток по сравнению с другими российскими регионами. Вероятно, это обстоятельство подтверждает необходимость проведения дифференцированной политики по привлечению ПИИ в экономику Дальнего Востока по сравнению с другими регионами. Поскольку в исследовании отражено относительное воздействие факторов риска и потенциала на приток ПИИ для существующих в общем институциональном и экономическом пространстве российских регионов, полученные оценки могут быть дополнены более подробным изучением роли потенциала и риска России по сравнению с другими национальными экономиками.

**Ключевые слова:** прямые иностранные инвестиции, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, агрегированные и частные показатели, эластичность, фиксированные эффекты, Россия, регион, Дальний Восток.

### Введение

Обмен прямыми капиталовложениями между экономиками выступает ключевым элементом глобального инвестиционного сотрудничества. Являясь важнейшим источником привлечения технологий и производственного опыта, прямые иностранные инвестиции<sup>1</sup> (ПИИ) при прочих равных условиях посредством различного рода каналов могут оказывать долгосрочное позитивное воздействие на развитие национальной экономики [2], способствуя расширению ее внешней торговли, росту занятости, развитию человеческого капитала и увеличению общей продуктивности. С этой точки зрения важной исследовательской проблемой является оценка факторов, определяющих динамику привлечения ПИИ.

Российская экономика тесно интегрирована с мировым рынком капитала в части ПИИ, несмотря на то что относится к странам с высокими рисками для ведения экономической деятельности. В 2011–2017 гг. поступление ПИИ в отечественную экономику составило около 1,7% ВВП, что было ниже общемирового уровня (2,1%). Предполагается, что снижение рисков способно положительно повлиять на рост российской экономики и привлечение в нее ПИИ.

Исследования факторов ПИИ отталкиваются от различных постулатов, в том числе междисциплинарных, демонстрируя разнообразные

оценки. При этом выделяются как минимум два основных подхода к оценке факторов, объясняющих динамику прямых инвестиций между экономиками. По аналогии с торговыми взаимодействиями в рамках первого подхода при исследовании потоков прямых капиталовложений оценивается гравитационная зависимость взаимных инвестиций между экономиками. К настоящему времени накоплено большое количество исследований, объясняющих и предсказывающих динамику прямых инвестиций на основе гравитационного подхода как для национального [3], так и регионального уровней [4].

Второй подход заключается в определении ключевых институциональных и макроэкономических переменных, объясняющих динамику инвестиционного потока. В данном случае для получения количественных оценок достаточно статистики агрегированного инвестиционного взаимодействия экономики с внешним миром. Институциональные переменные в эмпирических исследованиях в рамках второго подхода, как правило, тождественны факторам инвестиционного риска, как составная часть т.н. «инвестиционных рейтингов» экономик различных уровней, которые регулярно публикуются как международными (Мировой банк, Heritage Foundation и др.), так и многочисленными национальными профильными организациями и рейтинговыми агентствами. В своей основе данные рейтинги опираются на рекомендации по оценке риска страны [5], в экономику которой инвестор предполагает осуществлять капиталовложения. В свою очередь, в исследованиях подобного рода немаловажной является оценка инвестиционного потен-

<sup>1</sup> Прямые инвестиции – категория трансграничных инвестиций, при которых резидент одной страны контролирует или имеет значительную степень влияния на управление предприятием, являющимся резидентом другой страны. Подробно: [1].

циала тех или иных экономик, определяемого размером их рынка, покупательной способностью населения, обеспеченностью природными ресурсами и т.д. На основе оценок подобного рода рейтингов, описывающих как общие, так и частные виды инвестиционных рисков и потенциала, накоплено достаточное количество эмпирических исследований, в которых исследовались: причинность между потоком ПИИ и показателями потенциала и риска [6]; влияние составных элементов риска как на агрегированный поток ПИИ [7], так и на отдельные виды и типы ПИИ [8]; общность [9] в рамках различных совокупностей национальных экономик и различия [10] между группами стран с точки зрения влияния рисков и потенциала на привлечение ПИИ; влияние на экономический рост рисков, сдерживающих ПИИ [11]; связь между экспортом прямых инвестиций за рубеж и рисками [12]. Среди основополагающих гипотез подобного рода исследований тестируется наличие прямой зависимости динамики инвестиционных взаимодействий с показателями инвестиционного потенциала и обратной зависимости между потоком ПИИ и показателями инвестиционного риска. В большинстве исследований данные гипотезы подтверждаются.

Что касается России, то при анализе имеющихся результатов эмпирических исследований факторов ПИИ следует учитывать, что динамика ее макроэкономических показателей характеризуется значительной волатильностью. Поэтому для разных временных промежутков результаты могут существенно отличаться друг от друга. Например, при анализе влияния ПИИ на экономический рост для одного периода данная взаимосвязь не нашла статистического подтверждения [13], а для другого временного промежутка, напротив, было обнаружено прямое воздействие ПИИ на рост экономики [14].

Для российской экономики перспективные оценки факторов притока ПИИ и экспорта прямых инвестиций за рубеж были получены в рамках первого подхода (на основе применения гравитационной зависимости) как для национального [15], так и регионального [16] уровней. В данных исследованиях было определено, что фактические значения иностранных инвестиций России значительно уступают потен-

циальным, а для восточных регионов страны фактор расстояния до столицы не являлся значимым.

В рамках второго подхода к изучению факторов притока ПИИ и экспорта прямых инвестиций за рубеж для российской экономики, т.е. показателей инвестиционного риска и потенциала, оценка проводилась для России в целом [17], но в большинстве случаев для ее регионов. По российским регионам для начала 2000-х гг. было обнаружено, что факторы, которые можно отнести к инвестиционному потенциалу территорий, способствовали привлечению ПИИ [18], а переменные, связанные с институциональными рисками, сдерживали их приток [19].

Применительно к российской экономике в последующем фокус исследований стал смещаться в сторону изучения различий в поведении различных видов ПИИ, а также влияния факторов, лежащих в основе современных институтов управления. Для регионального уровня были изучены особенности привлечения ПИИ по различным видам, в частности по принадлежности к т.н. «фиктивным прямым инвестициям» из-за рубежа<sup>2</sup>. Поскольку риски инвестирования в российскую экономику по сравнению с большинством стран мира высоки [20], значительная доля в общем объеме ПИИ в Россию стала приходиться на долю «фиктивных прямых инвестиций», которые, как было обнаружено [21], поступают в регионы, богатые природными ресурсами, и в регионы с высоким индексом восприятия коррупции, ориентируясь на реализацию менее технологичных проектов в отличие от остальных ПИИ. Далее, на основе статистики распределения ПИИ по отраслям и оценки запаздывающего влияния институциональных факторов, было показано, что в случае улучшения качества институтов государственного управления приток зарубежного капитала в российские регионы мог бы увеличиться [22].

<sup>2</sup> «Фиктивные прямые инвестиции» образуются путем выведения капитала из российской экономики в офшорные территории и его последующего возвращения под видом ПИИ с целью снижения рисков, связанных с отечественным правоприменением, а также налоговой оптимизацией корпоративного сектора.

Практически во всех исследованиях по российской экономике было обнаружено статистически значимое сдерживающее воздействие на приток ПИИ переменных риска и стимулирующее — показателей инвестиционного потенциала. Необходимо заметить, что в описанных выше исследованиях для российской экономики факторы притока ПИИ оценивались на основе данных Росстата, которые существенно отличаются от современной статистики, формируемой Центральным банком России по причине использования организациями различных методик сбора информации. На основе современных данных, формируемых по методике платежного баланса, факторы притока ПИИ не исследовались. Оценки проводились для динамики притока ПИИ до событий 2014 г., последствия которых, вероятно, будут иметь долгосрочное влияние на интенсивность привлечения зарубежного капитала в Россию<sup>3</sup>. В итоге стал наблюдаться отток из российской экономики различного вида капитала, а ее активы значительно снизились в цене.

Российская экономика, характеризовавшаяся и ранее высокими рисками для инвестирования, которые, тем не менее, частично компенсировались ростом отечественного рынка, столкнулась с ограничениями развития, имеющими структурный и институциональный характер. По мере нарастания неопределенности для экономических агентов стал сокращаться приток ПИИ. При этом Россия характеризуется многообразием территориальных социально-экономических подсистем, характеристики притока ПИИ в которые существенно различаются.

В качестве гипотезы можно предположить, что, несмотря на высокие риски и снижение потенциала для российской экономики в целом, снижение определенных рисков для инвестирования и увеличение потенциала на ре-

<sup>3</sup> Введение санкций против экономики России в связи с ее политическим противостоянием ряду ведущих стран мира; заметное снижение ценовой конъюнктуры на традиционные товары российского экспорта; значительная девальвация национальной валюты; снижение реальных доходов населения; признаки рецессии в отечественной экономике.

гиональном уровне способно положительно повлиять на приток в них ПИИ. Вероятно, на уровне региональных подсистем единое пространство национальной экономики способно исказить воздействие целого ряда социально-экономических процессов, поэтому разные части страны могут иметь отличия с точки зрения факторов, объясняющих привлечение зарубежного капитала<sup>4</sup>. Возможно, несмотря на высокую агрегацию показателя привлеченных ПИИ в Россию, его динамика и региональное распределение могут быть объяснены показателями инвестиционного риска и потенциала, оказывающими соответственно обратное и прямое воздействие на приток зарубежных капиталовложений.

Следует отметить, что за последнее десятилетие российское руководство стало уделять повышенное внимание развитию регионов Дальнего Востока, которые, в свою очередь, несмотря на ряд серьезных проблем, имеют возможности для развития на основе имеющихся избыточных природных ресурсов и близости к динамично развивающимся странам. Как представляется, привлечение ПИИ может выступить одним из важнейших элементов ускоренного развития экономики данного макрорегиона. Исходя из этого, можно предположить, что между регионами Дальнего Востока и остальными регионами России существуют видимые различия в факторах потенциала и риска, объясняющих приток ПИИ.

Целью настоящего исследования является оценка факторов инвестиционного потенциала и риска, влиявших на привлечение ПИИ в российские регионы в 2011-2017 гг. Алгоритм исследования включает следующие этапы: определение прикладной модели для количественной оценки, подбор и гармонизация статистических данных; оценка факторов притока ПИИ в российские регионы (для всего массива регионов; для дальневосточных регионов<sup>5</sup>; для российских регионов, исключая Дальний Восток).

<sup>4</sup> См., например: [16].

<sup>5</sup> Оценка проводилась для девяти регионов Дальнего Востока по фактическому состоянию на 2017 г.

**Методика оценки и статистические данные**

В соответствии с целым рядом исследований [23; 24; 25] предполагается, что динамика притока ПИИ может быть объяснена обратной связью с факторами инвестиционного риска и прямой — потенциала. Исходя из этого, функцию зависимости притока ПИИ от параметров инвестиционного потенциала и риска регионов России можно представить следующим образом:

$$FDI = f\left(\frac{1}{RISK}, POTENTIAL\right), \quad (1)$$

где  $FDI$  — показатель, отражающий приток ПИИ;  $RISK$  — параметры инвестиционного риска;  $POTENTIAL$  — параметры инвестиционного потенциала.

Оценка зависимости (1) осуществляется с применением методов регрессионного анализа. Для этого проводится ее линеаризация путем логарифмирования:

$$\log FDI_{it} = \beta_0 - \beta_n \log RISK_{it} + \beta_m \log POTENTIAL_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где  $FDI_{it}$  — сумма поступивших ПИИ в  $i$ -ый регион в год  $t$  (в текущих ценах, млн долл. США);  $\beta_n$  — коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в  $i$ -ый регион в год  $t$  по соответствующему показателю инвестиционного риска;  $\beta_m$  — коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в  $i$ -ый регион в год  $t$  по соответствующему показателю инвестиционного потенциала.

Что касается статистики ПИИ, то до 2013 г. она формируется на основе заполнения предприятиями специальных форм, которые аккумулировались в региональных отделениях Росстата. Далее для сбора статистики по ПИИ используется методология платежного баланса<sup>6</sup>. В результате два временных массива статистики ПИИ — сформированные Росстатом и Центробанком — являются несопоставимыми, поскольку их величины существенно разнятся (данные Росстата значительно меньше [26]).

<sup>6</sup> Статистические данные, разделенные по региональным потокам, доступны с 2011 г., по географической и отраслевой структуре — с 2015 г.

Самым доступным способом получения подобного рода оценки является использование для расчетов статистики Центробанка по привлеченным ПИИ за период 2011–2017 г. в рамках операций по субъектам Федерации, в которых зарегистрированы резиденты по данным платежного баланса. При этом по объективным причинам отсутствует возможность дезагрегации показателя ПИИ по отраслям, географической структуре и, соответственно, по институциональным особенностям.

На первом этапе настоящего исследования использовались рейтинговые показатели инвестиционного риска российских регионов, которые оцениваются РА «Эксперт»<sup>7</sup> с привлечением пула экспертов из представителей отечественного и зарубежного бизнеса, работающего в России, а также показатель потенциала, отражающий размер экономики — ВРП в постоянных ценах<sup>8</sup>. Данные показатели применялись для объяснения динамики притока ПИИ в регионы России в ряде других эмпирических исследований [19; 21].

На втором этапе, для более детального изучения влияния показателей риска и потенциала на приток ПИИ, могут быть применены более частные показатели. Дезагрегация показателей инвестиционного риска и потенциала регионов России осуществлялось на основе методики рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов компании «РАЭКС-Аналитика» [27].

Согласно данной методике, региональный инвестиционный риск складывается из следующих частных рисков (групп показателей<sup>9</sup>): экономического, социально-демографического, финансового, управленческого, эколо-

<sup>7</sup> Помимо данных о риске РА «Эксперт» существуют рейтинговые показатели, разрабатываемые «Опорой России», но они охватывают меньше половины российских регионов, два из которых являются дальневосточными, поэтому в настоящем исследовании они использоваться не будут.

<sup>8</sup> Потенциал характеризуют значения реального ВРП, по причине того что данные, отражающие долю регионов России в общероссийском инвестиционном потенциале, оцениваемые РА «Эксперт», имели слабую корреляцию с притоком ПИИ в российские регионы.

<sup>9</sup> В настоящем исследовании представлены как показатели по причине отсутствия возможности провести процедуру взвешивания частных показателей риска и потенциала экспертным путем.

гического и криминального. К показателям, описывающим *экономический риск*, относится статистика, характеризующая убыток организаций, долю убыточных предприятий, степень и удельный вес износа основных фондов, рентабельность проданных товаров, как в агрегированном виде, так и по видам экономической деятельности. *Социально-демографический риск* характеризуют показатели в области здравоохранения, напряженности на рынке труда, уровня жизни населения, численности вынужденных переселенцев, уровня смертности, числа дорожно-транспортных происшествий, а также этнические особенности региона. *Финансовый риск* отражает общий уровень финансовой устойчивости бизнеса, включая финансовый результат деятельности организаций, задолженность по кредитам и депозитам в рублях и иностранной валюте организаций и физических лиц, уровень кредиторской и дебиторской задолженности, в том числе просроченной. *Управленческий риск* отражается: относительной численностью работников государственных органов и органов местного самоуправления; способностью привлечения инвестиций в основные фонды, оцениваемой через их соотношение с ВРП; качеством бюджетного планирования и исполнения, а также текущей долговой нагрузкой региональных бюджетов, степенью их зависимости от трансфертов из федерального бюджета; способностью обеспечивать минимальный уровень необходимых социальных услуг. Показатели, характеризующие *экологический риск*, отражают уровень загрязнения окружающей среды через выбросы в атмосферный воздух, сбросы загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты и т.д. *Криминальный риск* характеризует уровень преступности, как в агрегированном виде, так и по различным видам правонарушений.

Аналогично инвестиционный потенциал регионов характеризуется следующими составляющими его потенциалами: *природно-ресурсным* (обеспеченность основными видами природных ресурсов); *демографическим и трудовым* (численность населения, плотность населения, размер рынка труда и его качественные характеристики); *производственным* (показатели, характеризующие объемы производства товаров и услуг по видам экономической деятельности);

потребительским (доходы населения и потребительские расходы); *инфраструктурным* (плотность дорог, обеспеченность интернетом, стоимость основных фондов, мощность электростанций, ввод в действие домов и т.д.); *инновационным* (объем инновационных товаров, работ и услуг, количество работников в научно-исследовательских организациях, финансовых затрат на НИОКР, количество заявок на патенты, их выдача и т.д.); *институциональным* (результаты деятельности малых предприятий, число предприятий и организаций, характеристики экономической деятельности совместных предприятий и предприятий, относящихся к частной собственности, объем предоставляемых услуг финансовыми и страховыми организациями и др.); *финансовым* (доходы бюджета, сальдированный финансовый результат деятельности организаций, накопленные доходы населения); *туристическим* (число гостиниц и ресторанов, туристический поток). Учитывая то обстоятельство, что ПИИ, аккумулирующиеся в регионах, в большинстве случаев осуществляются с целью вывоза произведенной продукции за пределы территории их функционирования, как правило за рубеж, перечень показателей инвестиционного потенциала региона расширен за счет включения данных об *открытости к внешним для России рынкам*, отражающихся отношением показателей торговли с зарубежными странами к ВРП и численностью привлеченной иностранной рабочей силы.

Таким образом, основополагающий набор переменных для второго этапа включал более 800 показателей, отражающих частные показатели риска и потенциала российских регионов на основе данных Росстата, РА «Эксперт», Центрального банка, Минфина, Казначейства, а также различных профильных министерств и ведомств России. Исходный массив показателей представлен статистикой за семь лет (2011–2017 гг.) по 82 субъектам Российской Федерации (регионам)<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> Из анализа исключены: Республика Крым и город федерального значения Севастополь по причине отсутствия статистических данных до 2014 г.; Ненецкий автономный округ по причине наличия нулевых наблюдений зависимой переменной. Тюменская область и входящие в ее состав автономные округа представлены как отдельные регионы.

### Результаты оценки факторов притока ПИИ в российские регионы

Оценка факторов притока ПИИ в российские регионы: индекс риска и реальный ВРП. Построение диаграмм рассеивания указало на наличие обратной зависимости между притоком ПИИ и индексом инвестиционного риска и прямой — для показателя, отражающего потенциал (как для всей совокупности, так и для регионов Дальнего Востока). Это, в свою очередь, дает основание предположить, что показатели инвестиционного риска и потенциала могут статистически значимо воздействовать на приток ПИИ в регионы России за рассматриваемый период времени (рисунок).

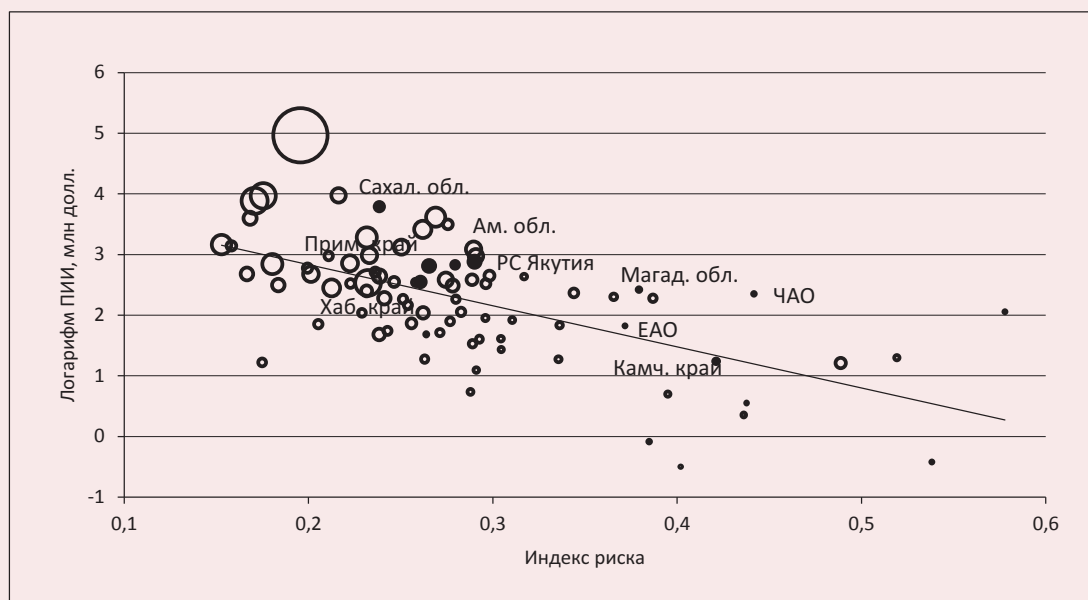
На основе зависимости (2) была проведена оценка соответствующих эластичностей на основе панельных данных с фиксированными эффектами для регионов и на годы (табл. 1).

Оценки частично подтвердили предположение настоящего исследования: потенциал регионов способствовал притоку в них ПИИ. Для 2011–2017 гг. индекс инвестиционного риска отражал обратную зависимость по отношению к притоку ПИИ в российские регионы, но без

учета региональных характеристик. Оценка показала, что с 2014 г. статистически значимая зависимость между притоком ПИИ и рейтинговым показателем инвестиционного риска перестает наблюдаться.

С 2014 г. различные риски для российской экономики в целом имели тенденцию к увеличению, переместив ее в группу стран с низким качеством институтов и высокими рисками для инвестирования, которые главным образом связаны с внешнеполитическими рисками, рисками правоприменения и системой хозяйствования. Подробный анализ данных, отражающих динамику индекса инвестиционного риска по регионам России, показал, что его медианное значение сокращалось, т.е. по этому показателю наблюдалась скорее конвергенция между российскими регионами. Это, в свою очередь, является косвенным подтверждением того обстоятельства, что снижение рисков внутри экономической системы не достаточно для смягчения сформированного иностранными инвесторами существенного негативного имиджа для национальной экономики в целом.

Индекс риска и привлеченные ПИИ в российские регионы



Примечание. Представлены средние значения показателей за 2011–2017 гг. Размер кружка соответствует размеру ВРП (в ценах 2011 г., млн. руб.). Кружками чёрного цвета обозначены дальневосточные регионы.

Источник: на основе данных Росстата, РА «Эксперт» и Центрального банка России.

Таблица 1. Результаты оценки факторов притока ПИИ в российские регионы: индекс риска и реальный ВРП

Период	Все регионы			Регионы ДВ			Остальные регионы		
	2011-2017	2011-2013	2014-2017	2011-2017	2011-2013	2014-2017	2011-2017	2011-2013	2014-2017
Индекс риска	-1,44* (0,37)	-1,55* (0,12)	-0,64*** (0,31)	-3,12* (0,89)	-6,00* (1,95)	-1,26 (2,06)	-1,70* (0,37)	-2,90* (0,75)	-1,31 (0,89)
ВРП	1,64* (0,10)	4,54* (1,31)	3,66*** (2,07)	0,86* (0,31)	9,48* (1,58)	7,31* (2,21)	1,72* (0,10)	3,42** (1,65)	3,31*** (2,00)
Константа	-17,68* (1,01)	-54,10* (16,30)	-42,27*** (25,79)	-8,72** (3,00)	-116,1* (21,37)	-84,73* (25,99)	-19,31* (1,02)	-42,04** (20,34)	-39,02 (25,95)
Количество наблюдений	574	246	328	63	27	36	511	219	292
Фикс. эффекты для регионов	нет	да	да	нет	да	да	нет	да	да
Фикс. эффекты на годы	да	да	да	да	да	да	да	да	да
R <sup>2</sup>	0,54	0,84	0,84	0,42	0,73	0,73	0,60	0,88	0,90
F-статистика	86	17	22	5,1	7,0	4,7	94	14	26
p-значение	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Примечание. В скобках приведены значения стандартных ошибок; \* – p<0,01, \*\* – p<0,05, \*\*\* – p<0,10. При учете фиксированных эффектов для регионов статистически значимые оценки первых разностей были получены только для периода 2011–2013 гг. Источник: расчеты автора.

В соответствии с оценками, наблюдалось отличие Дальнего Востока от остальных регионов России с точки зрения влияния факторов на приток ПИИ. Эластичность притока ПИИ по инвестиционному риску в 2011–2013 гг. для дальневосточных регионов более чем в два раза превосходила значение эластичности для остальных российских регионов. С одной стороны, полученные оценки дают основание полагать, что для целей увеличения притока ПИИ в экономику Дальнего Востока должны снижаться риски, препятствующие прямым капиталовложениям из-за рубежа, по сравнению с другими более успешными регионами России. С другой стороны, с 2014 г. индекс инвестиционного риска не был статистически значимым, что указывает на необходимость оценки частных показателей риска. Для дальневосточных регионов эластичность поступивших ПИИ по показателю потенциала в среднем более чем в два раза превосходила значение эластичности для остальных российских регионов. Причем с 2014 г. значение данной эластичности для Дальнего Востока сократилось, для других российских регионов – осталось примерно на уровне прошлых лет. Полученные оценки могут указывать на наличие между дальневосточными и остальными регионами существенного раз-

личия в частных показателях инвестиционно-го риска и потенциала, определяющих приток ПИИ.

*Оценка факторов притока ПИИ в российские регионы: частные показатели риска и потенциала.* Согласно описательной статистике показателей используемого массива, между регионами России наблюдается высокая вариация по целому ряду показателей, относящихся к зависимой и независимым переменным. Поэтому, для учета специфичных признаков зависимой переменной оценка проводилась с фиксированными эффектами как для времени, так и для пространственных объектов – регионов. Важной задачей являлось обнаружение таких показателей, которые были бы статистически значимы на всем анализируемом промежутке времени (2011–2017 гг.) как для всей совокупности регионов, так и для двух групп (дальневосточные и прочие субъекты Федерации)<sup>11</sup>. Оценка показателей проводилась подбором согласно их статистической значимости и содержательности из всего массива переменных. Одними из главных критериев при подборе независимых факторов являлось отсутствие у регрессоров признаков

<sup>11</sup> Оценка проводилась в рамках зависимости (2) согласно декомпозиции факторов риска и потенциала.

мультиколлинеарности и гетероскедастичности. В качестве второстепенного критерия выступало отсутствие для регрессии признаков автокорреляции.

Оценка показала, что приток ПИИ в регионы России для 2011–2017 гг. может быть описан только некоторыми частными параметрами риска и потенциала. Факторы риска действительно сдерживали привлечение ПИИ, а факторы потенциала (за исключением привлеченной иностранной рабочей силы) способствовали притоку зарубежного капитала в российские регионы (табл. 2).

В соответствии с расчетами, притоку ПИИ в регионы способствовали показатели инновационного потенциала и внешнеторговой открытости (отношение товарооборота с зарубежными странами к ВРП). Показатель потенциала открытости экономики к внешним рынкам – привлеченная иностранная рабочая сила – характеризовался обратной связью с зависимой переменной, вероятно, по причине наличия замещения между иностранным трудом и капиталом на рынке российских регионов. Сдерживали привлечение ПИИ показатели, относящиеся к

Таблица 2. Результаты оценки факторов притока ПИИ во все регионы России

Переменная	Модели		
	1	2	3
Показатель криминального риска ( <i>RISKcrime1</i> )	-0,94* (0,25)	-0,92* (0,25)	-0,89* (0,24)
Показатель финансового риска ( <i>RISKfin</i> )	-0,16* (0,04)	-0,16* (0,04)	-0,15* (0,04)
Показатель инновационного потенциала ( <i>POTENCIALinn</i> )	0,15* (0,05)	0,15* (0,05)	0,16* (0,05)
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам ( <i>POTENCIALopen1</i> )	0,44* (0,14)	0,42* (0,14)	0,39* (0,14)
Показатель социально-демографического риска ( <i>RISKsoc1</i> )	–	-0,95*** (0,49)	-0,81*** (0,48)
Показатель криминального риска ( <i>RISKcrime2</i> )	–	-0,54*** (0,32)	–
Показатель социально-демографического риска ( <i>RISKsoc2</i> )	–	–	-0,99** (0,40)
Показатель экологического риска ( <i>RISKecol</i> )	–	–	-0,74** (0,31)
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам ( <i>POTENCIALopen2</i> )	–	–	-0,61* (0,16)
Константа	8,08* (1,20)	13,29* (2,68)	22,99* (3,36)
Количество наблюдений	574	574	574
$R^2$	0,87	0,87	0,88
$DW$	2,24	2,27	2,27
$F$ -статистика	34,62	34,24	35,12
$p$ -значение	0	0	0

Примечания: 1. В таблицах 2, 3 и 4 отражены три возможные модели в рамках регрессионной зависимости (2): первая модель является основной; вторая и третья модели оценены для определения воздействия на ПИИ дополнительных независимых, не коррелирующихся между собой переменных.

2. В скобках приведены значения стандартных ошибок; \* –  $p < 0,01$ ; \*\* –  $p < 0,05$ ; \*\*\* –  $p < 0,10$ . *RISKcrime1* – изменение числа зарегистрированных преступлений (убийство и покушение на убийство, лаг, в % к предыдущему году); *RISKcrime2* – число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (в % от общей численности преступлений); *RISKfin* – сумма убытка организаций (млн. долл.); *RISKsoc1* – число дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них (на 100 тыс. чел.); *RISKsoc2* – численность зарегистрированных безработных (тыс. чел.); *RISKecol* – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т); *POTENCIALinn* – объем инновационных товаров, работ, услуг (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг); *POTENCIALopen1* – отношение товарооборота с зарубежными странами к ВРП, %; *POTENCIALopen2* – численность иностранной рабочей силы, чел.

Источник: расчеты автора.



криминальному, финансовому, социально-демографическому и экологическому видам риска. Наибольшие (по модулю) значения эластичностей были свойственны показателям криминального и социально-демографического риска. Остальные показатели, в том числе характеризующие экономический и управленческий риск, не были статистически значимы.

Следующим этапом исследования являлось подтверждение или опровержение наличия между дальневосточными и остальными российскими регионами видимого различия в факторах, определяющих приток ПИИ. Для этого были оценены факторы притока ПИИ в регионы России за исключением Дальнего Востока (табл. 3) и в дальневосточные регионы (табл. 4).

Если сравнить полученные показатели соответствующих эластичностей в табл. 3 и 4, то можно обнаружить скорее различие, чем общность факторов притока ПИИ между дальневосточными и прочими российскими регионами. Более того, соотношение оценок, полученных в табл. 3 и 4, с оценками в табл. 2 (для всех регионов России) указывает на наличие видимого разграничения по независимым переменным между двумя группами регионов.

С точки зрения объяснения притока ПИИ для дальневосточных и остальных регионов России только два фактора являлись общими (см. табл. 3 и 4). Во-первых, сдерживающий приток ПИИ показатель финансового риска, отражающий сумму убытка организаций, характеризовавшийся для Дальнего Востока по

Таблица 3. Результаты оценки факторов притока ПИИ в остальные регионы России

Переменная	Модели		
	1	2	3
Показатель криминального риска ( <i>RISKcrime1</i> )	-0,84* (0,26)	-0,82* (0,26)	-0,86* (0,26)
Показатель социально-демографического риска ( <i>RISKsoc2</i> )	-1,22* (0,42)	-1,29* (0,42)	-1,27* (0,41)
Показатель финансового риска ( <i>RISKfin</i> )	-0,10** (0,04)	-0,10** (0,04)	-0,10** (0,04)
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам ( <i>POTENCIALopen1</i> )	0,31** (0,13)	0,32** (0,04)	0,26** (0,04)
Показатель социально-демографического риска ( <i>RISKsoc1</i> )	–	-0,82*** (0,48)	–
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам ( <i>POTENCIALopen2</i> )	–	–	-0,55* (0,17)
Показатель инфраструктурно-производственного потенциала ( <i>POTENCIALinfrprod</i> )	–	–	1,01* (0,33)
Показатель экологического риска ( <i>RISKecol</i> )	–	–	-0,53*** (0,31)
Константа	10,65* (1,58)	14,72* (2,87)	13,78* (2,96)
Количество наблюдений	511	511	511
$R^2$	0,89	0,89	0,89
$DW$	2,19	2,21	2,21
$F$ -статистика	41,36	41,07	41,77
$p$ -значение	0	0	0

Примечание. В скобках приведены значения стандартных ошибок; \* –  $p < 0,01$ ; \*\* –  $p < 0,05$ ; \*\*\* –  $p < 0,10$ . *RISKcrime1* – изменение числа зарегистрированных преступлений (убийство и покушение на убийство) (лаг, в % к предыдущему году); *RISKsoc1* – число дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них (на 100 тыс. чел.); *RISKsoc2* – численность зарегистрированных безработных (тыс. чел.); *RISKfin* – сумма убытка организаций (млн долл.); *RISKecol* – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т); *POTENCIALopen1* – отношение товарооборота с зарубежными странами к ВВП (%); *POTENCIALopen2* – численность иностранной рабочей силы (чел.); *POTENCIALinfrprod* – индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году).  
Источник: расчеты автора.

Таблица 4. Результаты оценки факторов притока ПИИ в регионы Дальнего Востока

Переменная	Модели		
	1	2	3
Показатель криминального риска ( <i>RISKcrime2</i> )	-3,08*** (1,54)	-3,00*** (1,49)	-3,22*** (1,48)
Показатель экономического риска ( <i>RISKecon</i> )	-1,10** (0,50)	-1,09** (0,48)	-1,22** (0,48)
Показатель финансового риска ( <i>RISKfin</i> )	-0,67* (0,18)	-0,64* (0,17)	-0,73* (0,17)
Показатель инновационного потенциала ( <i>POTENCIALinn</i> )	0,32* (0,10)	0,30* (0,10)	0,34* (0,10)
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам ( <i>POTENCIALopen2</i> )	–	-1,14*** (0,57)	–
Показатель институционального потенциала ( <i>POTENCIALinst</i> )	–	–	7,71** (3,65)
Константа	12,44* (2,29)	22,53* (5,57)	-59,80*** (34,30)
Количество наблюдений	63	63	63
<i>R</i> <sup>2</sup>	0,82	0,84	0,84
<i>DW</i>	2,38	2,49	2,52
<i>F</i> -статистика	10,72	11,06	11,23
<i>p</i> -значение	0	0	0
Примечание. В скобках приведены значения стандартных ошибок; * – $p < 0,01$ ; ** – $p < 0,05$ ; *** – $p < 0,10$ . <i>RISKcrime2</i> – число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (в % от общей численности преступлений); <i>RISKecon</i> – удельный вес полностью изношенных основных фондов (добыча полезных ископаемых деятельности) (%); <i>RISKfin</i> – сумма убытка организаций (млн долл.); <i>POTENCIALinn</i> – объем инновационных товаров, работ, услуг (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг); <i>POTENCIALopen2</i> – численность иностранной рабочей силы (чел.); <i>POTENCIALinst</i> – число предприятий и организаций (лаг). Источник: расчеты автора.			

сравнению с другими регионами большими по модулю значениями эластичности. Отгалкиваясь от динамики убытка организаций за 2011–2017 гг., можно заключить, что для Дальнего Востока данный показатель в среднем сдерживал приток ПИИ на 17,3%, для остальных регионов России – только на 2,4%. Экономика Дальнего Востока очень чутко реагировала на рецессию в национальной экономике, что, в свою очередь, сдерживало приток ПИИ. С этой точки зрения текущая прибыльность бизнеса, которая отражается в том числе минимизацией убытков<sup>12</sup>, является одним из ключевых факторов притока ПИИ в экономику Дальнего Востока, в отличие от остальных регионов страны.

<sup>12</sup> Сальдированный финансовый результат деятельности организаций не мог быть оценен в рамках зависимости (2) по причине наличия нулевых и отрицательных величин. Оценка данного показателя в форме полуэластичности дала аналогичный результат с точки зрения направленности воздействия.

Во-вторых, привлеченная иностранная рабочая сила как показатель потенциала открытости к внешним рынкам оказывала сдерживающее воздействие на приток ПИИ дальневосточных и остальных регионов России. Согласно полученным оценкам, иностранный труд и капитал скорее всего являются субститутами: увеличение числа зарубежной рабочей силы на 1,0% приводило к сокращению ПИИ для Дальнего Востока на 1,14%, для остальных российских регионов – лишь на 0,53%. Возможно, оценка дезагрегированных статистических данных о ПИИ и иностранной рабочей силе по видам экономической деятельности и географической структуре позволит более детально проанализировать связь между этими показателями.

Далее необходимо объяснить влияние остальных факторов на приток ПИИ для двух групп регионов, причем для Дальнего Востока – более подробно.

Что касается остальных регионов России (см. табл. 3), то привлечению ПИИ способствовали показатели потенциала открытости к внешним рынкам и инфраструктурно-производственного потенциала, увеличение которых на 1,0% приводило к росту зарубежного капитала на 0,3 и 1,0% соответственно<sup>13</sup>. Помимо воздействия обозначенного выше показателя финансового риска и привлеченной иностранной рабочей силы (как одного из показателей потенциала открытости к внешним рынкам), сдерживающее воздействие на приток ПИИ остальных регионов России оказывали показатели, относящиеся к криминальному, социально-демографическому и экологическому видам риска. Для дальневосточных регионов наибольшими по модулю значениями эластичностей характеризовались показатели социально-демографического и криминального риска, которые, возможно, следует рассматривать как отражение части структурных и институциональных проблем в национальной экономике.

Для дальневосточных регионов сдерживающими ПИИ факторами являлись показатели криминального и экономического риска (см. табл.4). Согласно данным Росстата, Дальний Восток продолжительное время является лидером по количеству правонарушений на душу населения. Вероятно, по этой причине эластичность показателя криминального риска имеет сравнительно высокое значение (по модулю) и вполне возможно, что его снижение (по модулю) на 1,0% при прочих равных условиях способно положительно повлиять на приток ПИИ, увеличив его на 3,2%. Однако при этом следует иметь в виду, что статистическая значимость у данного показателя сравнительно невысокая.

Оценка показала, что экономический риск для Дальнего Востока был представлен только одним статистически значимым показателем (см. табл. 4), отражающим удельный вес полностью изношенных основных фондов по экономической деятельности, связанной с добычей полезных ископаемых. По причине узости макрорегионального потребительского рынка

ПИИ сконцентрированы в первичном секторе экономики, главным образом связанном с добычей полезных ископаемых: топливно-энергетических (преимущественно локализованных в Сахалинской области и РС Якутия) и других минеральных ресурсов (драгоценные, цветные и черные металлы). Увеличение износа основных фондов в отрасли специализации большинства регионов Дальнего Востока является индикатором последующего сокращения региональных экономик, что отрицательно влияет на ожидания инвесторов как внутри страны, так и за рубежом, способствуя спаду инвестиционной активности на территории. Увеличение степени износа основных фондов в секторе добычи полезных ископаемых также свидетельствует о сокращении конкурентоспособности отрасли, что не способствует привлечению в нее дополнительных потоков финансирования, в том числе ПИИ. Возможно, динамика износа основных фондов в секторе добычи полезных ископаемых является косвенным показателем экзогенного процесса для дальневосточной экономики, отражающим динамику внешней конъюнктуры спроса на товары сырьевой группы: например, с конца 2014 года<sup>14</sup>, в связи с падением мировых цен на ряд сырьевых товаров, последующие инвестиции в расширение и обновление добывающих мощностей на Дальнем Востоке на некоторое время были отложены. За 2011–2017 гг. для дальневосточных регионов увеличение удельного веса полностью изношенных основных фондов в секторе, связанном с добычей полезных ископаемых, составляло в среднем 6,1% в год, что сдерживало приток ПИИ в среднем на 7,5%.

В соответствии с оценкой, положительное влияние на привлечение ПИИ на Дальний Восток оказывала переменная институционального потенциала (см. табл. 4), характеризующаяся изменением числа предприятий и организаций, отражая развитие процесса конкуренции/монополизации на рынке дальневосточных регионов. За рассматриваемый период рост числа предприятий составлял в среднем 1,0% в год, что способствовало уве-

<sup>13</sup> При том что, в отличие от Дальнего Востока, общий приток ПИИ в прочие регионы имел тенденцию к сокращению.

<sup>14</sup> На мировых рынках тенденция к снижению цен по некоторым сырьевым товарам (черные и цветные металлы) стала наблюдаться с 2011 г.

личению притока ПИИ на Дальний Восток в среднем на 7,7%. Показатель инновационного потенциала (доля инновационных товаров, работ и услуг<sup>15</sup> в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг) для Дальнего Востока был статистически значимым и оказывал положительное воздействие на приток ПИИ. Воздействие данного фактора небольшое: увеличение на 1,0% доли инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров способствовало притоку ПИИ лишь на 0,3%. Показатель инновационного потенциала можно понимать как определенную характеристику динамики экономического развития макрорегиона: при росте экономики происходит пропорциональное увеличение доли инновационной продукции, вероятно, по причине роста импорта товаров, услуг и технологий, а также создания на их основе новых товаров, работ и услуг. При этом следует отметить, что после 2014 г. данный показатель практически не увеличивался по всем регионам Дальнего Востока.

Для Дальнего Востока не была обнаружена статистическая значимость воздействия на приток ПИИ показателей социально-демографического, управленческого и экологического рисков. Предполагалось, что приток иностранных инвестиций будет тесно взаимосвязан с показателями интенсивности внешнеторговой деятельности регионов Дальнего Востока. Однако для Дальнего Востока такой связи не было обнаружено, вероятно, по причине того, что реальный товарооборот между макрорегионом и зарубежными странами отражен статистикой не в полной мере<sup>16</sup>.

<sup>15</sup> Согласно методике составления данного показателя, к нему относятся новые или подвергавшиеся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям товары, работы и услуги.

<sup>16</sup> В имеющихся статистических данных не отражаются товаропотоки компаний федерального значения, занимающихся добычей природных ресурсов, вертикально интегрированных компаний топливно-энергетического сектора, предприятий оборонного комплекса и объектов, обеспечивающих национальную безопасность страны. Также необходимо заметить, что существует специфика сбыта драгоценных металлов, которые на Дальнем Востоке производятся в том числе совместными предприятиями и организациями со 100% иностранным капиталом.

## Заключение

Полученные оценки отчасти подтвердили ряд предположений настоящего исследования: инвестиционный потенциал российских регионов способствовал притоку в них ПИИ. При этом статистически значимая зависимость между притоком ПИИ и индексом инвестиционного риска перестала наблюдаться с 2014 г., поскольку различные риски для российской экономики в целом стали иметь тенденцию к увеличению, переместив ее в группу стран с низким качеством институтов и высокими рисками для инвестирования. По показателю индекса инвестиционного риска также наблюдалась скорее конвергенция между российскими регионами. Из этого следует, что для увеличения притока ПИИ среднее снижение агрегированных рисков между регионами явно не достаточно для преодоления высоких рисков, генерируемых национальной экономикой в целом.

Российская экономика характеризуется видимыми региональными различиями в динамике притока прямых капиталовложений из-за рубежа. Региональная динамика показателя притока ПИИ в 2011–2017 гг. объяснялась некоторыми частными показателями инвестиционного риска и потенциала, в целом оказывающими обратное и прямое воздействие на зависимую переменную соответственно.

Притоку ПИИ в российские регионы способствовали показатели инновационного потенциала и внешнеторговой открытости. Показатель потенциала открытости экономики к внешним рынкам – привлеченная иностранная рабочая сила – характеризовался обратной связью с ПИИ, вероятно, по причине замещения между иностранным трудом и капиталом на рынке российских регионов. Сдерживали привлечение ПИИ показатели, относящиеся к криминальному, финансовому, социально-демографическому и экологическому видам риска. Наибольшие (по модулю) значения эластичностей были свойственны показателям криминального и социально-демографического риска.

Специфические характеристики территориальных подсистем России существенно корректировали значимость и соотношение факторов притока ПИИ, поэтому полученные значения

соответствующих эластичностей указали скорее на различие, чем на общность частных показателей риска и потенциала, объясняющих приток ПИИ в дальневосточные регионы по сравнению с другими российскими регионами. Вероятно, это обстоятельство подтверждает необходимость проведения более дифференцированной политики по привлечению ПИИ в экономику Дальнего Востока по сравнению с другими регионами.

Во-первых, привлечению ПИИ в остальные регионы России способствовали показатели потенциала открытости к внешним рынкам и инфраструктурно-производственного потенциала. Сдерживающее воздействие на приток ПИИ остальных регионов России оказывали показатели, относящиеся к криминальному, социально-демографическому и экологическому видам риска. Для прочих регионов России наибольшими по модулю значениями эластичностей характеризовались показатели социально-демографического и криминального риска, которые можно рассматривать как отражение структурных и институциональных проблем в национальной экономике.

Во-вторых, с точки зрения объяснения притока ПИИ для дальневосточных и остальных регионов России только два фактора описывались аналогичными показателями. Показатель финансового риска, отражающий сумму убытка организаций, для Дальнего Востока был главным сдерживающим фактором притока ПИИ в отличие от остальных регионов России. Согласно полученным оценкам, иностранный труд и капитал скорее всего являлись субститутами.

В-третьих, для дальневосточных регионов сдерживающими ПИИ факторами являлись показатели криминального и экономического риска. Вероятно, снижение уровня криминальности в макрорегионе при прочих равных условиях способно положительно повлиять на приток ПИИ. Экономический риск для Дальнего Востока был представлен показателем, отражающим удельный вес полностью изношенных основных фондов по экономической деятельности, связанной с добычей полезных ископаемых, являясь вторым по силе воздействия фактором, сдерживающим приток ПИИ.

В-четвертых, положительное влияние на привлечение ПИИ на Дальний Восток оказы-

вали переменные инновационного и институционального потенциала. Показатель инновационного потенциала можно понимать как определенную характеристику динамики экономического развития макрорегиона, при этом воздействие данного фактора было небольшим. Переменная институционального потенциала, характеризующая динамикой численности предприятий и организаций, отражала развитие процесса конкуренции на рынке дальневосточных регионов, способствуя увеличению притока ПИИ на Дальний Восток в среднем на 7,7% в год. При этом следует обозначить процесс нарастающей монополизации рынка макрорегиона, проявляющейся в замене регионального бизнеса крупными федеральными собственниками, сокращении за последние годы доли независимых малых и средних производителей в сырьевых отраслях Дальнего Востока.

За последние годы возможности по ведению бизнеса для зарубежных прямых инвесторов на российском рынке в существующих институциональных и конъюнктурных условиях заметно ограничиваются, в том числе по причине меняющихся правил игры<sup>17</sup>, а опасения корпоративного сектора пострадать от санкционных ограничений к экономике России, вероятно, вызывают необходимость регистрации инвестиционных потоков через офшорные территории. Однако эти риски на основе использованной статистики и инструментария не могут быть идентифицируемы, являясь экзогенными для пространственных объектов, представляя собой общий институциональный (в том числе санкционный) фон для всей российской экономики. В свою очередь это является дополнительным сдерживающим процессом для притока ПИИ, который может быть подробно изучен в последующем исследовании. По мере доступности статистических данных также представляется важным оценить воздействие риска и потенциала на приток прямых иностранных инвестиций, не относящихся к «фиктивным прямым инвестициям», поскольку, как предполагается, именно данные капиталовложения наиболее чувствительны к волатильности изучаемых показателей.

<sup>17</sup> См., например: [28].

## Литература

1. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж. URL: [https://www.cbr.ru/statistics/credit\\_statistics/meth-kom-di.pdf](https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/meth-kom-di.pdf) (дата обращения: 01.03.2019).
2. Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. When does FDI have positive spillovers? Evidence from 17 transition market economies. *Journal of Comparative Economics*, 2014, vol. 42, pp. 954-969. DOI: 10.1016/j.jce.2014.08.003
3. Eichengreen B., Tong H. Is China's FDI coming at the expense of other countries? *Journal of the Japanese and International Economies*, 2007, vol. 21, pp. 153-172. DOI: 10.1016/j.jjie.2006.07.001
4. Schäffler J., Hecht V., Moritz M. Regional determinants of German FDI in the Czech Republic: new evidence on the role of border regions. *Regional Studies*, 2017, vol. 51, pp. 1399-1411. DOI: 10.1080/00343404.2016.1185516
5. Bhalla B. How corporations should weigh up country risk. *Euromoney*, 1983, June, pp. 66-72.
6. Gokmenoglu K., Kirikkaleli D., Eren B.M. Time and frequency domain causality testing: The causal linkage between FDI and economic risk for the case of Turkey. *The Journal of International Trade & Economic Development*, 2019. DOI: 10.1080/09638199.2018.1561745
7. McGowan C.B. Jr., Moeller S.E. A model for making foreign direct investment decisions using real variables for political and economic risk analysis. *Managing Global Transitions*, 2009, vol. 7, pp. 27-44. Available at: [http://www.fm-kp.si/zalozba/ISSN/1581-6311/7\\_027-044.pdf](http://www.fm-kp.si/zalozba/ISSN/1581-6311/7_027-044.pdf)
8. Burger M., Ianchovichina E., Rijkers B. Risky business: political instability and sectoral greenfield foreign direct investment in the Arab world. *World Bank Economic Review*, 2016, vol. 30, pp. 306-331. DOI: 10.1093/wber/lhv030
9. Wisniewski T.P., Pathan S.K. Political environment and foreign direct investment: Evidence from OECD countries. *European Journal of Political Economy*, 2014, vol. 38, pp. 13-23. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2014.07.004
10. Azzimonti M. The politics of FDI expropriation. *International Economic Review*. 2018, vol. 59, pp. 479-510. DOI: 10.1111/iere.12277
11. Nazeer A.M., Masih M. *Impact of political instability on foreign direct investment and Economic Growth: Evidence from Malaysia*. MPRA Paper 79418. University Library of Munich. Germany. 2017. Available at: [https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79418/1/MPRA\\_paper\\_79418.pdf](https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79418/1/MPRA_paper_79418.pdf)
12. Kurecic P., Kokotovic F. The relevance of political stability on FDI: A VAR analysis and ARDL models for selected small, developed, and instability threatened economies. *Economies*, 2017, vol. 5, pp.1-21. DOI: 10.3390/economies5030022
13. Ledyeva S., Linden M. Determinants of economic growth: empirical evidence from Russian regions. *The European Journal of Comparative Economics*, 2008, vol. 5, pp. 87-105. Available at: <http://eaces.liuc.it/18242979200801/182429792008050105.pdf>
14. Iwasaki I., Suganuma K. Foreign direct investment and regional economic development in Russia: an econometric assessment. *Economic Change and Restructuring*, 2015, vol. 48, pp. 209-255. DOI: 10.1007/s10644-015-9161-y
15. Драпкин И.М., Мариев О.С., Чукавина К.В. Количественная оценка потенциала импорта и экспорта прямых зарубежных инвестиций в российской экономике на основе гравитационного подхода // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 4. С. 75-95.
16. Mariev O.S., Drapkin I.M., Chukavina K.V., Rachinger H. Determinants of FDI inflows: the case of Russian regions. *Economika regiona [Economy of Region]*, 2016, vol. 12, pp. 1244-1252. DOI: 10.17059/2016-4-24
17. Fabry N., Zeghni S. Foreign direct investment in Russia: how the investment climate matters. *Communist and Post-Communist Studies*, 2002, vol. 35, pp. 289-303. DOI: 10.1016/S0967-067X(02)00012-0
18. Kayam S., Yabrukov A., Hisarciklilar M. What causes the regional disparity of FDI in Russia? A spatial analysis. *Transition Studies Review*, 2013, vol. 20, pp. 63-78. DOI: 10.1007/s11300-013-0272-8
19. Ledyeva S. Spatial econometric analysis of foreign direct investment determinants in Russian regions. *World Economy*, 2009, vol. 32, pp. 643-666. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2008.01145.x
20. Izotov D.A. The Far East. Innovations in public policy. *Problems of Economic Transition*, 2017, vol. 59, pp. 799-813. DOI: 10.1080/10611991.2017.1416839

21. Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. *If foreign investment is not foreign: round-trip versus genuine foreign investment in Russia. CEPPI Working Papers, February 2013*. Available at: [http://www.cepii.fr/PDF\\_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf](http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf)
22. Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T. Foreign direct investment and governance quality in Russia. *Journal of Comparative Economics*, 2014, vol. 42, pp. 874-891. DOI: 10.1016/j.jce.2014.08.001.
23. Topal M.H., Gül Ö.S. The effect of country risk on foreign direct investment: a dynamic panel data analysis for developing countries. *Journal of Economics Library*, 2016, vol. 3, pp. 141-155. DOI: 10.1453/jel.v3i1.771
24. Kim H. Political stability and foreign direct investment. *International Journal of Economics and Finance*, 2010, vol. 2, pp. 59-71. DOI: 10.5539/ijef.v2n3p59
25. Ramcharran H. Foreign direct investment and country risk: further empirical evidence. *Global Economic Review*, 1999, vol. 28, pp. 49-59. DOI: 10.1080/12265089908449766
26. Гладышева А.А. Источники данных в эмпирическом анализе прямых иностранных инвестиций в России // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 163-182.
27. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика». URL: [https://raex-a.ru/update\\_files/3\\_13\\_method\\_region.pdf](https://raex-a.ru/update_files/3_13_method_region.pdf) (дата обращения: 01.02.2019).
28. Kluge J.N. Foreign direct investment, political risk and the limited access order. *New Political Economy*, 2017, vol. 22, pp. 109-127. DOI: 10.1080/13563467.2016.1201802

### Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Izotov D.A.

### Inflow of Foreign Direct Investments in Russia's Regions: Potential and Risk Factors

**Abstract.** The Russian economy is closely integrated with the world capital market and at the same time possesses visible regional differences in the dynamics of foreign direct investment (FDI). The goal of our research is to carry out quantitative assessment of the factors that promote the inflow of FDI to Russia's regions in 2011–2017 within the framework of aggregated and private indicators of risk and potential. The estimates we have obtained indicate that the aggregate investment potential has a positive impact on FDI inflows to the regions. We find out that as the risks for the domestic economy increase, the statistically significant inverse correlation between FDI inflows and the aggregate investment risk index ceased to be observed since 2014, alongside the remaining visible convergence between Russia's regions on this indicator. Our estimates suggest that without overcoming the high risks generated by the national economy as a whole, the reduction in aggregate risks between Russia's regions does not play a significant part in increasing FDI inflows. In accordance with our assessment, we determine that the regional dynamics of FDI inflows in 2011–2017 was explained by some private indicators of investment risk and potential, which, in general, had a reverse and direct impact on the dependent variable, respectively. The specific characteristics of Russia's regions significantly adjusted the importance and the ratio of FDI attraction factors, so the obtained values of the corresponding elasticities indicated a difference rather than a commonality of private indicators of risk and potential, the indicators that drive the inflow of direct investment to the Far East compared to other regions of Russia. This fact probably confirms the need for differentiated policies to attract FDI to the economy of the Far East in comparison with other regions. Since our research reflects the relative impact of risk and potential factors on FDI inflows for Russia's regions that exist in the single institutional and economic space, the estimates we have obtained

can be supplemented by a more detailed study of the role of Russia's potential and risk compared to other national economies.

**Key words:** foreign direct investment, investment potential, investment risk, aggregate and private indicators, elasticity, fixed effects, Russia, region, Far East.

### **Information about the Author**

Dmitrii A. Izotov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Статья поступила 15.03.2019.



## Оценка цифровых экосистем регионов России\*



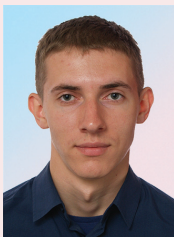
**Вера Владимировна  
СТЕПАНОВА**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова  
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17  
E-mail: nirvvs@mail.ru



**Анна Вячеславовна  
УХАНОВА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики  
им. академика Н.П. Лаверова РАН  
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23  
E-mail: karmy-anny@yandex.ru



**Алексей Викторович  
ГРИГОРИШИН**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова  
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17  
E-mail: grigorishchin@mail.ru



**Дилмурад Батырджанович  
ЯХЯЕВ**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова  
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17  
E-mail: dilmurad-92@mail.ru

\* Публикация подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-2772.2018.6.

**Для цитирования:** Оценка цифровых экосистем регионов России / В.В. Степанова, А.В. Уханова, А.В. Григоришин, Д.Б. Яхьяев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 73-90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.4

**For citation:** Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyaev D.B. Evaluating digital ecosystems in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 73-90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.4

**Аннотация.** Успешное становление и функционирование цифровой экономики возможно лишь в адекватной ей цифровой экосистеме, семантическое и структурное содержание которой пока еще не определено в должной степени. Такую неопределенность можно констатировать как на разных уровнях (федеральном, региональном и локальном), так и в различных аспектах: субъектном, отраслевом, сегментном, техническом и других. При этом необходимость осуществления эффективных мер по развитию региональных цифровых экосистем предполагает не только понимание их качественного содержания, но и точную количественную оценку. В статье анализируются концептуальные подходы к определению цифровой экосистемы, предлагается своё понимание ее полного содержания, которое позволяет построить достаточно верифицируемую оценку развития цифровых экосистем на региональном уровне. Авторами представлена методика оценки развития региональных цифровых экосистем, включающая расчет двух интегрированных индексов, на основе которых проведен анализ по 82 субъектам России за два года. Проведенное исследование позволяет выявить наличие существенной дифференциации регионов по уровню развития цифровых экосистем, а также определить ряд характерных типов регионов в этом контексте. Осуществленная оценка показала, что наряду с большинством регионов, в которых определяется среднее развитие цифровых экосистем, в отдельных регионах проявляются и противоположные тенденции. Есть регионы, в которых условия цифровой среды ниже средних, но уровень развития экосистемы в них средний или выше, например Белгородская и Кировская области. Есть и противоположная ситуация, где условия достаточно высокие, но уровень развития цифровой экосистемы в целом оставляет желать лучшего. Таким негативным примером оказалась Московская область. Выявлены также как регионы-лидеры, так и проблемные регионы. Авторы выражают надежду, что осуществление достоверной оценки развития цифровых экосистем на основе предложенной методики будет способствовать выработке эффективных решений для успешного продвижения цифровой экономики в России.

**Ключевые слова:** цифровая экономика, экосистема цифровой экономики, индекс активности субъектов цифровизации, индекс условий цифровизации, оценка уровня развития цифровых экосистем, матрица цифровизации регионов.

### Введение

Для развития цифровой экономики в России 2017 год оказался прорывным. Цифровая экономика стала ключевой темой выступления Президента РФ на Петербургском международном экономическом форуме-2017, в котором он подчеркнул, что России необходимо наращивать технологические, кадровые и интеллектуальные преимущества в области цифровой экономики. В данном выступлении говорилось о необходимости формирования гибкой нормативной базы в целях внедрения цифровых технологий во все сферы жизни, учитывая при этом обеспечение информационной безопасности граждан, бизнеса и государства. Подтверждением взятого Россией курса на цифровизацию стало создание Фонда развития цифровой экономики «Цифровые платформы», направленного на содействие созданию отраслевых цифровых платформ, исследование направлений и технологий цифровой экономики, уча-

стие в разработке государственных и профессиональных программ развития и т.д., а также утверждение в середине 2017 года двух важнейших документов стратегического планирования: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы<sup>1</sup> и Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»<sup>2</sup>. Оба стратегических документа уделяют большое внимание формированию экосистемы цифровой экономики. Тем не менее можно представить лишь несколько существующих в настоящее время определений

<sup>1</sup> Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 26.05.2018).

<sup>2</sup> Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряж. Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 27.05.2018).

этого нового явления, что объясняется прежде всего его недостаточной сформированностью и изученностью. Кроме того, в современной отечественной научной литературе практически отсутствуют работы, посвященные оценке развития цифровой экосистемы в России с учетом имеющихся особенностей и реалий. В связи с этим целью настоящего исследования стало выявление сущности и содержания «цифровых экосистем», разработка и апробация методики их оценки и пилотный анализ их развития в регионах России. При этом высокий уровень социально-экономической дифференциации территории Российской Федерации обуславливает необходимость и высокую актуальность проведения оценок формирования экосистем цифровой экономики именно на региональном уровне, что впоследствии станет основой для разработки рекомендаций по их развитию.

#### **Обзор концептуальных подходов и методология исследования**

На государственном уровне термин «экосистема цифровой экономики» понимается как партнерство организаций, которые обеспечивают постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, граждан и организаций. Именно такое определение дается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Похожее определение предложено представителями Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования: по мнению Д.Р. Белоусова, экосистема цифровой экономики представляет собой систему «взаимодействующих, обменивающихся цифровыми ресурсами и трансформирующих одни их виды в другие субъектов» [1, с. 6-17]. Субъектовый подход к пониманию экосистемы цифровой экономики сосредоточивает свое внимание на акторах, обеспечивающих цифровизацию, но не уделяет внимания условиям, в которых они функционируют. С этой точки зрения особый интерес представляет научная статья «Цифровая экономика: концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли», в которой ее авторы дают следующее определение экосистемы цифровой отрасли: «Это среда, обеспечивающая условия для инновацион-

ного развития и распространения цифровых сервисов, цифровых продуктов, приложений и устройств в конкретном секторе цифровой экономики» [2, с. 17-28]. Как видно, в этом определении акцент смещен уже в сторону условий цифровизации, однако остается непонятным, кто обеспечивает развитие и распространение цифровых продуктов и услуг. Еще одно определение экосистемы сформулировано в исследовании Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) – некоммерческой организации, объединяющей более 150 вендоров рынка электронных коммуникаций России. В презентации отчета по результатам исследования 2017 года экосистема цифровой экономики представлена как «те сегменты рынка, где добавленная стоимость создается с помощью цифровых (информационных) технологий». РАЭК предлагает рассматривать экосистему цифровой экономики через её декомпозицию на 7 хабов: 1. Государство и общество; 2. Маркетинг и реклама; 3. Финансы и торговля; 4. Инфраструктура и связь; 5. Медиа и развлечения; 6. Кибербезопасность; 7. Образование и кадры<sup>3</sup>. Такой подход ограничивает экосистему цифровой экономики лишь цифровыми сегментами рынка, в то время как в реальности субъекты цифровой экономики взаимодействуют также с другими секторами (в частности, с наукой, энергетикой, инновационным сектором и др.). От развития этих сегментов в не меньшей степени зависит уровень цифровизации экономики. На наш взгляд, необходима более широкая трактовка понятия экосистемы цифровой экономики, вытекающая из общепризнанного в естественнонаучных дисциплинах определения «экосистема». Сам термин «экосистема» был введен в науку экологом А. Тенсли для обозначения совместно обитающих организмов и условий их существования, находящихся в закономерной взаимосвязи друг с другом [3].

Используя метод аналогии и опираясь на синтез субъектового, средового и сегментного подходов, мы предлагаем включать в цифровую экосистему как субъекты цифровизации, так и цифровую среду, создающую условия для развития цифровой экономики и цифрового об-

<sup>3</sup> Ежегодный аналитический отчет РАЭК «Экономика рунета 2017». URL: [http://raec.ru/upload/files/detogi\\_booklet.pdf](http://raec.ru/upload/files/detogi_booklet.pdf) (дата обращения: 20.05.2018).

щества. По нашему мнению, «цифровая экосистема» представляет собой полиструктурную взаимосвязь основных акторов цифровизации экономики (население, государство, бизнес-структуры) и базовых условий их функционирования.

Исходя из целей программы «Цифровая экономика Российской Федерации» создание экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, направлено на обеспечение эффективного взаимодействия бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан. Таким образом, именно бизнес в лице предпринимателей, население и государство в лице органов государственной власти выступают в качестве главных субъектов цифровой экономики [4]. Нередко интересы данных акторов определяются в оппозиции друг к другу и входят в противоречия. Для их устранения и нивелирования наукой было предложено множество концепций, среди которых устойчивое развитие [5; 6], концепция корпоративной социальной ответственности [7; 8, с. 87-90; 9, с. 81-84], теория стейкхолдеров [10; 11, с. 418-422] и др. На наш взгляд, наибольшего внимания в контексте проводимого исследования заслуживает концепция общих ценностей. Основоположники концепции – М. Портер и М. Крамер [12, с. 72-86; 13, с. 62-77] определили ее как систему политик и операционных практик, которые усиливают конкурентоспособность компании, одновременно улучшая экономические и социальные условия тех сообществ, в которых она работает. Относительно вопросов развития цифровой экономики концепция общих ценностей позволяет обеспечить баланс интересов бизнеса (использование новых программных и информационных средств, позволяющих увеличить производительность компаний; осуществление продажи товаров и услуг через Интернет, способствующих снижению издержек и др.), власти (внедрение электронного документооборота, позволяющего снизить материальные и временные затраты органов управления; сокращение расходов на связь и др.) и населения (использование информационных технологий, предоставляющих новые возможности для

обучения и коммуникации; получение услуг в электронном виде, способствующих минимизации временных затрат и др.).

Основываясь на концепции общих ценностей и выделив основных заинтересованных субъектов, предлагаем включить в оценку уровня цифровизации регионов России следующие направления:

1. Цифровую активность населения [14, с. 295-304].

Граждане, которые имеют доступ к сети Интернет и необходимые навыки для его использования, могут участвовать в широком спектре онлайн-мероприятий. Это может быть связано с использованием онлайн-контента (например, новостей, музыки, видео или игр, получения мультимедийной информации или участия в интерактивном социальном взаимодействии) посредством современных коммуникационных мероприятий (например, с использованием социальных сетей, электронной почты, скайпа) или с использованием цифровых возможностей для электронной коммерции. Население, использующее сеть Интернет для заказа банковских услуг, денежных переводов, услуг страхования, для операций с акциями и иными ценными бумагами, значительно экономит своё время и финансы.

2. Цифровую активность организаций [15, с. 218-229].

Оцифровка является главным фактором конкурентного преимущества организаций и роста их экономических показателей. Внедрение цифровых технологий может повысить эффективность производства товаров и услуг, сократить расходы или обеспечить более тесное взаимодействие с клиентами, сотрудниками или деловыми партнерами и становится обязательным требованием конкурентоспособности. Это, наряду с возможностью использования Интернета в качестве точки продажи, вносит существенный вклад в модернизацию бизнеса.

3. Цифровизацию государства [16, с. 221-236].

Взаимодействие организаций и граждан с государственным сектором может быть упрощено и стать качественным с использованием цифровых технологий. Государственные органы могут воспользоваться цифровыми технологиями, чтобы лучше справляться со все более

сложными потребностями бизнеса и гражданина, одновременно значительно сокращая затраты. А благодаря более качественным и более упорядоченным государственным услугам граждане и организации получают большую функциональность государственных услуг с минимальными временными затратами.

По нашему мнению, помимо взаимодействия субъектов цифровизации (бизнеса, населения и государства) в цифровую экосистему входят 6 важнейших условий существования цифровой экономики и цифрового общества, образующих своеобразную «цифровую среду обитания». Рассмотрим каждое из шести условий подробнее.

1. Цифровая инфраструктура названа в числе важнейших условий цифровизации экономики и общества как в государственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», так и в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. На особое значение развития цифровой инфраструктуры указывают также ученые [17; 18, с. 907-932] и специалисты информационной индустрии. Так, Андрей Воробьев, директор Координационного центра доменов RU/.РФ, отмечает, что стабильная и устойчивая работа инфраструктуры играет ключевую роль в процессе цифровизации: «Как два века назад экономическое развитие региона зависело от дорог, по которым мог проехать гужевого транспорт, а столетие назад — от проложенных железнодорожных путей, так же и сейчас, коммуникации играют ключевую роль. Только при цифровом укладе место железных и автомобильных дорог занимают каналы распространения информации». Таким образом, развертывание единой системы каналов электросвязи, обеспечивающей цифровизацию телефонной сети и доступ к услугам высокоскоростного широкополосного Интернета, является одним из важнейших факторов цифровизации экономики и общества.

2. Цифровые компетенции населения. К ним, согласно определению Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, относятся навыки населения в сфере применения персональных компьютеров, Интернета и иных видов информационно-коммуникационных технологий, а также желания людей в приобретении ИКТ-компетенций, зна-

ний и опыта<sup>4</sup>. Цифровые компетенции варьируются от базовых, необходимых людям для эффективного использования цифровых технологий для личных целей, учебы и работы, до передовых или профессиональных, требующихся для развития и создания новых цифровых товаров и услуг, повышения производительности труда на основе использования цифровых технологий. При этом решающее значение остается за базовыми компетенциями, позволяющими человеку стать частью цифрового общества, быстро воспринимать новые знания и адаптироваться к новой нестандартной деятельности. Таким образом, базовые цифровые компетенции населения, выражающиеся прежде всего в навыках пользования персональным компьютером и сетью Интернет, являются на сегодняшний день необходимым условием конкурентоспособности человека в цифровой экономике.

3. Цифровое образование. Цифровые компетенции населения особым образом зависят от уровня развития системы образования. Сегодня перед Россией поставлена амбициозная задача национального уровня — достижение всеобщей цифровой грамотности населения. Важнейшую роль в этом процессе играет высшее образование, поскольку его получение в настоящее время (в отличие от других уровней системы образования) просто немыслимо без формирования у человека как минимум базовых цифровых компетенций. Первостепенная роль принадлежит высшему образованию и в решении задачи увеличения выпуска специалистов в сфере цифровой экономики. Из всего вышесказанного следует, что развитие цифровой экономики в нашей стране в значительной степени зависит от эффективной работы системы высшего образования, в том числе реализации программ цифрового образования и наличия необходимой материально-технической базы.

4. Пространственно-территориальное устройство. На развитие цифровой экономики значительное влияние оказывает и пространственно-территориальное устройство, в частности уровень урбанизации и освоенности территории. Важность урбанизации территории обусловлена тем, что в настоящее время именно города концентрируют в себе основные тех-

<sup>4</sup> Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/207284687.html> (дата обращения: 30.05.2018).

нологические, информационные и интеллектуальные ресурсы. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает реализацию ряда мероприятий по созданию «умных городов», в которых центральное место будет принадлежать цифровым технологиям управления энергетическими, водными ресурсами, общественным транспортом и т. д.

Большое внимание в вопросах развития цифровой экономики и общества необходимо уделить и освоённости территории. По плотности населения и обеспеченности землей Россия относится к одной из малоосвоенных стран мира. Стоит отметить, что хорошо освоенные и густонаселенные ареалы Северного Кавказа, Московской агломерации контрастируют с неосвоенными просторами Севера, Сибири и Дальнего Востока [19, с. 85-91]. Это значительно затрудняет и удорожает развитие цифровой инфраструктуры, делает невозможным включение части населения отдаленных и труднодоступных районов в информационное общество. Решению этих проблем может помочь форсированное (с участием государства) формирование информационной инфраструктуры: развитие этой инфраструктуры сформирует ИТ-каркасы, которые, скорее всего, будут несколько отличаться от территориально-пространственного каркаса существующих систем расселения, что может стать стимулом их развития. Впоследствии интеграция цифровых технологий, формируемых и функционирующих в «умных городах», позволит сформировать «умную систему расселения» [20, с. 68-74; 21, с. 9-20; 22].

5. Развитие науки и инноваций. Среди пяти направлений развития цифровой экономики, обозначенных государственной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» в качестве базовых, помимо нормативного регулирования, кадров и образования, информационной инфраструктуры и информационной безопасности, также выделено формирование исследовательских компетенций и технических заделов. Научные исследования и инновации являются одним из главных драйверов развития экономики в современном мире. Так, именно инновации в сфере компьютерных технологий, трансформировавших сферу телекоммуникаций, обеспечили возможно-

сти создания и развития электронной почты, социальных сетей, мессенджеров, которые, в свою очередь, стали мощнейшим толчком к формированию цифровой экономики.

6. Доступность ресурсов. Одним из наиболее значимых ресурсов развития цифровой экономики выступают энергоресурсы. Использование мощных компьютеров, осуществление транзакций платежных систем, а также другие цифровые процессы требуют значительных затрат электроэнергии. В этом отношении территории, характеризующиеся энергоизбыточностью, имеют определенные конкурентные преимущества в развитии цифровой экономики. Другим важнейшим ресурсом, без которого невозможно представить развитие ни одной сферы жизни общества, являются финансовые ресурсы. Реализация проекта перехода экономики страны на цифровые технологии потребует существенных вложений. Значительная стоимость создания цифровой инфраструктуры, высокая скорость морального старения цифрового оборудования, длительные сроки подготовки высококвалифицированного персонала обуславливают необходимость высоких затрат как со стороны государства, так и бизнеса.

#### Методика исследования

Авторским коллективом был выполнен анализ существующих подходов к оценке цифровой экономики. В результате были отобраны четыре международных методики, на основе которых осуществляется межстрановое сравнение:

1. Методика «Digital Planet 2017»<sup>5</sup>, разработанная Бхаскаром Чакраворти и Рави Шанкаром Чатурведи в Школе права и дипломатии имени Флэтчера. В её рамках авторы оценивали состояние и темпы развития цифровой экономики государств мира. Разработанный ими Индекс цифрового развития (Digital Evolution Index) включает в себя 170 показателей, сгруппированных по 4-м основным факторам:

- уровень предложения (наличие доступа к Интернету и степень развития инфраструктуры);
- спрос населения на цифровые технологии;

<sup>5</sup> Digital Planet 2017. How competitiveness and trust in digital economies vary across the world. Report / The Fletcher School, Tufts University. Available at: [https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital\\_Planet\\_2017\\_FINAL.pdf](https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf)

- институциональная среда (политика государства, законодательство, ресурсы);
- инновационный климат (инвестиции в исследования и стартапы).

В 2017 году в результате расчета Индекса цифрового развития в 60 странах авторы составили схему «Цифровая Планета» (Digital Planet), в которой были выделены 4 области: область проблемных стран, область перспективных стран, область лидирующих стран и область стран с замедляющимся темпом роста.

2. Методика Европейской комиссии расчета Индекса цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index)<sup>6</sup>. Данный индекс рассчитывается на основе данных по 31 показателю, объединенных в 5 направлений: связь (фиксированный широкополосный доступ, мобильный широкополосный доступ, скорость Интернета и стоимость), человеческий капитал (базовые навыки и коммуникации, перспективные возможности), использование сети Интернет (контент, связь и транзакции), интеграция цифровых технологий (электронный бизнес и электронная коммерция) и государственные цифровые услуги (электронное правительство).

3. Индекс развития ИКТ – ICT Development Index – IDI<sup>7</sup> (Международный союз электросвязи). Цели: измерение состояния и уровня развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в странах мира.

Индекс развития ИКТ представляет собой комплексный индикатор, состоящий из 11 показателей, объединенных в 3 субиндекса: развития инфраструктуры и доступа к ИКТ (Access Index), а также использования ИКТ (Use Index) и навыков работы с ИКТ (Skills Index).

4. Индекс готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index, NRI)<sup>8</sup>.

Данный индекс применим в качестве средства для анализа и построения сравнительных

рейтингов, которые отражают уровень развития информационного общества в различных странах. Он измеряет информационные возможности экономик 129 государств, включенных в индекс, по 67 параметрам, объединенным в три основные группы: наличие условий для развития ИКТ; готовность граждан, деловых кругов и государственных органов к использованию ИКТ; уровень использования ИКТ в общественном, коммерческом и государственном секторах. Методика расчета индекса построена на трех основных факторах: среда, готовность и использование ИКТ. Каждый фактор индекса представляет собой агрегированные суб- и микроиндексы с указанием веса критериев, рассчитываемых на основе статистических и экспертных показателей, и числа показателей каждого субиндекса.

Однако, по нашему мнению, данные методики характеризуются рядом недостатков:

а) показатели, используемые рассмотренными методиками, отсутствуют в региональной статистике;

б) неприменимость для РФ, поскольку отечественная статистика не ведет учет целого ряда показателей;

в) несопоставимость значений индексов со значениями предыдущих лет (методики расчета постоянно меняются);

г) не учитывают различия стран по площади их территории и географии, которые имеют существенное значение для развития ИКТ.

Говоря о цифровых экосистемах территорий, необходимо отметить отсутствие методик их комплексной оценки, позволяющей сравнивать региональные экосистемы. Возможные аналоги подобных методик, их плюсы и недостатки представлены в *табл. 1*.

Наши исследования позволили разработать методический аппарат для проведения оценки цифровых экосистем регионов России. С помощью этой методики можно дифференцировать субъекты РФ как по уровню активности субъектов цифровизации, так и по степени благоприятности условий для ее развития. Для этих целей были предложены два индекса: Индекс активности субъектов цифровизации региона (Иц), который определяет цифровую активность субъектов экосистемы, и Индекс условий цифровизации региона (Иуц). Таким образом, эти два индекса позволяют оценить уровень развития региональных цифровых экосистем в целом.

<sup>6</sup> The Digital Economy and Society Index (DESI). Final Report. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi>

<sup>7</sup> ICT Development Index. Report. United Nations International Telecommunication Union. Available at: [https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017\\_Volume1.pdf](https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf)

<sup>8</sup> Networked Readiness Index, NRI. Global Information Technology Report. World Economic Forum. Available at: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/>

Таблица 1. Анализ методик оценок цифровизации экономики (информационного общества) на региональном уровне

Название и авторы методики	Краткая характеристика	Плюсы	Недостатки
Методика оценки уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации (Институт развития информационного общества; Министерство связи и массовых коммуникаций)*	Цель – проведение мониторинга уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации и построение на его основе рейтинга регионов. Интегральный индекс развития информационного общества состоит из 2 индексов-компонентов: «Факторы развития информационного общества» и «Использование ИКТ для развития». Включает 58 показателей.	Первая комплексная попытка оценки цифровых экосистем (оценка не только ИКТ, но и факторов развития информационного общества). Использование показателей международных рейтингов. Легкость интерпретации результатов.	Громоздкость и затратность методики (слишком большое число показателей, сложности в сборе и расчете отдельных показателей). Слабое обоснование применяемых эталонных значений. Факторы развития информационного общества ограничиваются человеческим, научным, образовательным потенциалами и развитием цифровой инфраструктуры; Дублирование ряда показателей (например, «Доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер (ПК)» и «Число ПК на 100 домохозяйств, штук»); Использование устаревших показателей, не отражающих уровень развития информационного общества (например, «Доля домохозяйств, имеющих телефон фиксированной связи»); Включение в рейтинг городов федерального значения, имеющих «экстремальные» значения по большинству показателей, что приводит к искажению полученных результатов. Отсутствие обоснования введенных весовых коэффициентов для расчета интегрального индекса.
Методика оценки результатов развития сферы информационно-коммуникационных технологий в регионах РФ (М.Ю. Карышев) [23, с. 74-82]	Цель – проведение оценки результатов развития информационно-коммуникационных технологий в регионах России и разделение их на группы в зависимости от значений сводных индексов. За основу взята методика расчета Индекса развития ИКТ, которая была адаптирована и дополнена в соответствии с особенностями ведения статистического учета в РФ. Включает два сводных индекса: Индекс развития ИКТ, включающий субиндекс доступа к ИКТ, субиндекс использования ИКТ и субиндекс профильных навыков, и индекс развития информационной экономики, который включает субиндекс компьютеризации рабочих мест, субиндекс наличия сетевого доступа, субиндекс программных приложений, субиндекс энергетической обеспеченности.	Адаптация Индекса ИКТ (ICT Development Index - IDI) к российским реалиям. Экономичность при сборе статистических данных для расчета индексов. Оценка отдельных факторов, влияющих на развитие информационного общества через расчет Индекса развития информационной экономики (развитие энергетики, обеспечение доступа к сети Интернет). Понятные для интерпретации результаты диапазоны изменения индексов от 0 до 1.	Отсутствие учета всего комплекса факторов, влияющих на развитие информационного общества. Использование устаревших показателей, не отражающих уровень развития информационного общества (например, «Телефонные аппараты на 100 чел.», «Пункты коллективного пользования Интернет, ед. на 10 тыс. чел.»).

\* Методика оценки уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации / Ин-т развития информационного общества; Мин-во связи и массовых коммуникаций. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/4949/> (дата обращения: 27.05.2018).

Источник: составлено авторским коллективом на основе изучения методики оценки уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации Института развития информационного общества Министерства связи и массовых коммуникаций и исследования М.Ю. Карышева «Статистический метод измерения информационной экономики: поиск интегрального показателя».



Индекс активности субъектов цифровизации региона рассчитывается на основе 17 показателей, отобранных в соответствии с направлениями цифровой активности населения, цифровизации организаций и государства. В свою очередь индекс условий цифровизации региона включает в себя 14 показателей, характеризующих важнейшие условия цифровизации (табл. 2).

При оценке цифровых экосистем субъектов РФ был использован матричный анализ методом  $k$ -максимальных, представляющий

собой процедуру сведения определенного числа наблюдений к нескольким группам со схожими характеристиками. Поскольку подобранные показатели оценки цифровых экосистем являются показателями-стимуляторами (чем выше их значение, тем лучше), то в качестве  $k$  выступает максимальное значение переменной  $x$  (показателя). Основное преимущество используемого метода заключается в применении математического аппарата при расчетах, позволяющего устранить субъективность оценки.

Таблица 2. Классификация показателей для расчета индексов

Показатели индекса активности субъектов цифровизации региона (Iц)		
Направление цифровизации	Поднаправление	Показатель
1. Цифровая активность населения	1.1 Доступ к широкополосной сети Интернет	1.1.1 Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, ед. на 100 чел.
		1.1.2 Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, ед. на 100 чел.
	1.2 Цели использования сети Интернет	1.2.1 Скачивание фильмов, музыки, изображений; просмотр видео; прослушивание музыки или радио, %
		1.2.2 Поиск информации о товарах и услугах, %
		1.2.3 Телефонные звонки или видеоразговоры через сеть Интернет, %
		1.2.4 Участие в социальных сетях, %
		1.2.5 Отправка или получение электронной почты, %
1.3 Транзакции и сделки в сети Интернет	1.3.1 Население, использующее сеть Интернет для заказа банковских услуг, денежных переводов, услуг страхования, операций с акциями и иными ценными бумагами, % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет, использующего сеть Интернет для заказа товаров и услуг	
2. Цифровая активность организаций	2.1 Электронный документооборот	2.1.1 Использование электронного документооборота в организациях. Организации, использующие электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, по форматам обмена, %
	2.2 Использование широкополосной сети Интернет и программного обеспечения	2.2.1 Организации, использующие широкополосный доступ к сети Интернет, %
		2.2.2 Организации, использующие специальные программные средства, %
	2.3 Наличие веб-сайта и цифровизация рабочих мест	2.3.1 Организации, имеющие веб-сайт, %
		2.3.2 Число персональных компьютеров на 100 работников с доступом к сети Интернет, ед.
	3. Цифровизация государства	3.1 Цифровые услуги государства
3.1.2 Население, получающее информацию через официальные веб-сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, %		
3.1.3 Население, взаимодействующее с органами государственной власти и местного самоуправления с использованием сети Интернет, по виду взаимодействия «Осуществление обязательных платежей (уплата пошлин, налогов, штрафов) в режиме онлайн», % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет		
3.2 Качество оказания услуг		3.2.1 Оценка населением уровня удовлетворенности качеством предоставленных через сеть Интернет государственных и муниципальных услуг, полностью удовлетворены, %

Показатели индекса условий цифровизации региона (I <sub>ц</sub> )		
Условие цифровизации	Фактор	Показатель
1. Цифровая инфраструктура	1.1 Сеть Интернет	1.1.1 Население, использующее сеть Интернет, % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет
	1.2 Телефонная сеть	1.2.1 Цифровизация местной телефонной сети, %
	1.3 Цифровые системы передачи	1.3.1 Протяженность междугородных, внутризональных и международных телефонных каналов, образованных цифровыми системами передачи на площадь региона, канало-километр/га
2. Цифровые компетенции населения	2.1 Навыки пользования сети Интернет	2.1.1 Население, использующее сеть интернет каждый день или почти каждый день, % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет
	2.2 Навыки использования ПК	2.2.1 Население использующее персональные компьютеры, % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет
3. Цифровое образование	3.1 Уровень образования	3.1.1 Доля занятых с высшим образованием в общей численности занятых, %
	3.2 Цифровизация обучения	3.2.1 Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в государственных и муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, ед. на 1000 чел.
4. Пространственно-территориальное устройство	4.1 Урбанизация территории	4.1.1 Удельный вес городского населения в общей численности населения, %
	4.2 Освоенность территории	4.2.1 Плотность населения, чел/км <sup>2</sup>
5. Развитие науки и инноваций	5.1 Научные исследования	5.1.1 Коэффициент изобретательской активности, %
		5.1.2 Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, человек/10 тыс. чел.
	5.2 Инновационная активность	5.2.1 Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства и сферы услуг, %
6. Ресурсообеспеченность	6.1 Энергоресурсы	6.1.1 Производство электроэнергии на душу населения, кВт·ч/чел.
	6.2 Финансовые ресурсы	6.2.1 Доля затрат на ИКТ в структуре ВРП, %

Источники: составлено авторским коллективом на основе данных: 1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016; 2. Информационное общество в Российской Федерации : стат. сб. / К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

Матричный анализ состояния цифровых экосистем проводился по следующему алгоритму.

1 этап – расчет индекса показателя активности субъектов цифровизации региона ( $Q_{mij}$ ).

Для проведения оценки уровня активности субъектов цифровизации российских регионов были отобраны статистические данные по представленным в таблице 2 показателям индекса цифровизации региона ( $m_1, m_2, m_3, \dots, m_i$ ) за 2015 и 2016 годы. Для расчета индекса показателя активности субъектов цифровизации каждого региона была использована формула (1):

$$Q_{mij} = \frac{x_j}{k_{max}}, \quad (1)$$

где  $x_j$  – значение показателя цифровизации  $j$ -го субъекта РФ;

$k_{max}$  – максимальное значение показателя цифровизации в совокупности всех исследуемых субъектов РФ.

2 этап – расчет индекса активности субъектов цифровизации региона ( $I_{цj}$ ) по формуле (2):

$$I_{цj} = \frac{(Q_{mij1} + Q_{mij2} + \dots + Q_{mij17})}{17}. \quad (2)$$

3 этап – расчет индекса показателя условий цифровизации региона ( $P_{nij}$ ).

Для проведения оценки условий цифровизации российских регионов были отобраны статистические данные по представленным в таблице 2 показателям индекса условий

цифровизации региона ( $n_1, n_2, n_3, \dots, n_i$ ) за 2015 и 2016 годы. Для расчета индекса показателя условий цифровизации каждого региона была использована формула (3):

$$P_{n_{ij}} = \frac{y_j}{k_{max}}, \quad (3)$$

где  $y_j$  – значение показателя условий цифровизации  $j$ -го субъекта РФ;

$k_{max}$  – максимальное значение показателя условий цифровизации в совокупности всех исследуемых субъектов РФ.

4 этап – расчет индекса условий цифровизации региона ( $I_{уц_j}$ ) по формуле (4):

$$I_{уц_j} = t_1 * \frac{P_{n_{ij_1}} + \dots + P_{n_{ij_3}}}{3} + t_2 * \frac{P_{n_{ij_4}} + P_{n_{ij_5}}}{2} + t_3 * \frac{P_{n_{ij_6}} + P_{n_{ij_7}}}{2} + t_4 * \frac{P_{n_{ij_8}} + P_{n_{ij_9}}}{2} + t_5 * \frac{P_{n_{ij_{10}}} + \dots + P_{n_{ij_{12}}}}{3} + t_6 * \frac{P_{n_{ij_{13}}} + P_{n_{ij_{14}}}}{2}, \quad (4)$$

где  $t_1 - t_6$  весовые коэффициенты условий цифровизации.

Весовые коэффициенты для расчета индекса условий цифровизации региона были получены путем опроса экспертов с использованием метода анализа иерархий – метода Саати (табл. 3).

В качестве экспертов выступили представители органов государственной власти, бизнес-сообщества, научных и образовательных организаций. Всего было опрошено 24 эксперта из 8 регионов России: Архангельская область, Красноярский край, Вологодская область, Свердловская область, Республика Карелия, Республика Татарстан, Республика Коми, Республика Саха (Якутия).

По нашему мнению, введение весовых коэффициентов для расчета индекса активности субъектов цифровизации региона ( $I_{ц}$ ) не представляется возможным ввиду равнозначности направлений цифровизации, и высокий уровень развития одного направления не гарантирует развития остальных и достижения эффективно функционирующей цифровой экосистемы.

Для наглядности представления результатов исследования нами предлагается использовать матричный метод. Для выделения разных типов экосистем количество их возможных вариантов необходимо задать заранее. Критерием оптимального количества типов выступает возможность их понятной трактовки. В настоящем исследовании выделено шесть типов регионов (проблемные, пассивные, активно включающиеся, сбалансированные, передовые и продвинутые), которые образуют матрицу цифровой экосистемы (рис. 1). Матрица позволяет осуществить группировку субъектов РФ по уровню и условиям цифровизации, что в дальнейшем упрощает процесс разработки рекомендаций органам государственной власти по развитию региональных цифровых экосистем.

Для определения границ типов цифровых экосистем предлагается использовать формулы и систему координат, представленные на рис. 2.

Таким образом, предложенная методика позволяет комплексно оценить как уровень активности субъектов цифровизации региона, так и сформированные на данной территории условия для развития цифровизации. При этом на базе полученных оценок можно определить основные типы региональных цифровых экосистем и выявить их специфические особенности как в позитивном, так и в негативном аспекте.

Таблица 3. Весовые коэффициенты групп условий цифровизации

Группа условий цифровизации	Значение
Цифровая инфраструктура ( $t_1$ )	0,25
Цифровые компетенции населения ( $t_2$ )	0,10
Цифровое образование ( $t_3$ )	0,15
Пространственно-территориальное устройство ( $t_4$ )	0,20
Развитие науки и инноваций ( $t_5$ )	0,10
Ресурсообеспеченность ( $t_6$ )	0,20

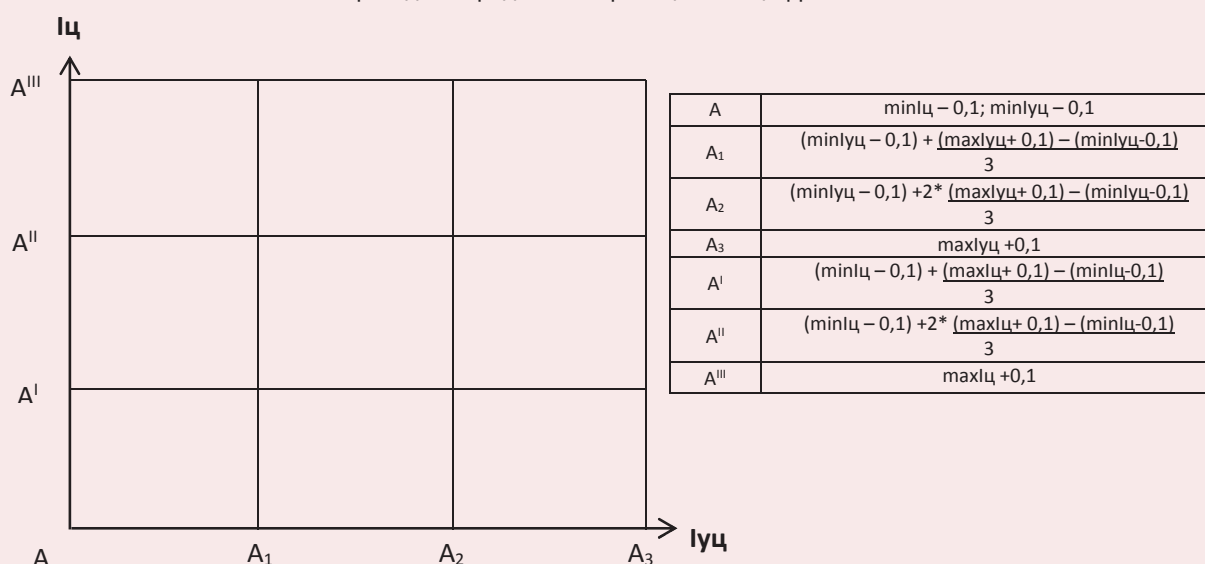
Источник: составлено по результатам опроса, проведенного авторским коллективом.

Рис. 1. Матрица типов цифровых экосистем



Источник: составлено авторским коллективом.

Рис. 2. Форма для определения границ типов цифровых экосистем



Источник: составлено авторским коллективом.

### Результаты исследования

Объектами исследования стали 82 региона России. Из общей совокупности были исключены Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, поскольку значения по большинству показателей данных городов существенно отличаются от среднерегионального уровня. Это объясняется их особым политическим и социально-экономическим положением, что может привести к искажению результатов оценки и некорректности сопоставлений.

Апробация авторской методики позволила оценить цифровые экосистемы регионов РФ в 2015–2016 гг.

По результатам проведенной оценки в 2016 году в группу продвинутых регионов не вошел ни один регион. Однако стоит отметить, что в 2015 году данная группа была представлена Ханты-Мансийским автономным округом, полностью реализовавшим существующий потенциал для цифровизации региона.

В группу передовых регионов в 2016 году вошли 10 регионов. Ханты-Мансийский автономный округ оказался в данной группе в первую очередь благодаря высокому индексу в рамках направления «Цифровая активность населения», Ярославская область – «Цифровая активность организаций», а Ростовская область – «Цифровизация государства».

Оставшиеся регионы передовой группы (Калининградская область, Мурманская область, Республика Татарстан, Липецкая область, Тюменская область, Чувашская Республика и Приморский край) продемонстрировали высокие индексы не менее чем по двум направлениям цифровизации. Это подтверждает необходимость комплексного развития цифровизации по всем направлениям. Данные регионы, не имея максимально благоприятных условий, достигли высокого уровня цифровизации, что заслуживает высоких оценок.

Обратная ситуация характерна для Московской области, которая, несмотря на наличие самых лучших условий и выгодного экономико-географического положения, единственная попала в группу пассивных регионов прежде всего из-за низкой цифровой активности населения.

В группу активно включающихся в процесс цифровизации вошли 24 региона. При этом 16 из них (Белгородская область, Тамбовская

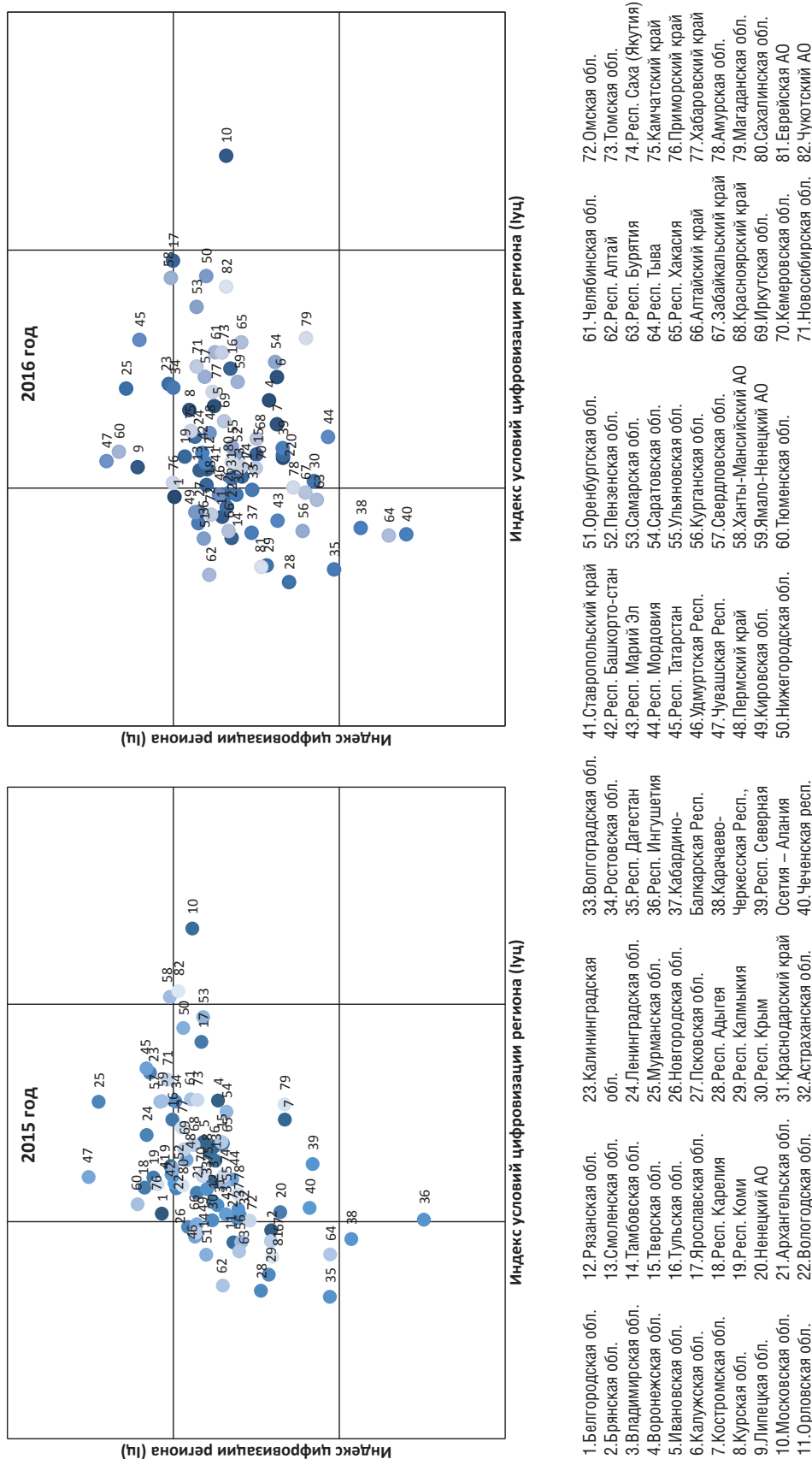
область, Псковская область, Кабардино-Балкарская Республика, Волгоградская область, Новгородская область, Алтайский край, Астраханская область, Республика Алтай, Орловская область, Удмуртская Республика, Республика Ингушетия, Кировская область, Оренбургская область, Вологодская область и Омская область), при схожих условиях с другими регионами данной группы (Республика Дагестан, Еврейская автономная область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Курганская область, Республика Марий Эл, Республика Калмыкия), обладают более высоким индексом цифровизации. В целом регионы данной группы также заслуживают положительных оценок, поскольку, не имея благоприятных условий, смогли достичь среднего уровня цифровизации. Однако такие регионы, как Орловская область, Волгоградская область, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика и Курганская область, вошли в данную группу лишь благодаря относительно высоким значениям по направлению «Цифровизация государства». Данные результаты выглядят неоднозначно, поскольку их можно интерпретировать и как эффективную региональную политику в данной области, и как применение административного ресурса региональными властями.

Самой многочисленной является группа сбалансированных регионов, которая включает в себя подавляющее большинство регионов Центрального федерального округа, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Особо необходимо выделить обширное представительство в данной группе субъектов Российской Федерации с территориями Арктической зоны. Во многом это объясняется географическим соседством данных регионов, что формирует экосистемы надрегionalного уровня и позволяет получить дополнительный эффект.

Проблемные регионы с точки зрения состояния цифровых экосистем представлены 3 субъектами РФ: это Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика и Республика Тыва. Данные регионы имеют низкий уровень цифровизации по всем направлениям (цифровая активность населения, цифровизация организаций, цифровизация государства) при неблагоприятных условиях для ее развития.

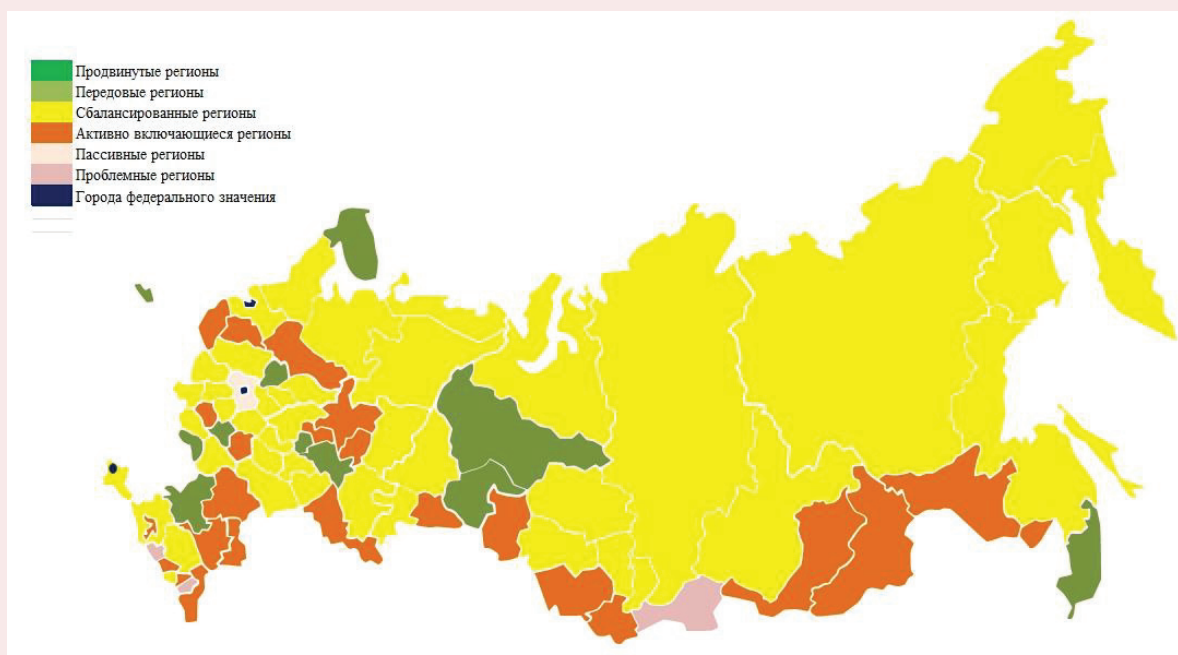
Результаты исследования представлены на *рис. 3*.

Рис. 3. Матрицы оценки цифровых экосистем России за 2015–2016 гг.



Примечание. Из общей совокупности регионов исключены города федерального значения. Источник: составлено авторским коллективом на основе проведенных расчетов.

Рис. 4. Карта цифровой экосистемы России, 2016 год



Источник: составлено по данным рис. 3, 2016 год.

Визуализация полученных результатов может быть представлена на карте цифровых экосистем регионов России (рис. 4).

В данной статье описана первичная апробация предложенной методики за 2 года. В дальнейшем она будет совершенствоваться как в территориальном разрезе (углубленная оценка территорий различных макрорегионов), так и в контексте учета новых статистических данных, характеризующих цифровизацию страны.

#### Выводы и заключение

Таким образом, для того чтобы оценка уровня развития цифровых экосистем в регионах была достоверной и достаточно точной, в алгоритме ее проведения должны учитываться не отдельные характеристики этих систем, а их полное содержание, включающее как субъекты цифровизации экономики и общества, так и средовые условия, территориальные особенности, информационные технологии, развитие науки и инноваций, обеспеченность инфраструктурой. Поэтому представленная нами методика оценки включает два интегрированных индекса, в свою очередь агрегирующие 31 статистический показатель.

Предлагаемая нами методика более устойчива к технологическим и техническим изменениям цифровой экономики и экосистемы в целом относительно других рассмотренных методик. Это значит, что, при появлении новых технологий и соответственно услуг, устаревший показатель легко заменяется, но неизменным остаются направления цифровизации и условия, обеспечивающие ее.

Апробация предложенной методики позволила осуществить пилотный анализ состояния цифровых экосистем в регионах России и определить их специфические, типовые особенности. В большинстве регионов уровень развития цифровых экосистем соответствует условиям информационной среды и наличию необходимой инфраструктуры, это так называемые сбалансированные регионы. К сожалению, определяется ряд регионов, которые следует назвать проблемными, так как в них и уровень развития цифровой экономики, и условия для ее формирования являются недостаточными, значительно ниже средних значений (Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика и Республика Тыва). Как позитивный пример

следует отметить регионы, которые, при недостаточном уровне развития условий для цифровизации, не имея максимально благоприятных условий, добились максимального уровня цифровизации (например, Чувашская Республика, Тюменская область, Мурманская область).

Данная методика оценки цифровых экосистем позволяет достоверно оценивать не только уровень их развития, но и определенные специфические особенности (преимущества или проблемы), а ее результаты могут

быть использованы исполнительными органами государственной власти в целях принятия управленческих решений и корректировки своей деятельности в направлении развития региональных цифровых экосистем. В качестве пилотного проекта результаты исследования использовались во время стратегических сессий при разработке вариантов текста Стратегии социально-экономического развития Архангельской области на период до 2035 года.

### Литература

1. Apokin A., Belousov D., Salnikov V., Frolov I. Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. *Foresight and STI Governance*, 2015, vol. 9, no 4, pp. 6-17. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.4.6.17.
2. Akatkin Y.M., Karpov O.E., Konyavskiy V.A., Yasinovskaya E.D. Digital economy: Conceptual architecture of a digital economic sector ecosystem. *Business Informatics*, 2017, no. 4 (42), pp. 17-28. DOI: 10.17323/1998-0663.2017.4.17.28.
3. Гусакова Н.В., Забалуева А.И., Румянцева В.В. Конспект лекций по курсу «Экология» / под ред. А.Н. Королева. Таганрог: ТРТУ, 2006. 176 с.
4. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Approaches to Defining and Measuring Russia's Internet Economy. *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, no 1, pp. 55-65.
5. Meadows D. H., Meadows D. L. et al. *The Limits to Growth*. New York, Potomac, 1974. 235 p.
6. Данилов-Данильян В.И., Пискулова Н. А. Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.
7. *The Challenges of Corporate Social Responsibility. Towards Constructive Partnership* // The Phillip Morris Institute for Public Policy Research ASBL, Brussels, Belgium, 2000.
8. Белоусов К.Ю. Корпоративная социальная ответственность как социально-экономический институт // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 4 (56). С. 87-90.
9. Jastram S. The Link Between Corporate Social Responsibility and Strategic Management. *Centre of International Studies Papers No.17.*, 2007, pp. 81-84.
10. Freeman R.E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach* // R.E. Freeman. Boston: Harpercollins College Div, 1984. 275 p.
11. Белоусов К.Ю. Эволюция взглядов на роль управления заинтересованными сторонами в системе устойчивого развития компании: проблема идентификации стейкхолдеров // *Проблемы современной экономики*. 2013. № 4 (48). С. 418-422.
12. Портер М. Бизнес и общество: конкурентоспособность и социальная ответственность // *Harvard Business Review (Россия)*. 2007. № 3. С. 72-86.
13. Porter M. Creating shared value: how to reinvent capitalism – and unleash a wave of innovation and growth / M. Porter, M. Kramer // *Harvard Business Review*. № 1–2. 62-77 p.
14. White B. Total Availability of Journal Articles to Internet Users. *Library Review*, 2014, vol. 63, Issue: 4/5, pp. 295-304.
15. Carroll W. R., Wagar T. H. Is there a relationship between information technology adoption and human resource management? *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2010, vol. 17, No. 2, pp. 218-229.
16. Janowsk T. Digital government evolution: From transformation to contextualization, 2015, vol. 32, Issue 3, pp. 221-236.
17. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография / М.Л. Шер, Г.Н. Андреева, С.В. Бадальянц, Т.Г. Богатырева, В.А. Бородай, О.В. Дудкина, А.Е. Зубарев, Л.Н. Казьмина, Л.А. Минасян, Л.В. Миронов, С.А. Стрижов // Н. Новгород: Профессиональная наука, Smashwords, Inc. 15951 Los Gatos USA. 2018. 131 с.



18. Henfridsson O., Bygstad B. The generative mechanisms of digital infrastructure evolution, 2013, vol. 37. Issue 3, pp. 907-932.
19. Гуня А.Н., Ефимов А.Б. Освоенность территории России: национально-культурные особенности и тренды // Культурное наследие России. 2016. № 3(14). С. 85-91.
20. Есаулов Г.В. «Умный» город в цифровой экономике // АCADEMIA. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 68-74.
21. Есаулов Г.В. От «умного» города к «умной» системе расселения // Современная архитектура мира. Вып. 5. М., СПб.: Нестор-История, 2015. С. 9-20.
22. Sapir J. From regional science to “smart cities”: intellectual legacies and possible ruptures. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 25-40. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.2
23. Карышев М.Ю. Статистический метод измерения информационной экономики: поиск интегрального показателя // Учет и статистика. 2011. № 4. С. 74-82.

### Сведения об авторах

Вера Владимировна Степанова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: nirvvs@mail.ru)

Анна Вячеславовна Уханова – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: karmyanny@yandex.ru)

Алексей Викторович Григоришин – эксперт отдела, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: grigorishchin@mail.ru)

Дилмурад Батырджанович Яхьяев – ассистент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: dilmurad-92@mail.ru)

Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyaev D.B.

### Evaluating Digital Ecosystems in Russia's Regions

**Abstract.** Successful establishment and functioning of the digital economy is possible only in an adequate digital ecosystem, but the semantic and structural content of this system has not been defined adequately yet. Such uncertainty can be found at different levels (federal, regional and local) and in various aspects: subject-related, branch, segment, technical and others. At the same time, the need to implement effective measures for the development of regional digital ecosystems requires not only an understanding of their qualitative content, but also an accurate quantitative assessment. Our paper analyzes conceptual approaches to the definition of a digital ecosystem, provides our own understanding of its full content, which allows us to build a sufficiently verifiable assessment of digital ecosystems development at the regional level. We present a technique for assessing the development of regional digital ecosystems; according to this technique two integrated indices are calculated, and on this basis we carry out an analysis on 82 constituent entities of Russia over the period of two years. The study reveals the existence of significant differentiation between the regions according to the level of development of digital ecosystems; it also helps identify a number of characteristic types of regions in this context. Our assessment has shown that, along with the majority of the regions where the development of digital ecosystems is defined as average, some regions show opposite trends. There are regions, for example, the Belgorod and Kirov oblasts, in which the conditions for the digital environment are below average, but the level of ecosystem

development in them is average or higher. There are regions where the situation is the opposite, i.e. the conditions are quite high, but the level of development of the digital ecosystem as a whole leaves much to be desired. Such a negative example is the Moscow Oblast. We also identify leading regions and problem regions. We hope that a reliable assessment of development of digital ecosystems using our technique will help work out effective solutions for successful promotion of the digital economy in Russia.

**Key words:** digital economy, ecosystem of the digital economy, index of activity of the subjects of digitalization, digitalization conditions index, assessment of the level of development of digital ecosystems, regions digitalization matrix.

### **Information about the Authors**

Vera V. Stepanova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at department, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: nirvvs@mail.ru)

Anna V. Ukhanova – Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: karmy-anny@yandex.ru)

Aleksei V. Grigorishchin – Expert at department, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: grigorishchin@mail.ru)

Dilmurad B. Yakhyaev – Assistant Professor, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: dilmurad-92@mail.ru)

Статья поступила 01.08.2018.

## Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО\*



Алексей Евгеньевич

**МЕЛЬНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ae.melnikov@mail.ru

**Аннотация.** В изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях вопросы обеспечения устойчивого роста народного хозяйства, придания ему выраженной динамики развития, формирования высокотехнологичного облика являются одними из важнейших направлений современной экономической политики России. Поставленные приоритетные задачи национального развития требуют масштабных инвестиционных вливаний в экономику, однако вопрос их рационального распределения находится в открытом состоянии, вследствие чего внимание инвесторов преимущественно направлено в сторону сырьевых видов деятельности. В то же время наукоемкие отрасли промышленности, которые должны стоять в авангарде новой индустриализации, испытывают явный дефицит инвестиций и лишь в лучшем случае находятся в стагнации. В частности, сказанное справедливо для группы старопромышленных регионов России, в которых описанная ситуация носит еще более выраженный характер и на фоне недостаточного объема располагаемых капиталовложений ведет к деиндустриализации. В связи с этим целью статьи является анализ инвестиционных процессов и оценка их влияния на изменения в структуре промышленного производства на примере старопромышленных регионов Северо-Западного федерального округа. Выбор такого объекта исследования обусловлен тем, что эти субъекты России по ряду экономических и социальных параметров занимают одни из

\* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

**Для цитирования:** Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 91-102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5

**For citation:** Mel'nikov A.E. Investment processes and structural changes in the economy of old industrial regions of the Northwestern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 91-102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5

худших позиций среди всех старопромышленных территорий. Научная новизна работы состоит в необходимости раскрытия современных закономерностей протекания социально-экономических процессов и выявления структурных деформаций в экономике. Результаты исследования отражают состояние инвестиционных процессов и характер структурных трансформаций в старопромышленных регионах СЗФО, происходящих на фоне укрепления сырьевых отраслей экономики. Их практическая значимость определена тем, что они необходимы для большего понимания текущего социально-экономического положения рассматриваемой выборки, а также для дальнейшего изучения специфики этих территорий и возникающих в них проблем.

**Ключевые слова:** старопромышленные регионы; структура экономики; структурные изменения; промышленное производство; инвестиции.

**Введение.** Структурные изменения в российской экономике, происходящие в последние десятилетия как результат реализации рыночных реформ и дестабилизации внешней среды, нашли свое закономерное отражение в условиях развития старопромышленных регионов. В настоящее время возрастает зависимость этих территориальных субъектов от внешнеэкономической конъюнктуры, наблюдается консервация технико-технологического уровня производства, имеет место угроза сокращения налоговых поступлений в бюджетную систему, снижения потребительского спроса [1]. Структурные трансформации сыграли существенную роль в деформации сферы материального производства старопромышленных регионов, в особенности высокотехнологичных отраслей промышленности, и стали одной из причин инвестиционного голода в ней.

Старопромышленные регионы Северо-Западного федерального округа<sup>1</sup> (далее – СПР СЗФО) в сравнении с другими регионами дан-

<sup>1</sup> К данной группе относятся республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская и Новгородская области. Всего в России можно выделить 24 территориальных субъекта, особенности экономики которых соответствуют критериям категории «старопромышленные регионы» [2].

К числу наиболее принципиальных критериев можно отнести раннее начало промышленного освоения территории, значительную долю промышленности в структуре ВРП (для 17 из 24 старопромышленных регионов этот показатель превышает 40%), высокий удельный вес низкоукладных видов деятельности (преимущественно преобладают технологии 3 уклада). Отраслевое ядро экономики таких регионов находится на индустриальном или постиндустриальном этапе развития [3; 4], а структура промышленного сектора закончила формироваться к середине XX века и в последующие годы почти не претерпевала существенных изменений.

ного типа являются территориями депрессивного развития. Подобный вывод можно сделать, основываясь на динамике таких показателей, как ВРП (за последние годы рост составил 104,4% против 112,6% в целом по всем старопромышленным регионам), объем промышленного производства (111,3% против 115,3%) и инвестиций в основной капитал (98,3% против 114,4%), численность занятых в экономике (снижение по СПР СЗФО составило 12% против 2,8% по всей исследуемой выборке). По этим параметрам СПР СЗФО занимают одни из худших позиций среди всех старопромышленных регионов.

Такие особенности регионального развития позволяют выдвинуть предположение, в соответствии с которым современное состояние СПР СЗФО определено как недостаточным объемом поступающих инвестиций, так и их структурной несбалансированностью. В связи с этим целью исследования является анализ инвестиционных процессов и оценка их влияния на изменения в структуре промышленного производства на примере отдельно взятой группы российских регионов, для которых характерны схожие социально-экономические проблемы.

**Теоретические аспекты исследования.** Вопросам исследования старопромышленных регионов посвящено множество научных работ, поднимающих достаточно разнообразную проблематику развития этих территорий. Такое внимание со стороны научного сообщества обусловлено наличием острых системных проблем, которые в перспективе могут найти отражение в замедлении роста всей российской экономики. Иначе говоря, старопромышленные регионы из некогда драйверов развития могут превратиться в своего рода «обузу».

Поэтому сейчас в фокусе научного внимания находится как региональная экономика в целом, так и отраслевая экономика и экономика муниципальных образований. В последнем случае акцент смещается непосредственно с самих регионов на моногорода, на примере которых рассматриваются вопросы ревитализации, стратегического управления, организации территорий опережающего развития, обеспечения демографической устойчивости, экологической безопасности и др. [5–8].

На региональном уровне преимущественно актуализирован поиск оптимальных решений обеспечения экономической безопасности, активизации импульсов новой индустриализации, устранения острых проблем социально-экономического развития [1; 9; 10]. В частности, исследователи отмечают, что наиболее характерными узкими местами для многих старопромышленных регионов являются финансовый и кадровый дефицит, низкая производительность труда, инновационная инертность, преобладание низкоукладных промышленных производств, высокий уровень износа фондов, медленные темпы технико-технологического обновления, нередко – зависимость от сырьевых отраслей и т.д. [11–14].

В связи с этим в научных работах большое внимание уделено совершенствованию региональной промышленной политики и оптимизации – инвестиционной. Особую роль играют вопросы увеличения эффективности взаимодействия между производственным сектором, органами власти и образовательными учреждениями [11; 15]. Рассматриваются особенности пространственного размещения производительных сил [16]. По-прежнему нельзя назвать нисходящим трендом определение состояния старопромышленных регионов с учетом институциональных, экономических, социальных, организационных, экологических и других факторов [10–13]. Во многом это обусловлено как неоднородностью изучаемой территориальной группы, так и регулярно возникающей необходимостью раскрытия современных закономерностей протекания социально-экономических процессов.

Можно констатировать, что старопромышленные регионы как объект исследования в настоящее время многогранно рассмотрены в научной литературе. Однако по-прежнему

недостаточно внимания уделяется отдельным территориальным группам или регионам, вследствие чего частные проблемы социально-экономического развития остаются вне фокуса научного интереса. Это, в свою очередь, препятствует формированию полноценного представления о состоянии старопромышленных регионов. Отдельно стоит отметить, что в свете увеличения уровня разработанности подходов к анализу воздействия структурных изменений на развитие экономики особую актуальность приобретает исследование трансформационных сдвигов в народном хозяйстве и вызывающих их факторов.

**Методика исследования.** Для достижения обозначенной цели использовались методы экономического, статистического и компаративного анализа, обобщения. Методическую основу исследования составили материалы территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по республикам Карелия и Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской и Новгородской областям, данные Единой межведомственной информационно-статистической системы, а также труды ведущих экономистов в области региональной экономики.

Своего рода стимулом для исследования стала публикация Б. Замараева и Т. Маршовой «Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики», в которой представлены методические подходы к оценке структурных характеристик российской экономики в разрезе таких показателей, как инвестиции, производственные мощности, валовая добавленная стоимость [17]. С некоторыми допущениями данные материалы апробированы на примере СПР СЗФО.

Так, по причине отсутствия доступа к исходным детализированным данным для расчета региональной отраслевой структуры производственных мощностей и ВДС в настоящем исследовании оценка структурных изменений осуществляется на основе показателей «инвестиции в основной капитал» и «объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами». Подчеркнем, что изменение набора показателей не стало критичным и лишь привело к смене ракурса рассмотрения заявленной проблематики: теперь в фокусе внимания

находится анализ зависимости интенсивности производственной деятельности в промышленности СПР СЗФО от объема располагаемых инвестиций.

Несмотря на корректировку, подход к оценке структурных трансформаций в экономике остался прежним: для анализа использованы индексы «вектор структурного сдвига» и «интенсивность структурного сдвига». Первый показатель отображает общее изменение удельного веса элемента и рассчитывается по формуле:

$$V_j = d_j^{t^n} - d_j^{t^0}, \quad (1)$$

где:  $V_j$  – вектор структурного сдвига элемента  $j$ ;  $d_j^t$  – доля  $j$ -го элемента рассматриваемой структуры в году  $t$ ;  $t_0 \dots t_n$  – год рассматриваемого периода.

Расчет второго показателя – скорости изменения доли элемента в общей совокупности за определенный период – осуществляется по формуле [17]:

$$S_j = \left[ \sqrt[n]{\frac{d_j^{t_n}}{d_j^{t_0}}} - 1 \right] * 100, \quad (2)$$

где:  $S_j$  – индекс интенсивности структурного сдвига элемента  $j$ .

Структурные изменения в экономике СПР СЗФО рассмотрены за период с 2005 по 2017 г., для устранения годовых конъюнктурных колебаний в расчетах векторов сдвигов использованы усредненные за три года значения.

**Основные результаты исследования.** Важнейшую роль в развитии старопромышленных регионов играет промышленный сектор, усредненная доля которого в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) по итогам 2017 г. составила 45,1%. Похожая ситуация наблюдается в группе СПР СЗФО (табл. 1): в среднем на данный сектор приходится 43,1% ВДС, наибольший объем производят обрабатывающие производства (22%), немногим меньше – топливно-энергетические (16,7%). Можно заметить, что из общей картины несколько выбивается Мурманская область, где промышленность формирует лишь 28,2% добавленной стоимости, но это совсем не показатель деиндустриализации, а, скорее, следствие развитого рыбного промысла, поскольку регион является одним из крупнейших российских поставщиков рыбной продукции на внутренний и зарубежный рынки.

Анализ динамики промышленного производства в ретроспективе последних 13 лет позволяет сделать вывод об относительно стабильных темпах развития промышленности во всех СПР СЗФО (табл. 2). Очевидно, что ввиду высокой скорости наращивания производства и немалого объема выпуска эти регионы в большинстве своем располагают значительным ресурсным и технико-технологическим потенциалом. Однако вопрос его реализации продолжительное время остается открытым, из-за чего во многих отраслях наблюдается инертный характер развития, обновления фондов, изменения номенклатуры, ее качественных и технологических параметров.

Таблица 1. Доля промышленности в структуре ВДС в 2017 г., %

Регион	В	С	D	Е	Всего
Республика Коми	37,2	11,7	2,8	0,5	52,2
Архангельская область	30,9	16,9	2,2	0,4	50,4
Новгородская область	0,8	38,9	5,5	0,8	46,0
Вологодская область	0,0	38,1	3,1	0,9	42,1
Республика Карелия	17,6	16,9	4,1	1,0	39,6
Мурманская область	13,4	9,7	3,9	1,2	28,2
Среднее значение	16,7	22,0	3,6	0,8	43,1

Условные обозначения:  
 В – Добыча полезных ископаемых; С – Обрабатывающие производства; D – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; Е – Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.  
 Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2. Промышленное производство, млрд. руб. (в ценах 2017 г.)

Регион	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 / 2005 гг., %
Новгородская область	119,1	134,2	189,9	197,1	206,0	173,0
Архангельская область	471,5	638,5	523,0	561,1	648,1	137,5
Вологодская область	487,8	528,4	616,5	615,2	621,4	127,4
Мурманская область	278,7	261,7	284,5	303,3	336,3	120,7
Республика Коми	455,2	518,0	577,4	554,3	537,6	118,1
Республика Карелия	190,5	186,6	185,3	192,1	196,7	103,3

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

В структуре промышленного производства рассматриваемых территорий преобладает выпуск продукции промежуточного назначения, удельный вес которой в 2017 г. составил 43,5%. За последние годы существенно укрепилась позиция топливно-энергетического сектора, несколько выросла доля выпуска продукции потребительского и инвестиционного назначения. Во многом это стало следствием трансформационных процессов в региональной экономике, вызванных изменениями условий внешней и внутренней среды.

В частности, они негативно проявились в значительном снижении доли отгрузки продукции металлургии (произошел спад с 27,7 до 18,9 п.п.) и ряда других отраслей промышленности, но вместе с тем привели к ощутимому развитию пищевых и машиностроительных производств — их удельный

вес вырос на 2,2 и 3,1 п.п. соответственно (табл. 3).

Анализ трансформаций в структуре промышленного производства СПР СЗФО показывает, что на отрезке 2005–2017 гг. с наибольшей силой и скоростью положительные изменения происходили в добыче полезных ископаемых (величина сдвига — 8,8 п.п., среднегодовая интенсивность — 2,5%), в пищевой (2,9 п.п. и 3,4% соответственно) и химической (1,8 п.п. и 1,3%) промышленности. Сокращение относительного размера металлургических производств составило -11,8 п.п., среднегодовая скорость сжатия — 3,7%. Снижение удельного веса данного вида деятельности привело к отрицательному вектору сдвига в целом по обрабатывающим производствам (-7,4 п.п.) со среднегодовой интенсивностью на уровне 0,9% (рис. 1).

Таблица 3. Структура промышленного производства в СПР СЗФО, %

Вид экономической деятельности	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
<b>Продукция топливно-энергетического назначения</b>	22,2	31,1	31,8	33,1	30,6
Добыча полезных ископаемых					
<b>Продукция промежуточного назначения</b>	<b>54,7</b>	<b>47,0</b>	<b>45,2</b>	<b>44,1</b>	<b>43,5</b>
Обработка древесины и производство изделий из дерева	4,6	3,5	4,2	4,5	4,1
Химическое и нефтехимическое производство	10,7	10,8	13,1	11,1	10,5
Металлургическое производство	27,7	20,8	18,4	17,8	18,9
Производство электроэнергии, газа, воды	11,7	11,9	9,6	10,7	10,0
<b>Продукция потребительского назначения</b>	13,9	15,1	16,4	17,2	14,3
Производство пищевых продуктов	5,4	7,8	8,5	8,7	7,6
Целлюлозно-бумажное производство	7,1	5,9	6,5	7,0	6,1
Прочие виды обрабатывающих производств	1,5	1,4	1,4	1,5	0,6
<b>Продукция инвестиционного назначения</b>	9,1	6,8	6,6	5,6	11,6
Производство неметаллических минеральных продуктов	2,1	1,6	1,3	1,4	1,4
Машиностроение	7,0	5,2	5,3	4,2	10,2

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 1. Вектор структурного сдвига в отгрузке промышленной продукции в СПР СЗФО в 2005–2017 гг., п.п.



Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

В настоящее время необходимыми условиями обеспечения устойчивого роста экономики являются стимулирование инвестиционной и инновационной деятельности, проведение эффективной промышленной политики, улучшение делового климата [18–20]. В СПР СЗФО для этого реализуется широкий комплекс мероприятий, однако уровень инвестиционной привлекательности этих территорий по-прежнему не позволяет аккумулировать большой объем капиталовложений. Так, за период с 2005 по 2017 г. инвестиции в основной капитал увеличились лишь на 32,8%, среднегодовой темп прироста составил 2,4%.

В основном устойчивым притоком капиталовложений располагают топливно-энергетический сектор промышленности СПР СЗФО, транспортные предприятия и обрабатывающие производства, что служит сигналом, свидетельствующим об отсутствии адекватных объектов инвестирования в иных отраслях экономики, свободных денежных средств и о наличии высоких рисков (рис. 2).

Наибольшие положительные структурные изменения в инвестициях в экономику СПР СЗФО за 2005–2017 гг. зафиксированы по видам деятельности «добыча полезных ископаемых» и «государственное управление и обе-

спечение военной безопасности». В первом случае величина структурного сдвига составила 7,4 п.п. со среднегодовой скоростью 2,0%, во втором – 4,6 п.п. с интенсивностью 11,4% (рис. 3). На этом фоне крайне блекло выглядят обрабатывающие производства (0,5 п.п. и 0,2% соответственно), доля капиталовложений в которые за прошедшие годы не претерпела существенных изменений, что лишним раз подчеркивает инертный характер развития данного вида деятельности.

Значительные отрицательные трансформации в структуре инвестиций произошли в транспортной деятельности (сдвиг -8,5 п.п. со среднегодовой скоростью 2,0%) и строительстве (-2,7 п.п. и 8,1% соответственно). Обращает на себя внимание сокращение инвестиций на социально-культурные мероприятия, в частности образование и здравоохранение: величина сдвига составила -0,2 и -0,7 п.п., среднегодовая интенсивность – 1,3 и 4,6% соответственно.

Что касается непосредственно отраслей промышленности, то можно отметить, что ожидается наибольшую долю в структуре инвестиций занимает топливно-энергетический сектор (60,2% в 2017 г.). На виды деятельности, выпускающие продукцию промежуточного



Рис. 2. Структура инвестиций в экономику СПР СЗФО в 2017 г., %



Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 3. Вектор структурного сдвига инвестиций в экономике СПР СЗФО в 2005–2017 гг., п.п.



Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

назначения, приходится чуть менее трети всех капиталовложений: в основном их аккумулируют производство электроэнергии, газа и воды (9,2%), металлургия (8,4%) и химия (7,3%).

Судя по всему, производство продукции инвестиционного назначения в СПР СЗФО не вызывает сколько-нибудь значимого инвестиционного интереса, что показывает, во-первых, его наименьший удельный вес в анализируемой структуре, во-вторых, его постепенное снижение на протяжении последних лет (табл. 4).

Не затрагивая вопроса конкурентоспособности расположенных в рассматриваемых регионах машиностроительных предприятий, можно предположить, что одной из причин такого положения является нестабильная экономическая ситуация в стране, достаточно емко описываемая следующей цитатой: «Когда в течение одного года рубль колеблется к доллару в пределах 25%, а реальные ставки по кредитам остаются на уровне минимум 7–8%, инвестировать слишком рискованно» [21].

Таблица 4. Структура инвестиций в промышленность СПР СЗФО, %

Вид экономической деятельности	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
<b>Продукция топливно-энергетического назначения</b>	48,8	55,0	67,3	60,4	60,2
Добыча полезных ископаемых					
<b>Продукция промежуточного назначения</b>	<b>36,9</b>	<b>30,9</b>	<b>26,0</b>	<b>30,0</b>	<b>28,3</b>
Производство электроэнергии, газа, воды	7,2	16,3	7,2	7,1	9,2
Металлургическое производство	19,7	6,6	5,1	6,9	8,4
Химическое и нефтехимическое производство	4,9	5,2	11,0	11,6	7,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	5,1	2,8	2,7	4,3	3,5
<b>Продукция потребительского назначения</b>	<b>10,4</b>	<b>12,0</b>	<b>6,0</b>	<b>8,4</b>	<b>9,9</b>
Целлюлозно-бумажное производство	6,0	8,5	2,4	4,0	6,8
Прочие виды обрабатывающих производств	2,1	1,9	2,9	3,5	2,3
Производство пищевых продуктов	2,3	1,6	0,7	0,9	0,8
<b>Продукция инвестиционного назначения</b>	<b>4,0</b>	<b>2,1</b>	<b>0,8</b>	<b>1,2</b>	<b>1,7</b>
Машиностроение	1,1	0,7	0,5	0,8	0,9
Производство неметаллических минеральных продуктов	2,9	1,4	0,3	0,3	0,7

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 4. Вектор структурного сдвига инвестиций в промышленность СПР СЗФО в 2005–2017 гг., п.п.

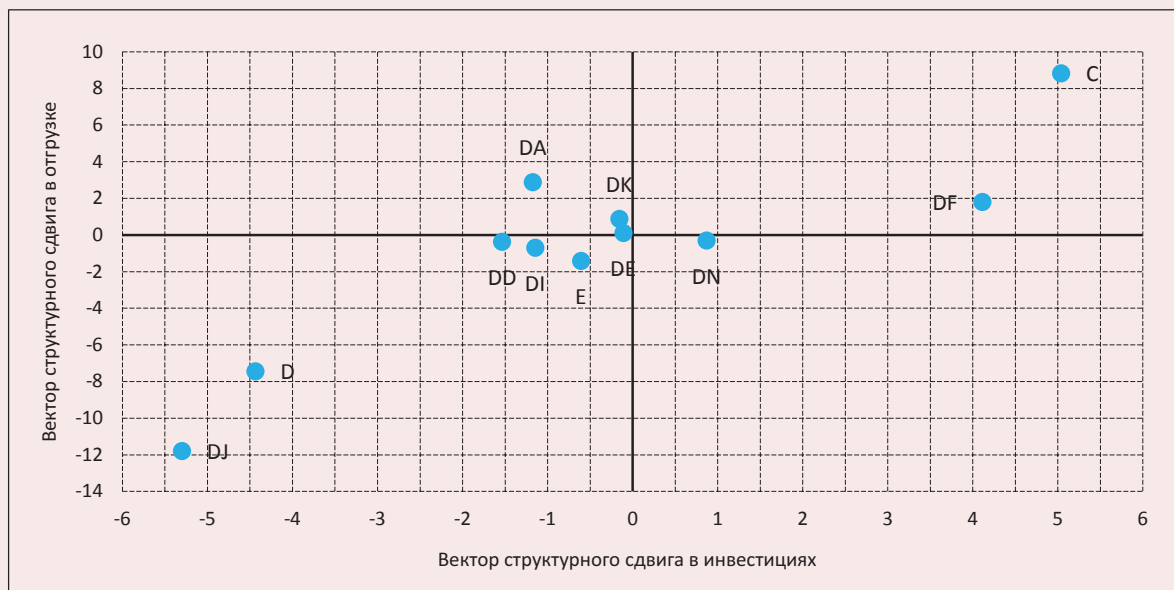


Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Лидерами по силе и скорости положительных структурных сдвигов в промышленных инвестициях являются добыча полезных ископаемых (величина сдвига составила 5,0 п.п., среднегодовая интенсивность — 0,6%), а также химические и нефтехимические производства (4,1 п.п. и 4,2% соответственно).

Наиболее сильный отрицательный структурный сдвиг произошел в металлургии — изменение за 2005–2017 гг. составило -5,3 п.п. со среднегодовой интенсивностью 4,3%. Величина сдвига в деревообрабатывающих, пищевых и прочих неметаллических производствах находится почти в одном интервале [-1,5; -1,1], однако скорость трансформации варьируется от 2,8 до 9,1% (рис. 4).

Рис. 5. Интенсивность структурных изменений в промышленности СПР СЗФО в 2005–2017 гг., п.п.



Условные обозначения:

С – добыча полезных ископаемых; D – Обрабатывающие производства; DA – Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; DD – Обработка древесины и производство изделий из дерева; DE – Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность; DF – Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, в том числе химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий; DI – Производство прочих неметаллических минеральных продуктов; DJ – Metallургическое производство и производство готовых металлических изделий; DK – Производство машин и оборудования, в том числе производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования; DN – Прочие производства, в том числе текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; E – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Инвестиционные процессы в экономике определяют перспективы изменения ее отраслевой структуры, которая впоследствии будет существенно влиять на особенности отраслевого распределения капитальных вложений [17]. Наблюдаемые в экономике СПР СЗФО трансформации, в большинстве своём показывающие прямую зависимость промышленного производства от объема капиталовложений, позволяют выделить 4 группы отраслей с принципиально разным соотношением структурных сдвигов в отгрузке и инвестициях (рис. 5).

**1. Увеличение доли отрасли и в структуре инвестиций в основной капитал, и в структуре отгруженных товаров.** В состав группы вошли добыча полезных ископаемых, химические и нефтехимические производства. Так, в первом случае существенный рост удельного веса ин-

вестиций (5,0 п.п.) активировал еще большее увеличение доли в объеме отгрузки (8,8 п.п.). В химической промышленности, наоборот, инвестиционный всплеск (4,1 п.п.) привел к второму меньшему по силе сдвигу в структуре отгруженных товаров (1,8 п.п.).

**2. Увеличение доли отрасли в структуре инвестиций в основной капитал при снижении в структуре отгруженных товаров.** Эта группа состоит только из прочих обрабатывающих производств, к которым в силу специфики анализируемых статистических данных в настоящем исследовании добавлены отрасли легкой промышленности. Итак, при небольшом увеличении веса в инвестициях (0,9 п.п.) сегмент несколько утратил долю в структуре отгрузки (-0,3 п.п.). Безусловно, уверенно заявлять о наличии столь противоречивой взаимосвязи будет

ошибкой – полученный результат мог быть обусловлен как статистической погрешностью, так и множеством факторов организационно-экономического характера.

**3. Снижение доли отрасли в структуре инвестиций в основной капитал при увеличении в структуре отгруженных товаров.** В отраслях этой группы имеют место незначительные отрицательные сдвиги в структуре инвестиций, наблюдаемые на фоне увеличения удельного веса в объеме отгруженных товаров. Так, изменение доли пищевых производств в инвестициях составило -1,2 п.п., при этом прирост в отгрузке достиг 2,9 п.п. Сдвиг машиностроения по горизонтальной оси на -0,2 п.п. не помешал продемонстрировать продвижение по вертикальной оси на 0,9 п.п. Наконец, структурный сдвиг целлюлозно-бумажных производств по обеим осям находится почти в нулевой зоне – изменение составило [-0,1; 0,1].

**4. Снижение доли отрасли и в структуре инвестиций в основной капитал, и в структуре отгруженных товаров.** Группа образована видами деятельности, результативность которых непосредственно зависит от инвестиционного предложения. В частности, снижение доли металлургического производства в объеме промышленных инвестиций (-5,3 п.п.) привело к значительному падению удельного веса отрасли в структуре отгруженных товаров (-11,8 п.п.). Схожие по силе и направленности трансформационные процессы затронули деревообработку и производство прочих неметаллических минеральных продуктов: доля отраслей в структуре инвестиций снизилась на -1,5 и -1,1 п.п. соответственно, в объеме отгрузки – на -0,4 и -0,7 п.п. Можно отметить, что в целом перемещение обрабатывающих производств по горизонтальной оси (-4,4 п.п.) инициирует почти двукратное перемещение данного вида деятельности по вертикальной (-7,4 п.п.). Ситуация повторяется в случае с производством и распределением электроэнергии, газа и воды: несущественный спад доли в инвестициях (-0,6 п.п.) способствовал снижению доли в выработке на -1,4 п.п.

**Выводы.** Развитие старопромышленных регионов СЗФО в 2005–2017 гг. сопровождалось заметными структурными трансформациями, обусловившими серьезные изменения в социальной и экономической сферах жизни об-

щества. Их характерным проявлением стало снижение инвестиционной активности предприятий, сопровождающееся деградацией отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, падением доли этого вида деятельности в структуре отгруженных товаров.

Эти изменения происходили на фоне усиления сырьевой специализации СПР СЗФО – во всех рассматриваемых регионах в структуре промышленного производства увеличилась доля добычи полезных ископаемых. Наблюдаемый сдвиг лежит в интервале от 3,6 п.п. в Республике Карелия<sup>2</sup> до 11,1 п.п. в Республике Коми.

Пример экономики старопромышленных регионов СЗФО показывает, что активная инвестиционная политика в топливно-энергетическом секторе способствует уверенному наращиванию объема сырьевого производства, но вместе с тем значительно отвлекает внимание инвесторов от обрабатывающего сегмента и ведет к снижению объема отгруженных товаров. Такие деформации негативно сказываются на перспективах модернизации народного хозяйства, вызывают увеличение его зависимости от импорта, препятствуют реализации национального курса на цифровизацию экономики и наращиванию доли высокотехнологичных производств.

Одним из путей предотвращения таких неблагоприятных перспектив можно назвать проведение жестко ориентированной структурной политики с целью перенаправления инвестиционных ресурсов от избыточных секторов к аутсайдерам. Утоление инвестиционного голода в обрабатывающих отраслях станет мощным фактором новой индустриализации в старопромышленных регионах СЗФО и будет способствовать формированию их современного высокотехнологичного облика, соответствующего актуальным требованиям эпохи всеобщей цифровизации.

<sup>2</sup> Учитывались только старопромышленные регионы СЗФО с более-менее развитым видом деятельности «добыча полезных ископаемых». К ним относятся Республика Карелия, где его доля в структуре отгруженных товаров в 2017 г. составила 37,5%, Республика Коми – 58,5%, Архангельская и Мурманская области – 45,5 и 32,1% соответственно. Для сравнения: в Вологодской области на топливно-энергетический сектор приходится 0,1%, в Новгородской – 0,8%.

## Литература

1. Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. Экономический рост в старопромышленном регионе: проблемы и направления интенсификации // Проблемы развития территории. 2017. № 2. С. 33-50.
2. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
3. Birch K., Mackinnon D., Cumbers A. Old industrial regions in Europe: a comparative assessment of economic performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, pp. 35-53.
4. Henderson S.R. Transforming old industrial regions: constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*, 2015, vol. 60, pp. 95-106.
5. Баканов С.А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959-2010) // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 74-85. DOI: 10.15826/qr.2017.1.211
6. Стровский В.Е., Кубарев М.С. Обеспечение экологической безопасности в условиях моногородов горнопромышленного комплекса // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2018. № 6. С. 99-108. DOI: 10.21440/0536-1028-2018-6-99-108
7. Тарасова О.В., Руднева В.А. Модели ревитализации старопромышленных территорий // ЭКО. 2017. № 7. С. 53-71.
8. Якушкина Т.А., Мокрецова А.И., Рушкова А.В. Управление стратегическим развитием старопромышленных регионов и крупных городов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2. С. 66-74.
9. Татаркин А., Романова О. О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов // Экономист. 2013. № 1. С. 21-37.
10. Сорокина Н.Ю. Оценка развития старопромышленного региона в контексте обеспечения его экономической безопасности // Федерализм. 2018. № 3. С. 90-103.
11. Макарова И.В., Коровин Г.Б. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31. С. 2-13.
12. Павлов К.В. Особенности модернизации старопромышленных регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 28. С. 11-24.
13. Uskova T.V., Lukin E.V., Melnikov A.E., Leonidova E.G. Industrial development issues in the economy of the old industrial regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 62-77. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.3
14. Hospers G.J., Bennenworth P.S. Innovation in an old industrial region: the case of Twente. *International Journal of Learning and Intellectual Capital*, 2012, vol. 9 (1/2), pp. 6-21. DOI: 10.1504/IJLIC.2012.043978
15. Мыслякова Ю.Г. Влияние вузов на ускорение индустриального развития экономики старопромышленного региона // Журнал экономической теории. 2018. № 1. С. 76-83.
16. Особенности пространственного размещения производительных сил в старопромышленном регионе / А.И. Татаркин, И.В. Макарова, А.П. Петров, Л.М. Аверина // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 28-43.
17. Замараев В., Маршова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40-62.
18. Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3. С. 7-18.
19. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
20. Yang Lu. Industry 4.0: A survey on technologies, applications and open research issues. *Journal of Industrial Information Integration*, 2017, vol. 6, pp. 1-10. DOI: 10.1016/j.jii.2017.04.005
21. Маврина Л., Обухова Е. Нитевидный пульс экономики // Эксперт. 2018. № 3. С. 20-25.

## Сведения об авторе

Алексей Евгеньевич Мельников – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Mel'nikov A.E.

## Investment Processes and Structural Changes in the Economy of Old Industrial Regions of the Northwestern Federal District

**Abstract.** In the changing global geopolitical and geo-economic conditions, the issues related to sustainable growth of the national economy, promoting its pronounced development dynamics and providing it with high technology are among the most important directions for Russia's modern economic policy. The priority tasks of national development require an inflow of large-scale investments in the economy, but the question of their rational distribution remains open, so that the attention of investors is directed mainly toward resource-based activities. At the same time, knowledge-intensive industries, which should be at the forefront of new industrialization, are experiencing a clear lack of investment and are in a state of stagnation. In particular, the above is true for a group of Russia's old industrial regions, in which the described situation is even more serious and leads to de-industrialization against the background of insufficient amount of investment at hand. In this regard, the goal of the paper is to analyze investment processes and assess their impact on the changes in the structure of industrial production on the example of old industrial regions of the Northwestern Federal District. We have chosen this object for our study due to the fact that these subjects of Russia occupy one of the worst positions among all old industrial territories according to a number of economic and social parameters. Scientific novelty of our work consists in the need to reveal modern patterns of socio-economic processes and identify structural deformations in the economy. The findings of our study reflect the current state of investment processes and the nature of structural transformations in the old industrial regions of the Northwestern Federal District, taking place against the background of strengthening resource-based industries. Practical significance of the findings is determined by the fact that they contribute to a better understanding of the current socio-economic situation of the sample under consideration and are useful for further study of the specifics of these territories and the problems they face.

**Key words:** old industrial regions, economic structure, structural changes, industrial production, investment.

### Information about the Author

Aleksei E. Mel'nikov – Junior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Статья поступила 16.03.2019.

# ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.6

УДК 332.1; 332.02; 338.1; 338.2, ББК 65.049(2); 65.054

© Кабанов В.Н.

## Территориальное планирование и закон Ципфа



**Вадим Николаевич**

**КАБАНОВ**

Национальный исследовательский московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

Москва, 129337, Российская Федерация, Ярославское шоссе, 26

E-mail: kabanovvn@yandex.ru

**Аннотация.** Территориальное планирование является составной частью стратегического планирования в соответствии с действующим законодательством РФ. Оценка социально-экономического положения региона при разработке стратегий развития должна опираться на результаты изучения сложившегося положения субъекта федерации относительно пограничных территориальных образований, а также в сравнении с показателями в макрорегионе (федеральном округе). Наиболее распространенной технологией оценки положения региона является SWOT-анализ. Применение этого метода не обеспечивает высокой точности результата по разным причинам. Использование распределения Ципфа (обратно пропорциональной зависимости) в качестве эталона обеспечивает возможность более точного количественного анализа динамики показателей, применяемых для оценки социально-экономического положения территориальных образований. Цель работы: определить сложившиеся внешние условия, тенденции, диспропорции и дисбалансы социально-экономического положения региона с использованием закона Ципфа. В отличие от традиционного применения данного закона для изучения демографических показателей, в работе поставлена задача рассмотреть динамику изменения валового регионального продукта и количества рабочих мест. Полученные результаты свидетельствуют о стремлении распределения величины добавленной стоимости и количества рабочих мест к обратно пропорциональной функции. Обсуждение полученных результатов представлено в виде дискуссии о влиянии социально-экономического положения на формирование долгосрочных планов развития, в том числе с учетом позиций, занимаемых субъектами федерации на кривой Ципфа. Кроме того, доказывается возможность и необходимость применения показателя валового регионального продукта для условий РФ. Выводы показывают преимущество применения распределений для исследования сложившегося внешнего окружения субъекта федерации. Практическое при-

**Для цитирования:** Кабанов В.Н. Территориальное планирование и закон Ципфа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 103-114. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.6

**For citation:** Kabanov V.N. Territorial planning and Zipf's law. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 103-114. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.6

менение закона Ципфа способствует более точному определению стартовых условий и прогнозированию последствий реализации стратегий социально-экономического развития, а также обоснованию количественных показателей для долгосрочных планов.

**Ключевые слова:** закон Ципфа, валовой региональный продукт, валовая добавленная стоимость, количество рабочих мест, численность населения, стратегическое планирование, территориальное планирование.

### Введение

С принятием Закона РФ «О стратегическом планировании в РФ» в документах стратегического планирования, помимо самой стратегии социально-экономического развития субъекта РФ (ст. 32 №172-ФЗ), разрабатывается прогноз (ст. 33 и 34 №172-ФЗ), а также схема территориального планирования (ст. 38 №172-ФЗ). Данная схема в соответствии с №172-ФЗ должна отражать основные положения стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, макрорегиона и страны в целом. Необходимо обратить внимание на то, что последовательность разработки документов стратегического планирования строго не регламентирует порядок, в котором должны разрабатываться документы. В этой связи могут возникнуть ситуации, при которых разработка схем территориального планирования может опережать формирование стратегии социально-экономического развития.

Важно подчеркнуть, что разработка документов долгосрочного планирования социально-экономического развития территориальных образований должна соответствовать задачам (ст. 8 №172-ФЗ) и не вступать в противоречие с принципами (ст. 7 172-ФЗ). Следовательно, стратегия и схема территориального планирования должны опираться на результаты исследования сложившихся «внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей»<sup>1</sup> и «обеспечивать возможность оценки достижения целей социально-экономического развития с использованием количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов их оценки, используемых в процессе стратегического планирования»<sup>2</sup>. Исходя из

<sup>1</sup> П. 2, ст. 8 Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ» № 172-ФЗ от 28.06.2014 (ред. от 31.12.2017).

<sup>2</sup> П. 11, ст. 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ» № 172-ФЗ от 28.06.2014 (ред. от 31.12.2017).

этих требований, для количественной оценки дисбалансов и диспропорций следует применять характеристики, описывающие занятость экономически активного населения, эффективность рабочих мест, функционирующих в экономике территориального образования.

Не трудно предсказать цель социально-экономического развития субъекта РФ, которая формулируется, в большинстве случаев, как повышение качества жизни населения, в том числе с учетом интересов экономических агентов [1]. Необходимо обратить внимание на предполагаемую степень участия федерального правительства в реализации региональных стратегий, приоритетом которой «должно стать не решение задач выравнивания социально-экономических показателей регионов, а реализация конкретных инфраструктурных проектов, направленных на повышение транспортной и хозяйственной связанности территорий, межрегиональную интеграцию и территориальную мобильность населения, а также на повышение доступности услуг социальной инфраструктуры» [2].

Для измерения степени достижения цели долгосрочного социально-экономического развития следует определить количественные показатели. Наиболее часто к их числу относят валовой внутренний продукт, количество рабочих мест, численность населения, которые нашли широкое применение в целях прогнозирования [3] и стратегического планирования [4]. Действительно, не требует доказательства зависимость численности населения от количества рабочих мест, функционирующих на территории поселения или субъекта федерации. Совершенно очевидно, что добавленная стоимость создается на рабочих местах и в этой связи находится в зависимости от их количества и отраслевой принадлежности. Кроме того, на величину произведенной добавленной стоимости существенное влияние оказывает эффективность рабочих мест.



Территориальное планирование, регулируемое главой 3 Градостроительного кодекса РФ<sup>3</sup>, предполагает размещение на картах территории субъектов федерации объектов федерального и регионального значения и, в обязательном порядке, транспортной и социальной инфраструктуры. Мощность объектов региональной транспортной и социальной инфраструктуры, планируемых к размещению в долгосрочной перспективе, вычисляется по правилам, установленным Сводом правил<sup>4</sup> 42.13330.2011. При внимательном знакомстве с его положениями не сложно сформулировать вывод о зависимости мощности объектов транспортной и социальной инфраструктуры от количества жителей в населенных пунктах. В логике настоящей работы количество жителей зависит от числа рабочих мест, а изменение количества рабочих мест не сложно оценить по объему добавленной стоимости, производимой экономикой поселения.

Разработке документов стратегического планирования (стратегии социально-экономического развития и схемы территориального развития) предшествует изучение «внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей». В этой связи представляется актуальным исследование изменений количественных показателей валового регионального продукта, количества рабочих мест и численности населения. Актуальность заявленной темы исследований подтверждается нормами действующего законодательства РФ (п. 11, ст. 7и; п. 2, ст. 8 № 172-ФЗ), определяющими изучение исходного социально-экономического положения субъектов РФ в целях долгосрочного социально-экономического планирования и прогнозирования. Необходимо еще раз обратить внимание на то, что схема территориального планирования относится к неотъемлемой части документов стратегического планирования. Размещение на ней объектов социально-экономической и транспортной инфраструктуры регионального и федерального значения зависит от прогнозируемой системы расселения.

<sup>3</sup> Градостроительный кодекс РФ: утв. № 190-ФЗ от 29.12.2004 (в ред. от 25.12.2018).

<sup>4</sup> СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89: утв. приказом Минрегиона России № 820 от 28.12.2010.

*Цель исследования:* определить сложившиеся внешние условия, тенденции, диспропорции и дисбалансы социально-экономического положения Волгоградской области.

*Для достижения цели решались следующие задачи:*

1. Исследовать динамику изменения валового регионального продукта, количества занятости и численности населения в одинаковых единицах измерения.

2. Выполнить проверку закона Ципфа для количественных показателей макрорегиона, сформированных в целях оценки внешних условий Волгоградской области.

#### Методы исследования

Для измерения валового регионального продукта, количества рабочих мест и численности населения применяют разные единицы измерения. Приведение показателей к единой шкале измерений возможно при использовании относительных показателей. С нашей точки зрения наибольший интерес представляет относительный показатель, характеризующий значимость субъекта федерации для страны в целом. В этой связи в качестве основания для получения относительных показателей использовались статистические значения, описывающие суммарное значение для РФ. Таким образом, в исследовании достигалось согласие в оценке полученных результатов для каждого изучаемого количественного показателя. Вычисление относительного показателя выполнялось по формуле:

$$d_{Si} = \frac{D_{Si}}{\sum_{i=1}^{i=n} D_{Si}},$$

где  $d_{Si}$  — доля добавленной стоимости, произведенная  $i$ -м субъектом РФ в соответствующем году;

$D_{Si}$  — добавленная стоимость (ВРП), произведенная  $i$ -м субъектом РФ в соответствующем году, в денежных единицах (руб.);

$\sum_{i=1}^{i=n} D_{Si}$  — сумма добавленных стоимостей (ВРП), произведенных всеми « $n$ » субъектами РФ (ВВП), выраженная в денежных единицах (руб.).

Закон Ципфа (ранг – размер) в методах исследования появился не случайно. Этот закон нашел широкое применение не только в лингвистике и экономической географии, но и для оценки социально-экономического положения территории [5], привлекательности поселений [6], пространственно-экономических исследований [7] и традиционно для оценки неравенства доходов [8]. При этом одни исследователи полностью подтверждают действие закона Ципфа [9], другие – устанавливают ограничения его действия [10]. Если отказаться от участия в дискуссии с математиками по поводу функции ранг – размер (обратно пропорциональной функции), а ограничиться приведенными ниже результатами исследования, тогда нет препятствий для сравнения количественных показателей с графиком обратной пропорциональной функции ( $y = 1/x$ , где  $x$  – порядковый номер территории, а  $y$  – показывает, во сколько раз показатель для региона под соответствующим номером меньше максимального значения в выборке).

В целях настоящего исследования применительно к территории Волгоградской области был сформирован нетрадиционный макрорегион, состоящий из субъектов, которые входят в состав Южного федерального округа РФ, к числу которых добавлены Саратовская и Воронежская области, имеющие общую границу с исследуемым регионом. Такая конфигурация с нашей точки зрения обеспечивает наиболее объективный анализ внешних условий, оказывающих влияние на социально-экономическое положение Волгоградской области.

Традиционно анализ внешних условий выполняется по отношению к пограничным территориальным образованиям (субъектам федерации), с графическим изображением результатов такого анализа относительно максимального значения показателей, определенного для субъекта, входящего в макрорегион. На основании такого сравнения формируется матрица сильных и слабых сторон в рамках выполнения SWOT-анализа.

#### Результаты исследования

Динамика изменения количественных показателей при оценке текущего социально-экономического положения, в большинстве случаев, выполняется в виде графиков, например, по

сравнению с регионом – лидером макрорегиона. Применительно к Волгоградской области такое сравнение выполнено с соответствующими характеристиками Краснодарского края (рис. 1). В качестве исходных данных использованы статистические наблюдения за период 1995–2015 гг. следующих показателей:

- валовой региональный продукт<sup>5</sup> (валовая добавленная стоимость), как доля в ВВП РФ, в %;
- количество рабочих мест<sup>6</sup>, как доля в занятом населении РФ, в %;
- численность населения<sup>7</sup>, как доля в численности населения РФ, в %.

Графики построены на основе статистической информации, приведенной относительно значений РФ, то есть показывают долю, которую занимает регион в величине, соответствующей РФ (табл. 1). На основании графического изображения не сложно сделать вывод о разнонаправленности изменения исследуемых характеристик. При этом следует обратить внимание на то, что изменения добавленной стоимости (валового регионального продукта, ВРП, рис. 1а) подвержены наибольшим изменениям по сравнению с численностью населения (рис. 1в) и количеством рабочих мест (рис. 1б). Более медленные изменения численности населения Волгоградской области объясняются изменениями структуры половозрастного состава в сторону увеличения среднего возраста. Более низкая динамика изменения количества рабочих мест по сравнению с ВРП объясняется достаточно высокой долей рабочих мест, создаваемых и сохраняемых в социальной сфере (за счет бюджетов всех уровней).

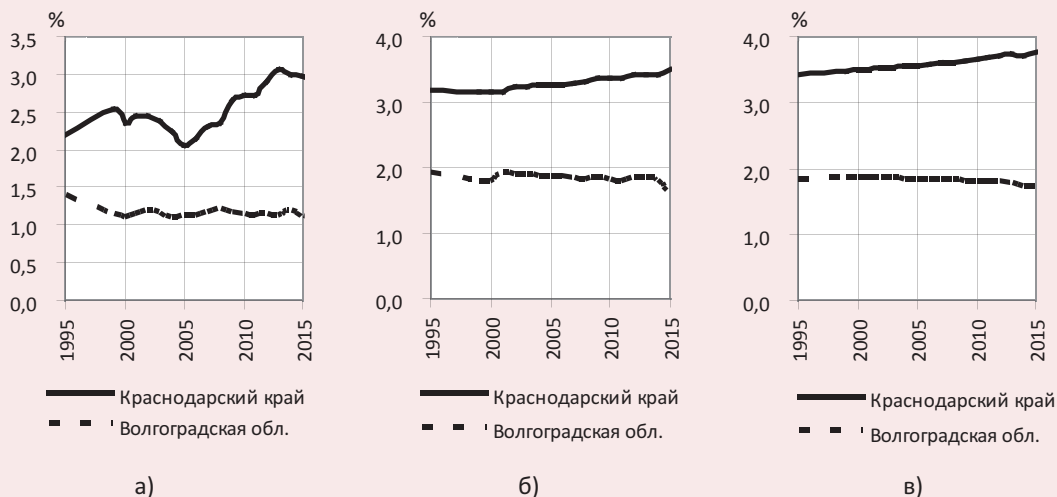
Исследование сильных и слабых сторон в рамках настоящего исследования не выполнялось, поскольку с нашей точки зрения результаты SWOT-анализа, как правило, страдают субъективностью оценок и могут применяться в качестве дополнения при сравнении количественных значений показателей, используемых для описания социально-экономического положения и развития.

<sup>5</sup> Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 686 с. Табл. 12.1, с. 258.

<sup>6</sup> Там же. Табл. 5.1, с. 109.

<sup>7</sup> Там же. Табл. 4.3, с. 87.

Рис. 1. Традиционное определение социально-экономического положения субъекта РФ относительно лидера макрорегиона: а) валовой региональный продукт, б) количество рабочих мест в экономике, в) численность населения\*



\* Построено по данным табл. 1.

Таблица 1. Изменение доли регионов в величине показателя РФ, %

Регион	1995	2000	2005	2010	2015
Доля ВРП в ВВП, %					
Краснодарский край	2,20	2,36	2,07	2,73	3,00
Волгоградская область	1,39	1,12	1,13	1,15	1,13
Доля рабочих мест в %					
Краснодарский край	3,19	3,16	3,28	3,37	3,52
Волгоградская область	1,92	1,79	1,88	1,82	1,62
Доля населения в %					
Краснодарский край	3,42	3,51	3,57	3,66	3,76
Волгоградская область	1,85	1,86	1,85	1,82	1,74

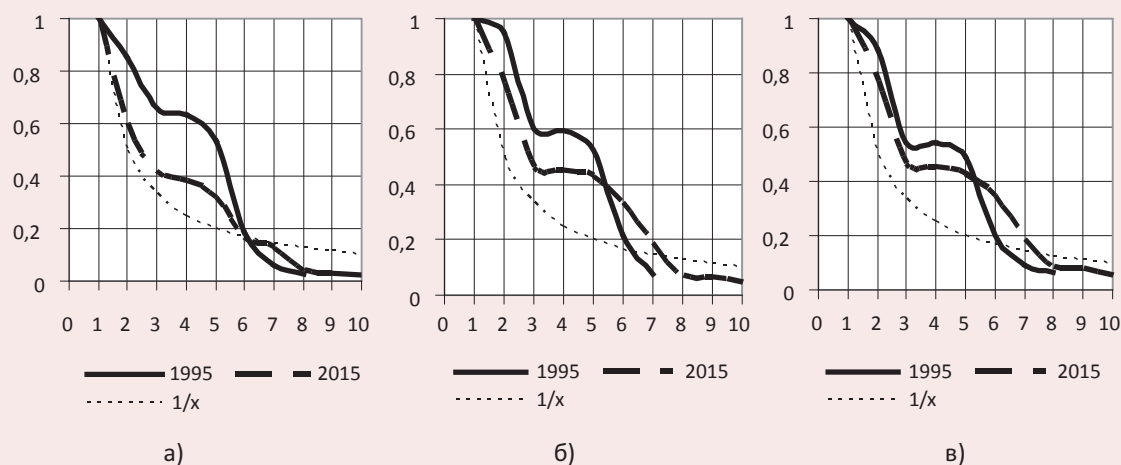
Источники: составлено по: Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 686 с.

Результатом анализа графиков (см. рис. 1) обычно являются выводы о разнонаправленности развития лидера и исследуемого субъекта федерации. Для преодоления сложившейся ситуации наиболее часто предлагается стратегия «погони за лидером». Не отрицая очевидности такого рода выводов, необходимо обратить внимание на графики, представляющие собой распределение значений количественных показателей, расположенных по возрастанию относительно показателей региона, занимающего лидирующие позиции в макрорегионе. Сравнение графиков, построенных от максимального до минимального значения,

с видом обратно пропорциональной функции (кривой Ципфа), может привести к формированию совершенно неожиданных стратегий социально-экономического развития (рис. 2 а, б, в).

Динамика изменения количественных показателей, полученных как частное от деления величины характеристики субъекта РФ на суммарное значение соответствующего показателя РФ в целом и расположенных в порядке возрастания, приводится в табл. 2. Пятилетний период исследований принят исходя из условий наиболее наглядного изображения результатов на графиках (см. рис. 2 а, б, в).

Рис. 2. Отклонения от закона Ципфа показателей регионов: а) валовой региональный продукт, б) количество рабочих мест в экономике, в) численность населения\*



\* Составлено по данным табл. 2.

Таблица 2. Распределение относительных значений показателей регионов, %

Регион	1995	2000	2005	2010	2015
<i>Доля ВРП в ВВП, %</i>					
1. Краснодарский край	2,20	2,36	2,07	2,73	3,00
2. Ростовская область	1,87	1,52	1,46	1,75	1,80
3. Воронежская область	1,17	0,86	0,74	0,92	1,27
4. Волгоградская область	1,39	1,12	1,13	1,15	1,13
5. Саратовская область	1,45	1,10	0,95	1,00	0,95
6. Астраханская область	0,41	0,52	0,39	0,38	0,49
7. Республика Крым	0,00	0,00	0,00	0,00	0,38
8. Республика Адыгея	0,13	0,10	0,09	0,13	0,13
9. Республика Калмыкия	0,06	0,14	0,05	0,06	0,07
10. Севастополь	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06
<i>Доля рабочих мест, в %</i>					
1. Краснодарский край	3,19	3,16	3,28	3,37	3,52
2. Ростовская область	3,03	2,90	2,84	2,81	2,69
3. Волгоградская область	1,92	1,84	1,88	1,82	1,62
4. Саратовская область	1,89	1,79	1,75	1,79	1,59
5. Воронежская область	1,67	1,69	1,58	1,56	1,51
6. Республика Крым	0,00	0,00	0,00	0,00	1,18
7. Астраханская область	0,68	0,66	0,67	0,66	0,66
8. Севастополь	0,00	0,00	0,00	0,00	0,24
9. Республика Адыгея	0,25	0,24	0,23	0,23	0,21
10. Республика Калмыкия	0,20	0,18	0,17	0,17	0,15
<i>Доля населения, в %</i>					
1. Краснодарский край	3,42	3,51	3,57	3,67	3,76
2. Ростовская область	3,03	3,03	3,01	2,99	2,89
3. Волгоградская область	1,85	1,86	1,85	1,82	1,74
4. Саратовская область	1,85	1,84	1,83	1,76	1,70
5. Воронежская область	1,68	1,66	1,62	1,63	1,59
6. Республика Крым	-	-	-	-	1,30
7. Астраханская область	0,69	0,69	0,70	0,71	0,70
8. Республика Адыгея	0,30	0,31	0,31	0,31	0,31
9. Республика Калмыкия	0,21	0,21	0,20	0,20	0,28
10. Севастополь	-	-	-	-	0,19

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017, 686 с.

Примечание. Регионы ранжированы по количественным характеристикам за 2015 год.

Графическое представление распределения значений количественных показателей субъектов РФ, включенных в макрорегион, показывает стремление к кривой Ципфа (тонкая пунктирная линия). Наибольшие темпы приближения к зависимости, описываемой обратной пропорциональной функцией (кривая Ципфа), наблюдаются у показателя «валовой региональный продукт» (см. рис. 2а, табл. 2). Это факт подтверждает вывод о том, что величина произведенной добавленной стоимости в наибольшей степени отражает результат перераспределения ресурсов в пользу лидеров за счет других субъектов макрорегиона. Для территории Волгоградской области, занимающей третье место в ЮФО на протяжении всего периода (1995–2015 гг., см. координату со значением 3 на оси абсцисс), падение показателей наиболее существенно. Следует обратить внимание, что такое падение не обошлось без влияния поступательного роста экономики Воронежской области.

Сохранение или рост объемов регионального валового продукта (ВРП) в Волгоградской области могут состояться только в случае значительного роста ВРП в Краснодарском крае и Ростовской области или при условии перехода экономики Волгоградской области с третьего на второе место в Южном федеральном округе РФ по величине произведенной добавленной стоимости. Такой вывод можно рассматривать как пример, учитывающий процессы, которые происходят во внешнем окружении, без которых весьма сложно формировать научно обоснованные цели долгосрочного развития.

Для оценки потенциала роста ВРП Краснодарского края, Ростовской и Воронежской областей требуется выполнить дополнительные исследования, связанные с изучением положения этих регионов в группе лидеров РФ. В настоящей работе такая задача не ставилась и не решалась.

Возможности для изменения места Волгоградской области в макрорегионе (например, переход с 3-го на 2-е место) связаны с необходимостью принятия в качестве ориентира долгосрочной программы социально-экономического развития весьма амбициозных целей. Эти цели должны предусматривать достижение таких темпов роста ВРП, которые в ближайшей перспективе обеспечат приближение, а лучше

превышение величины добавленной стоимости, произведенной, например, в Ростовской области с учетом долгосрочного плана развития этого территориального образования.

Динамика распределения значений количества рабочих мест (см. рис. 2б) позволяет выявить субъекты РФ, на территории которых фиксируется максимальное уменьшение количества рабочих мест (Волгоградская и Саратовская области). В целом распределение значений, описывающих количество рабочих мест, приближается к кривой Ципфа значительно медленнее, чем ВРП (см. рис. 2а). Более низкие темпы приближения к обратной пропорциональной функции следует объяснять влиянием государства, которое значительно медленнее сокращает рабочие места в социальной сфере (образование, здравоохранение, культура, управление), чем частные предпринимательские структуры.

Следует подчеркнуть, что усилия органов региональной государственной власти, направленные на сохранение существующих и создание новых рабочих мест, могут заметно изменить величину добавленной стоимости, создаваемой экономикой региона. При этом технического создания рабочих мест недостаточно. Важно, чтобы такие рабочие места функционировали в течение длительного времени (например, в течение всего времени, необходимого для достижения стратегических целей). Кроме продолжительности функционирования рабочих мест чрезвычайное значение имеет уровень оплаты труда на этих рабочих местах. Не стоит доказывать, что величина заработной платы является если не самой главной, то значимой при принятии решения об изменении места жительства. Количество населения, выражающее готовность к переезду по критерию размера оплаты труда, ежегодно увеличивается.

Наиболее медленно приближается к кривой Ципфа распределение населения регионов, включенных в макрорегион (см. рис. 2в). Самые низкие темпы этого количественного показателя объясняются увеличением доли населения пенсионного возраста в связи с ростом продолжительности жизни. Эта категория жителей наименее динамична, поскольку обладает гарантированным доходом в виде государственной пенсии и относится к числу жителей, в большей степени привязанных к месту постоянного проживания.

### Обсуждение

Если опустить подробности применения закона Ципфа в лингвистике, тогда можно утверждать, что наиболее широкое применение обратно пропорциональная функция (закон Ципфа) нашла в традиционных российских исследованиях при изучении неравенства доходов населения [8], а также при анализе систем расселения [5, 7, 9]. Аналогичная картина наблюдается в публикациях результатов исследования зарубежных авторов [11, 12]. К числу нетрадиционных областей применения закона Ципфа можно отнести работы по оценке IQ населения региона [13, 14]. Следует обратить внимание на применение обратно пропорциональной функции при построении гравитационных моделей взаимодействия урбанизированных территорий [15], а также при обосновании специализации общественно-территориальных объединений с учетом процессов глобализации [16].

Применение закона Ципфа для исследования экономических показателей, к числу которых в настоящей работе отнесены валовой региональный продукт и количество рабочих мест, не является ноу-хау. Результаты изучения распределения добавленной стоимости, в том числе по сравнению с распределением обратно пропорциональной функции, применяются для формирования выводов о влиянии экономического развития на концентрацию населения [17]. Справедливости ради необходимо привести опубликованные результаты исследований, которые опровергают сколько-нибудь существенное влияние экономического развития на интенсивность формирования агломераций в Латинской Америке [18].

Обратим внимание на популярную критику количественного показателя «валовой внутренней продукт» (добавленная стоимость). Эта критика, как правило, опирается на авторитет лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица [19, 112]. При этом, весьма часто, не замечают тот факт, что критика относится не к самому показателю как таковому, а к влиянию финансового рынка на величину произведенной добавленной стоимости. Рост этого влияния обусловлен тем, что финансовый рынок в течение достаточного длительного промежутка времени растет в результате экспоненциального увеличения объемов инструментов и опе-

раций, не связанных с реальным выпуском товаров или оказанием услуг. Другими словами, наблюдается нарастание виртуальной денежной массы. С критикой Дж. Стиглица в отношении приведенных особенностей трудно не согласиться. Что касается приведенных результатов исследований, то для всех субъектов федерации, включенных в исследование, характерно незначительное влияние финансового рынка на показатель произведенного валового регионального продукта. С этой позиции применение показателя ВРП (добавленной стоимости) представляется достаточно корректным.

Нет необходимости доказывать важность и объективность показателя «количество рабочих мест» в общественно-территориальном объединении населения. Как подчеркивалось ранее, именно рабочие места производят добавленную стоимость во всех видах экономической деятельности, а величина денежного вознаграждения за труд формирует объем потребления на рынке благ. В этой связи применение данного показателя для оценки социально-экономического положения на территории регион следует относить к объективно необходимому измерению.

Величина численности населения относится к основанию для принятия решения о размещении объектов социальной инфраструктуры, а также для выполнения оценки объема спроса на рынке жилья, включая мощность объектов инженерной инфраструктуры. Исследование этого показателя относится к необходимым и достаточным условиям функционирования процесса территориального планирования. Применение закона Ципфа для изучения распределения населения по территории субъекта РФ или макрорегиона исследовано достаточно подробно [6].

Представляются достаточно обоснованными доводы в пользу того, что на выводы, формируемые при использовании закона Ципфа, довольно существенное влияние оказывают размер выборки, а также количественные и качественные характеристики объектов исследования [10]. В настоящее время нами предпринимаются попытки оценить степень влияния величины выборки и включенных в нее субъектов на достоверность формируемых выводов, однако публикация результатов этих исследований пока преждевременна.

### Выводы

1. Сравнение результатов оценки социально-экономического положения региона относительно лидера традиционным способом (см. рис. 1 а, б, в) и при помощи распределения величин количественных показателей (см. рис. 2 а, б, в) является основанием для утверждения о том, что данные, представленные в виде распределения, позволяют получать более точную оценку. К числу преимуществ исследований с помощью распределения следует относить возможность изучения сразу нескольких территориальных образований (например, в настоящей работе 10 субъектов федерации).

Можно констатировать, что изучение текущего положения при помощи сравнения распределений объектов исследования с базовым (идеальным или теоретическим) распределением позволит выявлять общие тенденции субъектов-представителей, более точно находить место в этой системе для отдельно взятого региона (в этой работе – Волгоградская область), а также моделировать последствия задаваемых стратегических ориентиров.

2. Сравнение распределений добавленной стоимости показывает стремление количественных значений к графику обратной пропорциональной зависимости (закону Ципфа, см. рис. 2а), что характерно для рыночной (конкурентной) экономики. Важно подчеркнуть, что для регионов-представителей, вошедших в выборку, доля экономической деятельности в сфере финансов не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на величину валового регионального продукта (ВРП). Этот факт позволяет говорить о том, что динамика изменения ВРП с достаточной точностью описывает процессы, происходящие в экономике субъектов федерации.

Валовой региональный продукт в наибольшей степени отражает процессы, связанные с ростом или сокращением экономической активности. Если для первых 6 территорий характерно падение объемов производства добавленной стоимости (ВРП) относительно лидера (Краснодарский край), то субъекты федерации под номерами 7–10 (см. табл. 2) демонстрируют незначительные колебания относительно установившегося значения. Исходя из логики закона Ципфа важно подчеркнуть, что именно

субъекты под номерами 7–10 обладают наибольшим потенциалом роста, который, скорее всего, не встретит существенного сопротивления со стороны бизнеса, расположенного на территории лидера (Краснодарский край).

3. График распределения значений, описывающих изменение количества эффективных (занятых) рабочих мест в экономике (см. рис. 2б), показывает более медленное стремление к кривой Ципфа. Такая динамика, вероятнее всего, характеризует степень участия государства в создании и сохранении рабочих мест в сфере оказания услуг (социальная инфраструктура). На самом деле доля рабочих мест, создаваемых и сохраняемых за счет средств бюджетов всех уровней, составляет не менее половины от числа рабочих мест в непроизводственном секторе экономики (в сфере оказания услуг) [20].

При детальном рассмотрении графика распределения занятого населения обращает на себя внимание несколько иное по сравнению с ВРП поведение кривой. На изменение поведения влияет появление в рассматриваемой группе субъектов федерации Республики Крым. Смещение на более низкое место Астраханской области свидетельствует о том, что количество занятых в Крыму превышает аналогичный показатель в Астраханской области. Вместе с тем, если обратить внимание на распределение ВРП, то Астраханская область занимает более высокое место, чем Крым (см. табл. 2). Вывод очевиден: сравнение распределений показывает более высокую экономическую эффективность рабочих мест в Астраханской области.

Аналогичный вывод можно сделать при сравнении Волгоградской и Воронежской областей. К 2015 году Воронежская область опередила Волгоградскую по объему произведенной добавленной стоимости. При этом количество рабочих мест в Воронежской области по-прежнему меньше, чем в Волгоградской.

4. Показатель «численность населения» следует относить к наиболее инертным и наименьшим образом реагирующим на экономические изменения (см. рис. 2в). Объясняется это тем, что достаточно большая часть населения не относится к экономически активному населению (молодежь в возрасте до 18 лет и старшее поколение в возрасте выше пенсионного). Если большая часть молодежи еще не

может принимать самостоятельные решения, связанные с изменением места жительства, то старшее поколение принимает такие решения на основании долгих раздумий и тщательного взвешивания аргументов за и против.

На вид кривой, описывающей распределение населения в регионах-представителях, оказало влияние включение показателя Республики Крым в 2015 году. В целом ситуация с распределением населения характеризуется наименьшими темпами. По нашему мнению, важнейшей причиной, определяющей выбор места жительства экономически активным на-

селением, является наличие рабочих мест. Не просто рабочих мест в любой области экономической деятельности, а таких, которые по качеству (виду деятельности) и уровню оплаты труда удовлетворяют требованиям работников.

Экономическое обоснование размещения объектов производственной деятельности, транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры следует относить к важнейшему условию, без которого стратегическое территориальное планирование не имеет смысла. Более подробно наша точка зрения изложена в работах [21, 22].

### Литература

1. Гайнанов Д.А., Биглова Г.Ф., Атаева А.Г. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 2. С. 35-47. DOI 10.15838/esc.2017.2.50.4
2. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России / В.В. Ивантер и др. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 3-16.
3. Нижегородцев Р.М., Пискун Е.И., Кудревич В.В. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2017. № 1. С. 38-48. DOI: 10.17059/2017-1-4
4. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. № 3. С. 684-696. DOI: 10.17059/2017-3-4.
5. Макарова М.Н. Малые города в пространственной структуре размещения населения региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 2. С. 181-194. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.10.
6. Фаттахов Р.В., Абдулов Р.В. Экономико-демографические факторы формирования системы городского расселения (на примере Центрального федерального округа) // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 11. С. 2-15.
7. Козлова О.А., Соськова О.Н. Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. № 1. С. 64-79. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-64-79
8. Шамрай-Курбатова Л. В., Филиппов М. В. Основные положения механизма оплаты труда работников с учетом стоимости электронной информации, используемой в организации // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 4. С. 207-212.
9. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Анализ проявления закона Ципфа в городах России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 46. С. 56-66.
10. Коломак Е.А. О чем говорит отклонение от закона Ципфа? // ЭКО. 2016. № 11. С. 121-128.
11. Clifton N., Cooke P., Kals Hansen H. Towards a reconciliation of the 'Context-less' with the 'Space-less'? The Creative class across varieties of capitalism: New Evidence from Sweden and the UK. *Regional Studies*, 2013, vol. 47, no. 2, pp. 201-215. DOI: 10.1080/00343404.2012.665991
12. González-Vál R., Lanaspá L. Patterns in US urban growth, 1790–2000. *Regional Studies*, 2016, vol. 50, no. 2, pp. 289-309. DOI: 10.1080/00343404.2014.906742
13. Glückler J. Knowledge, networks and space: connectivity and the problem of non-interactive learning. *Regional Studies*, 2013, vol. 47, no. 6, pp. 880-894. DOI:10.1080/00343404.2013.779659
14. Вереш П. Процентное соотношение и негауссовское распределение-Zipf креативности и IQ популяции // Социум и власть. 2016. № 4. С. 29-36.



15. Poot J., Alimi O., Cameron M.P., Mare D.C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science. *Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*, 2016, vol. 36, pp. 63-86.
16. McCann P., Ortega-Argilés R. Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy. *Regional Studies*, 2015, vol. 49:8, pp. 1291-1302, DOI: 10.1080/00343404.2013.799769
17. Florida R., Gulden T., Mellander Ch. The rise of the mega-region, Cambridge. *Journal of Regions, Economy and Society*, 2008, vol. 1, pp. 459-476. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsn018>
18. Aroca P., Atienza M. Spatial concentration in Latin America and the role of institutions. *Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*, 2016 vol. 36, pp. 233-253.
19. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла: доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.
20. Лаврентьева Е.В., Чумакова Е.А. Оценка влияния структуры бюджета муниципального образования на развитие человеческого капитала // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 10. С. 68-78.
21. Пространственно-стратегическое развитие территории / В.Н. Кабанов, Д.Г. Донцов, Н.Г. Юшкова, Е.В. Михайлова. Волгоград: Нива, 2018. 276 с.
22. Кабанов В.Н. Принципы размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры в региональных документах стратегического планирования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. № 3. С. 71-83. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.5.

### Сведения об авторе

Вадим Николаевич Кабанов – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский московский государственный строительный университет (129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, 26, учебно-лабораторный корпус, к. 415, 523; e-mail: kabanovvn@yandex.ru)

Kabanov V.N.

### Territorial Planning and Zipf's Law

**Abstract.** Territorial planning is an integral part of strategic planning in accordance with the current legislation of the Russian Federation. When development strategies are elaborated, the assessment of the socio-economic situation in the region should be based on the results obtained in the course of studying the current situation in a constituent entity of the Russian Federation in comparison with its border territorial entities, as well as in comparison with indicators in the macroregion (federal district). SWOT analysis is the most common technology for assessing the situation in a region. Due to various reasons the use of this method does not provide high accuracy of the result. The use of the Zipf distribution (inversely proportional dependence) as a reference provides an opportunity for a more accurate quantitative analysis of the dynamics of indicators used to assess the socio-economic situation in territorial entities. The goal of the paper is to determine current external conditions, trends and imbalances in the socio-economic situation in a region with the use of Zipf's law. In contrast to the traditional use of the law in the study of demographic indicators, our paper aims to consider the dynamics of changes in gross regional product and in the number of jobs. The results indicate that the distribution of the value added and the distribution of number of jobs tend to an inversely proportional function. The discussion of the results is presented in the form of a discussion on the impact of socio-economic situation on the formation of long-term development plans; the discussion takes into account the positions of constituent entities of the Russian Federation on the Zipf curve. In addition, we substantiate the possibility and necessity of using the gross regional product indicator in the conditions of the Russian Federation. Our conclusions show the

advantage of using distributions to study the existing external environment in a constituent entity of the Russian Federation. Practical application of Zipf's law helps define the starting conditions and forecast the consequences of implementation of socio-economic development strategies more accurately and to substantiate quantitative indicators for long-term plans.

**Key words:** Zipf's law, gross regional product, gross value added, number of jobs, population, strategic planning, territorial planning.

### **Information about the Author**

Vadim N. Kabanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering (26, Yaroslavskoye Highway, educational and laboratory building, rooms 415, 523, Moscow, 129337, Russian Federation; e-mail: kabanovvn@yandex.ru)

Статья поступила 04.02.2019.

# МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.7

УДК 330.43, ББК 65.054

© Стельмах В.С.

## Методические аспекты прогнозирования вероятности банкротства на примере фармацевтических предприятий



**Вениамин Сергеевич  
СТЕЛЬМАХ**

Хабаровский государственный университет экономики и права  
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 134  
E-mail: Vs-stel@ya.ru

**Аннотация.** В развитии промышленных предприятий всегда присутствует вероятность наступления кризиса, следовательно, для непрерывного и устойчивого функционирования необходима разработка превентивных инструментов, способных заблаговременно прогнозировать кризисные процессы. В работе решается задача разработки и апробации модели оценки вероятности банкротства на основе аппарата логистической регрессии для устойчивого развития отечественных предприятий промышленности. Исследование проведено на примере фармацевтической отрасли, а методика разработки и апробации может быть применена в других отраслях промышленности. В работе приведены этапы разработки модели (формирование предикторов, корреляционный и регрессионный анализ) и ее апробации (оценка статистических параметров, сравнительный анализ с существующими моделями). Использование логистической модели оценки банкротства позволяет анализировать зависимость между индикаторами экономического состояния предприятия и степенью его банкротства, кроме того, такая модель количественно может определить вероятность банкротства промышленного предприятия. Достоверность и обоснованность представленных результатов подтверждается обобщением теоретико-методологических исследований специалистов в данной области, прикладные результаты базируются на большом объеме финансовой информации отечественных фармпредприятий и подтверждаются использованием признанных в научном сообществе алгоритмов экономико-математического моделирования. В процессе исследования использовались показатели экономического

**Для цитирования:** Стельмах В.С. Методические аспекты прогнозирования вероятности банкротства на примере фармацевтических предприятий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 115-127. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.7

**For citation:** Stel'makh V.S. Methodological aspects of predicting the probability of bankruptcy on the example of pharmaceutical companies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 115-127. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.7

состояния на основе публичной отчетности 266 фармацевтических предприятий, сто из которых вошли в разработку модели, а остальные — для ее апробации. Разработанная модель способна прогнозировать вероятность банкротства предприятий фармацевтической промышленности за два года до его наступления. Малый объем вычислений и отсутствие узкоспециализированных расчетов позволяют оперативно получать информацию об экономическом состоянии, а универсальность расчета дает возможность проводить сравнительный анализ предприятий в разрезе одной отрасли.

**Ключевые слова:** антикризисное управление; моделирование; логистическая регрессия; вероятность банкротства; корреляционно-регрессионный анализ; метод исключения; промышленные предприятия; фармацевтическая отрасль.

### Введение

В развитии промышленных предприятий всегда присутствует вероятность наступления кризиса. Важнейшей задачей антикризисного управления является не допустить кризис, вызванный ошибками управления, а в условиях объективно развивающихся кризисных процессов — обеспечить их наиболее безболезненное прохождение [1]. Следовательно, кризисные процессы должны оперативно обнаруживаться с целью их предотвращения и сохранения функционирования промышленных предприятий, так как ранняя идентификация кризиса способствует минимизации потерь в ходе управления.

Целесообразно для идентификации кризиса применять модели оценки банкротства, но методической проблемой такого процесса является учет отраслевых особенностей. Игнорирование такой информации может привести к некорректной оценке и, как следствие, к ускоренному развитию кризисных процессов на предприятиях [2]. В данной статье объектом исследования являются фармацевтические предприятия. Выбор фармацевтической промышленности обусловлен её интенсивным развитием, стратегическим значением для государства, населения и отсутствием на сегодняшний день инструментария для оценки банкротства в данной отрасли [3].

Для определения функционального вида связей между индикаторами экономического состояния и степенью банкротства промышленного предприятия применяются методы корреляционно-регрессионного анализа. Распространёнными методами оценки банкротства являются методы, основанные на дискриминантном анализе и логистической регрессии.

Как следствие, поставлена задача разработки и апробации через эконометрическое моделирование новой модели оценки банкротства, адаптированной на российских фармацевтических предприятиях.

### Обзор литературы

В экономической науке моделирование и оценка вероятности банкротства возникли в 1940-х гг. В работах того времени модели использовались ограниченно: только для оценки кредитоспособности и в мониторинге кредитных рисков. Так, к примеру, D. Duran разработал модели кредитного скоринга (credit-score), куда входили лишь финансовые аспекты деятельности предприятия, такие как платежеспособность и кредитная нагрузка [4].

Активное развитие исследуемого направления происходило в 1960-х гг. E. Altman при разработке моделей оценки банкротства стал использовать дискриминантный анализ [5]. Было установлено, что базовым условием применения такого анализа для моделирования является подчинение дискриминантных переменных многомерному нормальному закону, а модель представляет собой зависимость степени банкротства от базовых финансовых коэффициентов предприятия. Отметим, что в определенных выборках по предприятиям-банкротам нормальное распределение сложно определить либо оно вовсе не выполняется [6–8]. Кроме того, при расчете интегрального показателя в моделях зарубежных [8–10] и российских [11–14] экономистов присутствует интервал неопределенности, при попадании в который невозможно сделать однозначное заключение о вероятности банкротства предприятия.

Помимо дискриминантного анализа с 1980-х гг., к примеру в работе J. Ohlson [15], модели стали разрабатываться на основе аппарата логистической регрессии (logit-модели). Как отмечено в исследованиях [15–17], в процессе построения logit-моделей отсутствует проблема «неопределенности», так как происходит расчет значения непрерывной зависимой переменной, которая принимает значения в интервале от нуля до единицы. Для создания таких моделей необходим массив данных и о предприятиях, признанных банкротами, и о действующих предприятиях [18–21]. Следовательно, logit-модели дают возможность анализировать зависимость между индикаторами экономического состояния предприятия и вероятностью его банкротства, а другие модели лишь относят предприятие к определенной группе по степени банкротства. В отличие от них logit-модели могут не только относить предприятие к определенной группе, но и количественно определять вероятность банкротства, тем самым являясь более гибкими, чем их аналогии.

Несмотря на преимущества logit-моделей, в работах [22–24] отмечаются определенная субъективность при расчете порога вероятности банкротства и присутствие мультиколлинеарности предикторов, являющейся фактором снижения точности модели. Такая проблема обусловлена национальными особенностями учетной политики и отраслевыми особенностями предприятий, что подтверждается и отечественными исследованиями.

Российские ученые, продолжившие развитие данного направления, внесли большой вклад в разработку отечественных моделей и выполнение сравнительного анализа с зарубежными моделями [11, 12, 20, 21]. Анализ этих работ показал, что авторы сходятся во мнении о значительной погрешности зарубежных методик прогнозирования вероятности банкротства и о том, что среди применяемых методик более высокой точностью в оценке обладают модели на основе дискриминантного анализа и логистической регрессии. Применение же моделей для различных отраслей промышленности приводит к некорректности результатов исследования, так как каждая отрасль имеет свои особенности, влияющие на включение показателей в модель и их весовые коэффициенты.

## 1. Этапы разработки логистической модели оценки банкротства

При оценке банкротства с помощью logit-модели предполагается оценка вероятности банкротства в зависимости от показателей деятельности предприятия. Сама природа такой модели заключается в наличии линейной зависимости между натуральным логарифмом интегрального показателя экономического состояния (отклика) и линейной комбинацией показателей функционирования предприятия [15; 22], что выражается следующей формулой:

$$\ln\left(\frac{S}{1-S}\right) = a_0 + \sum a_i k_i, \quad (1)$$

где  $S$  – вероятность банкротства предприятия,  $S/(1-S)$  – коэффициент несогласия, определяющий, во сколько раз чаще отклик принимает значения 1, чем 0;  $k_i$  – предиктор (коэффициент, характеризующий определенную сторону экономического состояния);  $a_0$  – свободный член;  $a_i$  – весовой коэффициент каждого предиктора.

Представленное уравнение отражает линейную зависимость вероятности банкротства в зависимости от набора значений экономических коэффициентов предприятия. Теоретически, независимо от коэффициентов регрессии  $a_i$  и предикторов  $k_i$ , модель принимает любые значения. Отметим, что термин logit произошел от того, что уйти от линейности в данной модели можно с помощью logit-преобразования, тем самым значение модели будет находиться на отрезке  $[0, 1]$ , что свидетельствует о нахождении вероятности банкротства, где  $0$  – минимальная вероятность, а  $1$  – максимальная. Для интерпретации коэффициентов и упрощения представления рассматриваемой модели обычно используют экспоненциальную форму (экспонируются части уравнения) записи модели:

$$S = \frac{e^{a_0 + \sum a_i k_i}}{1 + e^{a_0 + \sum a_i k_i}} = \frac{1}{1 + e^{-a_0 - \sum a_i k_i}}. \quad (2)$$

Таким образом, первым этапом построения модели оценки банкротства с применением аппарата логистической регрессии является формирование предикторов ( $k_i$ ).

### 1.1. Формирование массива предикторов

Информационной базой для построения модели является финансовая отчетность

фармацевтических предприятий<sup>1</sup>. В формируемой выборке показатели были рассчитаны по двум группам предприятий:

1. 72 действующие предприятия, по состоянию на начало 2018 г. (исключены предприятия, находящиеся в процессе ликвидации или реорганизации через формы слияния, разделения и присоединения к другому юридическому лицу, а также находящиеся в процедурах банкротства), по которым  $S=0$ .

2. 28 предприятий, признанных банкротами в период с 2004 по 2017 г., по таким предприятиям  $S=1$ .

На наш взгляд, при формировании массива предикторов необходимо проводить динамический анализ показателей, который позволяет определить развитие отрасли и кризисные периоды. Так, к примеру, за счет кризисных процессов, происходивших в российской экономике в 2014–2015 гг., показатели предприятий имели резкие изменения, что вызывало ухудшение общего экономического состояния, при этом фармпредприятия банкротами не становились. Следовательно, расчет показателей по таким нетипичным периодам может привести к некорректным значениям модели и ее низкому качеству.

Для предприятий-банкротов показатели рассчитаны за два года до признания предприятия банкротом (к примеру, если предприятие признано банкротом в 2015 г., то расчет предикторов для массива производился по итогам 2012 г.). Считаем, что двухлетний период является оптимальным для реализации антикризисных мероприятий в целях сохранения функционирования промышленных предприятий. А для предприятий первой группы не использовались данные за 2014–2015 гг. (кризисные периоды) и с 2016 г. (не прошел двухгодичный лаг). Целесообразно использовать данные за 2013 год, считающиеся более актуальными на сегодняшний день, а сам период — достаточно благоприятным для фармацевтической отрасли.

Таким образом, горизонт прогнозирования разрабатываемой модели составляет два года.

<sup>1</sup> С отчетностью фармацевтических предприятий можно ознакомиться на официальных сайтах компаний, порталах раскрытия корпоративной информации и в системе профессионального анализа рынков и компаний информационной группы «Интерфакс» (СПАРК).

Отметим, что в существующих моделях наблюдается короткий срок прогнозирования [21; 23], когда предприятие не успевает «подготовиться» к кризису, либо увеличение горизонта прогноза [18; 19], снижающее точность модели, так как распределение исходов для двух групп предприятий становится одинаковым.

В итоге сформированная выборка представляет собой массив данных на определенную отчетную дату, где  $i$ -му фармацевтическому предприятию соответствует набор показателей его деятельности  $k_1, k_2, \dots, k_n$ , а в зависимости от статуса ( $S$ ) — действующее предприятие либо банкрот — проставляется 0 или 1 соответственно.

Следует подчеркнуть, что после разработки модели логистической регрессии может возникнуть проблема с низкой точностью прогноза, причиной которой является недостаточный объем исторической выборки (наблюдается в разработках моделей [11; 14; 21; 24]). Выбор минимального объема выборки зависит от распределения значений зависимой переменной. При нормальном распределении для описания систем любой сложности достаточно девять или десять предикторов, где на каждый предиктор необходимо задавать не менее десяти наблюдений [25].

Таким образом, историческая выборка будет включать 100 предприятий. Одним из ограничений при создании логистической модели является малый объем предприятий-банкротов и отчетности по ним, как следствие, было отобрано 58 банкротов (половина выборки использовалась для разработки, оставшиеся — для апробации). Глубокого анализа в отношении того, в каких пропорциях отбирать действующие предприятия и банкроты, в исследованиях не проводится, критерием качества выборки все же остается полученная точность модели. Как можно заметить, авторы либо соотносят в равных объемах данные группы [5, 7, 13, 15, 21], либо в выборке преобладают действующие предприятия [6, 7, 12, 14, 18–20], так как по факту число предприятий, прошедших процедуру банкротства, в отрасли всегда меньше, чем нормально функционирующих. Добавим также, что попадание предприятий в историческую и тестируемую выборки было произведено случайным образом.

На основе представленных положений сформируем выборку показателей по данным финансовой отчетности ста фармацевтических предприятий. Для этого необходимо выбрать из множества показателей те, которые обладают следующими свойствами:

1) имеют экономический смысл и дают информативное, непротиворечивое представление об экономическом состоянии;

2) не являются узкоспециализированными показателями и рассчитываются по данным публичной отчетности;

3) соответствуют сущности модели оценки банкротства и целям и задачам антикризисного управления промышленными предприятиями.

Таким образом, было выделено 18 показателей, характеризующих с различных сторон, состояние предприятий (ликвидность, рентабельность, структура активов и капитала, финансовая устойчивость): обеспеченность собственными оборотными средствами ( $K_1$ ), маневренность собственных оборотных средств ( $K_2$ ), доля дебиторской задолженности в активах ( $K_3$ ), доля краткосрочных обязательств в структуре капитала ( $K_4$ ), соотношение иммобилизованных и мобилизованных средств ( $K_5$ ), текущая ликвидность ( $K_6$ ), быстрая ликвидность ( $K_7$ ), абсолютная ликвидность ( $K_8$ ), финансовый леверидж ( $K_9$ ), финансовая зависимость ( $K_{10}$ ), покрытие заемного капитала ( $K_{11}$ ), доходность капитала ( $K_{12}$ ), валовая рентабельность ( $K_{13}$ ), рентабельность активов ( $K_{14}$ ), рентабельность собственного капитала ( $K_{15}$ ), рентабельность продаж ( $K_{16}$ ), рентабельность оборотных активов ( $K_{17}$ ), степень платежеспособности ( $K_{18}$ ).

В выборку не вошли показатели оборачиваемости, так как они имеют заниженные значения на промышленных предприятиях. Вместо них включены показатели ликвидности и рентабельности, оперативно реагирующие на изменение экономического состояния предприятий.

Далее необходимо проверить выбранные показатели на нормальность распределения. Для проверки гипотезы о принадлежности исследуемой выборки нормальному закону распределения (эмпирическое распределение соответствует ожидаемому распределению) воспользуемся тестом Колмогорова—Смирнова.

Исключение показателей из дальнейшего расчета следует определять по уровню зна-

чимости. Если  $p > 0,05$ , то исследуемое эмпирическое распределение соответствует нормальному распределению, в противном случае распределение отличается от нормального. Так, к примеру, распределение значений переменных  $K_1$  и  $K_3$  статистически не отличается от нормального, так как  $p > 0,05$  и вероятность ошибки является незначительной. У переменной  $K_2$  уровень значимости ниже установленного уровня, следовательно, значения плохо подчиняются нормальному распределению и необходимо исключить данный показатель из дальнейшего построения модели.

Таким образом, по итогам теста на нормальность распределения в дальнейшей разработке модели остаются следующие показатели:  $K_p$ ,  $K_3$ ,  $K_4$ ,  $K_6$ ,  $K_7$ ,  $K_{10}$ ,  $K_{11}$ ,  $K_{13}$ .

## 1.2. Корреляционный анализ

В рамках данного этапа необходимо:

1) составить матрицу парных коэффициентов корреляции;

2) выявить с использованием шкалы Чеддока взаимно коррелирующие коэффициенты (отрицательное значение свидетельствует о противоположной связи между переменными), один из которых исключается из дальнейшего расчета; данное сокращение используемых показателей позволяет уменьшить их количество, при этом уровень оценки экономического состояния предприятия не снижается;

3) отобрать коэффициенты, не имеющие сильной и тесной связи, при которых критический уровень значения коэффициента корреляции составляет не более 0,7. Выбранные коэффициенты являются основой дальнейшего построения уравнения логистической регрессии.

В ходе анализа матрицы парных коэффициентов корреляции, представленной в *таблице 1*, целесообразно исключить из дальнейшего исследования  $K_p$ ,  $K_4$ ,  $K_6$ . Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ( $K_1$ ) имеет тесную связь с коэффициентом покрытия заемного капитала ( $K_{11}$ ) и коэффициентом текущей ликвидности ( $K_6$ ). В свою очередь  $K_6$  имеет высокий парный коэффициент с большинством показателей. Помимо наличия тесной связи с  $K_6$ , у доли краткосрочных обязательств в структуре капитала ( $K_4$ ) наблюдается высокая взаимозависимость и с коэффициентом финансовой зависимости ( $K_{10}$ ).

Таблица 1. Матрица парных коэффициентов корреляции

K	K <sub>1</sub>	K <sub>3</sub>	K <sub>4</sub>	K <sub>6</sub>	K <sub>7</sub>	K <sub>10</sub>	K <sub>11</sub>	K <sub>13</sub>
K <sub>1</sub>	1,000	0,306	-0,663	0,872	0,658	-0,606	0,813	0,179
K <sub>3</sub>	0,306	1,000	0,227	0,121	0,445	0,032	0,290	0,284
K <sub>4</sub>	-0,663	0,227	1,000	-0,717	-0,523	0,749	-0,438	-0,119
K <sub>6</sub>	0,872	0,121	-0,717	1,000	0,735	-0,588	0,762	0,154
K <sub>7</sub>	0,658	0,445	-0,523	0,735	1,000	-0,502	0,607	0,279
K <sub>10</sub>	-0,606	0,032	0,749	-0,588	-0,502	1,000	-0,673	-0,097
K <sub>11</sub>	0,813	0,290	-0,438	0,762	0,607	-0,673	1,000	0,052
K <sub>13</sub>	0,179	0,284	-0,119	0,154	0,279	-0,097	0,052	1,000

По итогам корреляционного анализа дальнейшая разработка модели логистической регрессии для оценки банкротства фармацевтических предприятий будет основываться на следующих коэффициентах, имеющих нормальное распределение, где парные коэффициенты корреляции между показателями не имеют тесной и сильной связи:

- 1) доля дебиторской задолженности в активах ( $K_3$ );
- 2) коэффициент быстрой ликвидности ( $K_7$ );
- 3) коэффициент финансовой зависимости ( $K_{10}$ );
- 4) коэффициент покрытия заемного капитала ( $K_{11}$ );
- 5) валовая рентабельность ( $K_{13}$ ).

### 1.3. Регрессионный анализ

Данный этап заключается в построении уравнения логистической регрессии. Необходимо отметить нецелесообразность наличия в уравнении свободного члена. С теоретической точки зрения, если все экономические индикаторы (предикторы) равны нулю, то оценка вероятности банкротства будет рассчитываться на основе величины свободного члена. В реальных экономических процессах при равенстве нулю всех индикаторов промышленное предприятие не функционирует, соответственно, оно признается недействующим.

Таким образом, в модели логистической регрессии будет отсутствовать свободный член, формулу 1 преобразуем в следующее уравнение:

$$S = \frac{e^{\sum a_i k_i}}{1 + e^{\sum a_i k_i}} = \frac{1}{1 + e^{-\sum a_i k_i}} \quad (3)$$

Построение уравнения регрессии осуществлялось методом исключения (отношения правдоподобия – backward) оставшихся коэф-

фициентов. Данный метод предполагает включение в регрессионное уравнение всех предикторов, в дальнейшем на каждом шаге происходит исключение наименее «полезных», то есть предикторов с минимальным значением  $F$ -статистики, причем это значение должно быть меньше заранее выбранного порога. Оценка по  $F$ -статистики позволяет исключить предикторы, которые оказывают на объясняемую переменную недостаточное влияние. В комплексе IBM SPSS Statistics 17.0, в котором выполняется расчет модели, рассчитывается величина  $p$ -value, а исключение предикторов заканчивается, когда все они будут удовлетворять выражению  $p_i < p$ , где  $p_i$  – уровень значимости каждого предиктора,  $p$  – пороговое значение в 0,01.

В таблице 2 приведены статистические характеристики выполняемого регрессионного анализа по построению логистической модели оценки банкротства. Исходя из представленных данных были исключены два предиктора, так как уровень значимости был больше порогового значения в 1%:

- 1) на первом шаге исключена доля дебиторской задолженности в активах ( $K_3$ ):  $0,683 > 0,01$  (условие  $p_i < p$  не соблюдается);
- 2) на втором шаге исключен коэффициент покрытия заемного капитала ( $K_{11}$ ):  $0,385 > 0,01$  (условие  $p_i < p$  не соблюдается).

Коэффициенты регрессионного уравнения ( $a_i$ ) определяют влияние соответствующих показателей (предикторов) на интегральный показатель экономического состояния промышленного предприятия. Исходя из этого коэффициент валовой рентабельности ( $K_{13}$ ) обладает наибольшим вкладом в величину итогового показателя. К последнему шагу значения статистики Вальда, как критерия значимости



Таблица 2. Параметры модели логистической регрессии

Шаг	Предиктор ( $K_i$ )	Весовой коэффициент предиктора ( $a_i$ )	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Число степеней свободы	Уровень значимости ( $p$ )
Шаг 1	$K_3$	-0,755	1,850	0,167	1,000	0,683
	$K_7$	-1,154	0,977	1,394	1,000	0,238
	$K_{10}$	2,336	0,807	8,378	1,000	0,004
	$K_{11}$	-0,479	0,576	0,693	1,000	0,405
	$K_{13}$	-4,183	1,449	8,332	1,000	0,004
Шаг 2	$K_7$	-1,339	0,891	2,259	1,000	0,133
	$K_{10}$	2,183	0,699	9,741	1,000	0,002
	$K_{11}$	-0,502	0,578	0,754	1,000	0,385
	$K_{13}$	-4,147	1,437	8,331	1,000	0,004
Шаг 3	$K_7$	-1,947	0,598	10,584	1,000	0,001
	$K_{10}$	1,984	0,633	9,829	1,000	0,002
	$K_{13}$	-3,970	1,415	7,875	1,000	0,005

каждого  $a_i$  для соответствующего предиктора, не имеют сильных отклонений между собой, что свидетельствует об адекватности модели.

Далее, при апробации модели и оценке полученных коэффициентов регрессионного уравнения, будет применен калибровочный тест, который определяет степень соответствия между оцененными вероятностями банкротства, спрогнозированными моделью, и реальными вероятностями дефолтов.

Таким образом, на основе статистического массива данных ста российских предприятий фармацевтической промышленности, разделенных на действующие предприятия и банкроты, с применением теста на нормальность распределения, корреляционного анализа и с помощью метода отношения правдоподобия была составлена логистическая модель, определяющая вероятность банкротства за два года до его наступления.

С целью совершенствования процедуры регрессионного анализа и, как следствие, повышения качества моделей оценки банкротства были уточнены методические аспекты построения:

1) использование массива данных по предприятиям одной отрасли: каждая отрасль имеет свои особенности функционирования, включение предприятий других отраслей изменяет уровни предикторов и создает разнонаправленность в оценке (аспект не учтен в моделях [15; 18–20]);

2) включение в исследование не менее четверти предприятий, признанных банкротами: малый объем фактических данных о банкротах занижает итоговую оценку (малый объем таких данных присутствует в моделях [19; 23; 24]);

3) добавление в процедуру анализа проверки на нормальность распределения каждого предиктора в массиве данных (отсутствует в моделях [17; 20; 22]).

В соответствии с формулой 2 и на основе данных таблицы 2 полученная логистическая модель имеет следующий вид:

$$S = \frac{1}{1 + e^{1,95K_{oi} - 1,98K_{fz} + 3,97K_{op}}}, \quad (4)$$

где  $S$  – вероятность банкротства (интегральный показатель экономического состояния фармацевтического предприятия),  $K_{oi}$  – коэффициент быстрой ликвидности (отношение оборотных активов за вычетом запасов к краткосрочным обязательствам),  $K_{fz}$  – коэффициент финансовой зависимости (доля заемных средств в структуре капитала),  $K_{op}$  – валовая рентабельность (отношения валовой прибыли к выручке от реализации).

Разработка logit-моделей не предполагает интервальную оценку итогового показателя ( $S$ ), так как рассчитывается точечная величина вероятности банкротства. Но следует отметить, что при использовании данной модели для принятия управленческих решений необходимо учитывать критические уровни. С применением методики [20] с учетом фактических

распределений значений модели по расчетной выборке были выделены два уровня, определяющие устойчивое (благоприятное) экономическое состояние ( $S < 20\%$ ) и зону острого кризиса на фармацевтическом предприятии ( $S > 80\%$ ).

**2. Апробация разработанной модели оценки банкротства**

Для возможности практического применения разработанной модели необходимо протестировать её на точность прогнозируемых результатов. На наш взгляд, процесс апробации целесообразно проводить в два этапа.

**2.1. Оценка статистических параметров полученной модели по исходной выборке**

Рассмотрим результаты наблюдаемых и предсказанных исходов (банкротств) при нулевой модели и конечной модели (табл. 3).

Нулевая модель представляет собой уравнение логистической регрессии, в котором весовые коэффициенты ( $a_i$ ) каждого предиктора равны нулю. В свою очередь, конечная модель получена методом исключения и отражена в формуле 4. Необходимо отметить, что граница для разделения предсказанных исходов составляет 50%, при этом 1 – предприятие признано банкротом, а 0 – действующее предприятие.

Полученная регрессионная модель обладает предсказательной способностью, если ее точность выше, чем точность нулевой модели. При первоначальной модели общий процент корректных предсказанных банкротств составляет 28%, но в конечной модели он возрастает почти в три раза – до 79%. Уточним, что рассматриваемая точность показывает степень корректных исходов, рассчитанных с помощью регрессионной модели по исторической (исходной) выборке фармацевтических предприятий.

Для обоснования адекватности модели рассмотрим статистические критерии оценки качества конечной модели.

Значение функции ( $-2\text{Log}L$ ) логарифма отношения правдоподобия в конечной модели снизилось на 41% в сравнении с начальной моделью и составило 81,23. Уменьшение данного показателя, являющееся результатом сравнения двух моделей, свидетельствует об улучшении прогностической способности модели.

Для оценки качества регрессионных моделей, как правило, используется коэффициент детерминации, но для логистических моделей коэффициент детерминации не служит базовым параметром определения точности в отличие от моделей линейной регрессии. Следовательно, рассчитан псевдокоэффициент детерминации Nagelkerke  $R$ -square – 0,582, являющийся аппроксимацией коэффициента детерминации с учетом функции  $-2\text{Log}L$  и  $X$ -square. Показатель характеризует степень изменения вероятности банкротства в зависимости от включенных в состав модели показателей, следовательно, изменение вероятности банкротства фармацевтических предприятий на 58,2% зависит от коэффициентов быстрой ликвидности, финансовой зависимости и валовой рентабельности. Низкие значения  $R$ -square для logit-моделей являются нормальным состоянием. В отличие от линейной регрессии, в логистической нельзя выдвинуть предположение о постоянстве дисперсии: дисперсия бинарной переменной зависит от частоты распределения значений самой переменной, поэтому вычисляемые коэффициенты детерминации являются приближенной мерой [11].

Таблица 3. Наблюдаемые и предсказанные исходы по исторической выборке

Нулевая модель		Предсказанные исходы		Процент корректных исходов
		0	1	
Наблюдаемые исходы	0	0	72	0
	1	0	28	100
Общий процент точности нулевой модели				28
Конечная модель		Предсказанные исходы		Процент корректных исходов
		0	1	
Наблюдаемые исходы	0	63	9	88
	1	12	16	57
Общий процент точности конечной модели				79

Следовательно, для дополнительной оценки модели и ее параметров рассмотрим калибровочный тест через критерий согласия через Hosmer–Lemeshow test. Данный критерий рассчитывает интервалы между наблюдаемыми и предсказанными распределениями количества действующих предприятий и предприятий банкротств. Значение рассматриваемого критерия должно быть выше уровня значимости в 0,05. В авторской модели уровень значимости составляет 0,31 (при  $X^2 = 9,39$  и  $df = 8$ ), что в шесть раз больше установленного.

Таким образом, рассмотренные характеристики свидетельствуют о том, что полученная модель хорошо откалибрована, имеет достаточную точность в прогнозировании банкротства и может эффективно применяться в практических расчетах.

## 2.2. Оценка точности и сравнительный анализ с существующими моделями на тестируемой выборке

Для подтверждения полученных результатов и применения разработанной модели на практике важным условием является ее апробация на фармацевтических предприятиях, не вошедших в начальную (историческую) выборку. Для второго этапа апробации был сформирован аналогичный массив данных об экономическом состоянии фармацевтических предприятий:

- 1) по 136 действующим предприятиям;
- 2) по 30 предприятиям, признанным банкротами.

В *таблице 4* представлены результаты применения авторской модели оценки банкротства с использованием исходной и тестируемой выборок. Граница разделения исходов сохраняется на уровне 50%.

Следует отметить, что граница отсечения в 50% весьма условна и неполно отражает точность модели. Предсказанная вероятность банкротств некоторых действующих предприятий колеблется вокруг данной границы. Так, к примеру, при повышении границы отсечения на 10 п.п. (до 60%) точность модели для действующих предприятий возрастает на 7 п.п., а общая точность модели для тестируемой выборки составляет 83%. Несмотря на это, процент корректных исходов по расчетам на каждой выборке колеблется на одном уровне, что характеризует адекватность модели.

Определив критерии точности разработанной модели, перейдем к её сравнительному анализу с другими распространенными моделями оценки банкротства, адаптированными на промышленных предприятиях.

Так как в сравнительном анализе используются logit-модели и MDA-модели, необходимым условием для корректного исследования является распределение предприятий на одинаковые группы по степени вероятности банкротства.

Для logit-моделей (авторская, Жданова [21], Хайдаршиной [20]) предусмотрено выделение пяти групп с одинаковым интервалом вероятности банкротства (по 20 п.п.), где группу «0–20%» характеризует минимальный риск банкротства, а «80–100%» – максимальный.

Группы вероятностей банкротства (пять групп) моделей Мурадова [11] и Иркутской [12] будут соответствовать аналогичным группам для логистических моделей. Группы вероятностей банкротства по модели Вишнякова [14] соответствуют группам «0–40%» с минимальным и «60–100%» с максимальным риском

Таблица 4. Наблюдаемые и предсказанные исходы по исторической выборке

Исходная выборка		Предсказанные исходы		Процент корректных исходов
		0	1	
Наблюдаемые исходы	0	63	9	88
	1	12	16	57
Общий процент точности исходной выборки				79
Тестируемая выборка		Предсказанные исходы		Процент корректных исходов
		0	1	
Наблюдаемые исходы	0	109	27	80
	1	8	22	73
Общий процент точности тестируемой выборки				79

Таблица 5. Распределение фармацевтических предприятий по группам вероятностей банкротства

Модель	Группы вероятностей банкротства					Итого предприятий
	0–20%	20–40%	40–60%	60%–80%	80–100%	
<i>Распределение фармацевтических предприятий, признанных банкротами</i>						
Авторская	4	2	4	3	17	30
Хайдаршиной	15	–	–	–	15	30
Колышкина	6	–	1	1	22	30
Жданова	11	1	–	–	18	30
Иркутская	10	–	1	–	19	30
Мурадова	5		8	17		30
Вишнякова	5		–	25		30
<i>Распределение действующих фармацевтических предприятий</i>						
Авторская	94	10	14	14	4	136
Хайдаршиной	122	4	–	1	9	136
Колышкина	85	12	11	13	15	136
Жданова	103	1	3	3	26	136
Иркутская	89	1	6	7	33	136
Мурадова	77		38	21		136
Вишнякова	56		–	80		136

банкротства. Предприятия-банкроты по модели Колышкина [13] будут входить в группу «60–100%», благополучные – «0–40%», зона неопределенности – оставшиеся группы.

Таким образом, было получено распределение фармацевтических предприятий тестируемой выборки по пяти группам для сравнительного анализа моделей по предприятиям, признанным банкротами, и по действующим предприятиям (табл. 5).

На наш взгляд, если в моделях используется расширенная группировка предприятий, то субъекту управления при выборе более точной модели и ее дальнейшем применении необходимо сравнивать долю предприятий, экономическое состояние которых было неверно спрогнозировано. К примеру, данный аспект очень важен при анализе предприятий-банкротов, когда необходимо выявить минимальную прогнозную вероятность банкротства при фактическом банкротстве. Некорректное прогнозирование может привести к ошибочной оценке экономического состояния предприятия, к отсутствию реализации антикризисных мероприятий и к скорейшей ликвидации бизнеса. Вследствие этого, расчет точности рассматриваемых моделей будет определяться следующей формулой:

$$P = 1 - \frac{\sum N_{S > S_k}}{N}, \quad (5)$$

где  $P$  – точность модели,  $N$  – общее количество предприятий,  $N_{S > S_k}$  – количество предприятий, где рассчитанная вероятность ( $S_i$ ) больше (меньше) установленного уровня ( $S_k$ ): для предприятий банкротов  $S < 40\%$ , для действующих предприятий  $S > 60\%$ . Интервал «40–60%» представляет зону неопределенности, среднюю вероятность для оценки, поэтому предприятия, попавшие в данный интервал, исключены из расчета точности.

Как видно по итогам расчета точности (табл. 6), общая точность только трех моделей выше 80%: это модель Колышкина, модель Хайдаршиной и модель, предложенная нами.

Существенными недостатками логистической модели Хайдаршиной является самая высокая предсказательная сила для действующих предприятий ( $P = 92,6\%$ ) и в то же время самая низкая – для банкротов ( $P = 50,0\%$ ), а также большое количество показателей в модели. Аналогичным «перекосом» прогнозирования обладает модель Вишнякова, показывающая самую маленькую точность для действующих предприятий ( $P = 41,2\%$ ) и один из лучших результатов по предприятиям, признанным банкротами ( $P = 83,3\%$ ).

Следует выделить модель Колышкина, показывающую относительно одинаковую точность по двум группам предприятий. Но так как данная модель построена на основе дискри-

Таблица 6. Точность моделей оценки банкротства фармацевтических предприятий, %

Модель	Предприятия-банкроты	Действующие предприятия	Все предприятия
Авторская	80,0	86,8	85,5
Хайдаршиной	50,0	92,	84,9
Колышкина	83,3	84,6	84,3
Жданова	80,0	79,4	79,5
Иркутская	60,0	78,7	75,3
Мурадова	66,7	70,6	69,9
Вишнякова	83,3	41,2	48,8

минантного анализа, невозможно определить точную вероятность банкротства, кроме того, 27,7% предприятий попадают в зону неопределенности (средняя вероятность), что затрудняет оценку и прогнозирование дальнейшего развития бизнеса (по авторской модели в группе «40–60%» попадает только 10,8% всех предприятий).

Авторская модель обладает самой высокой точностью ( $P = 85,5\%$ ) среди анализируемых моделей, не имеет сильных отличий в степени точности между действующими предприятиями и предприятиями-банкротами.

#### Заключение

В ходе исследования с помощью корреляционно-регрессионного анализа была разработана модель оценки вероятности банкротства промышленных предприятий (на примере предприятий фармацевтической промышленности) и проведена ее апробация.

Процесс построения и апробации основан на финансовой отчетности 266 отечественных фармацевтических предприятий, поэтому в полной мере учтены отраслевые аспекты. Отсутствие большого объема вычислений и узкоспециализированных расчетов позволяет оперативно получать информацию об экономическом состоянии. В модели используются три коэффициента, описывающие деятельность предприятия с различных сторон: ликвидность, финансовая устойчивость, рентабельность. Универсальность расчета дает возможность проводить сравнительный анализ экономического состояния предприятий в разрезе одной отрасли. Модель определяет вероятность банкротства за два года до его наступления, что дает достаточную возможность реализовать ан-

тикризисные мероприятия для сохранения и устойчивого развития бизнеса.

В статье обозначены также этапы и выделены методические аспекты построения модели оценки вероятности банкротства, не учтенные в существующих исследованиях, направленных на рост качества прогноза.

Необходимыми этапами в разработке модели являются проверка показателей на нормальность распределения и исключение показателей, имеющих тесную связь между собой, что повышает ее результативность. Целесообразно при апробации модели не только рассчитывать статистические параметры уравнения, но и проводить оценку точности на новой выборке предприятий и сравнительный анализ с существующими методиками.

Применение предложенной методики в мониторинге предприятий способствует высокой точности прогнозирования кризиса, раннему обнаружению его причин, недопущению банкротства и непрерывному развитию бизнеса. Алгоритмы разработки и апробации, рассмотренные в статье, могут быть применены и к другим отраслям народного хозяйства.

Материалы исследования могут быть использованы: собственниками и руководством предприятий с целью построения системы мониторинга; коммерческими банками при корпоративном кредитовании и мониторинге кредитного риска; консалтинговыми организациями и инвесторами для проведения аналитических исследований в промышленности и оценки инвестиционного климата; органами исполнительной власти при осуществлении промышленной политики и контрольно-надзорных функций.

## Литература

1. Ряховская А.Н., Кован С.Е. Антикризисное управление: современная концепция и основной инструментарий // *Управленческие науки*. 2015. № 3. С. 45-55. DOI: 10.26794/2304-022X-2015--3-45-55.
2. Стельмах В.С. Теоретико-методологические особенности антикризисного мониторинга // *KANT*. 2018. № 1. С. 225-229.
3. Стельмах В.С. Мониторинг стоимости компании в системе антикризисного управления фармацевтическим предприятием // *Управление экономическими системами*. 2017. № 6. URL: <http://uecs.ru/teoriya-upravleniya/item/4427-2017-05-29-10-52-43> (дата обращения: 25.10.2018).
4. Durand D. Risk elements in consumer installment financing : technical edition: *National Bureau of Economic Research*, 1941, 237 p.
5. Altman E. Financial ratios. Discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*, 1968, no. 4, pp. 589-609. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1968.tb00843.x.
6. Fulmer G.A Bankruptcy classification model for small firms. *Journal of Commercial Bank Lending*, 1984, pp. 25-37.
7. Beaver W. Financial ratios and predictions of failure. *Empirical Research in Accounting Selected Studies, Supplement to Journal of Accounting Research*, 1966, no. 6, pp. 71-87. DOI: 10.2307/2490171.
8. Lin L. Identification of corporate distress in UK industrials – a conditional probability analysis approach. *Journal of Applied Financial Economics*, 2004, no. 14, pp. 73-82. DOI: 10.1080/0960310042000176344.
9. Aziz M. Predicting Corporate Bankruptcy: Whither do we stand? *Corporate Governance*, 2006, no. 6, pp. 18-33. DOI: 10.1108/14720700610649436.
10. Dewaelheyns N. Aggregate bankruptcy rates and the macroeconomic environment: forecasting systematic probabilities of default. *Tijdschrift voor Economie en Management*, 2007, no. 4, pp. 541-545. DOI: 10.2139/ssrn.1025805.
11. Мурадов Д.А. Прогнозирование и оценка банкротства нефтегазовых компаний : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2011. 217 с.
12. Давыдова Г.В., Беликов А.Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий // *Управление риском*. 1999. № 3. С. 13-20.
13. Кольшкин А.В. Прогнозирование развития банкротства в современной России : дис. ...канд. экон. наук : 08.00.05. СПб. 2003. 152 с.
14. Вишняков Я.Д. Оценка и анализ финансовых рисков предприятия в условиях враждебной окружающей среды бизнеса // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2000. № 3. С. 106-111.
15. Ohlson J. Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy. *Journal of Accounting Research*, 1980, no. 6, pp. 12-45. DOI: 10.2307/2490395.
16. Back B. Choosing bankruptcy predictors using discriminant analysis, logit analysis and genetic algorithms. *Proceedings of the 1st International Meeting on Artificial Intelligence in Accounting, Finance and Tax*, 1995, no. 4, pp. 337-356.
17. Gruszczynski M. *Modele Mikroekonometrii w Analizie i Prognozowaniu Zagrozenia Finansowego Przedsiębiorstw*. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Nauk Ekonomicznych, 2003. 33 p.
18. Joo-Ha N. Bankruptcy prediction: evidence from Korea listed companies during the IMF crisis. *Journal of International Financial Management and Accounting*, 2000, no. 11, pp. 178-197. DOI: 10.1111/1467-646X.00061.
19. Minussi J. *Statistical Modelling to Predict Corporate Default for Brazilian Companies in the Context of Basel II Using a New Set of Financial Ratios*. Lancaster: Lancaster University Management School, 2007. 35 p.
20. Хайдаршина Г.А. Методы оценки риска банкротства предприятия : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. М., 2009. 253 с.
21. Жданов В.Ю. Диагностика риска банкротства промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М. 2012. 193 с.
22. Begley J. Bankruptcy classification errors in the 1980s: An empirical analysis of Altman's and Ohlson's models. *Review of Accounting Studies*, 1996, no. 1, pp. 267-284. DOI: 10.1007/BF00570833.
23. Ginoglou D. Predicting corporate failure of problematic firms in Greece with LPM, logit, probit and discriminant analysis models. *Journal of Financial Management and Analysis*, 2002, no. 15, pp. 1-15.

24. Lennox C. Identifying Failing Companies: A Re-evaluation of the Logit-, Probit and DA Approaches. *Journal of Economics and Business*, 1999, no. 4, pp. 347-364.
25. Saaty T. *The Analytic Hierarchy Process*. New York: McGraw Hill, 1980. 287 p.

### Сведения об авторе

Вениамин Сергеевич Стельмах – аспирант, Хабаровский государственный университет экономики и права (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134; e-mail: Vs-stel@ya.ru)

Stel'makh V.S.

### Methodological Aspects of Predicting the Probability of Bankruptcy on the Example of Pharmaceutical Companies

**Abstract.** When it comes to the development of industrial enterprises, there is always the possibility of a crisis; therefore, for continuous sustainable operation it is necessary to develop preventive tools to predict the crisis processes in advance. The present paper covers the objective of developing and testing models for estimating the probability of bankruptcy based on logistic regression for sustainable development of domestic industrial enterprises. The study was conducted within the pharmaceutical industry, yet the methods of development and the testing technique can be applied in other industries. The paper presents the stages of model development (predictor formation, correlation and regression analysis) and its testing (evaluation of statistics parameters, comparative analysis with existing models). The use of the logistics model of bankruptcy assessment helps analyze the correlation between the indicators of enterprise's economic condition and its degree of bankruptcy. Moreover, such a model can quantify the probability of bankruptcy at an industrial enterprise. The reliability and validity of the presented results is confirmed by the generalization of theoretical and methodological studies of experts in this field, the applied results are based on a large amount of financial information of domestic pharmaceutical enterprises and confirmed by the use of algorithms of economic and mathematical modeling recognized in the scientific community. The study used indicators of economic condition based on public reporting of 266 pharmaceutical companies, where one hundred companies were engaged in model development and the rest – its testing. The developed model is able to predict the probability of bankruptcy of pharmaceutical enterprises two years ahead. The small amount of calculations and lack of highly technical calculations helps quickly obtain information about the economic condition and versatile calculation makes it possible to conduct a comparative analysis of enterprises in the context of one industry.

**Key words:** crisis management, modelling, logistic regression, probability of bankruptcy, correlation and regression analysis, elimination method, industrial enterprises, pharmaceutical industry.

### Information about the Author

Veniamin S. Stel'makh – Graduate Student, Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Vs-stel@ya.ru)

Статья поступила 29.10.2018.

## Развитие промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции\*



**Владимир Сергеевич**

**УСКОВ**

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: v-uskov@mail.ru

**Аннотация.** Стремительное распространение новых технологий во всех областях человеческой деятельности приводит к быстрым и глубоким изменениям структуры промышленного производства, глобальных рынков, а также экономической и социальной сферы. В современных развитых странах начался активный поиск новых источников роста на основе научно-технологического потенциала, формирующегося за счет внедрения новых информационных, цифровых и промышленных технологий. Их развитие в совокупности приводит к новой технологической революции и ускорению роста производительности труда. В этой связи научное осмысление организационных и методических проблем формирования технологической основы для роста российской экономики в условиях глобальной трансформации мировой системы разделения труда под влиянием широкомасштабного внедрения инновационных технологий четвертой промышленной революции позволит разработать парадигму и методический инструментарий для дальнейшего внедрения и успешной реализации в стране цифровой экономики, ориентированной на повышение эффективности промышленного производства за счет использования новых технологий. Целью данной статьи является исследование тенденций формирования и выявление проблем развития промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции. В работе представлено обобщение теоретических основ сущности инновационных преобразований в экономике в условиях четвертой индустриальной революции; проанализиро-

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 18-410-350013.

**Для цитирования:** Усков В.С. Развитие промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 128-146. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.8

For citation: Uskov V.S. Russian industrial sector development in the context of new technological revolution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 128-146. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.8



ваны состояние и тенденции научно-технологического развития промышленного сектора РФ, оценена степень его готовности к переходу к цифровой экономике, выявлены функциональные возможности повышения качественных характеристик промышленного сектора РФ и определены направления его государственного регулирования в условиях цифровой трансформации.

**Ключевые слова:** новая технологическая революция, цифровая экономика, развитие промышленного сектора.

**Введение.** В последние десятилетия мир стремительно движется к экономике нового типа, основным инструментом формирования которой становятся цифровые технологии. На современном этапе развития именно цифровые технологии являются главным фактором технологических перемен, важнейшим условием конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и стран. Они приводят к перестройке всех экономических и производственных процессов, существенному росту производительности, повышению качества и снижению себестоимости товаров и услуг.

Выводя сбор, агрегацию и обмен накопленной информацией на принципиально иной качественный уровень с минимальными ролью и степенью участия человека, новые технологии становятся драйверами четвертой промышленной революции, которая характеризуется слиянием технологий и стиранием границ между цифровой и производственной сферами.

В условиях четвертой промышленной революции индустриально развитые страны ставят перед собой действительно масштабные структурные задачи по реиндустриализации, рассматривая цифровые технологии в качестве ускорителя роста производительности мировой промышленности. Так, к 2025 году доля промышленности в ВВП странах ОЭСР должна составить 20% ВВП против нынешних 15% в государствах Евросоюза и 12% в США.

Статус российского высокотехнологичного сектора экономики определяется как догоняющий. Это подтверждается мнением подавляющего большинства ученых, экспертов и политиков, указывающих на низкую конкурентоспособность отечественной промышленности, обусловленную технологическим отставанием [1].

В этой связи научное осмысление организационных и методических основ внедрения технологий четвертой промышленной революции

будет способствовать успешной реализации цифровой экономики, ориентированной на повышение эффективности промышленного производства. Это и послужило целью представленной работы.

На достижение данной цели направлено решение следующих задач:

1) изучить теоретические основы сущности инновационных преобразований в экономике в условиях четвертой индустриальной революции;

2) проанализировать состояние и тенденции научно-технологического развития промышленного сектора РФ, оценить степень его готовности к переходу к цифровой экономике и определить функциональные возможности повышения его качественных характеристик в условиях перехода;

3) определить направления государственного регулирования промышленного сектора РФ в условиях цифровой трансформации.

**Теоретические аспекты исследования.** Происходящие в настоящее время изменения в мире оказывают существенное влияние на развитие РФ. Кроме таких «больших вызовов», как исчерпание традиционных ресурсов и снижение эффективности их использования, сокращение и старение населения, отставание от индустриально развитых стран по продолжительности жизни, в первой половине XXI века Россия сталкивается со специфическими вызовами, одним из которых является участие в новой технологической революции [2]. Осложняет этот процесс введение в 2014 году секторальных санкций со стороны ЕС и США, обнаружившее целый ряд сфер деятельности, в которых Россия пока не в силах конкурировать. А падение мировых цен на нефть в 2015 году, в свою очередь, не только усилило системный экономический кризис, но и поставило перед Россией вопрос о необходимости радикальной диверсификации национальной эко-

номики, которая по-прежнему в значительной степени зависит от экспорта энергоносителей: в 2016 году на топливно-энергетические товары приходилось 62% всего российского экспорта в страны дальнего зарубежья.

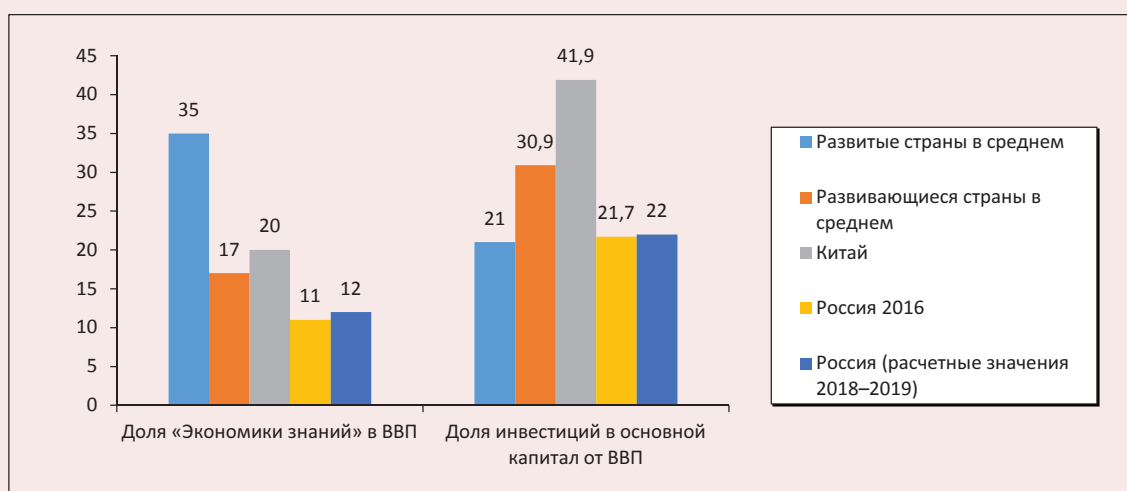
Одним из возможных путей решения обозначенных проблем, а также ответом на вызовы, с которыми в настоящее время сталкивается российская экономика, видится включение России в новую технологическую революцию. Однако следует понимать, что российская ситуация с развертыванием масштабной технологической и промышленной модернизации отличается от аналогичных процессов в странах, которые уже реализуют похожие программы [3].

Основные драйверы новой экономики – это нематериальные активы, сотрудничество участников инноваций, когнитивные способности фирмы и человеческие способности. Именно эти составляющие конкурентоспособности на глобальных рынках новых товаров и услуг нуждаются в целенаправленной поддержке. Человек и когнитивная подсистема и связанные с ними отрасли составляют «экономику знаний» [4]. В странах, лидирующих в сфере новейших технологий, такое понимание получает отражение в структурной инвестиционной политике, охватывающей отрасли «экономики знаний» и базовые индустриальные отрасли (рис. 1).

Негативные тенденции отставания России в росте «экономики знаний» и национальной экономики в целом могут быть преодолены путем перехода к новой модели экономического роста за счет внедрения новых передовых технологий, существенно повышающих производительность труда. В то же время имеет место значительное отставание страны по ряду научно-технологических индикаторов, которые должны стать предметом государственной политики, нацеленной на решение задач новой индустриализации. В рамках этой политики следует сформулировать четкие цели, задачи, структурно-технологические приоритеты, сформировать соответствующие инструменты их успешной реализации и механизмы поддержки [5].

Заметим, что становление мировой индустриализации (середина XVIII – XIX век) сопровождалось стремительным ростом производительных сил [6]. Переводу экономики на индустриальное производство способствовала первая промышленная революция, обеспечившая переход от ручного труда к машинному. Принято связывать ее с изобретением в XVII веке парового двигателя. Вторая промышленная революция (XX в.) была связана с электрификацией и позволила организовать конвейерное производство сначала автомобилей, а потом

Рис. 1. Доля «экономики знаний» и инвестиций в основной капитал, в % ВВП



Источник: Никонова А. Потенциал и инструменты роста инновационных производств в процессе формирования нового уклада экономики: системный подход. Экономист. 2018. № 10. С. 20-39.

и большинства других товаров. В начале XXI в. экономический прогресс обеспечивали достижения третьей промышленной революции, в основе которой переход к возобновляемым источникам энергии, внедрение компьютеров в производство, автоматизация производства.

Дж. Рифкин выделил пять принципов или столпов, на которых основывается третья промышленная революция: 1) переход к возобновляемым источникам энергии; 2) превращение всех зданий в мини-электростанции; 3) использование водородной энергии; 4) использование интернет-технологий; 5) производство электромобилей [6]. Следовательно, можно отметить, что черты третьей промышленной революции наблюдаются еще не по всему миру и важным их свойством является отсутствие синхронности распространения.

Вместе с тем многие ученые полагают, что мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, предполагающей внедрение киберфизических систем в производство (Индустрия 4.0).

По мнению немецкого экономиста К. Шваба, принципиальным отличием четвертой промышленной революции является синергетический эффект, который возникает от слияния разных технологий: компьютерных, информационных, нанотехнологий, биотехнологий и т.д. Другой ее особенностью может стать стирание граней между физическим, цифровым (информационным) и биологическим (в том числе человеческим) мирами. Основными чертами четвертой промышленной революции выступают «вездесущий» мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины [7].

К настоящему времени в наиболее развитых странах мира происходит переход от индустриального общества к информационному, идет формирование Индустрии 4.0, которая характеризует организацию производственных процессов, основанных на сетевом взаимодействии технологий и устройств в цепочке создания добавленной стоимости, и означает непрерывную связь на всех уровнях. По словам председателя Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, четвертая промышленная революция характеризуется технологическими прорывами в таких областях, как искусствен-

ный разум, робототехника, интернет вещей, самоуправляемые автомобили, 3D-печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, хранение энергии и квантовые вычисления.

Анализ современного состояния исследований в данной области показал, что в мировой промышленной стратегии обнаруживается принципиальное новшество – развитие информационно-коммуникационных технологий рассматривается уже не как одна из целей роста и развития, а как источник системной трансформации всей промышленности и экономики в целом. Наглядной иллюстрацией широкого распространения цифрового формата во многих сферах современного общества является стремительный рост капитализации компаний IT-сектора. В последние годы в списке самых дорогих по уровню капитализации компаний лидирующие позиции занимают IT-фирмы. Аналогичная картина наблюдается среди дорогостоящих брендов мира. В топ-10 рейтинга самых дорогих брендов «Forbes» входят пять компаний из индустрии информационных технологий в лице Apple, Google, Microsoft, Facebook, IBM.

На этом этапе промышленного развития электроника, компьютерные, информационные и интернет-технологии охватывают всю экономику, обеспечивая горизонтальную и вертикальную интеграцию всех бизнес-процессов. Внедрение сетевого взаимодействия между машинами, зданиями и информационными системами приводит к смене «парадигмы» технологического развития и формированию новой цифровой экономики [8, 9].

Как показало исследование, на сегодняшний день в мире не существует единого понимания такого явления, как «цифровая экономика». Многие ученые сходятся во мнении о том, что само понятие «цифровая экономика» возникло в 90-е гг. XX века. Идеологию исследуемого понятия в 1995 г. обозначил Николас Негропonte. Цифровую экономику американский ученый в области информатики изложил в виде следующей метафоры: «переход от движения атомов к движениям битов».

Ряд исследователей под цифровой экономикой понимают область экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления функционируют на основе цифровых технологий. Другие – охватывают

данную дефиницию философско-концептуальной основой, подразумевая под цифровой экономикой новую социально-культурно-экономическую реальность, новую цивилизацию, основанную на использовании двоичного кода и получении в результате нового цифрового продукта и капитала, а в перспективе — новых отношений, дополненной реальности (изменение природы и трансформация производственных отношений, смена их субъектно-объектной ориентированности, по К. Швабу — преобразование человечества) [7, 10].

Определение цифровой экономики рассматривается в опубликованной в декабре 2016 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., подразумевающей под цифровой экономикой виды деятельности, где ключевыми факторами являются данные в цифровом виде [11].

Заметим, что трактовка терминов «четвертая промышленная революция» и «цифровая экономика», определение их взаимосвязи неоднозначны в работах зарубежных и отечественных экспертов. В этой статье мы будем рассматривать цифровую экономику и ее технологии как основу четвертой промышленной революции.

Как известно, совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства, представляет собой технологический уклад. Этот термин введен в науку российскими экономистами Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым. По мнению С.Ю. Глазьева, в связи с научным и технико-технологическим прогрессом происходит переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным [12]. Каждый такой уклад охватывает замкнутый воспроизводственный цикл от добычи природных ресурсов и профессиональной подготовки кадров до непродовственного потребления. Данный тезис поддерживается К. Перес, которая утверждает, что новая технологическая парадигма развивается в процессе диффузии новых технологий, что приводит к их мультипликативному влиянию на экономику, изменяя также социоинституциональные структуры [13].

Таким образом, можно определить техноэкономическую парадигму как набор наиболее успешных и прибыльных практик, существую-

щих в условиях необходимости выбора первичного материала, методов и технологий в рамках организационных структур, бизнес-моделей и стратегий. Эти взаимно совместимые принципы и критерии развиваются в процессе использования новых технологий, преодоления препятствий и нахождения наиболее адекватных процедур, устоявшихся практик и структур. Таким образом, «цифровая экономика» как новая форма организации хозяйственной деятельности общества и социально-экономических отношений внутри него является ответом на те изменения, которые протекают в мире при переходе из одного состояния в другое, с пятого технологического уклада на шестой. Причём именно эта форма станет основой для поддержания и увеличения темпов социально-экономического развития стран.

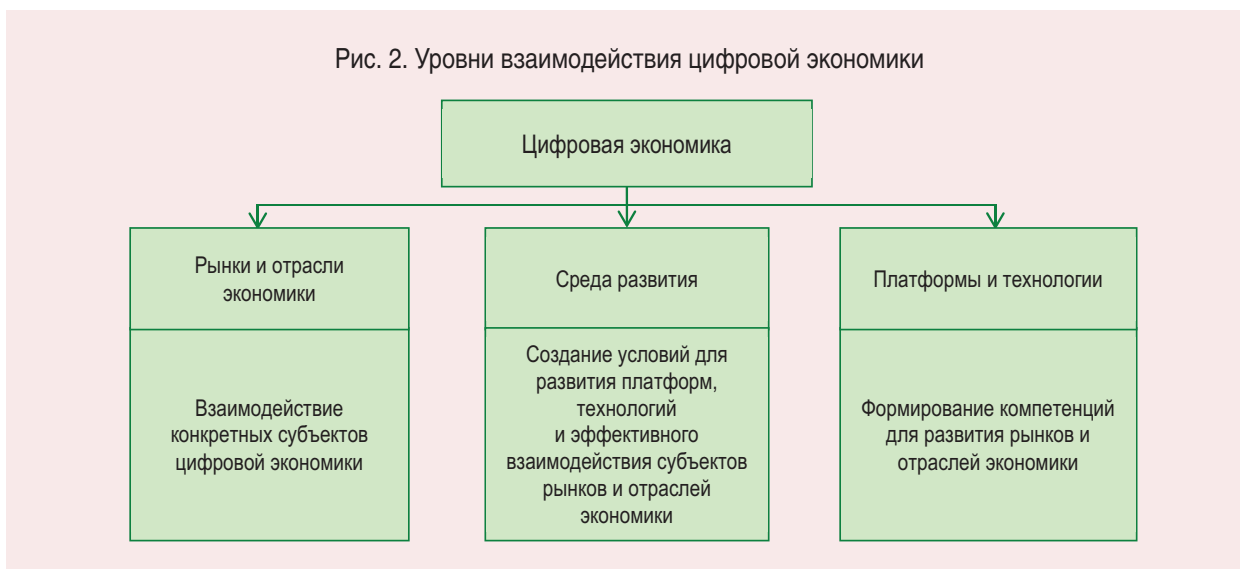
Современная цифровая экономика формируется в результате тесного взаимодействия трёх уровней (рис. 2).

Основу цифровой экономики составляют наиболее перспективные технологии, которые будут, по мнению исследователей [14, 15], наиболее существенно влиять на различные сферы деятельности во всех странах мира: искусственный интеллект, дополненная реальность, виртуальная реальность, беспилотные летательные аппараты, блокчейн, интернет вещей, 3D-печать, робототехника и др.

В рамках цифровой экономики мир переходит к иной — техногенной — цивилизации, в развитии которой решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, но и технологий социальных коммуникаций и социального управления. По сути, речь должна идти о развитии страны в совершенно другой экономической среде, в среде так называемой цифровой трансформации, характерные черты которой проявляются в следующем:

- превалирование в экономической деятельности информационного обмена над обменом физическими объектами;
- преобладающим экономическим ресурсом и инструментом власти становятся знания (интеллектуальный капитал), а не деньги (финансовый капитал);
- преобладающим средством массовых коммуникаций становится Интернет;

Рис. 2. Уровни взаимодействия цифровой экономики



– преобладающей организационной структурой становится сетевая организация, а не иерархия;

– преобладающей методологией развития становится самоорганизация (как управление снизу-вверх) и эволюция, задающая изменения от простого к сложному;

– преобладающий уровень информационного обмена – глобальный, а не региональный или местный [16].

Таким образом, обзор исследований в данной области позволяет заключить, что смена парадигмы экономического развития, переход к новой технологической революции и формирование цифровой экономики приобретает для России крайне высокую актуальность.

**Описание методики исследования.** Методологической базой исследования являются комплексный анализ развития промышленного комплекса РФ в контексте новой промышленной революции и развития экономики, ориентированной на внедрение в производство цифровых и информационных технологий, выступающих технологической основой для экономического роста РФ.

Логика исследования основана на анализе двух базовых с нашей точки зрения факторов успешного перехода на новую модель технологического развития – достижение высокого уровня научно-технологического развития производственного сектора экономики и реализация эффективной государственной политики,

направленной на совершенствование механизмов развития промышленного сектора РФ в условиях новой промышленной революции.

С целью выявления эффекта влияния цифровых технологий на промышленный сектор, определения направлений его трансформации сформирована эмпирическая база, охватывающая показатели инновационного развития экономики, а также показатели развития реального сектора экономики. Информационной базой исследования послужили исследования отечественных и зарубежных экономистов в области научно-технологического и инновационного развития, региональной экономики, государственного управления; ученых, занимающихся исследованиями индустриально-технологического развития, формирования и реализации промышленной политики в их взаимосвязи с проблемой социально-экономической модернизации в условиях новой промышленной революции.

Кроме того, в рамках исследования проведен социологический опрос, в виде анкетирования, об уровне научно-технического развития производственного сектора экономики и степени его готовности к переходу к информационно-коммуникационным технологиям в условиях четвертой индустриальной революции. Выборка составила 50 респондентов, которые являются руководителями предприятий промышленного сектора Вологодской области. Поскольку она представляет собой, во-первых,

промышленно развитый, а во-вторых, типовой регион РФ, для которого характерны негативные тенденции, присущие инновационной сфере и научно-технологическому развитию, углубленное исследование было проведено на примере этого региона. Социологический опрос позволил оценить масштабы, характер и уровень развития четвертой промышленной революции, а также зарождающиеся тенденции, которые невозможно оценить исключительно количественными показателями.

Сочетание указанных методов дало возможность создать базу для разработки предложений по реализации эффективной государственной политики, направленной на совершенствование механизмов развития промышленного сектора РФ в условиях новой промышленной революции.

**Основные результаты исследования.** Особенностью современного мирового хозяйственного развития выступает построение ведущими странами экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Согласно экспертным оценкам, в последние годы подавляющая часть прироста валового внутреннего продукта (до 90%) в развитых странах получена

за счет новой наукоемкой продукции, являющейся конечным результатом коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). Для России переход от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития также выступает основной целью государственной политики в области развития науки и технологий, необходимой предпосылкой модернизации экономики и в конечном счете обеспечения конкурентоспособности отечественного производства. Поэтому именно развитие науки и инновационной сферы, инвестиции в интеллектуальный капитал становятся важными составляющими успеха в достижении устойчивого экономического роста страны.

Задача инновационного развития экономики России представляется весьма масштабной, вследствие её значительного технологического отставания от развитых стран. Так, по интегральному показателю «Глобальный инновационный индекс»<sup>1</sup>, который, с одной стороны, характеризует возможности для осуществления преобразований, с другой – конечные результаты инновационной деятельности, Россия занимает срединное положение, уступая развитым европейским странам и США (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение результатов научно-технологического развития России и стран-лидеров Глобального инновационного рейтинга в 2017 г.

Страна (место в Глобальном инновационном рейтинге)	Внутренние затраты на образование, в % от ВВП	Внутренние затраты на НИОКР, в % от ВВП	Патенты, полученные за рубежом (РСТ)	Поступления от экспорта технологий и выплаты по импорту технологий, млн. долл.	Численность научных исследователей на 10000 занятых в экономике, чел.
Швейцария (1)	5,07	2,97	4115	21086,8/24404,3	55
Великобритания (5)	5,75	1,71	5282	49174,8/27223,0	84
Швеция (2)	7,72	3,28	3925	20922,8/11547,7	106
Финляндия (8)	7,16	2,93	1815	10749,9/8005,8	159
Нидерланды(3)	5,61	2,01	4218	39985,8/29427,8	62
США (4)	4,94	2,80	81492	113057,0/77286,0	95
Германия (9)	4,94	2,88	18008	61110,3/53079,5	81
Япония (14)	3,77	3,49	42459	29887,2/5197,0	102
Китай (22)	4,76	2,09	25539	н/д	17
Россия (45)	3,86	1,13	890	688,5/2043,2	65

Источники: [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo\\_pub\\_gii\\_2017.pdf](https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf); Human Development Report 2015. Mobility and Communication Technical notes; Индикаторы науки: 2015: стат. сб. М.:НИУ ВШЭ. С. 394,365.

<sup>1</sup> Глобальный инновационный индекс составляется Корнельским университетом, школой бизнеса INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Данный индекс содержит подробные данные об инновационной деятельности 126 стран и территорий мира, в т.ч. 80 параметров инновационного развития, включая обзор политической ситуации, положения дел в образовании, уровня развития инфраструктуры и бизнеса.

В настоящее время в развитых странах мира наблюдаются активные процессы «новой индустриализации», предполагающие возрождение и дальнейшее развитие реального сектора экономики на самой передовой технологической основе.

В РФ инициатива по цифровой повестке в сфере промышленности стала возможной благодаря реализации аналогичных инициатив западными странами (табл. 2).

Таким образом, приведенные данные позволяют заключить, что глобальная конкуренция на рынках производственных технологий усиливается. В целях поддержания вектора четвертой промышленной революции ведущие индустриальные страны формируют соответствующую промышленную политику, которая находит отражение в программах по наращиванию научно-технологического и промышленного потенциала, совершенствованию инновационных систем, обновлению технической базы, в первую очередь, в обрабатывающей промышленности, а также ускоренному развитию высокотехнологичных производств.

На Всемирном экономическом форуме в 2015 году принята инициатива «Цифровое преобразование проекта промышленности» (Digital Transformation Initiative, DTI). В 2015–2016 годах проект был сосредоточен на шести отрас-

лях (логистика, СМИ, товары народного потребления, электроэнергия, автомобильная промышленность и здоровье), а также на четырех кросс-темах (цифровое потребление, Digital Enterprise, социальные последствия и платформы управления).

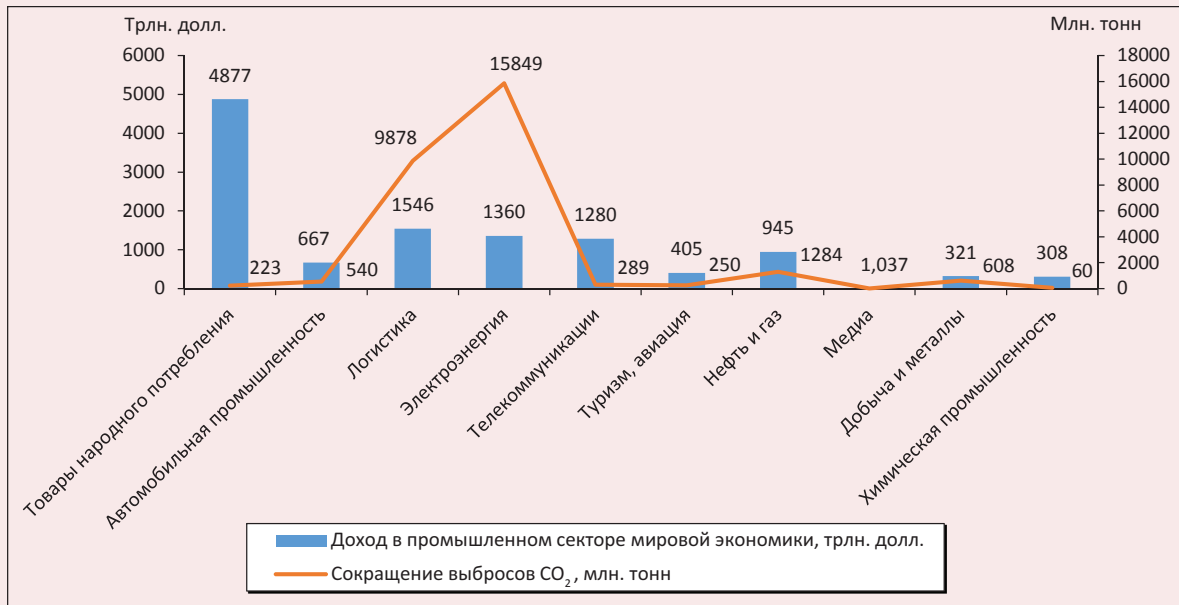
По мнению участников этого форума, цифровизация промышленного и общественного сектора в течение ближайшего десятилетия принесет дополнительно более 30 трлн. долл. США (рис. 3) [8]. Развитие отечественной экономики осуществляется по аналогичному сценарию, характерному для большинства стран мира. Одним из показателей, демонстрирующих степень цифровизации социально-экономических процессов в стране, является доля цифровой экономики в валовом внутреннем продукте (ВВП). Согласно данным международного аналитического агентства Boston Consulting group (BCG), в последние годы в развитых странах мира наблюдается значительный рост доли цифровой экономики в ВВП (рис. 4).

Наибольшая доля цифровой экономики в ВВП среди стран G20 у Великобритании, которая за период с 2010 по 2016 г. повысила значение данного показателя до 12,5%. В РФ доля цифровой экономики в ВВП в 2016 г. составляла почти 3%, увеличившись за рассматриваемый период на 0,9%. Однако рост данного

Таблица 2. Зарубежный опыт реализации государственных программ в области Индустрии 4.0 [14]

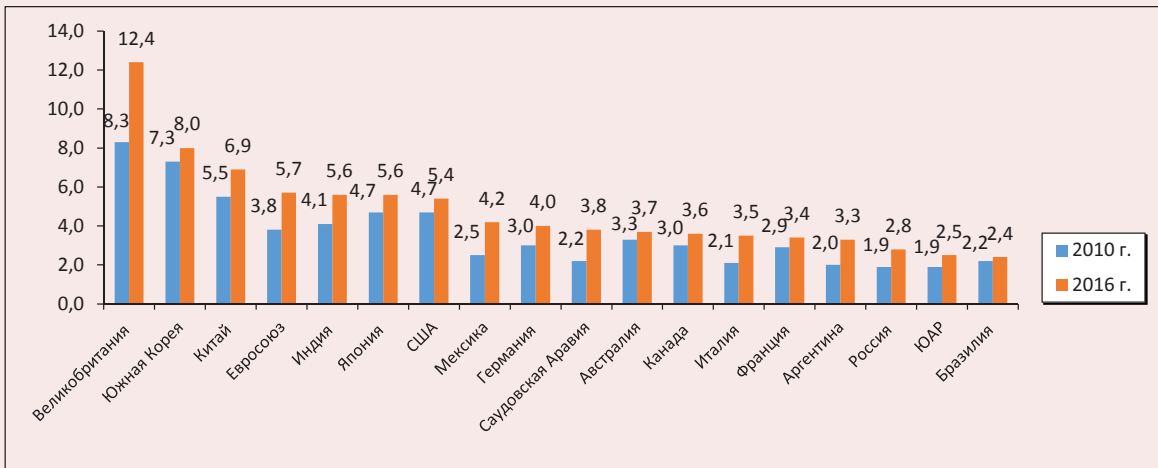
№ п/п	Страны	Особенности программы в области Индустрии 4.0.
1.	Евросоюз	В 2010 году принята инициатива «Цифровая Европа», которая направлена на развитие интернет-экономики. Полная реализация данной цифровой повестки дня приведет к увеличению европейского ВВП на 5 %, или 1500 € на человека, за счет увеличения инвестиций в ИКТ, повышения уровня навыков среди трудовых ресурсов, создания возможности инноваций в государственном секторе и реформирования базовых условий для интернет-экономики. В апреле 2016 года Европейская комиссия представила проект «Цифровой рынок – оцифровка промышленности: вопросы и ответы».
2.	Германия	В 2011 году принята стратегия «Индустрия 4.0», которая основывается в т.ч. на концепциях интернета вещей и промышленного Интернета. По прогнозам аудиторско-консалтинговой компании PwC, немецкие промышленники будут инвестировать в технологии «промышленного интернета» по 40 млрд. евро ежегодно, что позволит Германии к 2030 году полностью перейти на «интернетизированное производство».
3.	Китай	В 2015 году принята концепция «Интернет +», которая включила в себя наилучшие инициативы ведущих стран мира: Интернет + Обрабатывающая промышленность, Интернет + Финансы, Интернет + Медицина, Интернет + Правительство, Интернет + АПК.
4.	США	В 2009 году получила развитие инициатива под названием «Облачная стратегия», направленная на создание «умных» промышленных производств, магазинов, городов и транспортных систем, грид-технологий в энергетике, а также решение задач социального взаимодействия, электронной коммерции, мониторинга за цепочками поставок товаров (в т. ч. глобальных логистических потоков).

Рис 3. Вклад в экономику от цифровизации промышленности



Источник: Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза (информационно-аналитический отчет Евразийской экономической комиссии). Режим доступа: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom\\_i\\_agroprom/dep\\_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx)

Рис 4. Доля цифровой экономики в ВВП в странах G20\*



\* Вклад цифровой экономики в экономику страны оценивается через показатель цифрового ВВП. Количественная оценка масштабов цифровой экономики связана с трудностями, обусловленными различиями в подходах к ее количественному измерению. Так, по мнению BCG, уровень цифровизации экономики страны рассчитывается через индекс e-Intensity как средневзвешенная трех субиндексов: развитие инфраструктуры, онлайн-расходы, активность пользователей. Субиндекс «Развитие инфраструктуры» отображает степень развития инфраструктуры и наличие и качество доступа в Интернет (фиксированного и мобильного). Субиндекс «Онлайн-расходы» включает расходы на онлайн-розницу и рекламу-онлайн. Субиндекс «Активность пользователей» рассчитывается как средневзвешенное значение субиндексов более низкого уровня: активность компаний, активность потребителей и активность государственных учреждений. Все субиндексы формируются из средневзвешенных значений нескольких параметров, лежащих в их основе.

Источник: Россия online? Догнать нельзя отстать: отчет / The Boston Consulting Group. 2016. Июнь.



показателя связан с интересом крупных российских компаний к новым информационным и цифровым технологиям. Анализ Интернет-ресурсов и официальных сайтов предприятий, работающих в разных отраслях российской экономики, показал, что крупный бизнес ориентирован в основном на информационные системы управления производством (SAP-, EAM-, ERP-системы), трансформацию бизнес-модели на основе цифровых технологий. Тем не менее по показателю доли цифровой экономики в ВВП Россия продолжает отставать от лидеров цифровизации в 3–4 раза [17].

Как показало исследование, инновационная стагнация, характерная для российской экономики, проявляется в том, что массового перераспределения ресурсов в пользу прогрессивных технологических укладов пока еще не возникло. Сформировалось устойчивое технологическое отставание в промышленном секторе. Отсталое производство по объективным причинам не может предъявлять спрос на инновации высокого уровня, поэтому они и не появляются [12]. В то же время преобладающие в российской промышленности III и IV технологические уклады достигли пределов экономического роста, сопровождаемого падением прибыльности в традиционном производстве.

Данная ситуация подтверждается статистическими данными о показателях прироста физического объема валового регионального продукта, рентабельности активов, рентабельности продаж и удельной величины объема инновационных товаров, работ, услуг, рассчитанных в целом по России (табл. 3).

Динамика прироста ВРП и рентабельности организаций свидетельствует о тенденции к снижению показателей за рассматриваемый период. Судя по официальной статистике, за последние десятилетия в национальных масштабах доля инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров не превышала 10%, при этом в региональном разрезе наблюдается значительный разброс величины показателя (от 0,1 до 28,4%).

В развитых экономиках основным мотивом для развертывания новой промышленной и технологической политики, направленной на стимулирование перехода к четвертой промышленной революции, послужила необходимость преодоления замедления темпов роста производительности труда. России пока не удалось выйти на траекторию стабильного роста производительности труда: это особенно четко прослеживается в последние годы, когда периоды роста производительности чередовались с периодами падения данного показателя (табл. 4).

Таблица 3. Динамика показателей ВРП, рентабельности организаций в целом по Российской Федерации за период 2000–2016 гг.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс ВРП, прирост, %	10,6	7,6	4,6	3,1	1,3	-0,6	0,8
Рентабельность активов, %	7,6	8,8	6,7	6,1	2,5	3,9	4,9
Рентабельность продаж, %	18,9	13,5	10	8,6	7,3	8,1	8,7
Объем инновационных товаров, работ и услуг, %	4,4	5,0	4,8	8	8,7	7,9	8,4

Источник: Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.

Таблица 4. Динамика изменения показателей производительности труда по странам (выработка ВВП по ППС в расчете на одного занятого, долл. США)

Страна	Год								
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2000, %
США	41	52	62	63	64	65	66	67	203,0
Франция	40	48	58	60	61	63	64	65	203,1
Германия	38	48	57	59	61	63	64	65	203,1
Великобритания	36	45	47	48	48	49	50	52	179,3
Япония	27	34	37	38	41	42	41	42	190,9
Россия	8	13	23	24	25	24	26	25	в 3,5 раза

Источник: Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.

Таким образом, перед Россией стоит сложная задача: требуется обеспечить устойчивый рост уровня производительности труда и практически одновременно выйти на максимальные темпы ее роста для полной реализации потенциала национальной экономики.

Одним из главных условий повышения производительности становится технологическая модернизация производств, включающая не только совершенствование действующего оборудования, но и прежде всего ввод в эксплуатацию новой техники, внедрение комплексной автоматизации и т.п.

Этот вывод подтверждается результатами исследования, проведенного в феврале 2017 года Центром стратегических разработок совместно с Минпромторгом России, Центром мониторинга развития промышленности и Агентством по технологическому развитию: почти 84% опрошенных руководителей российских промышленных предприятий считают ключевым условием роста производительности труда повышение технического уровня производства.

На системном уровне технологическая модернизация должна отражаться в росте инвестиций в основной капитал, чего на данный момент в России не наблюдается (рис. 5): по данным Росстата, степень износа основных фондов в обрабатывающей промышленности с 2008 по 2016 год стабильно увеличивалась (46% против 50% соответственно).

Отставание России в настоящий момент наблюдается и по другим ключевым индикаторам новой технологической революции.

Среди основных проблем можно выделить низкий уровень активности промышленных компаний в осуществлении инновационной деятельности. Разработкой и внедрением инноваций в РФ заняты только 8% предприятий (рис. 6). В европейских странах удельный вес подобных организаций значительно выше: 82% в Германии (2015 г.), 63% в Финляндии, 60% во Франции [1].

Другая проблема заключается в снижении сложности экспорта экономики, т.е. в сокращении уровня диверсификации производимой в стране продукции. В последние десятилетия произошло смещение структуры экспорта России в сторону продуктов низкой сложности (82%). В то время как экспорт продукции российской обрабатывающей промышленности сохраняется на относительно низком уровне. В результате доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме значительно меньше, чем у высокоразвитых государств (табл. 5).

Критическим является и отставание России от стран-лидеров в части развития передовых технологий, лежащих в основе новой промышленной революции. По данным Росстата, в стране по итогам 2016 года число разработанных передовых производственных технологий составило 1 534 единицы, из них

Рис. 5. Степень износа основных фондов в обрабатывающей промышленности РФ, % [26]

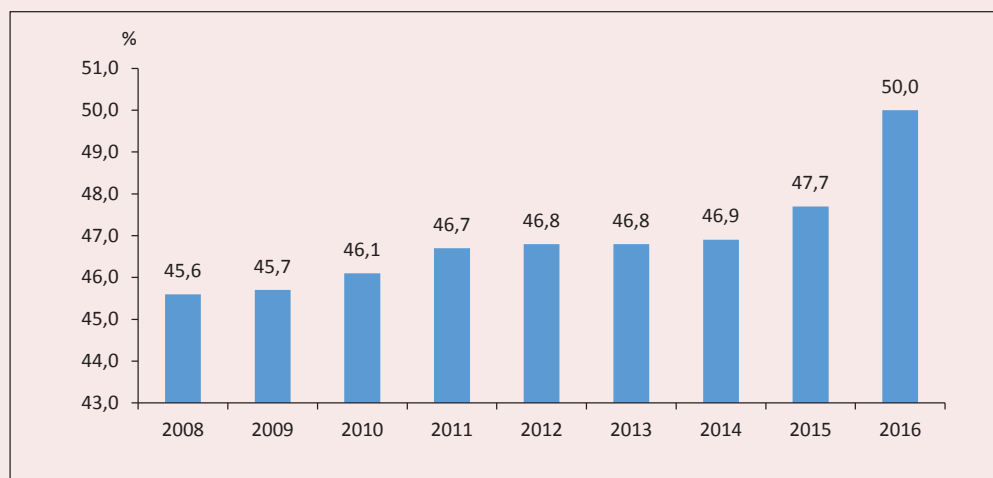
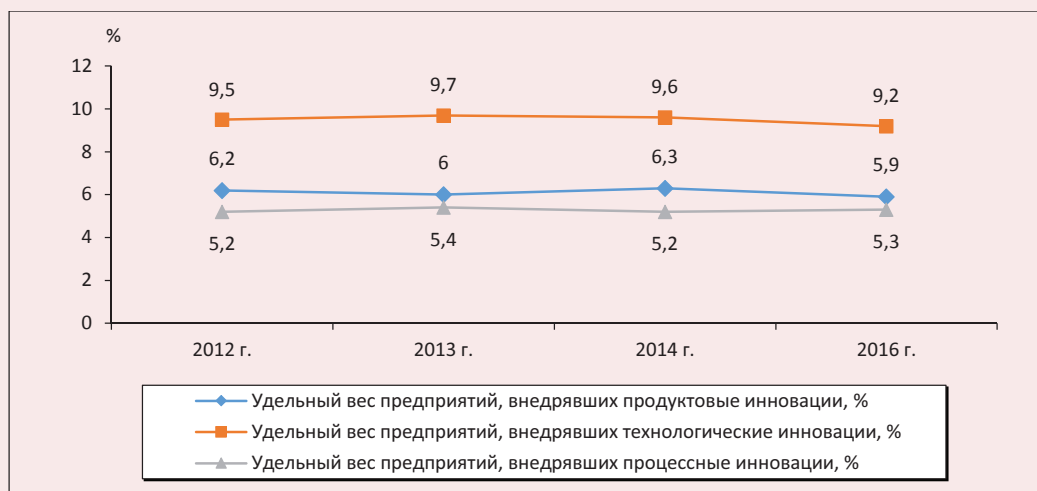


Рис. 6. Инновационная активность предприятий промышленности в РФ



Источник: Наука и инновации. М.: Росстат. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/science\\_and\\_innovations/science/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#)

Таблица 5. Доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта в России и странах мира, в %

Страна	Год							2016 к 2010, %
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Франция	24,9	23,7	25,4	25,9	26,1	26,8	26,7	1,8
Китай	27,5	25,8	26,3	27,0	25,4	25,6	25,2	-2,3
Великобритания	21,0	21,4	21,7	21,9	20,6	20,8	21,8	0,8
Австрия	11,9	11,7	12,8	13,7	13,9	13,4	17,5	5,6
Германия	15,3	15,0	16,0	16,1	16,0	16,7	16,9	1,6
Венгрия	24,1	22,7	18,1	16,3	13,7	–	14,0	-10,1
Россия	9,1	8,0	8,4	10,0	11,5	13,8	10,7	1,6
Финляндия	10,9	9,3	8,5	7,2	7,9	8,7	8,4	-2,5
Испания	6,4	6,5	7,0	7,7	7,0	7,1	7,0	0,6

Источник: составлено на основе данных Всемирного банка. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS>

число новых для России – 1 342 единицы, а число принципиально новых – 192 единицы. При этом число используемых передовых производственных технологий в целом по стране было на несколько порядков больше – 232 338 единиц [1].

Кроме того, значительным остается разрыв между Россией и странами-лидерами новой технологической революции по количеству зарегистрированных патентов в таких сферах, как робототехника, новые материалы, аддитивные технологии, промышленный Интернет вещей

и т. д. Отставание здесь измеряется разами, что сказывается на развитии соответствующих новых рынков. Так, доля России на мировом рынке аддитивных технологий, по данным Всероссийского научно-исследовательского института авиационных материалов, в 2016 году составила около 1,7%. При этом в целом на исследования и разработки в стране ежегодно расходуется порядка 1,10% ВВП (2015 г.). Эта цифра достаточно сильно отличается от показателей стран-лидеров технологической революции (3–4% ВВП). Отставание России наблюдает-

ся и по другим ключевым индикаторам новой технологической революции: например, в 2015 г. объем высокотехнологичного экспорта в Китае составлял 554,3 млрд. долл. США, Германии – 185,6; США – 153,5; Южной Кореи – 126,5, а в Российской Федерации – только 9,7 млрд. долл. США. По удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации, Россия отстает от ведущих стран в 5–6 раз. В международном Рейтинге развития инфокоммуникационной инфраструктуры (Networked Readiness Index, 2016/2017 год) наша страна занимает лишь 41 место [1].

Таким образом, среди основных проблем можно выделить низкий уровень активности промышленных компаний в осуществлении

инновационной деятельности, сокращение уровня диверсификации производимой в стране продукции, отставание России от стран-лидеров в части развития передовых технологий и низкие темпы цифровизации и платформизации экономики.

В общем виде сравнительная характеристика значений основных показателей новой технологической революции представлена в *таблице 6*.

С целью оценки степени готовности предприятий к развитию промышленности на основе цифровых технологий Вологодским научным центром РАН проведен опрос руководителей ведущих промышленных предприятий региона<sup>2</sup>.

Таблица 6. Сравнительная характеристика места России по некоторым показателям новой технологической революции [43]

№ п/п	Показатель	Россия	Страны-лидеры
1.	Количество платформенных компаний (2015 год)	3	Китай – 64, США – 63, Великобритания – 9
2.	Объем высокотехнологичного экспорта, млрд. долл. США (2015 год)	9,7	Китай – 554,3, Германия – 185,6, США – 153,5, Южная Корея – 126,5
3.	Производительность труда, долл. США за один человеко-час (2015 год)	25,9	Средний показатель производительности труда по странам ОЭСР – 50,8, в том числе в: США – 68,3; Франции – 67,6; Германия – 66,6
4.	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, % (2014 год)	8,8	Германия – 55, Швеция – 45,2, Финляндия – 44,6, Нидерланды – 44,5
5.	Доля абонентов сетей высокоскоростного ШПД в общем числе абонентов сетей фиксированного ШПД (2015 год), %	58	Южная Корея – 100, Израиль – 97, Великобритания – 87, Австралия – 72, США – 67
6.	Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли (2015 год), %	4	США – 20, Великобритания – 20, Франция – 15, Испания – 15, Италия – 9
7.	Затраты на НИОКР (2015 год), % от ВВП	1,10	Южная Корея – 4,23%, Германия – 2,93%, США – 2,79%, Китай – 2,07%, Великобритания – 1,70%
8.	Количество выданных патентов (страна происхождения заявителя) (2015 год), шт.	24 998	Китай – 279 501, США – 257 108, Южная Корея – 109 107, Германия – 86 849, Великобритания – 21 503
9.	Место в рейтинге Глобального индекса инновационного развития (2017 год)	45	Швейцария – 1, Швеция – 2, Нидерланды – 3, США – 4, Германия – 9, Южная Корея – 11, Япония – 14, Китай – 22
10.	Место в международном Рейтинге производственной конкурентоспособности (2016 год)	32	Китай – 1, США – 2, Германия – 3, Япония – 4, Южная Корея – 5, Великобритания – 6
11.	Место в международном Рейтинге развития инфокоммуникационной инфраструктуры (Networked Readiness Index, 2016/2017 год)	41	Сингапур – 1, Финляндия – 2, Швеция – 3, Норвегия – 4, США – 5, Великобритания – 8, Япония – 10, Германия – 15, Китай – 59
Источники: 1. Global Platform Survey, The Center for Global Enterprise, 2015; 2. World Bank; 3. ОЭСР; 4. Росстат, Eurostat; 5. International Digital Economy and Society Index (I-DESI) 2016; 6. РБК, НИУ ВШЭ, I-DESI 2016; 7. ОЭСР; 8. WIPO; 9. Global Innovation Index (GII) 2016; 10. Deloitte Global Manufacturing Competitiveness Index 2016; 11. WEF.			

<sup>2</sup> Выборочная совокупность составила 50 промышленных предприятий Вологодской области. Ошибка выборки не более 5%.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что на большинстве предприятий Вологодской области преобладают производства с ручным трудом (40%), а порядка 32% респондентов ответили, что на их предприятии полностью механизированное производство. Вместе с тем только лишь 14% предприятий региона имеют автоматизированное производство и 10% предприятий используют станки с числовым программным управлением (ЧПУ) (рис. 7).

Согласно данным опроса, 36% промышленных предприятий не используют цифровые технологии в процессе производства (табл. 7). Только 6% опрошенных предприятий реализовали несколько проектов в области цифровизации, 6% – готовят проект, а 40% – изучают возможности использования цифровых технологий.

В основном промышленные предприятия региона (54%) не имеют планов по развитию и внедрению цифровых технологий, а 22% респондентов отмечают, что не видят в них необходимости. В большинстве случаев предприятия региона используют технологии интернета вещей. Главным барьером, осложняющим процесс использования цифровых технологий, является высокая стоимость проектов по применению цифровых технологий (54%); около 40% респондентов отметили недостаточную квалификацию персонала; 26% – обратили внимание на отсутствие достаточного собственного опыта по применению цифровых технологий.

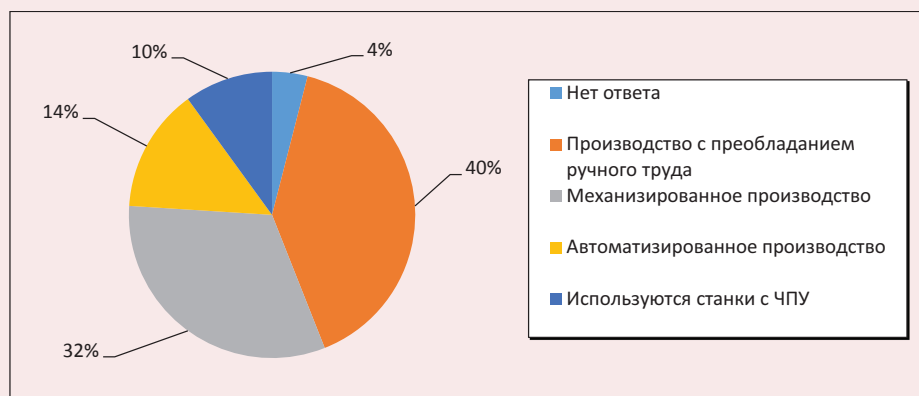
В условиях неблагоприятной геополитической обстановки, усиления конкуренции, крайне низких темпов экономического роста перед Российской Федерацией всё острее встает во-

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете степень использования цифровых технологий на Вашем предприятии?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
Изучаем возможности, как это может быть использовано	40,0
Не используем (не рассматривали такую возможность)	36,0
Нет ответа	0,0
Только начали использовать	12,0
Реализовано несколько проектов	6,0
Планируем использовать (изучили различные возможности и готовит пилотный проект)	6,0

Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий / ВолНЦ РАН, 2018.

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каким образом Вы можете охарактеризовать Ваше производство, согласно предложенному перечню критериев?», % от числа опрошенных



Источник: данные опроса о степени готовности предприятий Вологодской области к развитию промышленности на основе цифровых технологий / ВолНЦ РАН, 2018.

прос наращивания экономической мощи за счет активизации технологического фактора. Следствием промедления перехода экономики на новую модель развития будет закрепление дальнейшего отставания страны по уровню производительности труда и, тем самым, конкурентоспособности. Нет сомнений, что и Россия должна развиваться в рамках глобального тренда – новой индустриализации [18].

Однако современные тенденции не прибавляют оптимизма. Конкурентоспособность большинства российских производств остается низкой. Во многом это связано с недофинансированием: разрыв с реальной потребностью в финансовых ресурсах для перевооружения отсталой материально-технологической базы производств растет, он оценивается на уровне 30–50% (2011–2015 гг.) [19].

Складывающаяся ситуация требует усиленных вложений в те виды деятельности, которые определяют переход к новому технологическому укладу. В конечном счете именно инвестиции должны стать источником нового уровня экономического развития. Однако, несмотря на рост расходов федерального бюджета на высокотехнологичные наукоемкие производства, такие вложения мало помогли модернизации и созданию инновационных заделов на будущее из-за распыления средств, высоких издержек затратной российской экономики, просчетов в структурной политике.

Аналитики оценивают степень технологической готовности России к инновациям на уровне 57-й позиции рейтинга<sup>3</sup>, и то благодаря активному подключению к Интернету [20]. Отсталость материально-вещественной базы на уровне III–IV уклада мешает воспринимать современные технологии. Доля технологий VI уклада, по некоторым оценкам, в России близка к нулю, V уклада – примерно 10%, причем только в наукоёмком секторе (авиакосмическом и ВПК); свыше 50% технологий относится к IV укладу; 30% – к III укладу, тогда как в развитых странах технологическая структура экономики принципиально иная. Например, в США шестой уклад занимает около 5% производительных сил, пятый – 60, четвертый – 20, третий – 15% [21].

<sup>3</sup> The Global Competitiveness Report 2017–2018. Geneva: World Economic Forum. 2017. P. 249.

Российская Федерация существенно отстает и в освоении достижений современного научно-технического прогресса. Этот вывод позволяет сделать низкая доля страны на мировых высокотехнологичных рынках, которая оценивается в 0,3–0,5%, высокая степень зависимости промышленного производства от импорта, достигающая в отдельных отраслях экономики 80–90% [22]. Отсталая технологическая база не дает возможности повышать производительность труда и выйти на высокие темпы роста промышленности, успешно конкурировать на мировых рынках. И как следствие, за годы рыночных трансформаций российский промышленный сектор серьёзно сократился, при этом наиболее критическим процессом деиндустриализации был в технологически емких отраслях.

Из данной раскладки предельно ясно, что вопрос перевода промышленности на цифровую технологическую платформу становится важнейшим для российской экономики.

**Предложения.** Таким образом, несмотря на сохранение высокого потенциала для совершенствования технологического перехода в различных отраслях экономики, особенно в части цифровизации экономических и социальных процессов, негативная динамика, которую демонстрирует российская экономика, не позволяет ей эффективно включиться в глобальные тренды, задаваемые новой технологической революцией.

Развитие российского производства в условиях перехода к цифровой экономике потребует в ближайшей перспективе решения вопросов, связанных с продуктивным включением в новую технологическую революцию с целью осуществления структурного маневра в экономике, радикальной технологической модернизацией традиционных секторов российской экономики, поддержкой поставщиков технологических решений для промышленного сектора экономики, подготовкой кадров для качественно новой индустрии и содействием переходу к новой организации бизнес-процессов на промышленных предприятиях. Реализация такого курса совпадает с общим глобальным трендом – новой индустриализацией, которая определяет основное содержание промышленной политики развитых стран мира. Учитывая сложившуюся структуру российской экономики, текущий

уровень развития национальной инновационной системы, можно заключить, что переход страны к качественно новой экономической, индустриальной и технологической парадигме будет зависеть от скоординированной реализации мер по целому ряду направлений [23].

Продвижение в решении данного вопроса невозможно без разработки и реализации адекватной поставленным задачам государственной промышленной политики. Она должна обеспечить формирование гармоничных пропорций в экономике путем разработки и проведения комплекса мер государственного регулирования на макро-, мезо- и микроуровнях. Эти меры должны быть направлены на структурную перестройку и широкомасштабную технологическую модернизацию экономики, представлены в виде поэтапных задач, сформулированных исходя из мировых трендов и внутренних особенностей хозяйствования.

Важнейшая задача государственной промышленной политики состоит в определении приоритетов в формировании перспективной промышленной структуры национального хозяйственного комплекса, способной генерировать новые источники роста. Выбор структурных приоритетов важен, так как позволит сформировать основные требования к количеству и качеству необходимых для их развития ресурсов – трудовых, технологических, инвестиционных, а также требования к институциональной среде.

Выбору структурных приоритетов должна предшествовать тщательная инвентаризация промышленного комплекса, причем должен учитываться ряд факторов: перспективные товарные рынки для национальных производителей, потенциал, рост конкурентоспособности различных секторов промышленного производства, уровень обеспеченности товарами стратегического назначения, социальная значимость тех или иных секторов промышленности, имеющиеся научно-технологические заделы и т.п.

Обладая достаточно емким рынком и претендуя на роль одного из субъектов мировой экономики, Россия не может специализироваться на узком круге отраслей и технологий, особенно в условиях обостряющейся геополитической обстановки. Сохранить свою субъектность она может, только лишь сформировав диверсифицированную, технологически неза-

висимую и конкурентоспособную экономику, ориентированную на развитие отраслей разных технологических укладов, которые решают разные задачи. Отрасли будущей волны должны гарантировать независимость и самодостаточность в будущем, отрасли текущей волны обеспечивают базовую инфраструктуру и техническую поддержку экономики, тогда как старые отрасли представляют собой основной источник занятости.

В таком контексте в рамках промышленной политики должны быть сформированы две группы структурных приоритетов. Первая группа должна быть ориентирована на опережающее развитие промышленного потенциала, обеспечивающего высокую конкурентоспособность России в принципиально новых технологических областях. Сегодня Россия имеет возможность встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости в таких отраслях, как судостроение, атомная энергетика, авиакосмическая отрасль, информационные и телекоммуникационные технологии. Однако необходимо, чтобы центры прибыли и системной интеграции постепенно сдвигались на территорию России. И это требует пристального внимания к новым технологиям Индустрии 4.0, открывающим новые возможности развития промышленного сектора и формирующим новые перспективные рынки. Так, потенциальный эффект от использования мобильного Интернета к 2025 г. может приблизиться к 10 трлн. долл., автоматизации умственного труда – свыше 6 трлн. долл., робототехники – свыше 4 трлн. долл. [24].

Вторая группа приоритетов должна обеспечивать широкомасштабную технологическую модернизацию важнейших секторов экономики – их перевооружение и динамичное развитие, преодоление технологического отставания и импортной зависимости от зарубежных производителей оборудования, в том числе путем выстраивания собственных воспроизводственных цепочек.

Особую актуальность приобретает увязка структурных приоритетов промышленной политики с основными направлениями научно-технологической политики, для осуществления которой необходимо сформировать технологический вектор развития российской экономики, исходя из видения будущего страны, ее перспективной отраслевой структуры, технологического

состояния основных секторов экономики, задач социально-экономического развития.

Формирование такого вектора должно базироваться на качественном прогнозе научно-технологического развития на долгосрочный период и раскрываться в рамках ключевых задач Стратегии научно-технологического развития, с последующей разработкой соответствующих конкретных программ и проектов. Сформулированные в Стратегии научно-технологические приоритеты должны определить контуры направлений структурной и технологической модернизации, практическая реализация которых позволит сформировать ядро промышленных производств, основанных на новых перспективных технологиях.

В 2017 г. в стране была разработана и принята программа «Цифровая экономика» (трансформировавшаяся в 2019 г. в национальный проект «Цифровая экономика»), в рамках которой основной упор был сделан на решение задач развития информационных технологий и создания цифровых платформ. Вместе с тем проблемы «цифровизации отраслей промышленности» и внедрения передовых производственных технологий практически остались вне поля зрения разработчиков.

Таким образом, в рамках перехода России к новой модели развития формирование его стратегического технологического вектора должно стать неотъемлемой частью отечественной промышленной политики. По сути, должен быть взят на вооружение принцип единства научно-технологической, инновационной и промышленной политики, на основе которого развитие страны добиваются успеха в решении задач новой индустриализации, в повышении глобальной конкурентоспособности национальных экономик.

**Заключение.** Развитие промышленного комплекса РФ требует в ближайшей перспективе решения вопросов, связанных с продуктивным включением в новую технологическую революцию с целью осуществления структурного маневра в экономике, радикальной технологической модернизацией традиционных секторов российской экономики, поддержкой поставщиков технологических решений для промышленного сектора экономики и содействием переходу к новой организации бизнес-процессов

на промышленных предприятиях. Реализация такого курса совпадает с общим глобальным трендом — новой индустриализацией, которая определяет основное содержание промышленной политики развитых стран мира. Учитывая сложившуюся структуру российской экономики, текущий уровень развития национальной инновационной системы, можно заключить, что переход страны к качественно новой экономической, индустриальной и технологической парадигме будет зависеть от скоординированной реализации мер по целому ряду направлений. К ним следует отнести технологическую модернизацию традиционных для российской экономики отраслей, развитие новых высокотехнологичных секторов и обеспечение выхода страны на новые рынки, перезапуск системы управления НИОКР, реорганизацию институтов развития, а также сквозную «цифровизацию» реальной экономики.

Научная новизна исследования заключается в развитии методических подходов к определению инновационных преобразований промышленного сектора РФ в контексте четвертой промышленной революции и развития экономики, ориентированной на внедрение в производство цифровых технологий, выступающих технологической основой для экономического роста российской экономики. Результаты исследования могут быть использованы для аналитических, прогнозных исследований динамики региональных и национальных макросистем, для выработки рекомендаций по созданию предпосылок активизации экономического роста в условиях перехода к новой технологической революции. Это позволит повысить качество реализуемой экономической политики.

Дальнейшими этапами исследования, на наш взгляд, должны стать: 1) оценка инновационного развития экономики России в условиях глобальной конкуренции и формирования наукоемкого и высокотехнологичного производства; 2) идентификация направлений организационно-технологической трансформации экономики России в условиях глобальной конкуренции и развития цифровой экономики; 3) разработка механизма государственного регулирования процессов инновационного развития региональной экономики на основе перехода к цифровой экономике.



## Литература

1. Татаркин А.И. Инновационный вектор российской экономики. Поведенческая готовность населения // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Шумпетеровские чтения». Пермь: ПНИПУ, 2014. С. 10-21.
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.
3. Акбердина В.В., Смирнова О.П. Концепция сетевых сопряженных производств в контексте четвертой промышленной революции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. № 7. С. 105.
4. Никонова А. Потенциал и инструменты роста инновационных производств в процессе формирования нового уклада экономики: системный подход // Экономист. 2018. № 10. С. 20-39.
5. Гринберг Р.С. Принципы промышленной политики: у России есть шанс // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: сб. материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения». М., 2015.
6. Интернет вещей – основа новой экономики. Режим доступа: <https://www.pcweek.ru/iot/article/detail.php?ID=182807>
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 10-12.
8. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза (информационно-аналитический отчет Евразийской экономической комиссии). Режим доступа: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom\\_i\\_agroprom/dep\\_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx)
9. Максютин Е.В., Головкин А.В. Неиндустриализация российской экономики на основе технологий четвертой промышленной революции и развития человеческого капитала // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Том 10. № 1. С. 43-52.
10. Копкова Е.С. Стратегические аспекты цифровой экономики ЕАЭС // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. С. 196-203.
11. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»
12. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.
13. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф.В. Маевского. М.: Дело. АНХ, 2011. 232 с.
14. Усков В.С. Развитие интернета вещей как инструмента реализации стратегии научно-технологического развития страны // Социальное пространство. 2017. № 2 (9). URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2258>
15. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции (рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. (Top Business Awards)) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 216-221. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.15
16. Пименов В., Быстров А. Пути развития промышленной политики России в условиях цифровой трансформации // Экономист. 2018. Вып. 9. С. 25-33.
17. Антипина Н.И. Трансформация российского бизнеса в условиях перехода к цифровой экономике: отраслевой и региональные аспекты // Экономическая наука современной России. 2018. № 2. С. 102.
18. Мазилев Е.А., Гулин К.А. Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 71-84.
19. Интернет вещей – основа новой экономики. Режим доступа: <https://www.pcweek.ru/iot/article/detail.php?ID=182807>
20. The Global Competitiveness Report 2017-2018. Geneva: World Economic Forum. 2017. P. 249.
21. Проблемы и направления развития научно-технологического потенциала территорий: монография / К.А. Гулин, Е.А. Мазилев, И.В. Кузьмин, Д.А. Алферьев, А.П. Ермолов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 123 с.

22. Кобяков А. Вызовы XXI века: как меняет мир четвертая промышленная революция. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/12/02/2016/56bd9a4a9a79474ca8d33733>
23. Мойсейчик Г.И. Цифрофикация экономики стран евразийского союза как стратегический императив XXI века // Проблемы современной экономики. 2016. №1 (57). Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5673>
24. Коровин Г.Б. Теоретические аспекты новой индустриализации России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2803/0>

### Сведения об авторе

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

### Russian Industrial Sector Development in the Context of New Technological Revolution

**Abstract.** The rapid spread of new technologies in all areas of human activity leads to rapid and profound changes in the structure of industrial production, global markets and the economic and social sphere. Modern developed countries seek growth sources on the basis of scientific and technological potential emerging in new information, digital and industrial technologies. Their development results in new technological revolution and accelerated productivity growth. In this regard, scientific understanding of organizational and methodological problems to form a technological basis for Russian economy growth in the context of global transformation of the world labor division system under the influence of large-scale introduction of innovative technologies of the fourth industrial revolution will develop a paradigm and methodological tools for further implementation and successful realization of digital economy in the country, focused on improving industrial production efficiency through the use of new technologies. The purpose of this article is to study trends in formation and identification of problems to develop the Russian industrial sector in the context of new technological revolution. The paper generalizes theoretical foundations of the essence of innovative reforms in the economy in the fourth industrial revolution; analyses a state and trends of scientific and technological development of the country's industrial sector, estimates a degree of readiness of its transition to digital economy; reveals functional possibilities of improving quality characteristics of the industrial sector; and determines directions of its state regulation in the conditions of digital transformation.

**Key words:** new technological revolution, digital economy, industrial sector development.

### Information about the Author

Vladimir S. Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 11.03.2019.

## Социальная уязвимость семей с детьми в современной России\*



**Ольга Николаевна  
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр РАН  
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а  
E-mail: onk82@yandex.ru



**Мария Андреевна  
ГРУЗДЕВА**

Вологодский научный центр РАН  
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а  
E-mail: mariya\_antonovarsa@mail.ru

**Аннотация.** Семья – главный институт воспроизводства населения – продолжает нести повышенные риски бедности при выполнении своей репродуктивной функции. Целью статьи стало исследование проявлений социальной уязвимости современных российских семей с детьми. Несмотря на активную демографическую политику, реализующуюся в национальных проектах с 2006 г., действительное положение семей с детьми изменилось мало. По-прежнему рождение ребенка способствует снижению уровня жизни вплоть до пересечения черты бедности, остается малодоступным рынок жилья, не работают инструменты, позволяющие сочетать родительство и профессиональную деятельность. Ресурсы среднестатистической семьи не обеспечивают формирование человеческого потенциала детского населения, соответствующего запросам эко-

\* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

**Для цитирования:** Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147-160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9

**For citation:** Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 147-160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9

номики знаний, ограничиваясь набором первичных потребностей. Существующие механизмы социальной поддержки не гарантируют семьям с детьми реального улучшения положения, пособия имеют фиксированный размер, не ориентированный на достижение какого-либо уровня жизни, даже величины прожиточного минимума. Малодетность становится осознанным выбором на фоне кризиса брака, прекратившего служить своего рода договором о том, что муж зарабатывает, а жена рождает детей и ведет хозяйство. Женщины активно реализуют себя на рынке труда. Вместе с тем сохраняются дискриминационные явления. Анализ гендерной статистики свидетельствует, что женщины, имеющие одинаковые с мужчинами уровень образования, сферу деятельности и должностной статус, но получают заработную плату в среднем на треть меньше. Впрочем, трудовая деятельность жен — не только и не столько стремление к профессиональной самореализации. Два работающих взрослых в средней семье обеспечат среднедушевой доход на уровне прожиточного минимума при наличии максимум двух детей. Кроме того, удовлетворенность доступностью и качеством услуг образования и здравоохранения — институтов, поддерживающих воспроизводство населения и человеческого потенциала, — сохраняется на уровне, далеком от желаемого. В таких условиях семья с детьми остается одной из самых социально-уязвимых групп населения, что требует пересмотра механизмов социальной политики и обеспечения принципов социального государства вообще. Научная новизна проведенного исследования состоит в анализе и классификации проявлений социальной уязвимости современных семей с детьми, разработке предложений по совершенствованию социальной и демографической политики государства. Результаты исследования могут быть востребованы в практике государственного управления.

**Ключевые слова:** семья, дети, меры государственной поддержки, материальные проблемы, жилищные проблемы, получение социальных услуг, репродуктивный потенциал, социальная политика.

### Введение

Современное российское общество, завершающее демографический переход с нехарактерным сочетанием низкого уровня рождаемости и продолжающей оставаться высокой смертностью, заинтересовано в стабильной и здоровой семье, поскольку именно полная семья, выполняя социально важные функции, является основным условием воспроизводства населения (более 70% детей рождается в браке) [1, 2, 3, 4]. Пройдя эволюцию от производственного коллектива до свободного союза, основанного на любви, семья всё в меньшей степени ассоциируется и осознается как ведение совместного быта, рождение и воспитание детей, организация досуга, взаимодействие и налаживание связей с родственниками, а главное, первичный контроль и ответственность за ее членов [5]. В период атомизации общества [6, 7] семья, с одной стороны, самый главный институт для человека, с другой — проблемы и ответственность, которых вполне можно избежать. Поэтому высока разводимость и распространённость «безбрачных» форм партнер-

ских отношений. Положение семей, особенно экономическое, заметно меняется с появлением детей, поэтому они представляют один из основных объектов социальной помощи государства. Таким образом, изучение и систематизация проблем современных семей с детьми и поиск эффективных путей их решения выступает актуальной тематикой.

Целью статьи стало исследование проявлений социальной уязвимости, с которыми сталкиваются современные российские семьи с детьми. Под социальной уязвимостью понимаем ситуацию, где индивид или группа населения ограничены в доступе к материальным и нематериальным ресурсам и/или в отношении коих существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки со стороны государства, социума [8]. Для достижения цели были поставлены и реализованы задачи изучения существующих мер и форм поддержки семей с детьми, анализа и классификации проблем современных семей с детьми, разработки возможных путей решения сложившихся проблем и

совершенствования социальной и демографической политики государства. Проявления социальной уязвимости семей с детьми проанализированы на примере Российской Федерации и Вологодской области, как региона, во многом повторяющего среднероссийские тенденции демографического и социально-экономического развития [9]. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе и классификации проявлений социальной уязвимости современных семей с детьми, разработке предложений по совершенствованию социальной и демографической политики государства.

#### Материалы и методы

В исследовании для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Теоретической базой исследования являются научные работы ведущих демографов, экономистов, социологов, посвященные исследованиям трансформации института семьи и брака, мер поддержки семей с детьми, демографической политики и жизненного цикла семей с детьми.

Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, выборочных наблюдений Росстата: Комплексное наблюдение условий жизни населения 2011, 2014, 2016, 2018 гг.; Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2017 г.; Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2012 и 2017 гг., данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат). Кроме того, использованы результаты репрезентативных социологических исследований, проводимых ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в Вологодской области и регионах СЗФО: мониторинг репродуктивного потенциала<sup>1</sup>,

<sup>1</sup> Мониторинг, представляющий собой количественное социологическое исследование, проведен в 2005, 2008, 2011, 2014, 2017 гг. на территории Вологодской области ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», объем выборки в каждый год мониторинга составил 1500 жителей региона репродуктивного возраста (15–49 лет) из городов Вологды и Череповца и 8 муниципальных районов области. Выборка квотная по территориальному, гендерному и возрастному признакам, ошибка выборки не превышает 3%. Метод сбора информации – анкетирование, анализ информации проводился с использованием SPSS Statistics.

мониторинговое исследование «Изучение условий формирования здорового поколения» 2017 года<sup>2</sup>; опрос «Социокультурная модернизация регионов – 2017»<sup>3</sup>.

#### Результаты

Меры и формы поддержки семей с детьми являются элементами социальной политики государства, в частности демографической и семейной. На протяжении своего существования они менялись вместе с трансформацией самого института семьи и государственной социальной политики. К числу основных переломных моментов эксперты относят Октябрьскую революцию, после которой снизилось давление на семьи, упростились процедуры разводов, регистрация браков перестала быть обязательной, а женщине было дано право самостоятельно решать вопрос о выполнении своей репродуктивной функции (легализация абортов). Однако уже с середины тридцатых годов XX века ситуация изменилась, сталинский консерватизм искал опору в традиционных ценностях, были запрещены аборты, принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на укрепление семьи и брака, впервые введены пособия многодетным семьям, пособия одиноким матерям [10]. Средства на эти меры изыскивались путем перераспределения дохода в пользу семей с детьми через введение так называемого «налога на бездетность» [11]. Однако с преобладанием экстенсивного типа производства, который требовал постоянного притока рабочих рук, в том числе женщин и людей старших воз-

<sup>2</sup> Исследование представляет собой когортный мониторинг, проведенный в 2017 году на территории Вологодской области ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», выборку составляют семьи с детьми, рожденными в определенный год, от 0 до 18 лет, выборка многоступенчатая, квотная по территориальному, возрастному признакам, объем выборки – 298 семей, ошибка не превышает 5%. Метод сбора информации – анкетирование родителей, детей с 10 лет, медицинских работников. Анализ информации проводился с использованием SPSS Statistics.

<sup>3</sup> Социологический опрос совершеннолетнего населения «Социокультурная модернизация регионов» проведен в 2017 г. ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Выборка квотная по полу и возрасту, объем составляет 3108 человек, ошибка выборки не превышает 5%. Метод сбора информации – анкетирование, анализ информации проводился с использованием SPSS Statistics.

растов, семья стала все более ориентироваться на малодетность, а государство создало систему по присмотру за детьми, частично взяв на себя эту функцию и снизив роль бабушек в воспитании и уходе за младшими поколениями. Параллельно развивались институты, заместившие семью в выполнении ряда других функций (здравоохранение, культура, правоохранительные органы и др.) [12]. После резкого снижения рождаемости в 1960-х гг. был принят революционный пакет мер по поддержке семей с детьми («декретные» отпуска, пособия по уходу за детьми), давший к 1980-м заметный всплеск рождаемости [13].

Новая волна активизации демографической политики началась с 2006 года. Введенные меры поддержки, особенно резонансный «материнский капитал», по оценкам экспертов, значительно повлияли на реальные сдвиги в рождаемости [14]. Однако нетто-коэффициент так и не достиг единицы, а после 2016 г. перестали расти и общий, и суммарный коэффициенты. В рамках концепции демографического перехода выравнивание рождаемости и смертности, выход на стационарное население являются эволюционно обоснованными [15, 16]. Однако России, сохраняющей высокий уровень смертности населения, грозят продолжение депопуляции и углубление старения населения, что ориентирует курс демографической и социальной политики на стимулирование рождаемости через поддержку семей с детьми.

В настоящее время создана система мер по поддержке семей с детьми, которая нацелена прежде всего на стимулирование рождаемости. При этом политика «борьбы с бедностью» и задачи создания общества равных возможностей социального государства также выбрали семью с детьми в качестве одного из объектов поддержки, но только в том случае, если семья соответствует определенным критериям, а конкретно среднедушевой доход семьи не должен превышать прожиточный минимум. Меры дифференцированы в зависимости от этапа жизненного цикла: для семей, где ожидают ребенка; с одним, двумя и тремя и более детьми (многодетные семьи). Часть из мер гарантируется на уровне федерации, другая — зависит от региональных финансовых возможностей,

кроме того, ряд льгот и выплат зависят от демографической ситуации в регионе<sup>4</sup>. Льготы дифференцированы и по статусу получателя (подлежащие обязательному социальному страхованию в связи с материнством — работающие по трудовому договору; безработные; обучающиеся на очной форме; проходящие службу по военному контракту), и по материальному положению получателей (большая часть льгот и компенсаций является адресной и положена малоимущим семьям). Наиболее распространённые формы поддержки семей с детьми: единовременные и ежемесячные выплаты; компенсации транспортных расходов, родительской платы за детский сад, страховой части пенсии, расходов на коммунальные услуги; бесплатное обеспечение лечением, питанием; бесплатный доступ к социальным и культурным услугам; частичная оплата социальных услуг; предоставление земельных участков в собственности; налоговые вычеты [17].

Отдельные меры поддержки предусмотрены для семей, воспитывающих ребенка-инвалида, приемных семей, семей военнослужащих, семей, потерявших кормильца. Несмотря на столь широкий спектр форм и мер поддержки данных семей с детьми, вопрос о достаточности социальной помощи для решения их проблем остается открытым.

#### *Проблемы семей с детьми*

Обращаясь к опыту современных исследователей и существующим формам поддержки семей с детьми в России, можно констатировать, что современные семьи с детьми сталкиваются с материальными, жилищными, социальными проблемами. Безусловно, они в ряде случаев взаимосвязаны и взаимообусловлены, но степень их важности для развития современной семьи позволяет рассматривать их отдельно.

По субъективным оценкам, среди факторов, препятствующих увеличению рождаемости в России, традиционно первые места отводятся материальным и жилищным условиям. Данные факторы не теряют своей актуальности в течение продолжительного времени

<sup>4</sup> Социальная поддержка семей с детьми: некоторые важные факты за 6 лет // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/info/32115/>

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, препятствует увеличению рождаемости в нашей стране?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Год обследования					2017 к 2005, +/-
	2005	2008	2011	2014	2017	
Плохие жилищные и материальные условия большинства семей	68,3	80,4	70,0	70,7	66,6	-1,7
Нестабильное экономическое положение	43,5	51,8	45,8	46,3	51,9	+8,4
Неуверенность в завтрашнем дне*	н/д	50,7	47,1	38,8	46,3	-
Риск остаться без работы	15,5	36,1	30,5	33,7	36,3	+20,8
Приоритет карьеры, стремление «пожить для себя»	8,3	27,1	13,6	16,1	16,3	+8,0
Рождение неполноценного ребёнка	12,5	23,5	13,4	13,3	11,9	-0,6
Заботы, связанные с уходом за детьми	12,2	25,8	15,1	12,7	11,9	-0,3
Принятые в обществе нормы (мода на малодетность)**	н/д	н/д	4,1	4,2	3,0	-
Другое	0,6	1,3	0,5	0,4	0,2	-0,4

\* Впервые включен в варианты ответа в 2008 г.  
\*\* Впервые включен в варианты ответа в 2011 г.  
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала / ФГБУН ВолНЦ РАН.

(табл. 1). Существенно возросла в последние годы значимость таких факторов, как «риск остаться без работы» (на 20 п.п.), «нестабильное экономическое положение» (на 8 п.п.) и «приоритет карьеры, стремление «пожить для себя»» (на 8 п.п.).

Если первые две причины кроются в объективной экономической ситуации в стране и особенностях сложившейся институциональной среды (в частности, трудности совмещения репродуктивной и трудовой деятельности женщинами), то последняя — в ценностных трансформациях, выражающихся в стремлении к удовлетворению личных индивидуальных потребностей, успешной конкуренции «семейных» и профессиональных, творческих жизненных целей.

Мотивы отложить или отказаться от рождения детей связаны с ожиданием ухудшения материального положения семьи вследствие их появления. В современных российских условиях наличие детей в семье значительно повышает риски попадания за черту бедности. «С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной нуклеарной семьи с одним ребенком — 42%; полной нуклеарной семьи с двумя детьми — 48%; полной нуклеарной семьи с тремя детьми — 55%» [18]. Так, по данным выборочных обследований Росстата, среди домохозяйств с детьми в возрасте до трех лет 35% относилось к числу малоимущих, то есть

среднедушевой доход составлял ниже величины прожиточного минимума. Из числа домохозяйств, в составе которых три и более ребенка, каждое второе характеризовалось как бедное, а дефицит дохода составлял более 3500 рублей на каждого члена семьи (табл. 2).

Динамика среднедушевых денежных доходов домохозяйств с детьми в Вологодской области демонстрирует аналогичные тенденции: с каждым последующим ребенком уровень доходов в семье сокращается, приближаясь к величине среднедушевого прожиточного минимума (рис. 1).

Денежные доходы многодетных семей существенно ниже доходов всех домохозяйств региона. Кроме того, семьи с двумя и более детьми оказались чувствительнее к проявлениям экономических кризисов, что выразилось в понижительной динамике их доходов в периоды 2009–2010 и 2011–2013 гг.

Как отмечают исследователи, семьи с 1–2 детьми, то есть самые распространённые категории семей в России, наряду с одиноко проживающими гражданами трудоспособного возраста, семьями без детей попадают в категорию «новых»<sup>5</sup> бедных и составляют около 50% всего бедного населения. Это означает, что увеличение масштабов бедности произошло в основном за счет новых типов семей, главы которых

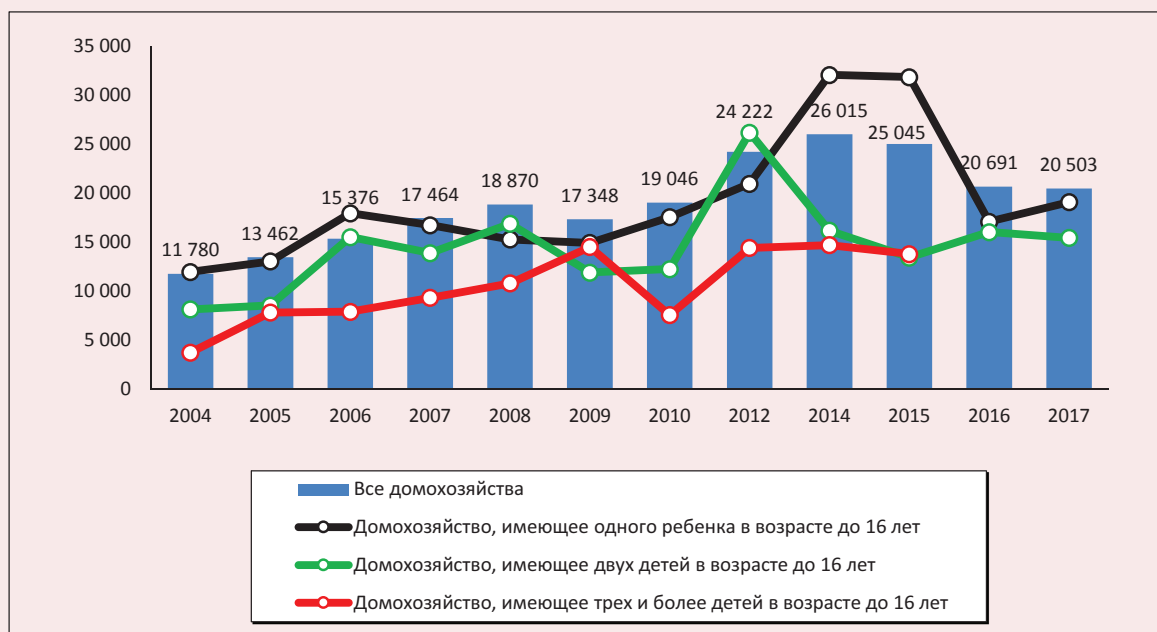
<sup>5</sup> В советский период такие семьи не попадали в категорию бедных.

Таблица 2. Основные показатели дифференциации доходов и бедности в России, 2016 год

Показатель	Все домохозяйства	Из них домохозяйства с детьми до 18 лет			Домохозяйства с детьми до 3 лет
		1 реб.	2 реб.	3 и более реб.	
Среднедушевые денежные доходы, в % к величине прожиточного минимума	261,5	229,2	175,0	118,0	153,0
Доля малоимущего населения, %	13,1	12,2	26,3	51,0	35,2
<i>Денежные доходы малоимущего населения</i>					
в среднем на душу в месяц, рублей	6 945	7 335	7 159	6 275	6 842
в % к величине прожиточного минимума	69,2	72,9	71,0	63,0	67,9
<i>Дефицит денежного дохода</i>					
в среднем на душу в месяц, рублей	3 085	2 729	2 930	3 683	3 236
в % к величине прожиточного минимума	1,5	1,4	4,2	15,7	7,2

Источник: Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах /Росстат. 2017.

Рис. 1. Денежные доходы домохозяйств Вологодской области, в среднем на 100 домохозяйств, рублей\*



Примечание. С 2016 года Вологдастатом выделяется две группы домохозяйств: с одним ребенком; с двумя и более детьми.

\* В сопоставимых ценах 2017 года.

Источник: Статистический ежегодник / Вологдастат. 2017.

находятся в трудоспособном возрасте [19]. По оценкам Министерства труда, в 2018 году 70% бедных в России — это семьи с детьми. Как от-

мечает министр труда М. Топилин, с появлением ребенка/детей семья теряет уровень дохода<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> Минтруд отметил, что 70% бедных россиян составляют семьи с детьми // Газета «Известия». 2018. №93. URL: <https://iz.ru/748878/2018-05-28/topilin-nazval-semi-s-detmi-bolshinstvom-sredi-zhivushchikh-v-bednosti> (дата обращения: 15.01.2018).



*Жилищные условия*

Наличие жилья является важным условием для реализации репродуктивных планов. Приобретение жилплощади составляет одну из наиболее существенных затрат семейного бюджета россиян. Именно поэтому материальные проблемы усугубляются жилищными для тех, у кого нет отдельного жилья в собственности либо оно не соответствует санитарным требованиям. Почти половина семей с детьми в России испытывают стесненность, и чем больше количество детей, тем меньше размер жилой площади, который приходится на 1 человека (табл. 3). Доступных инструментов для расширения жилья мало, для среднестатистической семьи это чаще всего использование ипотечного кредитования. Несмотря на широкое распространение ипотеки и внедрение льготных ставок, на возможность рефинансирования активных кредитов под льготную ставку в 6% для семей, в которых родится второй и третий ребенок, всё ещё сохраняется ряд ограничений для полного решения жилищных проблем:

– во-первых, льготные ставки действуют только в отношении первичного рынка, который может отличаться либо необоснованно высокими ценами, либо плохим качеством строительства;

– во-вторых, льготная ставка покрывает малую долю тех кредитов, которые семьи вы-

плачивают десятилетиями, ущемляя себя в других расходах (пока льготная ставка рассчитана на три года – при рождении с 2018 года второго ребенка, на пять лет – при рождении третьего ребенка, максимальный срок – 8 лет, если во время действия первой субсидии родится третий ребенок);

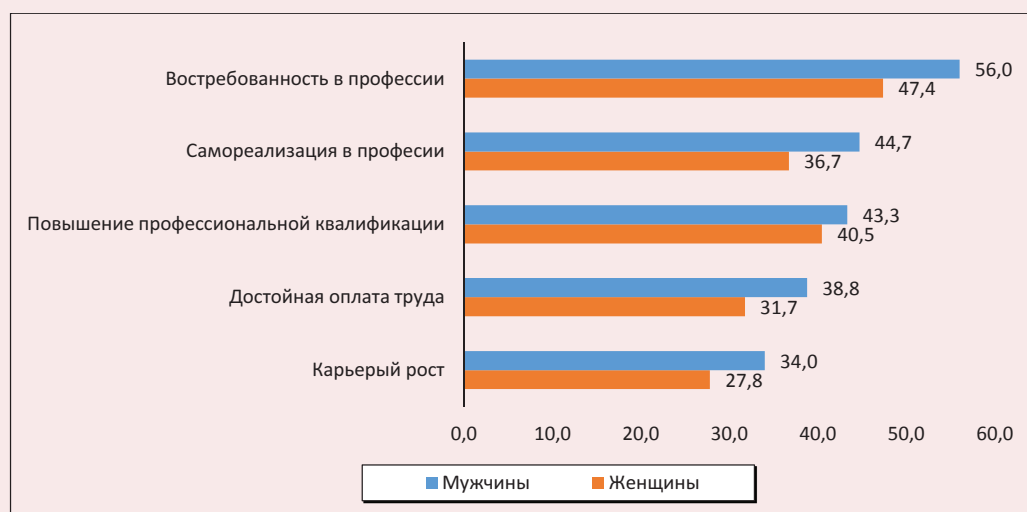
– в-третьих, по условиям программы не менее 20% стоимости жилья должно быть оплачено в качестве первоначального взноса. Следовательно, для семей с детьми, не имеющих накоплений, наследства, возможности привлечь созаёмщиков и иных видов помощи, приобретение жилья в ипотеку затруднено. Их и без того небольшие доходы должны быть направлены на накопление первоначального взноса.

Эффективным инструментом решения жилищных проблем семей с двумя и более детьми показал себя материнский капитал. Это особенно заметно в регионах [20]. Согласно данным мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», семьи, участвовавшие в программе «Материнский капитал», в 2017 году чаще отмечали, что после рождения ребёнка их жилищные условия стали лучше (67%), по сравнению с семьями, которые в данной программе не участвовали (только 22,4% из них отметили улучшение жилищных условий). Следовательно, очередность рождения ребёнка опосредованно влияет на

Таблица 3. Характеристика жилищных условий домохозяйств в 2018 году, %

Показатели	Все домохозяйства	С детьми	Без детей	Молодые семьи	Молодые семьи с детьми	Многодетные семьи
Число домохозяйств, проживающих во всех типах жилых помещений, всего	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе домохозяйства, указавшие, что при проживании</i>						
не испытывают стесненности	77,4	58,5	87,0	64,0	58,8	42,7
испытывают определенную стесненность	17,0	29,8	10,5	28,1	29,6	35,0
испытывают большую стесненность	5,5	11,6	2,4	7,8	11,6	22,3
не определено	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
Размер жилой площади в расчете на члена домохозяйства, кв.м	15,75	11,53	20,26	11,22	10,03	9,62
Число жилых комнат в расчете на одно домохозяйство	2,37	2,62	2,24	2,07	2,39	3,01
Источник: Выборочное обследование «Комплексное наблюдение условий жизни населения» / Росстат. 2018						

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свои профессиональные перспективы?» (в % от числа опрошенных)



Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация регионов – 2017», СЗФО / ФГБУН ВолНЦ РАН.

материальные возможности семьи в плане приобретения жилья. Около 60% семей использовали материнский капитал для решения жилищного вопроса<sup>7</sup>.

*Социальные проблемы* семей характеризуются комплексом проявлений и могут быть внутренними и внешними, включать различные социально-психологические аспекты (закономерности жизненного цикла, девиации разного рода и пр.), трудности в получении социальных услуг, проблемы социальной интеграции и др. Учитывая их актуальность для современных условий развития, остановимся на трудностях, которые испытывают семьи в получении социальных услуг, и на тех институциональных и ментальных барьерах, которые препятствуют эффективной реализации репродуктивной функции.

Участие государства как «заказчика» определенных параметров воспроизводства не сводится к финансовым инструментам прямой или косвенной поддержки с емей с детьми. Важную роль играет создание и обеспечение работы институтов, поддерживающих семью при рождении и воспитании детей, способствующих

<sup>7</sup> По данным Пенсионного фонда России // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/731062/tatiana-gladysheva/rossiiskie-semi-potratili-matkapital-na-ipoteku> (дата обращения: 02.02.2019).

совмещению репродуктивной и трудовой деятельности, формирующих социальные нормы детности, брачных и партнерских отношений, приемлемых жизненных стратегий в целом.

Так, например, общественно одобряемое стремление прежде всего «встать на ноги», приобрести экономическую состоятельность и социальную «зрелость» влечет за собой откладывание рождений, старение материнства и, как следствие, снижение рождаемости и рост заболеваемости детей. Это один из факторов депопуляции в России [21].

Существующее противоречие «работа, материальное благополучие или рождение ребенка» заставляет большинство семей делать выбор в пользу малодетности и сдвигов в тайминге рождений с учетом внешней конъюнктуры. Как отмечают эксперты, социальная политика по поддержке семьи сегодня в России такова, что не дает возможности женщинам совмещать работу с нормальным деторождением [3].

Во-первых, всё ещё сохраняется гендерная дискриминация в оплате труда. Обследование, реализуемое Вологдастатом, свидетельствует, что при равных условиях (уровень образования, вид экономической деятельности, должностной статус) женщины имеют оплату труда в среднем на треть ниже, чем мужчины [22].

Во-вторых, женщины существенно ниже оценивают собственные профессиональные перспективы, нежели мужчины. В основном это проявляется в вопросах востребованности (47% против 56%, *рис. 2*) и самореализации (37% против 45%) в профессии, а также достойной оплаты труда (32% против 39%). При этом перспективы карьерного роста представляются женщинам наименее реалистичными (29%).

Причём, согласно исследованию Глобального института McKinsey, борьба с глобальным гендерным неравенством может привести к дополнительному увеличению мирового ВВП к 2025 г. на 11–26% [23]. Кроме того, устранение институциональных барьеров для женщин на рынке труда может дать им больше возможностей реализовать репродуктивные планы, быть социально защищенными при выходе в декрет, совмещать деторождение и занятость и, таким образом, повлиять на демографическую ситуацию в стране.

Инерционность демографических установок привела к тому, что, добившись права на «престижный мужской труд», женщины стали нести двойную нагрузку и в семейной жизни. Наравне с мужчинами они включаются в материальное обеспечение семьи, муж уже не считается единоличным добытчиком и главой семьи. Круг семейно-брачных обязанностей женщин намного шире, и большую часть из них они выполняют, не надеясь на постороннюю помощь [24]. Таким образом, потребность доказывать свою профессиональную состоятельность, быть в постоянной борьбе за возможность реализовать социальные роли «матери» и «жены», не теряя при этом социальный статус, квалификацию и независимость, ставит современных женщин в ситуацию выбора. Они либо четко планируют период материнства и параллельного «выключения» из рабочего процесса (регулируют календарь рождений с расчетом на себя, в т.ч. откладывание рождений, увеличение или сокращение интергенетических интервалов), либо это планирование связано с привлечением замещающих мать ресурсов (прародители и другие родственники, няни, ясли, муж и т.д.), либо они предпочитают карьеру и независимую жизнь, не планируя расширение семьи.

Основным институтом, позволяющим родителям продолжить трудовую деятельность и

тем самым улучшить свое материальное положение, является система дошкольного образования. Несмотря на пристальное внимание со стороны федеральных и региональных властей к решению ее проблем (учет в «майских указах» Президента, стратегии развития регионов и муниципалитетов), проблема обеспечения детей местами в детских садах еще не решена. Остро вопрос стоит в городах: так, в Вологодской области в 2017 г. группы были уплотнены – на 100 мест приходилось 109 воспитанников [25]. Это создает такую угрозу, как высокая заболеваемость детей, а следовательно, и увеличение вероятности прерывания трудовой деятельности родителей (по «больничным» листам) [26].

Еще один важный аспект для родителей – обеспечение развития детей. Эту задачу, наряду со школьным, решает дополнительное образование. Хотя охват его услугами населения от 5 до 18 лет заметно увеличился, в 2016 году этот показатель находился далеко от ориентира, заданного майскими указами Президента (63% против 75%). Причина этого кроется как в старении материальной базы и кадрового состава домов творчества, секций и кружков, так и в слабости частного сектора поставщиков соответствующих услуг (проблема, которую, в частности, призвана устранить новая реформа дополнительного образования, связанная с переходом этого сектора на подушевое финансирование). В сфере школьного образования сохраняет высокую актуальность кадровая проблема: в период 2004–2016 гг. численность учителей общеобразовательных школ Российской Федерации снизилась более чем на 20%. В связи с этим, а также с ростом численности детей в последние годы существенно вырос показатель численности учащихся в расчете на 1 учителя (на 18% по РФ – с 12,0 до 14,2 обучающегося; на 27% по Вологодской области – с 11,4 до 14,5 обучающегося) [27].

Что касается медицинского обслуживания, то, судя по результатам социологических опросов в Вологодской области, большинство родителей в той или иной степени удовлетворены медицинским обслуживанием ребёнка, но значительная часть из них указывает на наличие в медицинских учреждениях серьёзных проблем, таких как очереди на приём к специалистам (45%), недостаток или дороговизна medica-

ментов (26%), отсутствие нужных специалистов (18%), невозможность попасть на приём (15%), недостаточная оснащённость медицинского учреждения оборудованием (13%).

### Обсуждение

По-разному рассматривая и классифицируя проблемы семей с детьми, большинство исследователей указывают на недостаточную в современных российских условиях эффективность помощи этим семьям. Продолжает преобладать остаточный принцип финансирования поддержки деторождения и семьи [3, 10, 28, 29]. Причины бедности семей с детьми заключаются, во-первых, в низком уровне оплаты труда, а во-вторых, в неадекватно слабой поддержке со стороны государства детей и безработных [19]. Важным следствием этого становится распространение детской бедности, которая по масштабам превышает бедность взрослого населения и влечёт за собой серьезные проблемы ухудшения здоровья детей, недоиспользования человеческого потенциала, сокращения возможностей их развития и получения образования. Как отмечают исследователи, «во всех семейных разрезах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние по OECD показатели, а для Западной Европы – в 10 раз!» [18]. Сокращение бедности детей будет зависеть как от решения проблем на рынке труда – уменьшения распространённости низкодоходной занятости, снижения безработицы, – так и от повышения эффективности социальных программ по адресной поддержке семей с детьми (пособия, материнский капитал и др.) [30]. Министерство труда считает, что недавнее повышение МРОТ и выполнение «майских» указов Президента обеспечит улучшение ситуации с доходами семей.

Органы государственной власти всё чаще апеллируют к необходимости повышения адресности социальных выплат и иной помощи, исключения из списка получателей услуг недобросовестных граждан, скрывающих свои реальные доходы<sup>8</sup>. Однако общественная дискуссия приходит к выводу о преобладании негативных последствий от ведения селективной

социальной политики, которые превосходят масштабы экономии бюджетов на социальных выплатах: низкая эффективность (по опыту зарубежных стран); необходимость жесткой системы контроля за получателями и чиновниками социальной защиты; укрепление дезинтеграции общества; особенности восприятия получателей социальной помощи как социально неполноценных; сжатие платежеспособного спроса и т. д. [31, 32, 33, 34]. «Россия, осуществляя переход к социальной поддержке лишь наиболее нуждающихся, формирует облик будущего общества – расколотого, с ограниченным человеческим потенциалом и высокими социальными рисками» [31].

В последние десятилетия активная работа по расширению материальной поддержки дала свои результаты, позволив людям реализовать планы на рождение второго ребенка, повысив рождаемость [14]. Однако у любого инструмента есть свой лимит эффективности, и не случайно исследователи приходят к выводу, что современная политика, направленная на семьи с детьми, должна быть пересмотрена. Первым сигналом к ее обновлению стало осознание представителями власти необходимости стимулирования рождения первых детей, выразившееся в реальных мерах поддержки с 2018 года. Однако, ориентируясь на принцип адресности, большинство социальных выплат, льгот и компенсаций производилось с ориентацией на малоимущие слои населения, что в целом ограничивает возможности полноценного развития других семей, чьи доходы несколько превышают установленные нормы относительно прожиточного минимума, подразумевающего уровень физического выживания, но не позволяющего обеспечить достойное качество жизни, способствовать развитию человеческого потенциала.

### Выводы

Заключая, стоит отметить, что семьи с детьми, даже невзирая на их количество, являются уязвимой категорией населения России, одним из основных получателей социальной помощи, так как сталкиваются с целым комплексом проблем. Рождение детей влечет существенное снижение дохода, в части случаев – попадание за черту бедности. Последствия данных процессов несут риск недостаточно-

<sup>8</sup> Социальная поддержка в России должна стать адресной // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/society/20180327/1517365826.html> (дата обращения: 15.02.2019).

сти ресурсов для формирования человеческого потенциала детей. Современные меры социальной поддержки направлены на обеспечение физического выживания, решения жилищных проблем семей, однако это не позволяет им выйти из категории «бедных». Статус нуждающихся, получателей помощи способствует тому, что родительство наделяется негативными чертами и ассоциируется с материальными и иными проблемами, успешно конкурирующими с психологическими репродуктивными мотивами (радостью реализации роли родителей).

Кроме того, нестабильность положения женщин с детьми на рынке труда проявляется в таких формах, как согласие на снижение должностных позиций либо место работы с менее выгодными условиями, отказ от перспектив карьерного роста. Пересмотр семейных ролей заставляет женщин быть конкурентными и занятыми на «всех фронтах» и способствует откладыванию рождений и закреплению малодетности. Снять часть забот по присмотру за ребёнком, по его воспитанию и развитию призваны учреждения дошкольного образования, но в условиях относительно многочисленных поколений 2000-х годов рождения сложилась ситуация, при которой далеко не все желающие получают место в детском саду. Причём в городских детсадах группы уплотнены и родители (как правило, мамы) вынуждены часто сидеть на больничных, тем самым еще более ухудшая свое материальное положение и отношения с работодателем.

Таким образом, с одной стороны, положение семей с детьми определяет их объектом государственной поддержки, с другой стороны, именно по уровню жизни семей оценивается эффективность проводимой в отношении их политики. По результатам проведенного исследования можно заключить, что существующих мероприятий недостаточно, так как ряд проблем сохраняет свою актуальность. Требуются управленческие решения, способные обеспе-

чить достойное качество жизни семей с детьми, выведя их из зоны социальной уязвимости.

Среди отдельных инструментов решения сложившихся проблем можно выделить проведение системных шагов по сбережению и популяризации института семьи, формированию институциональной структуры, позволяющей женщинам сочетать профессиональное развитие и материнство, созданию условий для положительной восходящей мобильности и достойной оплаты труда женщин.

В современных реалиях эксперты и аналитики апеллируют к необходимости пересмотра социальной политики Российской Федерации. На наш взгляд, возможны два варианта: продолжение селективной политики, но с пересмотром критериев нуждаемости, либо целенаправленный переход к универсальному типу распределения льгот. В частности, исходя из анализа существующих проблем, встаёт вопрос о разработке таких мер социальной поддержки семей с детьми, которые затрагивали бы их вне зависимости от дохода и количества детей и позволяли бы создавать условия для гармоничного развития всех членов семьи. Оба предложенных варианта требуют обоснований материальных затрат, создания механизмов адаптации к современным условиям, однако без таких изменений невозможны повышение уровня и качества жизни семей с детьми, улучшение качественных характеристик населения, устойчивые тенденции роста рождаемости, а следовательно, и устойчивое социально-экономическое развитие страны и ее регионов.

Результаты исследования и сформулированные нами предложения могут быть востребованы в качестве информационной базы для принятия управленческих решений, трансформации социальной и демографической политики, а также использованы преподавателями и студентами высших учебных заведений и всеми интересующимися эволюцией института семьи в России.

## Литература

1. Калачикова О.Н., Гордиевская А.Н. Репродуктивное поведение населения: опыт многолетнего мониторинга // Вопросы территориального развития. 2014. № 9 (19). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1443>
2. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. № 1. С. 95-113.

3. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7-17.
4. Архангельский В.Н. Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин // Народонаселение. 2014. №3. С. 26-41.
5. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ: монография / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, В.Н. Барсуков, Л.Н. Нацун, И.Н. Разварина, М.А. Груздева. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 275 с.
6. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
7. Шабунова А.А., Груздева М.А. Социокультурные факторы общественной атомизации (на материалах Вологодской области) // Электронный научный журнал «Современные исследования социальных проблем». 2014. № 7. Режим доступа: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7201413>
8. Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы её преодоления : монография / колл. авт. под рук. чл.-корр. РАН В.И. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 340 с.
9. Груздева М.А., Социально-культурная подсистема как фактор повышения региональной устойчивости: монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 152 с.
10. Бараненкова Т.А. Семья в постсоветском обществе: социально-экономический аспект / Вестник Института экономики РАН. 2018. № 2. С.101-111.
11. Григорьев И.А. Налог на холостяков в исторической ретроспективе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76) С. 66-68.
12. Короленко А.В. Некоторые аспекты состояния современного «института бабушек»: опыт социологического исследования // Социальное пространство. 2018. № 4 (16). DOI: 10.15838/sa.2018.4.16.3
13. Белова В.А., Планирование семьи: вчера, сегодня, завтра. Режим доступа: <http://www.manada.ru/med/a-14/180/index.shtml> (дата обращения: декабрь 2018 г.).
14. Архангельский В.Н. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43-50.
15. Reher D. Economic and social implications of the demographic transition. In: Lee R., Reher D. (Eds.). *Demographic Transition and Its Consequences. A supplement to Vol. 37 (2011) of Population and Development Review*, pp. 11-33.
16. Lee R. The demographic transition: three centuries of fundamental change. *Journal of Economic Perspectives*, 2003, no. 17 (4), pp. 167-190.
17. Овчарова Л.Н. Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // Мир России. Социология. Этнология. 2008. № 2. С. 41-68.
18. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. 2011. № 1 (147). С. 7-19.
19. Беглова Е.И. Феномен «постперестроечной» бедности в России // Региональная экономика: теория и практика. 2011. Т. 9. №1. С. 43-51.
20. Светличная Т. Г., Меньшикова Л. И. Материнский капитал как экономический фактор формирования социальных ожиданий женщин, имеющих двух и более детей // Вопросы регулирования экономики. 2017. № 8. С. 85-95.
21. Калачикова О.Н. Социально-гигиеническая грамотность в системе условий формирования репродуктивного поведения населения // Проблемы развития территории. 2011. № 2 (54). С. 64-71.
22. Лысов А.Г., Захарова И.В., Иванчикова Т.Н. Положение женщин и мужчин в Вологодской области (гендерный аспект) // Социальное пространство. 2018. № 3 (15). DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.8
23. *The power of parity: how advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth*. McKinsey Global Institute. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/how-advancing-womens-equality-can-add-12-trillion-to-global-growth>
24. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64-76. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6.

25. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Дошкольное образование как этап формирования человеческого капитала // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. №11-12 (27-28). С. 18-27.
26. Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Государственное дошкольное образование в оценках родительской общественности // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 2 (14). С. 132-129. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.19
27. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с. с. 48.
28. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 33-54. DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.3
29. Монахов М.В. Качество жизни семей с детьми и его влияние на заболеваемость и инвалидизацию детей: автореф. диссер. на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. М., 2009. 25 с.
30. Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 143-160. DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.9
31. Александрова О.А., Ярашева А.В. Усиление селективной социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. 2018. №1. С. 4-19.
32. Abrahamson P. *Social Policy in Changing Europe*. Roskilde: Roskilde University Press, 1993. 93 p.
33. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 127 p.
34. Rothstein B. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. Cambridge, 1998. 38 p.

### Сведения об авторах

Ольга Николаевна Калачикова — кандидат экономических наук, заместитель директора, зав. отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Мария Андреевна Груздева — кандидат экономических наук, зав. лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya\_antonovarsa@mail.ru)

Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A.

### Social Vulnerability of Families with Children in Modern Russia

**Abstract.** When performing its reproductive function, the family – the main institution for population reproduction – continues to bear increased risks of poverty. The goal of our paper is to study manifestations of social vulnerability of modern Russian families with children. Despite the active demographic policy implemented with the help of national projects since 2006, the actual situation concerning families with children has not undergone any significant changes. The birth of a child continues to reduce the standard of living to the point of crossing the poverty line; the housing market remains inaccessible, and the tools for combining parenthood and professional activities do not work. The resources of an average family do not promote the formation of human potential of the child population that would meet the demands of the knowledge economy and are reduced to a set of primary needs. The existing mechanisms of social support do not guarantee that the life of families with children will actually improve; childcare allowances are not growing and are not focused on achieving any standard of living, even the minimum subsistence level. Having few children becomes a conscious choice against the background of the crisis of marriage, which ceased to serve as a kind of contract according to which the husband is a breadwinner, and the wife gives birth to children and runs the house. Women have become full-fledged actors in the labor market.

However, they still face discrimination in this regard. The analysis of gender statistics shows that women who have the same level of education, sphere of activity and official status as men receive an average wage that is one third lower compared to that of men. However, the phenomenon of working wives is not only and not so much a reflection of their desire for professional self-realization. Two working adults in an average family will provide a per capita income at the subsistence level in case they have no more than two children. In addition, satisfaction with the availability and quality of education and health services – the institutions that support the reproduction of the population and human potential – remains far from the desired level. Under the circumstances, the family with children remains one of the most socially vulnerable population groups; this fact requires the revision of the mechanisms of social policy and the principles of the social state in general. Scientific novelty of our study consists in the fact that it analyzes and classifies the manifestations of social vulnerability of modern families with children and puts forward the proposals to improve the social and demographic policy of the state. The findings of our research can be used in the practice of public administration.

**Key words:** family, children, state support measures, financial problems, housing problems, social services, reproductive potential, social policy.

### **Information about the Authors**

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Department Head, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Mariya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Laboratory Head, Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya\_antonovarsa@mail.ru)

Статья поступила 18.03.2019.



© Беркович М.И., Духанина Л.Н., Максименко А.А., Надуткина И.Э.

## Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект



**Маргарита Израилевна  
БЕРКОВИЧ**

Институт экономики, управления и финансов  
Костромской государственной университет  
Кострома, Российская Федерация, 156005, ул. Дзержинского, д. 17  
e-mail: ecdepart@kstu.edu.ru



**Любовь Николаевна  
ДУХАНИНА**

Российское общество «Знание»  
Москва, Российская Федерация, 119072, Берсенеvский пер., д. 2, стр. 1  
e-mail: Duhanina@mail.ru



**Александр Александрович  
МАКСИМЕНКО**

Костромской государственной университет  
Костромское региональное отделение, Российское общество социологов  
Кострома, Российская Федерация, 156000, ул. 1 Мая, д. 14  
e-mail: Maximenko.AI@gmail.com



**Ирина Эдуардовна  
НАДУТКИНА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет  
Белгород, Российская Федерация, 308015, ул. Победы, д. 85  
e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru

**Для цитирования:** Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект / М.И. Беркович, Л.Н. Духанина, А.А. Максименко, И.Э. Надуткина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 161-178. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.10

**For citation:** Berkovich M.I., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A., Nadutkina I.E. Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of a region: the structural aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 161-178. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.10

**Аннотация.** В статье представлен опыт структурированного исследования особого социально-экономического феномена – коррупции – в аспекте ее восприятия различными группами населения региона. Исследование проводилось силами актива Костромского регионального отделения Российского общества социологов в несколько этапов: в 2015 году были опрошены государственные служащие администрации Костромской области, в ноябре 2016 года был произведен он-лайн опрос выпускников вузов города Костромы и, наконец, в 2017 году проведены опросы представителей бизнес-сообщества<sup>1</sup> населения Костромской области. Поставленная в исследовании задача по оценке восприятия уровня коррупции как социально-экономического феномена сводилась к анализу и интерпретации данных, полученных в ходе ответов на следующие темы: оценка состояния уровня коррупции в целом, восприятие уровня и динамики коррупции, а также возможные пути преодоления коррупции, по мнению опрошенных. В ходе интерпретации результатов исследования выявлено отношение различных целевых аудиторий к пониманию феномена коррупции, причинам, порождающим ее, и способам борьбы с ней. В свете подписанного 29 июня 2018 года Указа Президента России Владимира Путина «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» полученные данные приобретают особую актуальность как в части разработки методики социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации (раздел I, п. 1, литера «а»), так и организации проведения научных междисциплинарных исследований, по результатам которых можно было бы подготовить предложения, направленные на совершенствование мер по противодействию коррупции, в том числе в части повышения эффективности противодействия коррупции в сфере бизнеса (раздел V, п. 21, литера «б»).

**Ключевые слова:** восприятие уровня коррупции, противодействие коррупции, структурный анализ, распространенность коррупционных проявлений.

#### *Актуальность темы исследования*

В последнее время коррупция как вызов государственному и общественному развитию и как тема, интенсивно артикулируемая в научно-исследовательских кругах [1, 2, 3], приобретает особую актуальность во всех сферах общественной жизни страны, что подтверждается, в частности, и усилением российского антикоррупционного законодательства. Будучи многоаспектным социальным, экономическим, правовым и моральным явлением коррупция представляет предмет различных исследований [4, 5], осуществляемых в рамках всевозможных, в том числе смежных, дисциплин<sup>2</sup>.

Вопросы коррупциогенности затрагиваются в работах отечественных ученых: С.В. Алексеева<sup>3</sup>, В.В. Астанина<sup>4</sup>, П.А. Кабанова [7], Г.А. Сатарова [4], М.В. Шедий<sup>5</sup> и др. Зарубежные ученые-исследователи (O. Armantier, A. Boly [8], A. Barr, D. Serra [9], L. Cameron [10], M. Drugov, J. Hamman, D. Serra [11], V. Frank, G.G. Schulze [12], M. Granovetter [13], J.G. Lambsdorff [14]) рассматривают коррупцию как деятельность в целях личного обогащения, приписывая ей характеристики умышленности и корыстного расчета. Понятие коррупции как общественно-правового явления рассматривается следующими отечественными

<sup>1</sup> Грантовая поддержка Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание» (2017 год).

<sup>2</sup> Дзодзиева З.Б. Коррупция как социальное и экономическое явление: социологический анализ: дисс. ... канд. социол. наук. Владикавказ, 2006; Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: дисс. ... канд. философ. наук. Орел, 2012.

<sup>3</sup> Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: дисс. ... докт. социол. наук. Новочеркасск, 2008.

<sup>4</sup> Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

<sup>5</sup> Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: дисс. ... докт. социол. наук. М., 2014.

исследователями: Я.И. Гишинский, А.И. Долгова [15], И.Н. Ключковская [16], В.В. Лунеев [17], Н.В. Селихов<sup>6</sup>, Е.Н. Трикоз, В.С. Устинов, В.И. Шульга [18], В.Е. Эминов и др.

Коррупцию крайне сложно измерить в силу ее латентного и теневого характера, при этом есть попытки подобных замеров [1]. Так, согласно данным исследований фонда «Индем», рынок коррупции в России достигает 80 % от легального выпуска продукции, производимой всей экономикой РФ [4]. Однако вполне реально произвести замер уровня восприятия коррупции как одного из механизмов обратной связи и аспектов социального самочувствия граждан социума.

Многоаспектных исследований восприятия уровня коррупции крайне недостаточно, федеральные опросные фабрики (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр) собирают экспресс-замеры в целом по стране, из которых не видно региональной специфики, и отношение к исследуемому феномену сводится к 2–3 ключевым вопросам в опросном листе.

При этом, на наш взгляд, оказывается несколько обойденным вниманием вопрос структурной и комплексной оценки этого феномена со стороны широкого спектра целевых аудиторий: населения, представителей бизнеса и чиновников отдельных регионов нашей страны.

В этой связи в статье представлены результаты масштабных исследований, реализованных без какой-либо поддержки со стороны государственных или коммерческих структур, отечественных или иностранных фондов.

### Об исследовании

Исследование проведено в несколько этапов среди различных групп населения (*табл. 1*).

Как видно из таблицы, в 2015 году были опрошены государственные служащие администрации Костромской области по формализованной анкете (методом самозаполнения). В ноябре 2016 года был произведен он-лайн опрос выпускников вузов города Костромы посредством рассылки анкеты через социальные сети (ВКонтакте). И наконец, в 2017 году были проведены 2 опроса: представителей бизнес-сообщества (методом личного опроса по месту работы) и населения Костромской области (телефонный опрос по квотной половозрастной выборке с учетом типа населенного пункта).

Уровень коррупции и особенности ее восприятия в значительной степени обуславливаются социально-экономическим положением данной территории и сложившимися традициями, менталитетом граждан и другими чертами, которые в совокупности определяются как неформальные институты.

Объектом исследования принята Костромская область – регион с населением около 700 тыс. человек, находящийся на расстоянии 350 км к северо-востоку от Москвы. Базовыми отраслями региона являются текстильная, машиностроительная, деревообрабатывающая и ювелирное производство, а также торговля и общественное питание. Что касается важнейшего показателя региональной экономики – уровня жизни, то среди всех регионов Центрального федерального округа он невысок<sup>7</sup>,

Таблица 1. Целевые аудитории социологического исследования

Период проведения опроса	Метод опроса	Респонденты	
		Характеристика	Численность, чел
Сентябрь–октябрь 2015 года	Анонимный опрос (самозаполнение формализованной анкеты)	Сотрудники администрации Костромской области	152
Ноябрь 2016 года	Он-лайн опрос в социальных сетях	Выпускники костромских вузов	200
Март 2017 года	Телефонный опрос	Население Костромской области	700
Ноябрь 2017 года	Face-2-face опрос	Предприниматели	250
Итого			1302

<sup>6</sup> Селихов Н.В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

<sup>7</sup> Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017 // РИА рейтинг. М., 2018. Режим доступа: [http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life\\_2017.pdf](http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf)

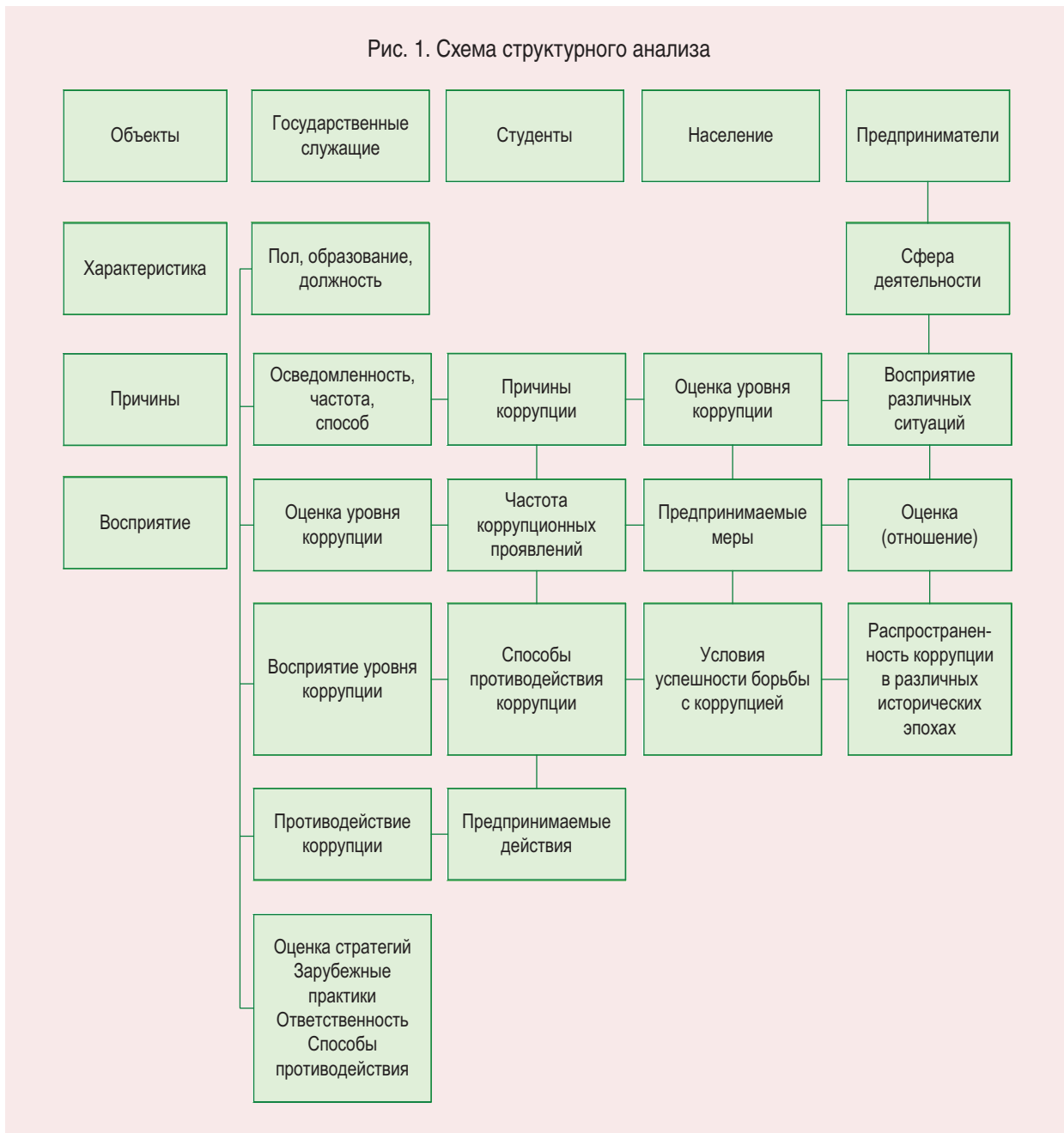
при этом социально-политические пристрастия граждан имеют в некоторой степени «патриархальный» характер.

Кострома традиционно считается «красным поясом»: здесь левые (в том числе КПРФ) на выборах в федеральные и областные законодательные органы власти уверенно набирают с 90-х годов прошлого века больше голосов, чем

в среднем по России. Кострома считается типично провинциальным городом («спокойной глубинкой»).

Дополнительно стоит отметить, что нижеприведенный анализ был выполнен по схеме, представленной на *рисунке 1*. Общая схема структурного анализа включает четыре названные группы респондентов.

Рис. 1. Схема структурного анализа



**Анализ полученных данных и их интерпретация****Опрос костромских государственных служащих**

Государственные служащие по стереотипному представлению обывателя являются теми самыми потенциальными коррупционерами, не смотря на то что деятельность государственных служащих разнообразна. Суть их должностных обязанностей сводится к обеспечению работоспособности органов государственного управления, в основе которого лежат законы РФ. Им запрещено заниматься предпринимательством, и, не являясь производителями продуктов, они оказывают услуги по эффективному их распределению.

73,8% опрошенных чиновников – женщины. 96,7% опрошенных чиновников имеют высшее образование, чаще всего экономическое, техническое и юридическое. Половина респондентов – это руководители отделов или их заместители (53%), еще треть опрошенных – исполнители, специалисты отделов. Подобная структура чиновничьего аппарата ожидаема и соответствует российским тенденциям среди региональных чиновников: преобладание женщин и сотрудников более старшего возраста [19].

Поставленная в исследовании задача сводилась к анализу и интерпретации данных,

полученных в ходе ответов на следующие блоки вопросов (табл. 2).

Чиновники по-разному оценили предложенные в опросном листе ситуации на предмет их коррупционной составляющей (рис. 2). Чуть больше половины респондентов (57%) зафиксировали наличие коррупции в случае решения проблем бизнесмена после ужина с чиновником в ресторане. И при этом менее трети респондентов (29,5%) отнесли к коррупции ситуацию, когда должностное лицо принимает своего родственника к себе на работу. Единодушны опрошенные в отношении ситуации дачи взятки инспектору ГИБДД или судье, чтобы избежать наказания.

На основе проведенного анализа резюмируем, что коррупция интерпретируется костромскими чиновниками не в ее широком понимании (злоупотребление служебным положением), а как «дача взятки» [19]. По мнению чиновников, основным мотивом взятки является личное желание чиновника обогатиться, а не внешние обстоятельства. При этом основными причинами развития коррупции в России, по их мнению, являются: противоречие законов друг другу и смыкание власти и бизнеса. Культура, менталитет и традиции, катализирующие коррупционный феномен, отмечаются гораздо реже.

Таблица 2. Вопросы для структурного анализа государственных служащих

№ п/п	Единица тематического анализа (для респондентов)	Тематический блок
1.	Осведомленность о фактах взяточничества	Оценка состояния уровня коррупции
2.	Частота взяточничества	
3.	Способы взяточничества	
4.	Инициатор взяточничества	
5.	Уровень восприятия коррупции	Восприятие уровня и динамики коррупции
6.	Динамика уровня коррупции в регионе (стране)	
7.	Меры, предпринимаемые федеральными властями для противодействия коррупции	
8.	Способы преодоления коррупции	Преодоление коррупции
9.	Восприятие ситуаций проявления коррупции на предмет коррупционных составляющих	
10.	Оценка стратегий борьбы с коррупцией	
11.	Адекватность применения зарубежной практики	
12.	Ответственность за коррупцию	
13.	Причины, порождающие коррупцию	
14.	Доля ежемесячного оборота на «стимулирование» должностных лиц	
15.	Способы противостояния коррупционному произволу чиновников	

Рис. 2. Интерпретация различных ситуаций на предмет их коррупционной составляющей, по мнению чиновников, %

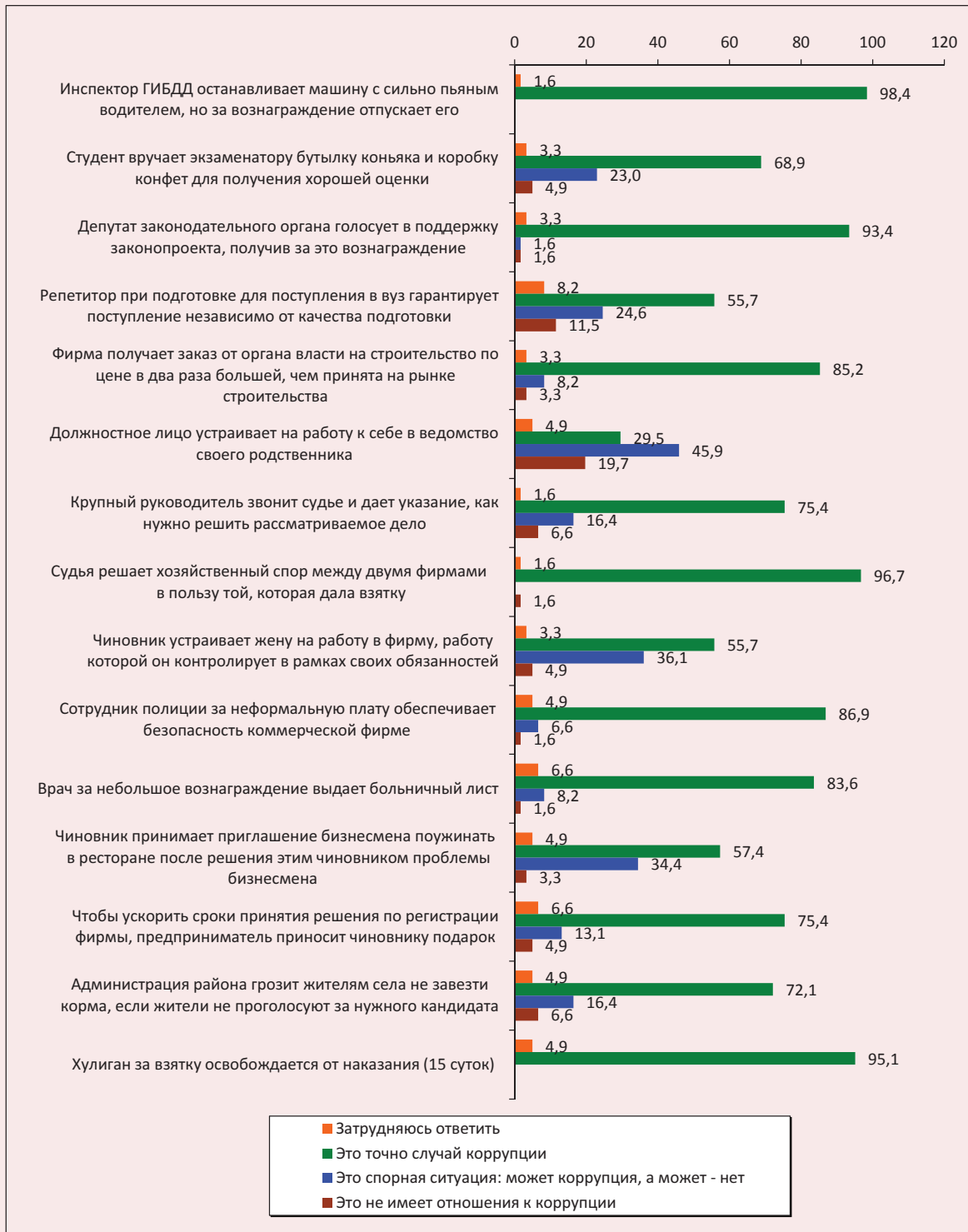
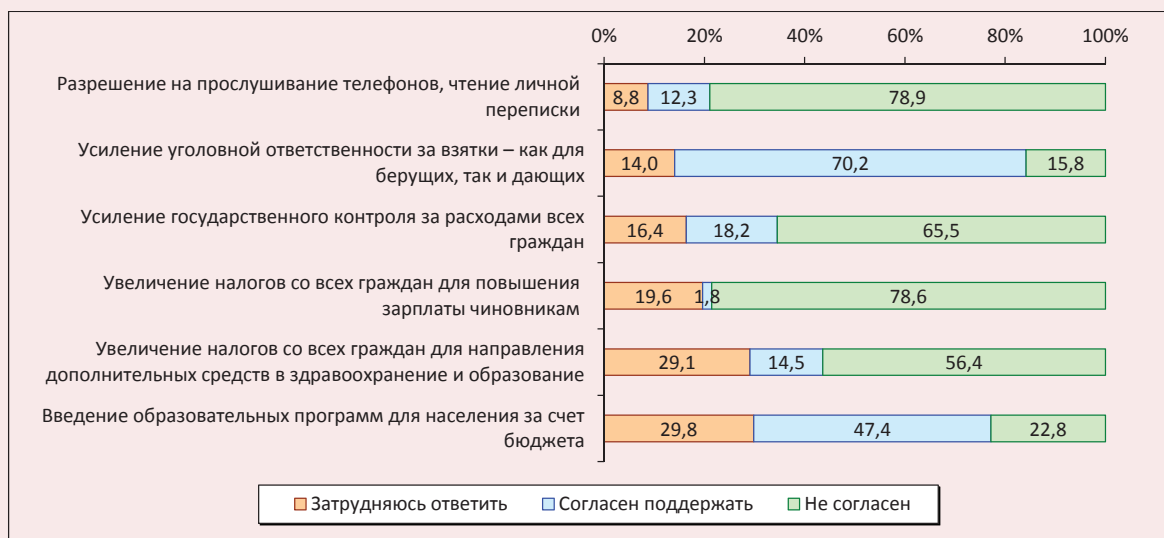


Рис. 3. Эффективные меры по снижению коррупции, по мнению чиновников, %



Респондентам предлагалось также оценить эффективность мер по снижению коррупции. В своих ответах они высказались за усиление уголовной ответственности (как для взяткодателя, так и для взяткополучателя) и за введение образовательных программ для населения. Меньше всего сторонников телефонной прослушки и чтения личной переписки (рис. 3).

#### Опрос выпускников костромских вузов

*Характеристика студентов как особой социально-экономической группы.* Термин «студент» в переводе с латинского языка означает «усердно овладевающий знаниями». Российские и зарубежные авторы подходят к характеристике этой группы, выделяя разные стороны (такие, как овладение комплексом социальных ролей, прежде всего профессионально-трудовых), однако большинство сходится во мнении, что эту группу объединяет упрямство, стремление к независимости и, самое важное для нашего анализа, – обостренное чувство справедливости [20]. К тому же повышается инициативность, интерес к моральным проблемам – цели, образу жизни, любви, верности и т. д. Молодежь, безусловно обладающая инновационным потенциалом для развития экономики и социальной сферы, одновременно может выступать и мощным потенциалом для протестных настроений. Кроме того, молодежь – это в том числе и бу-

душие управленцы, завтрашний человеческий потенциал страны. Именно с этой точки зрения важно знать, как молодые люди относятся к коррупции, обеспокоены ли масштабами данной проблемы, могут ли они сами нарушить закон, понимают ли, как с ней можно бороться. Это все необходимо принимать во внимание при анализе восприятия этой социально-возрастной группой различных феноменов в современной России.

Среди опрошенных выпускников костромских вузов 66,8 % не слышали о фактах взяточничества в вузах, однако треть знает о существовании подобных случаев.

Большая часть респондентов (73,5%) считают, что коррупция недопустима, её нужно избегать; 23,3% высказывают мнение о том, что коррупции нужно избегать, но в определенных случаях она допустима, так как помогает решить некоторые жизненные ситуации. Для 3,2% анкетируемых коррупция – необходимая часть учебы и нормальный процесс.

Что касается субъекта инициирования коррупции, то 45,2% выпускников, участвовавших в опросе, ответили, что инициатором фактов коррупции являются учащиеся; по мнению 19,6%, обе стороны одинаково проявляют инициативу; 13,1% говорят о том, что сотрудники вуза сами заставляют давать взятки.

Более половины опрошенных студентов вузов (59,8%) затруднились ответить, как часто они вынуждены давать взятки преподавателям: 25,1% опрошенных говорят о том, что это происходит 1–2 раза за весь период обучения, 7,5% – что 3–5 раз за весь период обучения, а 6% – что стабильно 1–2 раза за сессию.

В качестве причин, побуждающих давать взятки, чаще всего отмечаются получение высоких оценок на зачетах, экзаменах, за курсовые работы либо защита от неудовлетворительных оценок (так считают 49% респондентов), на втором месте – получение высоких оценок при сдаче государственных экзаменов и защите дипломов (24,7%). Также назывались следующие мотивы коррупции: перевод студентов с платного на бесплатное обучение (12,6%), перевод с факультета на факультет (5,6%), получение социальных благ (4,5%).

Наиболее распространенные способы, использующиеся в качестве взятки: передача денег (44,7%), передача ценных подарков (37,6%), передача цветов и конфет (24,4%), организация фуршета (19,8%), оказание услуг преподавателю, кафедре (12,7%).

Таким образом, наиболее часто инициативной стороной в факте взяточничества указываются студенты, с основным мотивом – получение хороших и отличных оценок на сессиях, на государственном экзамене и защите диплома. Наиболее распространенные формы передачи взяток – это деньги, ценные подарки, цветы и конфеты, а также активность в социальных сетях (лайки на страницах преподавателей).

Можно отметить, что среди студентов не распространена практика информирования руководства университета о фактах взяточничества, в основном из-за опасения негативных последствий со стороны администрации и сотрудников вуза, нежелания прослыть «стукачом», но также и нежелания менять существующий порядок.

#### **Опрос населения Костромской области**

Чуть более трети анкетированных (39,7%) считают, что в населенном пункте (городе), где они проживают, уровень коррупции за последние 5 лет не изменился; 35,5% респондентов затруднились ответить на вопрос: 17,2% – находят, что коррупции стало больше, и только 7,7% – выразили мнение по поводу её снижения.

Аналогичное распределение мнений анкетированных получено при оценке изменения ситуации в области. 39,1% респондентов затруднились дать ответ; 36,8% – сообщили, что «уровень коррупции не изменился», 17,2% – «коррупции стало больше» и 6,8% – «коррупции стало меньше».

Несколько иная картина распределения ответов на вопрос об уровне коррупции в целом по России. Большинство (36,9%) находит, что «в стране за 5 лет коррупции стало больше», 25,5% – «её уровень не изменился», 27,7% – затруднились ответить, 10,0% респондентов ответило, что её стало меньше (рис. 4).

10,6% опрошенных постоянно следят за мерами, предпринимаемыми федеральными властями для противодействия коррупционным проявлениям; еще 16% дали ответ «известно, но специально не следят за федеральной повесткой в отношении противодействия коррупции»; около 40% «что-то слышали об этом, но постоянно не следят за этим»; около трети анкетированных (30,9%) ничего не знают о них, а 1,9% – затруднились ответить на этот вопрос.

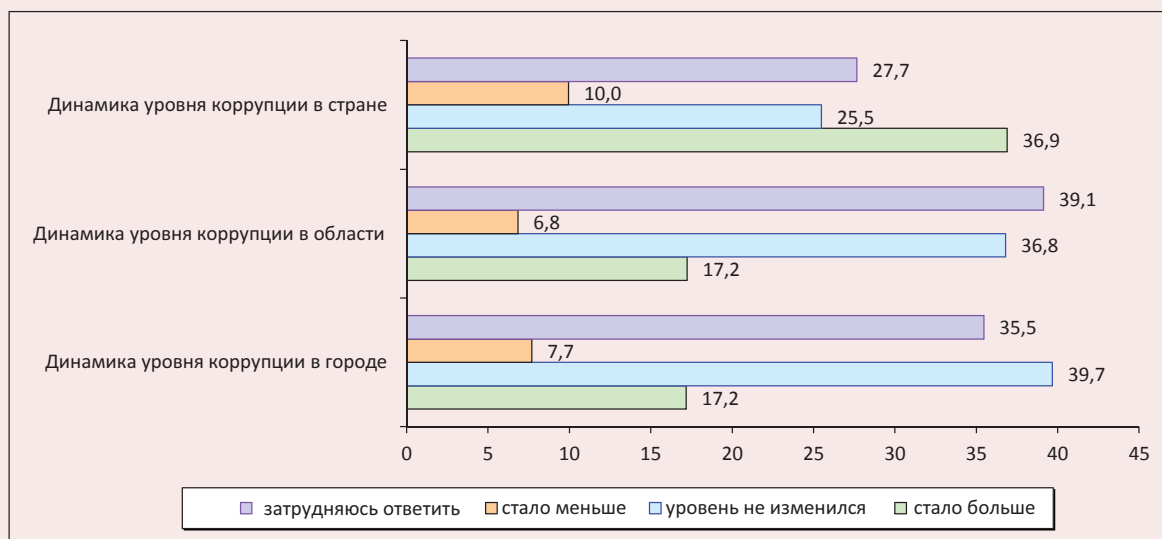
7,7% опрошенных не смогли назвать, какие противокоррупционные меры принимаются федеральными властями в РФ (выбран ответ «затрудняюсь ответить»); при этом 13,8% респондентов считают, что федеральные власти «делают много для борьбы с коррупцией», а почти половина (48,7%) сообщили, что «проводится мало мероприятий для борьбы с коррупцией»; еще 19,7% вовсе считают, что для борьбы с коррупцией в РФ федеральными властями ничего не делается.

Успех в борьбе с коррупцией опрошенные видят только в совместных действиях власти и граждан: только если взяться «всем миром» – так считают 2/3 опрошенных (66,8%). Еще 12,1% считают, что коррупция будет побеждена, если Президент захочет с ней бороться; 16,1% относятся к скептикам и считают, что коррупцию не искоренить – у нас «воровали, воруют и будут воровать»; затруднились с ответом всего 5% респондентов.

Далее респондентам были предложены ситуации, в которых действия можно расценить в той или иной степени как проявление коррупции. Выделяются четыре случая, где подавляющее большинство выявило случаи коррупции.



Рис. 4. Восприятие населением динамики уровня коррупции, %



Это ситуация, когда «инспектор ГИБДД за вознаграждение отпускает нетрезвого водителя» (89,9%), ситуация, когда «судья решает хозяйственный спор в пользу той стороны, которая дала взятку» (89,2%); ситуация, когда «администрация района грозит жителям села не завезти корма, если те не выразят «правильно» свои электоральные предпочтения» (86,4%); и ситуация, когда «депутат законодательного собрания, получив гонорар, голосует в поддержку законопроекта» (82,5%). Кроме того, есть несколько ситуаций, которые люди часто оценивали как спорные. Это случаи, когда чиновник устраивает супругу на работу в компанию, работу которой он контролирует в рамках своих обязанностей, и когда должностное лицо устраивает на работу к себе в ведомство своего родственника.

Респонденты относят также к спорной ситуации случаи со взяткой не в денежной форме, а в формате подарка. Это свидетельствует о том, что феномен коррупции трактуется опрошенными не в ее широком понимании, закрепленном в законодательстве как «злоупотребление служебным положением», а гораздо уже — как «дача взятки».

Исследование показало, что жители Костромской области дифференцированно воспринимают динамику уровня коррупции. Так, они полагают, что в городе и регионе уровень

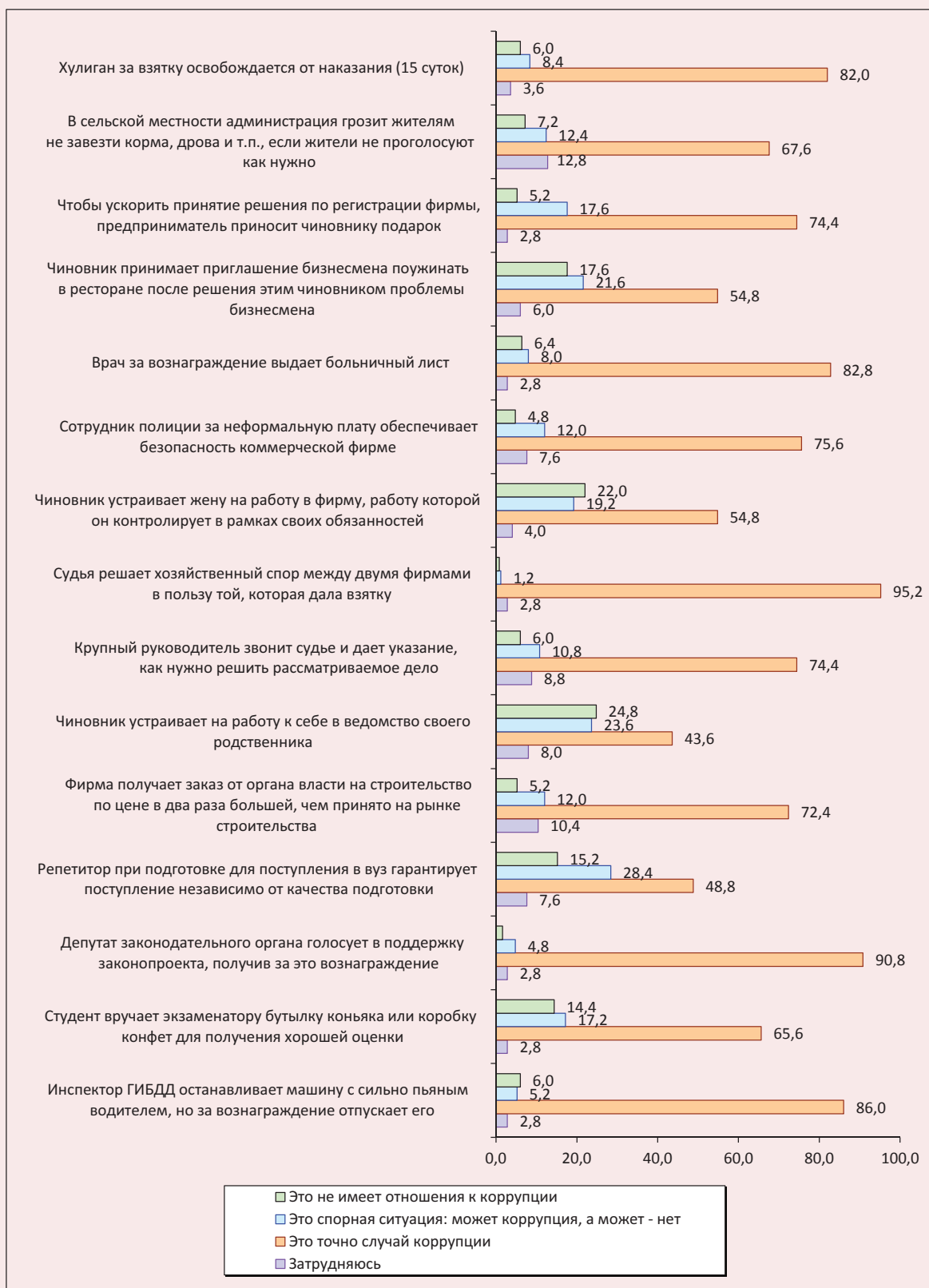
коррупции за последние 5 лет не изменился (это наиболее большой сегмент ответивших), а в целом по стране — вырос.

Это подтверждается и данными годового доклада Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки», в котором проанализировано количество обращений в 2014–2015 гг. и отмечен существенный рост уровня коррупции в РФ в середине 2010-х годов по сравнению с их началом. В частности, согласно наблюдениям специалистов общественной приемной, только с 2015 года фиксируется стремительный рост уровня коррупции, который превысил «рекорд» 2012 года, когда уровень коррупции достигает своего максимума и демонстрирует тенденцию к снижению.

#### Опрос предпринимателей Костромской области

Наиболее обстоятельно изучено восприятие коррупции наиболее активной частью населения — предпринимателями. Опрос предпринимателей Костромской области показал, что среди трёх основных видов их деятельности лидирует сфера обслуживания (47,2%), на втором месте — торговля (36,0%). Промышленность, строительство и транспорт занимают третье место (16,8%). Среди опрошенных предпринимателей подавляющее большинство относит свою компанию к малому бизнесу (90%), тогда как только 10% — к среднему.

Рис. 5. Восприятие различных ситуаций на предмет коррупционных составляющих, %



Респондентов просили выразить свое отношение к тому, что россиянам для решения своих проблем нередко приходится давать взятки. Выбору респондентов было представлено три суждения. Мнения разделились следующим образом: подавляющее большинство (68,8 %) опрошенных считают, что взяточничества необходимо избегать, поскольку коррупция – это путь к разложению общества и власти; 14,4 % – относятся к коррупции как к нежелательному, но облегчающему жизнь явлению; 8,8 % – уверены, что коррупция стала необходимой частью нашей жизни; 8,0 % респондентов затруднились с ответом.

Респондентов попросили оценить 15 ситуаций на предмет их коррупционности (рис. 5). Так, 43,6% опрошенных считают фактом коррупции случай, когда чиновник устраивает на работу своего родственника; чуть больше половины респондентов (54,8%) считают фактом коррупции случай, когда чиновник устраивает жену на работу в компанию, работу которой он контролирует; столько же опрошенных считают фактом коррупции случай, когда чиновник принимает приглашение бизнесмена поужинать в ресторане после решения этим чиновником проблемы бизнесмена.

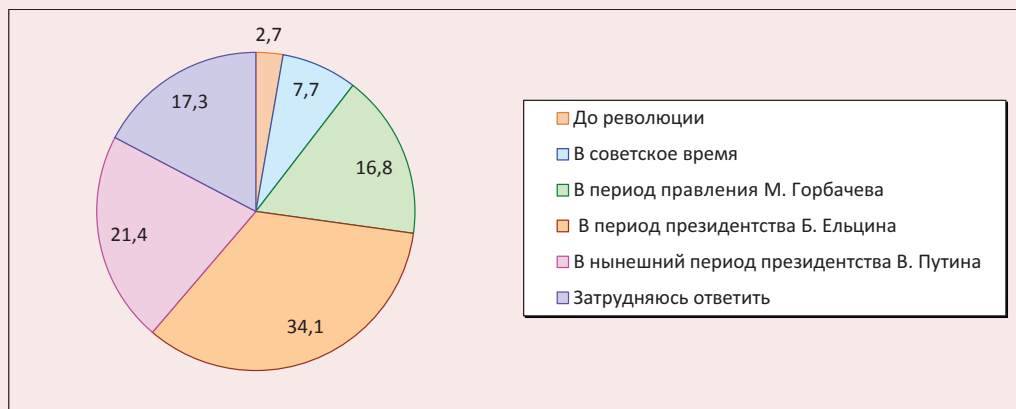
Важным моментом при оценке восприятия коррупции, на наш взгляд, является оценка распространенности в России коррупционных действий на разных исторических этапах за последние 100 с лишним лет (рис. 6). Так, треть респондентов (34,1%) считает, что коррупция и все её составляющие были более всего рас-

пространены в период президентства Б. Ельцина; 21,4% – считают пиком распространения коррупции нынешнее время – период президентства В. Путина; 17,3% – затрудняются с ответом; 16,8% – склонны к варианту ответа «период правления М. Горбачёва»; 7,7% назвали коррупционным Советское время; и только 2,7% – посчитали пиком коррупции дореволюционный период.

Представляет несомненный интерес общественная оценка такого распространенного явления в зарубежной практики, как «анонимные сообщения о случаях коррупции». Мнения разделились практически равномерно: 24,0 % респондентов считают подобную систему малоэффективной, так как анонимность сохранить трудно; 20,8 % – считают, что, если кто-то имеет сведения о коррупции, ему следует анонимно сообщить об этом в соответствующие органы; 18,4 % – считают, что подобная практика может дискредитировать честных людей; 15,2 % – уверены, что подобная система не нужна России; 15,2 % – считают подобную систему неэффективной, поскольку коррупция естественным образом помогает людям решать проблемы; 6,4 % опрошенных затруднились с ответом.

Ответ на вопрос о том, кто ответствен за коррупцию в России, поляризовал респондентов на 2 лагеря: 39,6 % считают, что бороться с коррупцией необходимо в первую очередь правительству нашей страны; 31,6 % относятся скептически к борьбе с коррупцией, выражая мнение о её неискоренимости: «у нас воровали и будут воровать»; остальные 26,8 % опрошен-

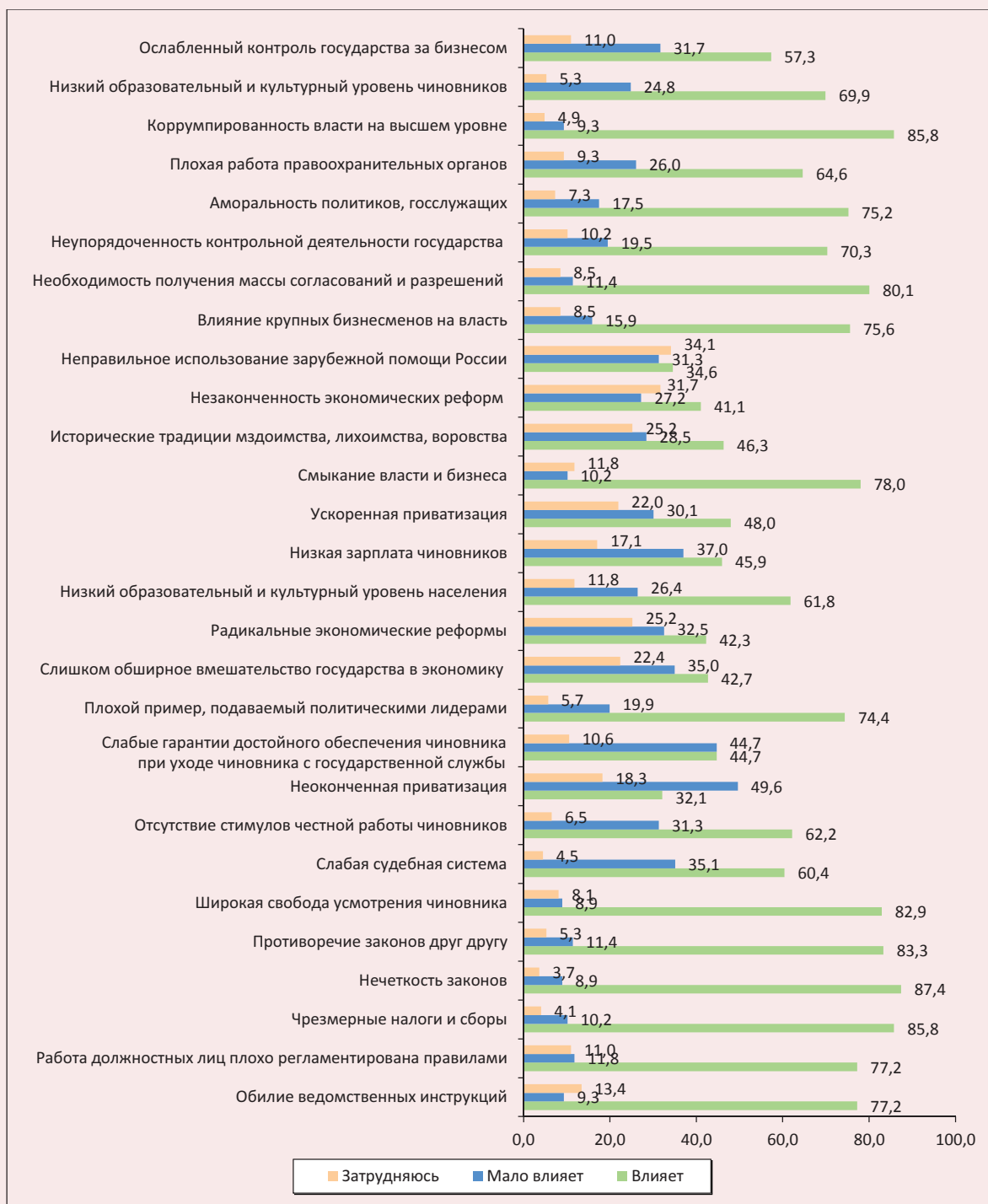
Рис. 6. Распространение коррупции в различные исторические периоды, по мнению опрошенных, %



ных ответственность за противодействие коррупции возлагают на общество в целом – и на власть, и на граждан, полагая, что справиться с проблемой можно только сообща, всем миром.

Далее выявлены возможные причины (из 28-ми), порождающие коррупцию в России, и степень их влияния на порождение коррупции (рис. 7).

Рис. 7. Причины порождения коррупции в России, по мнению предпринимателей, %



К самым значимым причинам, порождающим коррупцию, по мнению респондентов, относятся: нечеткость законов, предоставляющая возможность их широкого толкования (87,4 %); коррумпированность власти на высшем уровне (85,8 %); противоречие законов друг другу (83,3 %); широкая свобода действий по усмотрению чиновника (например, «вилки» наказаний за административные правонарушения) (82,9 %); необходимость получения массы согласований (когда разрешительный принцип превалирует над заявительным) (80,1%).

В меньшей степени на порождение коррупции, по мнению опрошенных, влияют следующие проблемы: незавершенная приватизация (32,1%); незаконченность экономических реформ (41,1%); слишком активное вмешательство государства в экономику (42,7%).

Предпринимателям на выбор было предложено несколько стратегий борьбы с коррупцией в России. Почти половина респондентов (48,0%) считают оптимальной стратегией борьбы с коррупцией путь беспощадных наказаний всех коррупционеров; около трети опрошенных (30,4%) считают, что прежде всего необходимо устранить условия, порождающие коррупцию; 9,6% – полагают, что необходимо сменить бесчестных руководителей на честных; 6,0% респондентов настроены скептически, считая, что никакая стратегия не поможет бороться с

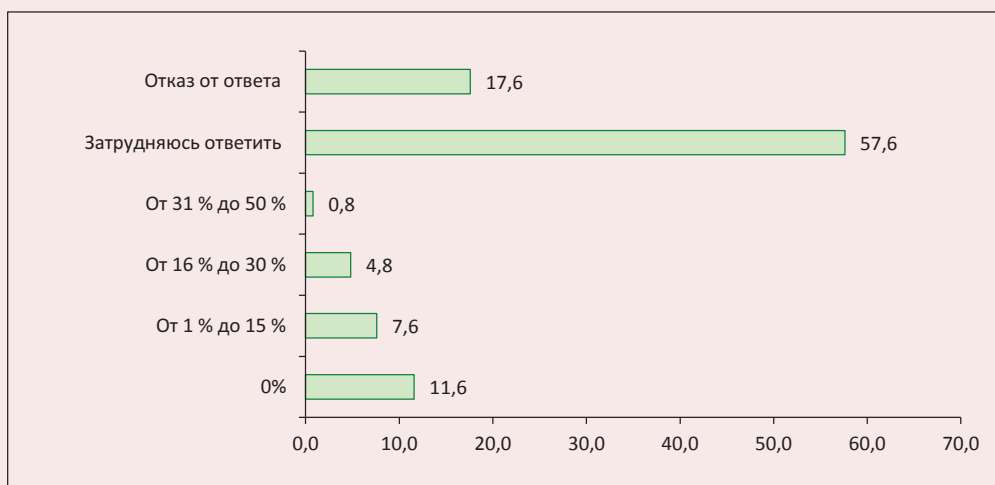
коррупцией; только 4,4% – готовы прибегнуть к беспощадным наказаниям взяточдателей; 1,6% – затруднились с ответом.

Нередко от предпринимателей можно услышать, что им приходится давать взятки представителям власти. Респондентов просили оценить, какую долю в процентах от ежемесячного оборота фирме приходится тратить на «стимулирование» должностных лиц. Результаты опроса отражены на *рисунке 8*.

Большее половины опрошенных бизнесменов не смогли назвать процент взяток должностным лицам; 17,6% отказались отвечать на данный вопрос. 11,6% респондентов считают, что предприятиям, подобным их фирме, не приходится тратить денежные средства на взятничество; 7,6% – считают, что представители бизнеса тратят на данные выплаты от 1 до 15%, и, по мнению только 4,8% опрошенных, – от 16 до 30%.

Подавляющее большинство респондентов (85,2%) стараются избегать отношений с властями и как можно меньше иметь с ними дел, для чего приходится следовать законам, что в итоге, по мнению предпринимателей, часто мешает делу; только 8,4% опрошенных используют любые средства влияния на органы власти в своих интересах; 6,4% – чувствуют себя свободно, нарушая закон, избегая при этом конфликтов с властями.

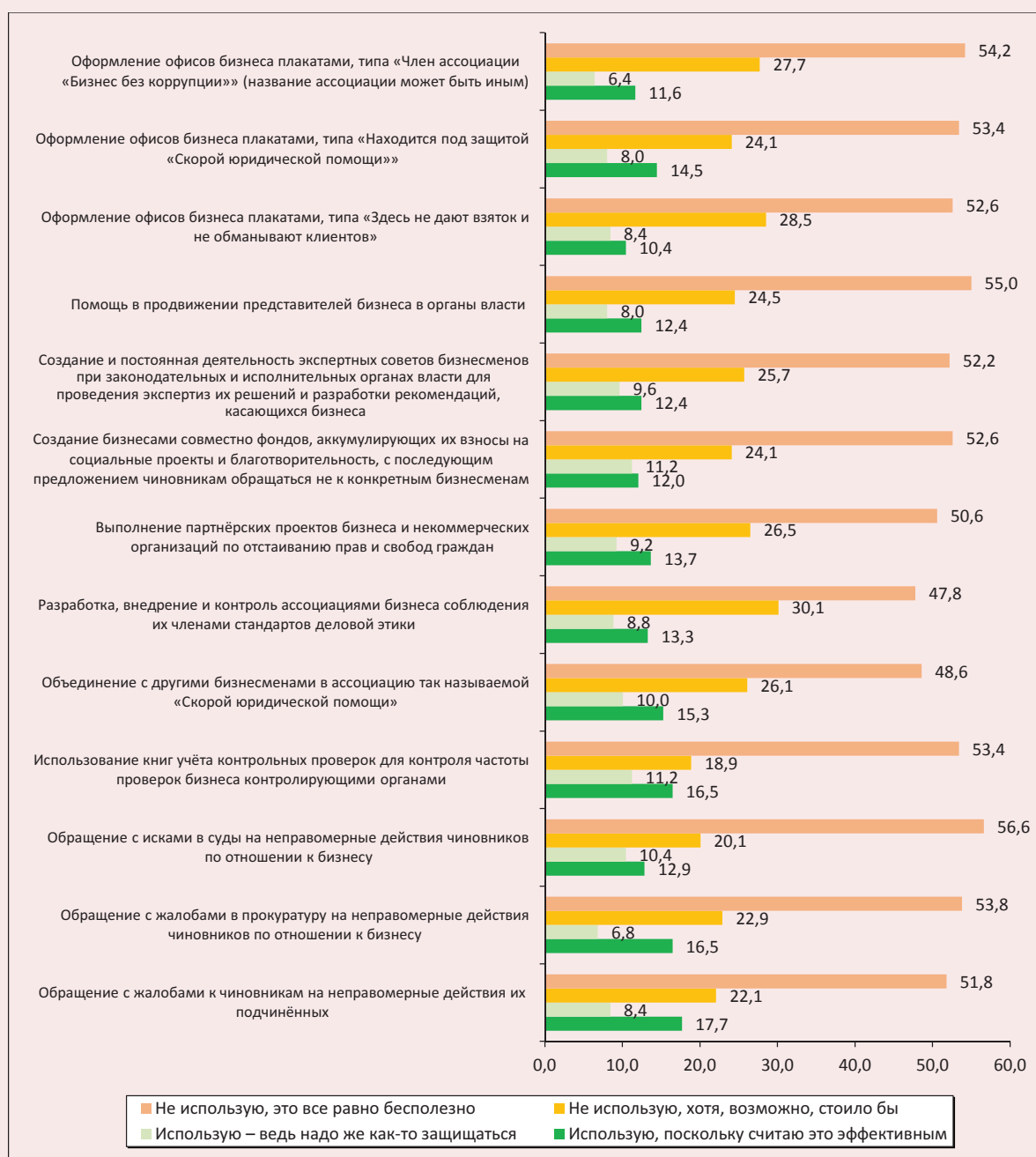
Рис. 8. Доля дохода фирмы, выделяемая для «стимулирования» должностных лиц, %



На рисунке 9 отражены способы противостояния коррупционному натиску чиновников и их эффективность. Мнения разделены практически равномерно. В целом респонденты посчитали все перечисленные способы малоэффективными. При этом наиболее эффективные и используемые предпринимателями оказались: обращение с жало-

бами к чиновникам на неправомерные действия их подчинённых – 17,7%; обращение с жалобами в прокуратуру на неправомерные действия чиновников по отношению к бизнесу – 16,5%; использование книг учёта контрольных проверок для контроля частоты проверок бизнеса контролирующими органами – 16,5%.

Рис. 9. Способы противостояния коррупционному натиску чиновников и их эффективность, %



Самые бесполезные способы противодействия коррупции, по мнению предпринимателей, следующие: обращение с исками в суды на неправомерные действия чиновников по отношению к бизнесу — 56,6%; помощь в продвижении представителей бизнеса в органы власти — 55,0%; оформление офисов бизнеса плакатами, типа «Член ассоциации «Бизнес без коррупции»» (название ассоциации может быть иным) — 54,2%.

Далее выясняли мнение предпринимателей о потенциальной линии поведения при долгосрочной борьбе с коррупцией, которые разделились практически равномерно: почти половина (48,8%) постараются принять участие в борьбе с коррупцией в России; 43,2% — займут наблюдательную позицию; только 8,0% считают эту затею бесполезной.

Два последних вопроса свидетельствуют о том, что у предпринимателей наблюдается некая апатия к проблеме коррупции, но, с другой стороны, это говорит о значительном потенциале, инициативе «снизу», которая пересекается с общероссийскими, не относящимися к коррупции трендами, отмечаемыми в последние годы: рост доли «самодостаточных» россиян и замещение потребности в стабильности потребностью в переменных. Так, по мнению М. Горшкова, директора Института социологии РАН, «в последние 2,5 года стабильность стала восприниматься как синоним консервации положения, возникшего в кризисные годы» [7]. Связывая это с низкой электоральной активностью, он поясняет, что респонденты понимают под переменами «существенное повышение уровня и качества жизни, прорыв в технологическом развитии страны, усиление „оборонки“, изменение ситуации в регионах, особенно в средних и малых городах, преодоление региональных неравенств»<sup>8</sup>.

#### **Выводы и рекомендации на основе проведенных исследований**

Проведенные исследования и структурный анализ продемонстрировали, что коррупция трактуется населением, государственными служащими, а также студенческим и бизнес-

сообществом не в ее широком понимании, закрепленном в законодательстве как «злоупотребление служебным положением», а гораздо уже — как «дача взятки». Поэтому, для того чтобы препятствовать коррупционным проявлениям в органах власти, *важно изменять через просветительские антикоррупционные программы отношение к коррупции и ее восприятие в верном направлении* — как «использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам».

В сравнении исторических периодов самой «коррупционной» выглядит эпоха Б. Ельцина, при этом современный период правления В. Путина сопоставим по восприятию уровня коррупции с периодом перестройки М. Горбачева. Одновременно респонденты сообщают об отсутствии у государства видимой генеральной линии борьбы с коррупцией: один лагерь опрошенных «что-то слышал о противодействии коррупции», другой же — ничего не слышал об этом. В этой связи государству необходимо последовательно, активно и системно артикулировать успешный опыт в противодействии коррупции в общественном пространстве.

Почти все сегменты опрошенных сообщали о необходимости солидаризированных действий в борьбе с коррупцией как сочетания общественного контроля и решительной политической воли Президента РФ. В таком объединении усилий респонденты видят успех в искоренении коррупции в России. Следовательно, необходимо говорить о создании реально работающей системы персональной ответственности чиновников на всех уровнях власти, которая должна быть прописана в национальных планах по противодействию коррупции и обозначена как условие для эффективной реализации национальных проектов Президента РФ и обеспечения социальной стабильности в стране.

В стратегиях противодействия коррупции респонденты больше склоняются к увеличению беспощадности наказаний всех коррупционеров, нежели устранению условий, порождающих коррупцию. Второй механизм значительно отстает по упоминаемости среди опрошенных.

<sup>8</sup> Стабильность или перемены? Чего граждане России ждут от государства? (материалы интервью директора ИС РАН М.К. Горшкова) // Аргументы и факты. 2018. № 31. 1 авг.

Похоже, что некогда провозглашенный тезис «важна неотвратимость наказания, а не тяжесть справедливого возмездия» утратил свое действие. Важны и неотвратимость, и адекватность наказания. Развивая мысль, уточним, неотвратимым должен быть суд, а тяжесть наказания должна быть сопоставима с совершённым преступлением.

Прокуратура, по мнению предпринимателей, — это наиболее эффективный институт в противостоянии коррупции (в отличие от других институтов, в том числе обращения в суд общей юрисдикции). В объявленной Президентом РФ войне против коррупции «государево око» выглядит весьма уместным фидбэком совместно с работающими в регионах отделениями Общероссийского народного фронта.

В ходе исследования выяснилось, что почти половина опрошенных занимают наблюдательную позицию и воздерживаются принимать активное участие в борьбе с коррупцией в России. Такая выжидательная позиция является безусловным тормозом в противодействии кор-

рупции. Молодежь и предприниматели (как авангардная часть общества) не готовы выступать локомотивом в этом процессе. Кроме того, менталитет россиянина свидетельствует, что сообщить о коррупционном преступлении — это «прослыть стукачом», а не сотрудничающим с правосудием (как в любой западной стране).

Как показывает опрос в целом, в региональном сообществе присутствует бытовая (низовая) коррупция, при отсутствии запретов, ограничений процветает экономика одолжений, снижается способность власти решать социальные проблемы, а наиболее активная часть населения — предприниматели — выказывают через ответы на систему вопросов уменьшение доверия к власти, отчужденность которой от общества растёт.

Результаты опроса также сигнализируют, что проблемы коррупции возможно решить путем реализации целенаправленного комплекса мер во всех сферах жизнедеятельности государства и общества и только совместными усилиями.

## Литература

1. Гацко М.Ф. Масштабы и динамика коррупции в Российской Федерации // Наука и современность. 2015. № 1(3). С. 103-119.
2. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
3. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие / под общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
4. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. 754 с.
5. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред.: А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М.: Институт психологии РАН, 2017. 285 с.
6. Поздняков В.П. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // Прикладная юридическая психология. 2012. №2. С. 3-20.
7. Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение в субъектах Российской Федерации: опыт правового регулирования организации и перспективы развития // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2016. № 4. С. 35-55.
8. Armantier O., Boly A. A controlled field experiment on corruption. *European Economic Review*, 2011, no. 55 (8), pp. 1072-1082.
9. Barr A., Serra D. Corruption and culture: an experimental analysis. *Journal of Public Economics*, 2010, no. 94, pp. 862-869.
10. Cameron L. et al. Propensities to engage in and punish corrupt behavior: experimental evidence from Australia, India, Indonesia and Singapore. *Journal of Public Economics*, 2009, no. 93, pp. 843-851.
11. Drugov M., Hamman J., Serra D. Intermediaries in corruption: an experiment. *Experimental Economics*, 2013.
12. Frank B., Schulze G.G. Does economics make citizens corrupt? *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2000, no. 43, pp. 101-113.
13. Granovetter M. *The Social Construction of Corruption*. Stanford: Stanford University Press, 2007.



14. Lambsdorff J.G. *The Institutional Economics of Corruption and Reform: Theory, Evidence and Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
15. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. профессора А.И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2015. 361 с.
16. Клюковская И.Н. Коррупция как фактор организованной преступности в сфере торговли людьми (монография). Ставрополь, 2012.
17. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В.В. Лунеева. М. : Юристъ, 2001. 426 с.
18. Шульга В.И. Коррупция в статистике современной России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 1. С. 36-42.
19. Брагина З.В., Максименко А.А., Тимонин А.Ю. Восприятие уровня коррупции государственными и муниципальными служащими // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 126-129.
20. Афаунов А.З. Социоструктурный анализ отношения российской молодежи к коррупции. Краснодар, 2016. 207 с.

### Сведения об авторах

Беркович Маргарита Израилевна – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор, Институт экономики, управления и финансов, Костромской государственной университет (156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, e-mail: ecdepart@kstu.edu.ru)

Духанина Любовь Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель народного просвещения, председатель, Российское общество «Знание» (119072, Российская Федерация, г. Москва, Берсеневский пер., д. 2, стр. 1, офис, 303; e-mail: Duhanina@mail.ru)

Максименко Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры, Костромской государственной университет, председатель, Костромское региональное отделение, Российское общество социологов (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com)

Надуткина Ирина Эдуардовна – кандидат социологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru)

Berkovich M.I., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A., Nadutkina I.E.

### Perception of Corruption as a Socio-Economic Phenomenon by the Population of a Region: the Structural Aspect

**Abstract.** The article presents an experience of a structured study of a special socio-economic phenomenon – corruption – in the aspect of its perception by different groups of population of a region. The study was conducted by Kostroma regional branch of the Russian Society of Sociologists in several stages: civil servants of the Kostroma Oblast Administration were interviewed in 2015, an online survey of university graduates of the city of Kostroma was conducted in November 2016, and finally, surveys of representatives of the business community\* of the Kostroma Oblast were conducted in 2017. The goal of the survey was to assess the perception of corruption as a socio-economic phenomenon; the assessment was carried out through analyzing and interpreting the data obtained in the course of the surveys on the following topics: assessment of the level of corruption in general, perception of the level and dynamics of corruption, and

\* Grant support by the all-Russian non-governmental and state educational organization “Russian Society “Znanie” (2017).

possible ways to overcome corruption, according to respondents. Having interpreted the results of the survey we reveal the attitude of different target audiences toward the understanding of the phenomenon of corruption, its causes, and ways to combat it. In the context of the decree of Russian President Vladimir Putin “On the national anti-corruption plan for 2018–2020” signed June 29, 2018, the data we have obtained become particularly relevant for the development of sociological research techniques to assess the level of corruption in constituent entities of the Russian Federation (Section I, Paragraph 1, Letter “a”) and to conduct scientific interdisciplinary studies, the results of which can be used to prepare proposals aimed to enhance anti-corruption measures and increase the efficiency of such measures in the business sector (Section V, Paragraph 21, Letter “b”).

**Key words:** perception of the level of corruption, combating corruption, structural analysis, prevalence of corruption manifestations.

### **Information about the Authors**

Margarita I. Berkovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Director, Institute of Economics, Management and Finance, Kostroma State University (17, Dzerzhinsky Street, Kostroma, 156005, Russian Federation; e-mail: ecdepart@kstu.edu.ru)

Lyubov' N. Dukhanina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Worker of Public Education, Chairperson, Russian Society “Znanie” (2, Bersenevsky Lane, 2, building 1, Moscow, 119072, Russian Federation; e-mail: Duhanina@mail.ru)

Aleksandr A. Maksimenko – Candidate of Sciences (Psychology), professor at department, Kostroma State University, Chairperson, Kostroma Regional Branch, Russian Society of Sociologists (14, Pervogo Maya Street, Kostroma, 156000, Russian Federation; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com)

Irina E. Nadutkina – Candidate of Sciences (Sociology), Professor, Belgorod State National Research University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: Nadutkina@bsu.edu.ru)

Статья поступила 07.12.2018.

## Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России\*



Елена Олеговна

**СМОЛЕВА**

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: riolenas@rambler.ru

**Аннотация.** Стресс социальных изменений, который испытало российское население со сменой общественно-экономического строя, заставил его выбирать стратегии адаптационного поведения: от активного воздействия на среду до ухода от проблем. В этих условиях развивающуюся отрасль знания – социологию адаптаций – интересовали социально-экономические аспекты проблемы, связанные с изменением уровня жизни, социального статуса, а также со стратегиями экономического поведения членов различных стратификационных групп, влиянием различных видов капитала. Однако не менее важную задачу представляет исследование адаптации как составляющей социального здоровья. Цель работы – изучение социальной адаптации населения России, выявление его групп с различным адаптационным потенциалом. Основное внимание уделяется адаптации с точки зрения ресурсного и субъектно-деятельностного подходов. В качестве эмпирической базы выступают данные Европейского социального исследования (Россия, объем 2484 чел.). Социальная адаптация рассматривается через показатели её результата – адаптированности и через ресурсы. С помощью латентно-структурного анализа наблюдаемых переменных, отражающих различные стороны адаптации, выделены четыре латентные переменные. Две из них характеризуют результат адаптации: позитивное психическое самочувствие и субъектную активность (активные поведенческие практики в условиях изменения среды). Две другие – адаптационные ресурсы: внутренние (высокая адекватная самооценка, субъектность, интернальный локус контроля) и внешние (социальная поддержка). Латентно-структурный анализ позволил определить основания для стратификации российского общества по критерию «социальная адаптация». Были выделены группы, проблемные в плане динамики адаптационных про-

\* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

**Для цитирования:** Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179-195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

**For citation:** Smoleva E.O. Criteria and resources for social adaptation of Russia's population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 179-195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

цессов в случае изменения исходных данных — увеличения внешней нагрузки или уменьшения внешних ресурсов. Как выявлено, с точки зрения субъектно-деятельностного подхода дезадаптация личности связана с её отчуждением в профессиональной деятельности. Новизна работы заключается в реализации междисциплинарного подхода к изучению социальной адаптации.

**Ключевые слова:** социальная адаптация, ресурсный подход, деятельностный подход, адаптационный потенциал, социальная субъектность, социальная поддержка.

### Введение

Новый всплеск внимания к исследованиям адаптации обусловлен возрастанием роли человека как субъекта деятельности в обстановке «непрозрачности, расплывчатости, неопределенности и нестабильности тех социальных ситуаций, в которых людям приходится действовать» [1, с. 598]. Радикальные перемены в жизни общества всегда сопровождаются «стрессом социальных изменений» [1]. Есть данные, что экономические кризисы, сопровождающиеся финансовым давлением, приводят к ухудшению психического и физического здоровья. Так, по мере ухудшения экономической ситуации значительно возросло число случаев девиантного поведения, в том числе самоубийств и алкоголизма [2, с. 75-92; 3]. Масштабы и скорость экономических изменений 1990-х годов в российском обществе не соответствовали адаптационным ресурсам большинства его членов. По данным исследователей, не более 25% населения смогло адаптироваться к резким изменениям социальной структуры и институтов, возвращению к рыночным механизмам экономики [4, с. 14]. Ведь в условиях бифуркаций возрастает нагрузка со стороны внешней среды и индивиду приходится использовать по максимуму все имеющиеся ресурсы, однако впоследствии истощение адаптивных ресурсов увеличивает вероятность адаптивной неудачи, или адаптивный риск [5].

Актуальность исследований природы кризисов общества, социальной дезинтеграции и патологии, адаптации, её механизмов и ресурсов потребовала институционализации новой области знаний — социологии адаптации [5, с. 11]. Социологическая наука направила основные усилия на исследования социально-экономической адаптации [6; 7; 8; 9]. В центре внимания ученых оказались изменения уровня жизни и стратегии экономического поведения россиян, оценка их ресурсного потенциала. Одновременно нарастало количество публикаций,

которые были посвящены влиянию экономических кризисов на социальное самочувствие и в которых адаптация рассматривалась через призму общественного психического здоровья [10; 11]. Сегодня существует потребность в систематизации знаний о социальной адаптации с позиции субъекта, об адаптационных ресурсах населения и стратификации общества по критерию «социальная адаптация—дезадаптация». Комплексный, междисциплинарный подход к обозначенной проблеме предполагает проведение исследований на основе показателей не только экономического поведения в период социально-экономических кризисов, но и психического самочувствия людей. Ведь ещё Э. Дюркгейм отмечал, что «социальные факты являются результатами особой обработки фактов психических» [12, с. 478].

Изначально адаптацию рассматривали как приспособление к среде, а её результат — как состояние равновесия, гомеостаза; в социологических теориях — равновесия между институциональной средой и поведением индивида. Такой подход прослеживается в концепции принятия социальных норм и социально одобряемого поведения Э. Дюркгейма [12], в трактовке оптимального способа удовлетворения потребностей человека М. Вебера [13]. Представители структурно-функционального подхода указывали, что для объяснения сути процесса адаптации необходимы, во-первых, анализ норм, ценностей и целей, во-вторых, анализ возможности их реализации. По их мнению, адаптация представляет собой равновесие между ценностно-потребностной сферой личности и ценностно-нормативной системой социальной среды [14, с. 185-192; 15, с. 7-25]. Таким образом, с точки зрения нормативной концепции адаптация — это процесс активного приспособления субъекта к условиям окружающей среды на основе интериоризации социальных норм.

Эволюция взглядов на процессы адаптации сместила акценты с приспособления на инте-

грацию со средой и далее – на взаимную трансформацию систем. В 70–80-х гг. XX века наряду с «адаптивной» парадигмой ученые все чаще используют понятия «наднормативная активность» и «социальная субъектность». Ограниченное рассмотрение адаптации–приспособления как основного показателя нормы поведения сменяется на сочетание двух равнозначных процессов: адаптации и индивидуализации. Выдвигается индивидуально-психологический критерий нормы поведения, который включает в себя наличие внутренней позиции личности по отношению к внешнему миру и себе, способность принимать решения и делать выбор, личную ответственность за собственное поведение. Изменение концепций стало откликом на социальную практику: запрос на усиление влияния отдельного человека привел к появлению принципиально новых черт поведения и образа жизни, смене социального конформизма на социальную субъектность и творческую активность<sup>1</sup>; «... относительно пассивная прежде роль массы участников социального взаимодействия существенно изменилась» [16, с. 5].

Существует мнение, что единственным подлинным субъектом социальной адаптации выступает личность вследствие направленности процесса адаптации не от социума к индивиду, а от индивида к социуму [14]. Своё исследование мы также выстроили в русле социологии личности вокруг субъективных оценок состояний, характеристик личности и поведенческих образцов, которые могут служить показателями социальной адаптации или дезадаптации личности и которые являются наблюдаемыми переменными. Основанием для запуска процессов адаптации будем считать дисбаланс двух систем, когда паттерны индивида не соответствуют актуальному состоянию окружающей среды (социальной, институциональной). Подобное отклонение воспринимается человеком как трудная жизненная ситуация, требующая мобилизации сил для возвращения в «норму».

Поясним выбранный нами ракурс рассмотрения адаптации. Социальная адаптация трактуется нами достаточно широко: это не только процессы приспособления человека к изменя-

ющейся социальной реальности через интериоризацию социальных норм, но и процессы индивидуализации, которые находят своё выражение в виде самореализации. Кроме того, социальную адаптацию с точки зрения субъекта мы характеризуем через её результат – адаптированность и через адаптационные ресурсы личности, которые будут задействованы в случае необходимости оказания воздействий на социальную среду (ситуацию, других субъектов).

При операционализации категории «социальная адаптация» мы опирались на деятельностный подход в сочетании с ресурсным [17; 18]. Органичное рассмотрение субъекта в деятельностной теории с точки зрения его ресурсов расширяет возможности интерпретации полученных данных об адаптации, ведь «ресурс субъекта – это совокупность качеств, обеспечивающих не только его способность к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции» [17, с. 315]. Таким образом, если речь идёт о саморегуляции поведения, то среди личностных адаптационных ресурсов выделяют характеристики личности: адекватную самооценку, самостоятельность, ответственность. Более того, в социологических работах выдвигают новые основания для социальной стратификации групп населения – «уровень адаптации к трансформационному процессу» [7, с. 327], «объем и структура ресурсов» [18, с. 34], к последним относят экономический, властный, социальный, квалификационный, культурный ресурсы [19]. В нашем исследовании мы использовали индикаторы «оказание/получение поддержки» для введения в анализ социального ресурса как наиболее тесно связанного с адаптацией человека к социальной системе.

Результат адаптации можно оценить на основании изменений, затрагивающих внешние поведенческие реакции адаптанта и его внутреннее состояние, к которому относят потребности, интересы, ответственность, активность [20, с. 15-16]. Л.В. Корель предлагает рассматривать как критерии завершенности адаптации социальное самочувствие (внутреннее состояние адаптанта) и наличие набора решений для различных проблем (внешние поведенческие реакции) [5, с. 324-330]. Обобщив положения социологических и психологических концепций, мы пришли к выводу, что в них в качестве показателей адаптированности выде-

<sup>1</sup> Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей, 1994. С. 3-14.

ляются психоэмоциональная стабильность, отсутствие тревожности, адекватную самооценку, наличие временной перспективы и ответственность за свои действия [21, с. 80–82], долгосрочное планирование, уверенность в возможности контролировать собственную жизненную среду [17, с. 314–317], интернальный локус контроля, активность [22], самоофективность [23], социальный статус, отражающий результат интеграции личности с обновленной социальной средой [6]. Как индивидуальные проявления дезадаптации рассматриваются негативная внутренняя установка по отношению к социальным требованиям, конфликтность, хронический эмоциональный дискомфорт (от негативно окрашенных переживаний до клинически выраженных психопатологий).

#### Дизайн исследования

Цель исследования — изучение социальной адаптации на базе субъективных оценок населения России с помощью квалитетического подхода. Эмпирической базой исследования послужили данные международного сравнительного исследования в рамках проекта European Social Survey (ESS)<sup>2</sup>.

На основании анализа теоретических концепций и эмпирических данных нами были выдвинуты следующие гипотезы.

*Гипотеза 1:* Адаптационный потенциал личности составляют ресурсы, которые носят внутренний и внешний характер. Из внутренних ресурсов заметную роль в процессе адаптации играет самооценка личности, из внешних — социальная поддержка.

*Гипотеза 2:* Различия в актуальной нагрузке внешней среды (сильная—слабая) и адаптационных ресурсах (малые—большие) обуславливают выделение групп, дифференциро-

ванных по уровню адаптации: адаптированные, дезадаптированные и проблемные.

Применительно к базе данных нашего исследования мы выделили следующие показатели результата адаптации: психическое самочувствие (индикаторы: наличие/отсутствие депрессии, тревоги, озабоченности, чувства одиночества, удовольствия от жизни, упадок сил как невозможность мобилизовать себя) и активность, образцы поведения («медленно приходит в норму», «чувствовать себя неудачником», «легко принимать решения», «представлять направление жизни»). Адаптационные ресурсы определялись с помощью таких показателей, как: адекватная самооценка (хорошее отношение к себе; уверенность в том, что «все что я делаю, ценно и нужно людям»; уверенность в том, что «я силен во многих областях»); интернальный локус контроля (самостоятельность принятия решений относительно своей жизни); видение жизненных перспектив (оптимизм в отношении своего будущего); высокая внешняя оценка (уверенность в том, что ценят близкие люди); социальная поддержка («получать поддержку от близких людей»; «поддерживать близких людей»). Высокий социальный статус может служить как показателем результата адаптации, так и ресурсом, поэтому наблюдаемую переменную «Субъективная оценка социального статуса» мы использовали как дополнительную при сравнении групп с различным уровнем адаптации.

Однако выбранные в базе ESS наблюдаемые переменные имели варианты ответа с использованием различных шкал — четырех-, пяти-, семи- и десятибалльных. Для наглядности результатов и корректности применения методов математической статистики указанные переменные мы перестроили следующим образом:

- максимальный балл для всех переменных сделали равным единице;
- для десятибалльных шкал, с шагом в один балл, дополнительно был сделан более широкий шаг — через 0,2 интервала: 0,2; 0,4 и т.д.;
- в шкалах d2, d3, d12, d16, d18, d19, d23, d25 поменяли присвоенные за ответы баллы так, чтобы максимальный балл (единица) соответствовал согласию с высказанным утверждением.

<sup>2</sup> Многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения проводится с помощью его опросов: в Европе — с 2001 г., в России — с 2006 г. Выборка: 1500–3000 интервью в каждой стране. Свободный доступ к данным всех исследователей предоставлен через электронный сайт [www.europeansocialsurvey.org](http://www.europeansocialsurvey.org). Основу нашего анализа составили вторичные данные за 2012 г. (29 стран, объем 42 630 чел.). В России исследование проведено Институтом сравнительных социальных исследований в ноябре–декабре 2012 года, размер выборки составил 2484 респондента. Режим доступа: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6>

Таблица 1. Дескриптивные статистики переменных, характеризующих социальную адаптацию

Переменная	Валидные значения	Пропущенные значения	Среднее	Стандартное отклонение
d2 – оптимизм в отношении своего будущего	2439	45	0,74	0,19
d3 – хорошее отношение к себе	2448	36	0,79	0,16
d4 – не чувствую себя неудачником	2427	57	0,70	0,20
d5 – депрессия	2441	43	0,43	0,19
d9 – чувство одиночества	2439	45	0,43	0,20
d10 – получаю удовольствие от жизни	2376	108	0,67	0,19
d12 – могу собраться, мобилизовать себя	2360	124	0,79	0,19
d14 – тревога, озабоченность	2444	40	0,50	0,19
d16 – я могу сам(а) решить как мне жить	2466	18	0,79	0,17
d19 – медленно прихожу в норму	2419	65	0,58	0,19
d23 – все что я делаю, ценно и нужно людям	2396	88	0,74	0,17
d25 – я силен во многих областях	2395	89	0,65	0,18
d29 – ценят близкие люди	2441	43	0,76	0,21
d30 – легко принимаю решения	2425	59	0,64	0,20
d35 – представляю направление жизни	2422	62	0,72	0,22
d36 – получаю поддержку от близких людей	2468	16	0,74	0,23
d37 – поддерживаю близких людей	2461	23	0,75	0,22
N валидных (по списку)	1995			

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Описательные статистики по выбранным нами переменным, характеризующим социальную адаптацию, указаны в *таблице 1*.

С учетом пропущенных значений для анализа отобрано 1995 валидных значений каждой переменной.

#### **Субъективные оценки социальной адаптации населения России**

Анализ средних значений переменных по массиву показал, что россияне в целом относятся к себе хорошо, смотрят в свое будущее с оптимизмом, уверены в поддержке близких людей. На уровне всей выборки (валидных переменных) практически отсутствуют симптомы депрессии, переживания чувства одиночества (у 86 и 82% респондентов соответственно).

По самооценкам большинство россиян редко чувствуют тревогу и озабоченность, но в то же время величина стандартного отклонения говорит о том, что есть группа респондентов, которые испытывают подобные негативные чувства большую часть времени, и эта группа составляет 20%. Значительная часть россиян с трудом представляет направление, в котором движется их жизнь (30%), и принимает решения по важным для них проблемам (22%).

Нами был проведен латентно-структурный анализ с помощью методики факторного анализа в программе SPSS<sup>3</sup>, в результате которого были выделены латентные переменные<sup>4</sup> (факторы) социальной адаптации населения России (объясненная совокупная дисперсия – 56%, *табл. 2*).

<sup>3</sup> SPSS – программа для статистической обработки данных. Матрица данных была подвергнута процедуре факторного анализа по методу главных компонент «PrincipalComponentAnalysis» с прямоугольным вращением по методу «VarimaxwithKaiserNormalization». Число факторов определялось при помощи критерия Кайзера. При анализе факторной структуры значимой факторной нагрузкой считалась нагрузка 0,350 по каждой шкале фактора.

<sup>4</sup> Латентная переменная – не измеряемые напрямую конструкты, которые могут быть представлены посредством двух или более наблюдаемых переменных [24, р. 21-41]. В латентную переменную входят признаки, которые коррелируют друг с другом. Группировка наблюдаемых признаков и фиксация их в латентные переменные приводит к независимости показателей. На этом свойстве основано шкалирование наблюдаемых переменных при разработке тестов в психологии. Латентные переменные выделяют при помощи методов математической статистики. При использовании факторного анализа латентные переменные получают название факторов.

Таблица 2. Результаты факторного анализа социальной адаптации населения России

Фактор (латентная переменная)	Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Позитивное психическое состояние	d9 – чувство одиночества	-,737			
	d14 – тревога, озабоченность	-,714			
	d5 – депрессия	-,688			
	d12 – могу собраться, мобилизовать себя	,682			
	d10 – получаю удовольствие от жизни	,408			
Высокая самооценка и субъектность	d25 – я силен во многих областях		,660		
	d16 – могу сам(а) решить как мне жить		,641		
	d23 – все, что я делаю, ценно и нужно людям		,639		
	d2 – оптимизм в отношении своего будущего		,637		
	d3 – хорошее отношение к себе		,589		
Социальная поддержка	d36 – получаю поддержку от близких людей			,840	
	d37 – поддерживаю близких людей			,779	
	d29 – ценят близкие люди			,627	
Поведение при изменениях среды	d30 – легко принимаю решения				,667
	d19 – медленно прихожу в норму	-,319			-,636
	d4 – не чувствую себя неудачником				,556
	d35 – представляю направление жизни				,520

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Первый фактор (30% дисперсии) мы назвали «Позитивное психическое состояние», так как он воссоздаёт позитивные проявления в психическом самочувствии населения. В него входят переменные, отражающие получение удовольствия от жизни и отсутствие негативных состояний психики, а именно: тревоги, озабоченности, одиночества, депрессии. В этот фактор входят также переменные, характеризующие процессы сохранения положительного настроения и способности действовать в критических, стрессовых ситуациях – «мобилизация сил» и «быстрое возвращение в норму»<sup>5</sup>. Положительные значения первого фактора свидетельствуют о социальной адаптации.

Второй фактор (10% дисперсии) мы обозначили как «Высокая самооценка и субъектность», поскольку в него входят хорошее отношение к себе, уверенность в своих силах и самостоятельность принимаемых жизненно важных решений. Эта латентная переменная включает опору на оптимизм и ценность своей деятельности в глазах других людей. При этом человек дает себе оценку не как узкому специалисту, показывающему результаты в одной области, а считает, что достаточно силен

<sup>5</sup> Отрицательная нагрузка по переменной «d19 – медленно прихожу в норму».

во многих областях. По нашему мнению, фактор отражает субъектную позицию, ведь важные жизненные решения принимаются самостоятельно, следовательно, одновременно эта позиция является отражением интернального локуса контроля. Социальная субъектность в сочетании с высокой самооценкой служит основой адаптации личности, тем самым второй фактор свидетельствует о внутренних адаптационных ресурсах.

Третий фактор (8,5% дисперсии) говорит о социальной поддержке. В него входят переменные, отражающие помощь близких людей, причем обоюдную: и со стороны близких респонденту людей, и обратно. Прямо выраженная поддержка дополняется другой её составляющей – моральной, а именно заверением ценности респондента для близких людей. Третий фактор отражает внешние ресурсы личности.

Сочетание переменных в четвертом факторе (7,5% дисперсии) достаточно интересно. Оно говорит о легкости принятия важных жизненных решений и быстром возвращении в норму, когда что-то идет не так (переменная «необходимо много времени, чтобы прийти в норму» отрицательно нагружает фактор). Видение жизненного пути, совмещенное с быстрым принятием решений, помогает быстро возвращаться в нормальное состояние и не чувствовать себя



неудачником. Однако ясное представление о том, в каком направлении движется жизнь, соединено с высокой оценкой происходящих в жизни событий в плане удачливости. И это в целом придает фактору легкий налёт экстернатальности. Возможно, что решения в проблемных ситуациях принимаются легко, с опорой на экстернатальные установки (например, «мне всегда везёт», «удача на моей стороне»). При подобной интерпретации можно поставить вопрос о слабой субъектности и предполагаемых проблемах с адаптацией. Для окончательных выводов необходимо посмотреть на сочетание четвертого фактора со вторым и третьим. Тогда мы сможем более уверенно говорить о стратегиях выхода из проблемных (кризисных, стрессовых) ситуаций. Четвертый фактор нами обозначен как «Поведение при изменениях среды».

Каждую латентную переменную можно рассматривать как шкалу при составлении многомерной методики исследования адаптации. В программе SPSS была проведена проверка внутренней надежности каждой из четырех выделенных шкал (факторов). Определенные в ходе анализа значения коэффициентов альфа Кронбаха<sup>6</sup> составляли больше 0,7, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности переменных, составляющих шкалы.

#### Дифференциация населения России по показателям социальной адаптации

Далее была проведена кластеризация выделенных ранее, в процессе факторного анализа, четырех компонент методом К-средних. На основании количества компонент и объема выборки выполнен быстрый кластерный анализ с последовательно заданными 4, 5 и 6 кластера-

ми. Изучив их наполненность, мы приняли решение остановиться на шести кластерах.

В *таблице 3* приведены средние значения нормированных переменных для каждого кластера, определяющие их конечные центры.

Наибольший вклад в формирование первого кластера вносит латентная переменная «Социальная поддержка» с отрицательным показателем, что свидетельствует об отсутствии у членов этой группы поддержки близких людей. Средние величины положительных показателей по первому и второму факторам говорят о хорошем психическом состоянии респондентов, основой которого является внутренняя поддержка – высокая самооценка. В первый кластер, который мы обозначили как «Социальная адаптация на внутренних ресурсах», входит 16% респондентов.

Второй кластер можно охарактеризовать как «Социальная дезадаптация при наличии ресурсов». О том, что это именно дезадаптация, говорят явно выраженные проявления негативных психических состояний: депрессии, тревоги, озабоченности, переживания чувства одиночества. Но интересно, что ко второму кластеру относятся респонденты, имеющие внутренние и внешние ресурсы: внутренние – в виде самооценки выше среднего уровня и внешние – в виде социальной поддержки. Хотя сочетание плохого психического самочувствия с самооценкой выше среднего уровня может сигнализировать о неадекватном характере последней, т.е. это не просто высокая самооценка, а завышенная, что представляет фактор риска дезадаптивного поведения [21, с. 382]. Десятая часть респондентов (10%) относится

Таблица 3. Кластеры населения России, различающиеся по показателям социальной адаптации

Фактор (латентная переменная)	Конечные центры кластеров					
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5	Кластер 6
Фактор 1 «Позитивное психическое состояние»	0,25	-1,69	0,10	-0,96	0,21	0,83
Фактор 2 «Высокая самооценка и субъектность»	0,41	0,42	0,43	-1,27	0,60	-0,84
Фактор 3 «Социальная поддержка»	-1,37	0,39	0,43	-0,61	0,46	0,34
Фактор 4 «Поведение при изменениях среды»	0,02	-0,01	-1,34	-0,02	0,84	-0,03
Наполненность кластеров: – чел.	325	201	306	237	505	421
– %	16	10	15	12	26	21

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

<sup>6</sup> Коэффициент альфа Кронбаха – это оценка надежности, базирующаяся на корреляции между переменными, входящими в данную совокупность.

во второму кластеру, т.е. каждый десятый житель России при наличии внутренних и внешних ресурсов испытывает проявления негативных психических состояний.

Третий кластер получил название «Потенциальная социальная дезадаптация» при возрастании внешней нагрузки. Представители этой группы отличаются нормальным психическим состоянием, без сильно проявляющихся симптомов депрессии, тревоги и т.д. У них есть внутренние и внешние ресурсы, но они недостаточны, так как реализация адаптационного потенциала затруднена. Последнее обстоятельство мы предполагаем, исходя из того что представители третьего кластера при изменении жизненных условий медленно приходят в норму и трудно принимают решения. Возможно, что актуальное положительное психическое состояние связано с отсутствием негативных воздействий, а при возникновении стрессовых ситуаций психическое самочувствие представителей третьего кластера (а это 15% респондентов) может ухудшиться, что относит их к группе риска.

Респонденты, входящие в четвертый кластер, дают негативные субъективные оценки своему психическому состоянию и отмечают отсутствие ресурсов, поэтому мы обозначили его как «Социальная дезадаптация при отсутствии ресурсов». Представители населения России, входящие в эту группу, характеризуются низкими самооценками (минимальными из всех групп) и уровнями социальной поддержки. К четвертой группе относятся 12% респондентов, т.е. каждый девятый житель России при усилении негативных внешних воздействий не обладает достаточными для преодоления стресса психологическими ресурсами.

Особенностью пятого кластера является положительное значение показателей по всем четырем факторам, при этом два из них имеют максимальные значения: «Высокая самооценка и субъектность» и «Поведение при изменениях среды». Респонденты, из которых состоит эта группа (каждый четвертый из валидных — 26%), характеризуются хорошим психическим состоянием, основанным на внутренних и внешних ресурсах. Отличительная черта кластера — высокий уровень адаптации к меняющейся реальности и наличие временной перспективы, а именно: члены группы легко принимают решения по жизненно важным проблемам, в кри-

тических ситуациях быстро приходят в норму, а также ясно представляют себе направление, в котором движется их жизнь. Одновременно эти респонденты имеют значительную социальную поддержку. Данный кластер получил название «Социальная адаптация при высоких нагрузках».

Шестой кластер формировался вокруг первых трех факторов. Лица, его составляющие, отличаются хорошим психическим состоянием, которому они дают самые высокие субъективные оценки по сравнению с другими группами. Но есть один нюанс: основой такого состояния являются только внешние ресурсы в виде социальной поддержки. А вот внутренние ресурсы отсутствуют, о чем свидетельствуют низкие значения фактора, отражающего влияние самооценки и субъектности. Мы назвали этот кластер «Возможная дезадаптация при утрате внешних ресурсов». Вместе с тем здесь возникает вопрос, требующий пояснений. Почему состояние респондентов из первого кластера мы обозначаем как адаптацию, а из шестого — как проблемы с адаптацией, «возможная дезадаптация», хотя симптоматика психических состояний в шестом кластере лучше? Всё дело в ресурсах: у первого кластера они внутренние, у шестого — внешние. При утрате внешней поддержки возможны изменения психического состояния в худшую сторону, во время как внутренние ресурсы для совладания с проблемной ситуацией отсутствуют.

Для ответа на вопрос, является ли дифференциация переменных по кластерам значимой, был проведен однофакторный дисперсионный анализ, который показал существенное различие между кластерами.

В ходе кластерного анализа нами выделено шесть групп, различающихся по степени социальной адаптации. Две из них мы отнесли к группам лиц с адаптацией (первый кластер «Адаптация на внутренних ресурсах» и пятый кластер «Адаптация при высоких нагрузках»), две — с дезадаптацией (второй кластер «Дезадаптация при наличии ресурсов» и четвертый кластер «Дезадаптация при отсутствии ресурсов»). Выделены также две группы с проблемами в адаптации (третий кластер «Потенциальная дезадаптация при увеличении нагрузки» и шестой кластер «Возможная дезадаптация при утрате внешних ресурсов»).

### Критерии и ресурсы социальной адаптации россиян в разрезе групп

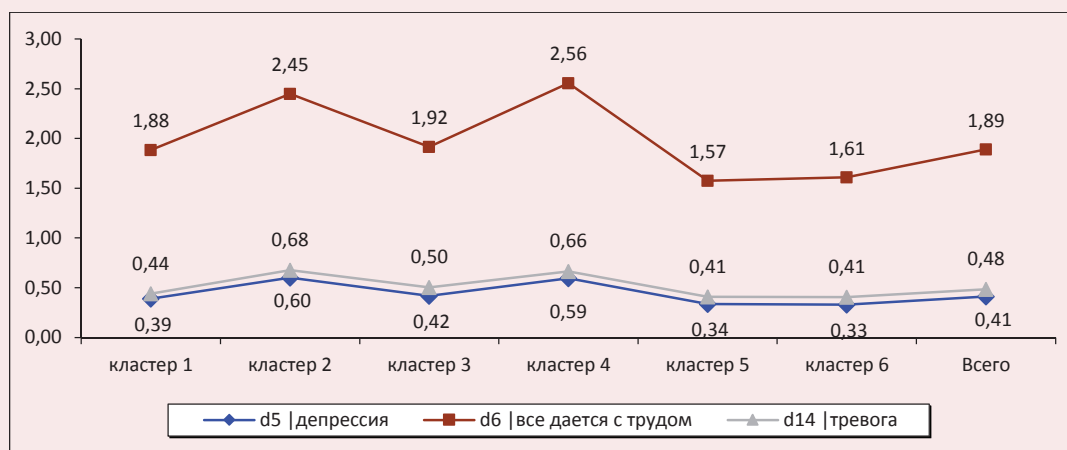
Чтобы выявить проблемы представителей третьего и шестого кластеров, мы провели сравнительный анализ различных показателей адаптированности: психических состояний разной направленности, самооценки, образцов социального поведения, вовлеченности в производственную деятельность. Сразу скажем, что показатели для пятого кластера полностью соответствуют состоянию адаптации, поэтому мы не включили их в описание, но на графиках для сравнения они присутствуют.

Негативные проявления психических состояний мы отслеживали по показателям депрессии, тревоги, присутствующим в факторном анализе, и переменной, отражающей ощущение, что всё дается с трудом (рис. 1). Кроме более частых оценок наличия депрессивных и тревожных состояний для второго и четвертого кластеров, мы отмечаем высокие субъективные оценки наличия трудностей у представителей второго кластера и более высокие (по сравнению с данными для пятого кластера — «адаптация») у респондентов из первой и третьей групп.

Проявления позитивных психических состояний мы сравнивали по дополнительным переменным — «чувствую почти каждый день удовлетворение, что всё получается» и «я счастлив(а)» (максимальный балл — 4; рис. 2). Группа дезадаптированных респондентов (четвертый кластер) демонстрирует самые низкие оценки удовлетворенности и ощущения счастья среди всей выборки. У лиц, входящих в шестой кластер, вырисовывается интересная ситуация: они ощущают себя счастливыми и в то же время не могут сказать, что получают удовлетворение от того, что всё получается. Если бы причиной подобного положения были неудачные результаты деятельности, оценка которых важна для респондентов, то уровень счастья не был бы таким высоким. Более подходящее объяснение, на наш взгляд, заключается в том, что для респондентов из шестого кластера не так важны результаты их деятельности, чтобы отсутствие удовлетворения ими влияло на переживание счастья.

Посмотрим теперь на связь самооценки (переменная «Я хорошо отношусь к себе») с проявлениями субъектности (переменная «Я сам(а) решаю как мне жить») и субъективной оценкой своего социального статуса<sup>7</sup>. Мы видим, что, во-первых, хорошее отношение к себе связано

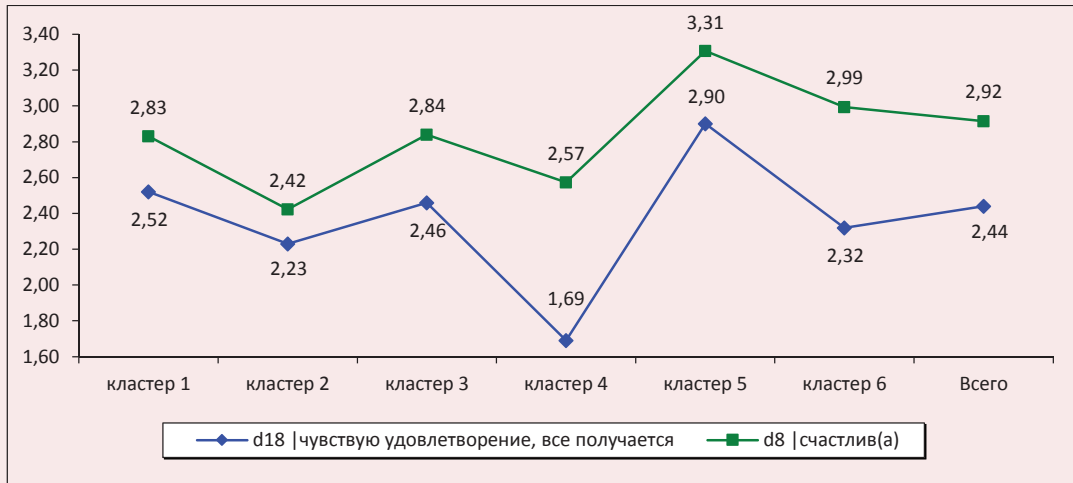
Рис. 1. Значения переменных, характеризующих негативные психические состояния, по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

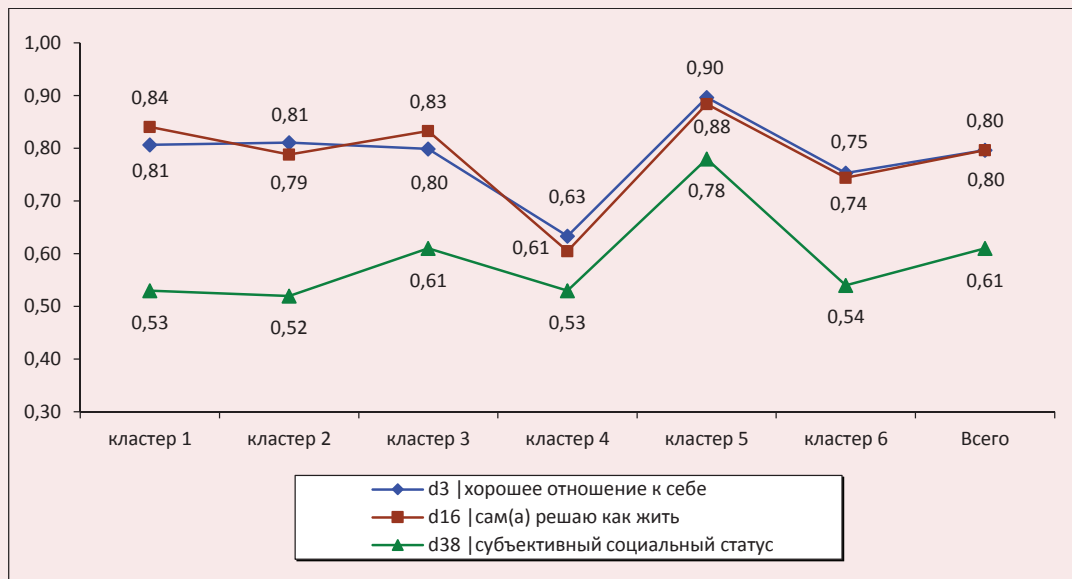
<sup>7</sup> Субъективная оценка социального статуса выставлялась по шкале от 0 до 10 баллов как ответ на вопрос: «В нашем обществе есть люди, которые находятся ближе к верхушке общества, а есть люди, которые ближе к его низам. Где бы Вы расположили себя на этой шкале в настоящее время?»

Рис. 2. Значения переменных, характеризующих позитивные психические состояния, по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Рис. 3. Значения переменных, характеризующих самооценку, по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

с самостоятельным принятием жизненно важных решений (рис. 3). Поэтому у представителей шестого кластера по обоим пунктам низкие баллы. Если в первом, втором и третьем кластерах около четверти респондентов абсолютно согласны с утверждением «Я хорошо отношусь к себе», в пятом кластере — более половины,

то в шестом — только 11%. Аналогичная картина с оценкой субъектности: абсолютное согласие по поводу самостоятельного принятия жизненно важных решений выражают 13% респондентов из шестого кластера, более 50% — пятого, более чем по трети — первого, второго и третьего кластеров.

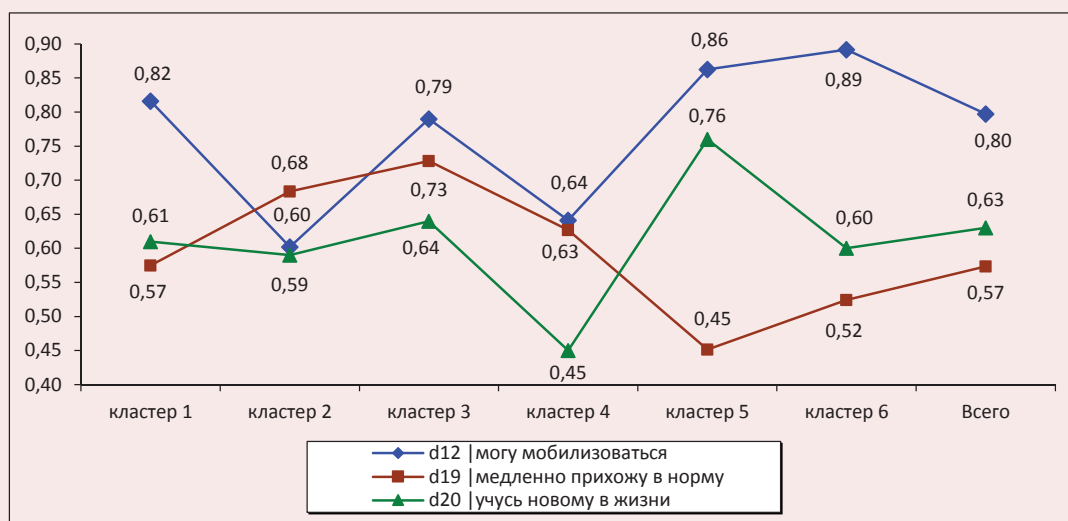
Для респондентов всех кластеров, кроме пятого, следует отметить низкий субъективный социальный статус. Может быть, это связано с особенностями наполняемости кластеров представителями различных социальных классов, групп? В шестом кластере, наряду с представителями рабочего класса (45%), высока доля служащих, «белых воротничков» (20%). Для сравнения: в пятый кластер вошли 44% лиц, относящих себя к руководству, 41% – к бизнесу. На данный сектор приходится также треть респондентов, не испытывающих материальных затруднений (32%). При наличии не самых низких оценок социального статуса представителями четвертого кластера (на одном уровне с оценками респондентов из 1, 2 и 6 кластеров) эта группа отличается заниженной самооценкой и несамостоятельностью в отношении принятия жизненно важных решений.

На рис. 4 представлены данные, характеризующие особенности социального поведения представителей выделенных групп при изменениях внешней среды, увеличении её нагрузки. Представители первого кластера средне оценивают свои способности к адаптации, однако отмечают, что при необходимости могут собраться, мобилизовать себя. Проблема той части населения, которая относится к треть-

му кластеру, заключается в замедленных темпах приспособления к изменяющимся условиям. Респонденты, составляющие шестой кластер, при необходимости легко мобилизуются и быстро приходят в норму, но они мало заинтересованы в том, чтобы изменяться, учиться чему-нибудь новому, т.е. обладают низким инновационным потенциалом по сравнению с пятым и третьим кластерами. Лица, входящие в четвертую группу, достаточно медленно приходят в норму и часто не могут мобилизовать себя; они не склонны получать новые знания и умения. Представители второго кластера чаще других отмечают невозможность мобилизовать свои силы, что сочетается с негативными психическими состояниями (см. рис. 1), при этом они достаточно быстро возвращаются в норму. Возможно, что реакция этой группы населения на стрессовые ситуации является острой и кратковременной, но даже при наличии ресурсов им трудно предпринимать шаги по исправлению ситуации.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что представители третьего и шестого кластеров демонстрируют достаточно высокие показатели адаптивности (как психического состояния, так и поведенческих практик). Но это адаптивное состояние акту-

Рис. 4. Значения переменных, характеризующих процессы адаптации к изменяющимся условиям, по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

ально на момент опроса, и мы не можем спрогнозировать результаты адаптационного процесса при увеличении внешней нагрузки на третий кластер, так как его характеристикой является медленное возвращение в норму и высокие нагрузки могут «выбить из колеи». Не ясен также результат адаптации у представителей шестого кластера, если они лишаются внешней поддержки, поскольку они обладают низкими внутренними адаптационными ресурсами. В концепции сохранения ресурсов С. Хобфолла потеря как внутренних, так и внешних ресурсов ведёт к снижению субъективного благополучия, воспринимается как ситуация стресса, что в итоге негативно сказывается на состоянии психического здоровья личности [25].

#### Анализ социальной адаптации россиян с точки зрения субъектно-деятельностного подхода

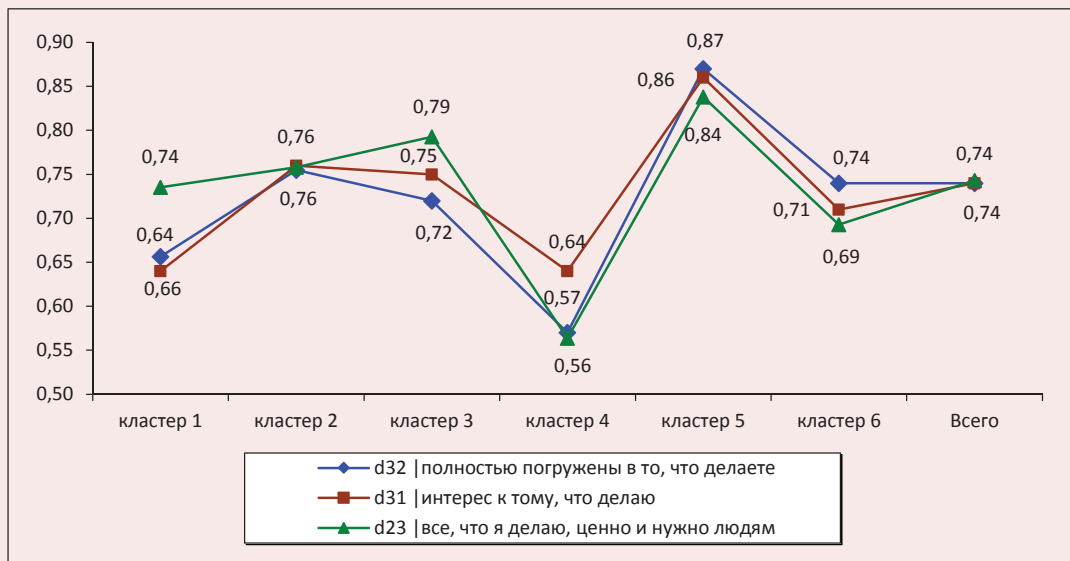
Чтобы раскрыть вклад субъектно-деятельностного подхода в оценку социальной адаптации, мы опирались на принцип включенности личности в общественные отношения, проявляющейся в совместной деятельности и общении. Для примера мы изучили отношение респондентов к собственной трудовой деятельности — одному из основных видов челове-

ской деятельности: насколько она им интересна, считают ли они её ценной и нужной людям, могут ли оказать влияние на свою повседневную работу и деятельность всей организации/предприятия (рис. 5 и б). Тем самым мы хотели выявить положение представителей различных с точки зрения адаптации групп в континууме «вовлечение в трудовую деятельность» — «отчуждение труда».

Как видно, лица, входящие в первый кластер, проявляют слабый интерес к своему делу. Они просто не находят время для того, чтобы делать то, что им нравится. Но при этом могут оказывать влияние на организацию своей повседневной работы и даже на принятие наиболее важных решений о деятельности всей организации/предприятия. В целом у представителей первого кластера встречается низкий уровень интереса к своей деятельности и возникающее временами ощущение, что все дается с большим трудом. Однако этот факт не влияет на самооценку; группа обладает достаточными внутренними ресурсами и отличается психическим благополучием.

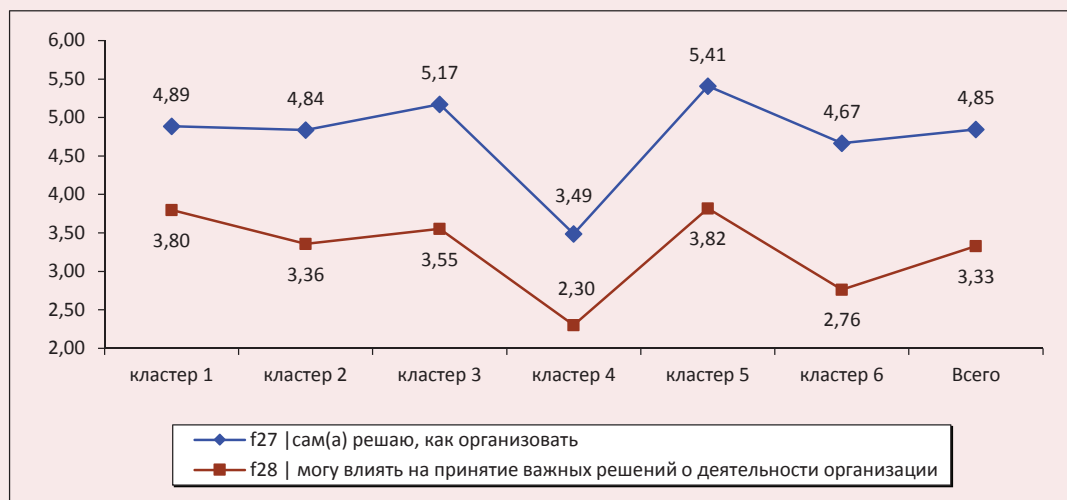
Представители третьего кластера, так же как и первого, считают свою деятельность более нужной людям, чем интересной, и у них доста-

Рис. 5. Субъективные оценки собственной производственной деятельности по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Рис. 6. Субъективные оценки ресурсов влияния по выделенным кластерам респондентов, средний балл



Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

точные ресурсы влияния на организацию деятельности. Для лиц, входящих в эту группу, тоже характерно ощущение, что все дается с большим трудом, и оно накладывается на трудности с возвращением в нормальное состояние при неблагоприятных воздействиях. Слабые внутренние ресурсы сочетаются с низким ресурсом влияния на организацию рабочей деятельности и сомнениями в ценности своего дела.

Респонденты из шестой группы порой сомневаются в нужности и ценности своего дела. Однако серьезную проблему для них представляет низкий ресурс влияния. Они часто не могут самостоятельно принимать решения по поводу своей повседневной работы и оказывать влияние на деятельность всей организации/предприятия. Мы охарактеризовали весь комплекс симптомов как «отчуждение труда» у шестого кластера.

Итак, что касается сферы производственной деятельности, то здесь следует согласиться с М.А. Шабановой, по мнению которой, для представителей большинства кластеров (второго, третьего, четвертого и шестого) «самостоятельные и независимые социальные действия и состояния вообще пока в большинстве случаев...» лежат за её пределами [26, с. 100].

### Обсуждение

Так как основные современные вызовы носят экономический характер, то интересно будет сравнить результаты исследования адаптационных стратегий в ситуациях финансового стресса. Кто-то воспринимает финансовые проблемы как вызов и мобилизует ресурсы для их решения (меняет привычные схемы расходования средств, ищет другие источники дохода), кто-то интерпретирует подобные ситуации как неуправляемые [27]. В нашем исследовании второй стратегии придерживаются представители третьего кластера. Здесь можно провести параллель с данными С.В. Мареевой о социально-экономической адаптации населения России, согласно которым 15% россиян для улучшения материального положения не предпринимают никаких действий, т.к. считают, что не могут ничего сделать сами для выхода из трудной ситуации [9, с. 69].

Полученные данные о ресурсах адаптации согласуются с результатами других эмпирических исследований, которые показывают преимущественное значение для россиян в современных условиях социального ресурса [8, с. 48; 28]. Зарубежными исследователями также выявлено, что просто представление о

возможности получения при необходимости поддержки способно помочь справиться со многими стрессовыми ситуациями. Восприятие наличия социальной поддержки не только уменьшает негативные переживания, но и в отдельных случаях мотивирует к самостоятельным усилиям по преодолению трудностей [29]. Однако влияние, оказываемое переменной «Социальная поддержка», может быть двояким. Например, в пожилом возрасте негативные последствия экономического стресса сдерживаются или компенсируются ожидаемой поддержкой, а вот полученная поддержка усугубляет влияние финансового стресса на симптомы депрессии [30].

Значительная роль в адаптации наряду с экономическим, человеческим и социальным капиталом отводится и психологическим ресурсам [31]. Результативные копинг-стратегии по преодолению экономического стресса, вызванного увольнением и поиском новой работы, связаны со следующими видами действий: повышением самоэффективности, получением социальной поддержки, постановкой цели и развитием новых навыков [32]. Судя по данным зарубежных исследований, из личных ресурсов самоэффективность обладает наибольшим защитным потенциалом в ситуациях экономического стресса или финансового напряжения [33; 34]. При этом психологические ресурсы характеризуют деятельность человека, а не являются совокупностью личностных черт [31]. В целом люди, задействующие все ресурсы (психологические, социальные, финансовые), имеют большую устойчивость к кризисам [35; 36].

Для дальнейшей работы по созданию психологического инструментария интересен различный опыт построения подобных методик. Например, П.С. Кузнецов, интерпретируя адаптацию как процесс установления соответствия между потребностями личности и уровнем их удовлетворения, предлагает в своей методике как расчет индексов, так и определение уровня и профиля адаптации [37].

## Резюме

Итак, эмпирические данные подтверждают теоретические выкладки о показателях социальной адаптации. В результате факторного анализа нами выявлены четыре латентные переменные, описывающие ресурсы и результат адаптационного процесса. Две переменные отражают адаптированность личности: позитивное психическое самочувствие и активные поведенческие практики в условиях изменения среды (субъектная активность). Две другие латентные переменные обобщают характеристики адаптационных ресурсов личности: внутренних (высокая адекватная самооценка, субъектность, интернальный локус контроля) и внешних (социальная поддержка). Тем самым гипотеза 1 получила своё подтверждение в ходе анализа эмпирических данных.

Подтверждена также гипотеза о зависимости дифференциации по уровню адаптации от различий в адаптационных ресурсах и от актуальной нагрузки внешней среды. Чётко выделяются группы, состоящие из адаптированных и дезадаптированных лиц, причём адаптированные сохраняют свой статус при актуальном и прогнозируемом положении дел. Нами выделены группы, которые являются проблемными с точки зрения динамики адаптационных процессов в случае изменения исходных данных: увеличения внешней нагрузки или уменьшения социальной поддержки. Поэтому, несмотря на высокие актуальные показатели адаптированности представителей этих групп, мы отнесли их к разряду «потенциально дезадаптированные». Латентно-структурный анализ позволил выделить основания для стратификации российского общества по критерию социальной адаптации.

Новизна работы заключается в реализации междисциплинарного подхода к исследованию социальной адаптации. Полученные в ходе факторного анализа латентные переменные можно использовать в качестве шкал при создании методики исследования социальной адаптации на основе субъективных оценок населения.



## Литература

1. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
2. Brenner M. *Mental illness and the economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973. 287 p.
3. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 3-11.
4. Авраимова Е., Логинов Д. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. №3. С. 13-17
5. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
6. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной адаптации» // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 46-57.
7. Беляева Л.А. Идеально типические группы адаптации в современной России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 327-333.
8. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43-53.
9. Мареева С.В. Адаптация россиян к последствиям экономического кризиса // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 65-75.
10. Ильин В.А. Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 11-29. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.1
11. Морев М.В., Смолева Е.О. Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(3). С. 26-45. DOI:10.31119/jssa.2018.21.3.2
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
13. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-208.
14. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press, 2001. 698 p.
15. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
16. Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности. М.: Академический проект, 2006. 224 с.
17. Ядов В.А. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3-4. С. 312-322.
18. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т.7. № 3. С. 28-41.
19. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4(8). С. 25-49.
20. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с.
21. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-еврознак, 2006. 479 с.
22. Rotter J.B. Some problems and misconceptions related to the construct of internal versus external control of reinforcement. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1975, vol. 43, pp. 56-67.
23. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior change. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, pp. 191-215.
24. Joreskog KG, Sorbom D. *Advances in Factor Analysis and Structural Equation Models*. Cambridge, MA: Abt Books, 1979. Pp. 21-44.
25. Hobfoll S. The influence of culture, community, and the nest-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, vol. 50, pp. 337-421.
26. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78-104.

27. Davis Ch., Mantler J. *The Consequences of Financial Stress for Individuals, Families, and Society*. Ottawa: Carleton University, 2004. 32 p.
28. Кислицына О.А., Ферландер С. Влияние социальной поддержки на здоровье москвичей // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 81-83.
29. Wethington E., Kessler R.C. Perceived support, received support, and adjustment to stressful life events. *Journal of Health and Social Behavior*, 1986, vol. 27, pp. 78-89.
30. Krause N. Anticipated Support, Received Support, and Economic Stress Among Older Adults. *Journal of Gerontology*, 1997, vol. 52B (6), pp. 284-293.
31. Luthans F., Luthans K. and Luthans B. Positive psychological capital: Going beyond human and social capital. *Business Horizons*, 2004, vol. 47 (1), pp. 45-50.
32. Liu S., Huang J., Wang M. Effectiveness of job search interventions: A metaanalytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140(4), p. 1009. DOI: 10.1037/a0035923
33. Bartholomae S., Fox J. Coping with Economic Stress: A Test of Deterioration and Stress-Suppressing Models. *Journal of Financial Therapy*, 2017, vol. 8 (1), p. 6. DOI: 10.4148/1944-9771.1134
34. Lim H., Heckman S.J., Montalto C.P., Letkiewicz J. Financial stress, self-efficacy, and financial help-seeking behavior of college students. *Journal of Financial Counseling and Planning*, 2014, vol. 25(2), pp. 148-160. DOI: 10.4148/1944-9771.1063
35. Okafor E., Lucier-Greer M., Mancini J.A. Social stressors, coping behaviors, and depressive symptoms: A latent profile analysis of adolescents in military families. *Journal of Adolescence*, 2016, vol. 51, pp. 133-143. DOI: 10.1016/j.adolescence.2016.05.010
36. Tandon S., Dariotis J., Tucker M., Sonenstein F. Coping, stress, and social support associations with internalizing and externalizing behavior among urban adolescents and young adults: Revelations from a cluster analysis. *Journal of Adolescent Health*, 2013, vol. 52(5), pp. 627-633. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2012.10.001
37. Кузнецов П.С. Методика измерения социальной адаптации // Социология: 4М. 1997. № 9. С. 142-146.

### Сведения об авторе

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Smoleva E.O.

### Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population

**Abstract.** The stress caused by social changes that Russia's population experienced due to the change of the socio-economic order forced them to choose adaptation behavior strategies: from active influence on the environment to avoiding problems. In these conditions, the developing branch of knowledge – the sociology of adaptation – was interested in the socio-economic aspects of the issue associated with changes in living standards, social status and economic behavior strategies of members of different stratification groups and the impact of different types of capital. However, studying adaptation as a component of social health is equally important. The goal of the present paper is to study social adaptation of Russia's population and identify its groups with different adaptation potential. We focus on adaptation in terms of resource and subject-activity approaches. European Social Survey data (Russia, sample size is 2,484 people) serve as an empirical base of our research. We consider social adaptation through the indicators of its result: adaptation level and through resources. We identify four latent variables using latent structural analysis of the observed variables that reflect different aspects of adaptation. Two of them characterize the result of adaptation: positive mental health and subjective activity (active behavioral practices in a changing environment). The other two are adaptation resources: internal (high adequate self-assessment, subjectivity, internal locus of control) and external (social support). Using latent-structural analysis we

determine the grounds for stratification of Russian society according to the “social adaptation” criterion. We identify groups that are problematic in terms of the dynamics of adaptation processes in the case of the changes in the initial data such as an increase in the external load or a decrease in external resources. We reveal that from the standpoint of the subject-activity approach the maladjustment of an individual is connected with their alienation in professional activity. The novelty of our work lies in the fact that it implements an interdisciplinary approach to the study of social adaptation.

**Key words:** social adaptation, resource-based approach, activity-based approach, adaptation potential, social subjectivity, social support.

### **Information about the Author**

Elena Olegovna Smoleva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Статья поступила 11.03.2019.

## Оценка воздействия на социальную среду как инструмент устойчивого развития Российской Арктики



**Марина Викторовна  
НЕНАШЕВА**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова  
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 17  
E-mail: m.nenasheva@yandex.ru

**Аннотация.** В условиях активного хозяйственного освоения Арктики одной из стратегических задач является обеспечение экологической безопасности и сохранение условий и качества жизни местного населения. Решение данной задачи возможно путем проведения на этапе планирования экономической деятельности оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), которая является обязательной во всех арктических странах. В процессе ОВОС компании оценивают возможные экологические и связанные с ними социальные и экономические последствия реализации планируемого инвестиционного проекта. Для этого используются соответствующие методики, которых существует достаточно для проведения комплексной оценки воздействия на природную среду. Вместе с тем оценка социальных последствий хозяйственных инициатив представляет для компаний большую трудность в связи с отсутствием в России регулирующих ее проведение нормативных документов и методических рекомендаций. Данный факт подтверждается практикой проведения ОВОС, а также научными исследованиями, согласно которым оценка социальных последствий экономической деятельности является одной из наиболее сложных и наименее изученных проблем современной науки. Особую актуальность приобретает решение данной проблемы для Российской Арктики, где проживает коренное население, условия и качество жизни которого во многом зависят от состояния окружающей среды и сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности. В связи с этим была поставлена цель предложить подход к разработке методологии прогноза социальных изменений для Арктического

**Для цитирования:** Ненашева М.В. Оценка воздействия на социальную среду как инструмент устойчивого развития Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. Т. 2. С. 196-209. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.12

**For citation:** Nenasheva M.V. Social impact assessment as a tool for sustainable development of the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 196-209. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.12

региона России. Для этого в рамках исследования 1) проведен анализ существующих методологических подходов к оценке социальных последствий планируемой экономической деятельности в контексте российских и зарубежных научных исследований, а также практики ОВОС; 2) описана система индикаторов социальной среды Российской Арктики; 3) построена матрица воздействий на социальную среду планируемой экономической деятельности. Результаты исследования могут стать основой для разработки конкретных методик, в том числе отраслевых, оценки социальных последствий планируемой экономической деятельности, которые могут использоваться для проведения комплексной экологической оценки планируемой хозяйственной деятельности как государственными, так и частными компаниями.

**Ключевые слова:** экономическая деятельность, воздействие, социальная среда, оценка, социальные последствия, индикатор, методология, Российская Арктика.

### Введение

Освоение Арктики относится к числу национальных приоритетов многих арктических и неарктических стран [1, с. 10]. Добыча полезных ископаемых, разработка нефтяных и газовых месторождений, развитие энергетики и транспортной инфраструктуры способны сделать Арктический регион одним из наиболее привлекательных объектов для инвестирования и реализации крупных бизнес-проектов. По данным ежегодно проводимого в финском городе Рованиemi Арктического бизнес-форума только в 2016–2020 годах объем международных инвестиций на реализацию проектов в Арктике составит 49,7 млрд. евро, из которых большая часть пойдет на развитие транспортной инфраструктуры, а также проектов в горнодобывающей и нефтедобывающей отраслях [2, с. 73].

Благодаря запасам углеводородов, наличию инфраструктурных объектов, а также логистическим возможностям Северного морского пути Россия является безусловным лидером освоения Арктики [1, с. 5]. Вместе с тем очевидно, что экономическое развитие Арктики повысит уровень антропогенной нагрузки на окружающую природную среду и может существенно повлиять на условия и качество жизни местного населения. Несмотря на очевидный экономический потенциал Российской Арктики, с каждым годом численность населения, постоянно проживающего в данном регионе, сокращается, что подтверждается отрицательной миграционной динамикой [3, с. 51-57]. Основными причинами убыли населения являются неудовлетворенность уровнем и качеством жизни, а также плохая экология. Не ме-

нее серьезной проблемой является сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Арктики [4, с. 26-27]. Промышленное освоение природных ресурсов часто сопровождается отчуждением территорий, используемых местными сообществами [5, с. 96] для ведения традиционной хозяйственной деятельности, а загрязняющие вещества, поступающие в окружающую среду в результате промышленной деятельности, представляют серьезную угрозу для здоровья местного и особенно коренного населения Арктики, жизнь которых до сих пор зависит от занятий охотой, рыболовством, оленеводством и сбором растений [6, с. 4-13].

В связи с этим становится актуальной разработка конкретных способов предотвращения негативных экологических и социальных последствий освоения Арктики. Решение данной задачи возможно, с одной стороны, путем внедрения новых либо усовершенствования уже существующих методов прогнозирования рисков для окружающей природной и социальной среды, а с другой стороны, путем разработки конкретных технологий, направленных на обеспечение экологической безопасности хозяйственной деятельности и улучшение качества жизни населения в Арктике.

Одним из инструментов предотвращения негативных последствий хозяйственной деятельности является оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС). ОВОС проводится компаниями на этапе планирования инвестиционной деятельности с целью принятия экологически ориентированного решения о реализации проекта, выборе альтернативных вариантов либо отказе от его воплощения.

В России ОВОС проводится для любой хозяйственной деятельности, имеющей прямое или косвенное воздействие на окружающую среду<sup>1</sup>. Законодательно обязанность проведения ОВОС была закреплена 16 мая 2000 года, когда Приказом Госкомэкологии РФ № 372 было утверждено «Положение об оценке воздействия на окружающую среду в Российской Федерации». Появлению национальной процедуры ОВОС во многом способствовало подписание Россией в 1991 году Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, Финляндия, 1991). И хотя Россия не ратифицировала данную Конвенцию, многие ее положения были взяты за основу при разработке российской процедуры ОВОС.

По содержанию ОВОС – это процесс определения возможных видов негативного воздействия на окружающую среду, который включает оценку воздействия хозяйственной деятельности на природные компоненты: атмосферу, водную среду, землю, почву, флору и фауну, а также прогноз социальных и экономических последствий. При проведении экологической оценки компании руководствуются законодательными и подзаконными актами, государственными стандартами, техническими регламентами, методическими пособиями и инструкциями, которых сегодня существует достаточно для проведения комплексной оценки воздействия на природную среду. Вместе с тем оценка социальных последствий планируемой хозяйственной деятельности представляет для компаний большую трудность в связи с отсутствием в России регулирующих ее проведение нормативных документов и методических рекомендаций. Отсутствие национальной процедуры оценки воздействия на социальную среду и связанная с этим невозможность объективного и всестороннего анализа социальных последствий экономической деятельности ставят под сомнение эффективность ОВОС в целом и обуславливают необходимость постановки вопроса об оценке воздействия на социальную среду в качестве научно-теоретической и прикладной проблемы.

<sup>1</sup> Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

### **Обзор литературы и методологических подходов к оценке воздействия на социальную среду**

Впервые вопрос о критериях социальной оценки (англ. Social Impact Assessment) в процессе ОВОС был поставлен Барроу [7], его концептуальное осмысление продолжили Ванклай [8] и Бекер [9]. По мнению ученых, оценка воздействия на социальную среду часто сводится к рассмотрению последствий хозяйственной деятельности для здоровья человека, однако это не совсем корректно. Оценка воздействия на социальную среду по своему содержанию гораздо шире и должна включать все аспекты, связанные с человеком, его существованием и качеством жизни. К их числу они относят не только здоровье, но и инфраструктуру, образование, культуру, условия жизни, права населения. Кроме того, оценка социальных последствий должна иметь выраженную территориальную принадлежность, что особенно важно в условиях активного экономического развития Арктики.

В практике оценки социальных последствий планируемой деятельности международные компании опираются на понятие, предложенное Международной ассоциацией по оценке воздействия на окружающую среду, и рекомендации, описанные в процедурах Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Согласно Международной ассоциации по ОВОС оценка воздействия на социальную среду определяется как «процесс анализа, мониторинга и управления прямыми и косвенными социальными последствиями планируемых воздействий (программ, планов, проектов), а также любых процессов социальных изменений, которые могут возникнуть в результате данных воздействий» [10]. На наш взгляд, приведенное определение содержит ряд логических недостатков. Во-первых, воздействие на социальную среду, вызванное экономической деятельностью, может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. В связи с этим необходимо уточнить, анализ каких именно последствий должен осуществляться в процессе оценки воздействия на социальную среду. Во-вторых, экономическая деятельность может затронуть как текущее состояние социальной среды, так и иметь последствия в будущем, поэтому важно указать, идет ли речь об оценке социальных последствий в краткосрочной или долгосрочной перспективе. В-третьих,

помимо жителей территории, на которой планируется реализация проекта, хозяйственная деятельность может оказывать воздействие на население прилегающих территорий, поэтому трансграничное воздействие планируемой деятельности не менее важно учитывать при анализе социальных последствий.

Имеющаяся богатая практика оценки социальных последствий в процедурах Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития также не дает убедительного ответа на вопрос о критериях и методологии оценки социальных последствий. В 2014 году Всемирный банк выпустил рамочный документ по экологическим и социальным вопросам, содержащий базовые принципы и стандарты, соблюдение которых должно способствовать устойчивому социально-экономическому развитию территорий. В указанном документе установлены требования, выполнение которых является обязательным для принятия Всемирным банком решения о финансировании инвестиционного проекта. Данные требования направлены на предотвращение, минимизацию, сокращение или смягчение негативных социально-экологических рисков и последствий реализации проектов [11]. К числу основных социальных рисков реализации инвестиционных проектов относятся: негативное воздействие на здоровье людей, угроза безопасности населения, воздействие на традиционные места обитания и биоразнообразие, истощение природных ресурсов, изменение традиционного образа жизни коренных народов, разрушение либо уничтожение памятников духовной и материальной культуры [11]. Для каждого из указанных видов воздействия Всемирным банком разработаны соответствующие стандарты, следование которым является обязательным для получения финансирования на реализацию хозяйственной деятельности.

Безусловно, перечисленные критерии важны для принятия социально ориентированного управленческого решения о реализации инвестиционного проекта, однако они являются общими и не учитывают отраслевую и региональную специфику. Кроме того, данные требования распространяются только на те проекты, в отношении которых запрашивается финансирование у Всемирного банка, и не распространяются на все остальные. Подтверждением

данного факта являются проекты российских компаний «Сахалин Энерджи»<sup>2</sup> и «Ямал-СПГ»<sup>3</sup>, которые в сотрудничестве с зарубежными партнерами реализуют на территории Российской Арктики крупные инвестиционные проекты в области нефте- и газодобычи. Разработка проектов осуществляется указанными компаниями в соответствии с требованиями международных стандартов по обеспечению экологической и социальной устойчивости территорий присутствия<sup>4</sup> и предполагает обязательное проведение оценки социальных рисков, разработку методологии оценки воздействия на социальную среду, мер по информированию заинтересованных сторон и общественности, обеспечение эффективного взаимодействия и налаживание диалога с населением, а также выделение значительных средств на социальные инвестиции для решения актуальных проблем и повышения качества жизни населения. В то же время в Швеции, где ОВОС также является обязательным, оценка влияния планируемого проекта на местное население ограничивается только анализом последствий для здоровья людей, а для возмещения ущерба, наносимого компаниями коренным малочисленным народам, используется механизм финансовой компенсации [12, с. 69].

В отечественной литературе понятие «оценка воздействия на социальную среду» также не подвергалось тщательному научно-теоретическому анализу и поэтому не имеет четкого определения. Во многом это связано с историческим развитием природоохранного законодательства и оценки воздействия на окружающую среду в СССР и современной России. В советскую эпоху охрана окружающей среды включала мероприятия по рациональному природопользованию и предотвращению негативного воздействия на природу,

<sup>2</sup> Политика устойчивого развития. «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.». 2016. С. 6-9. URL: [http://www.sakhalinenergy.ru/media/library/ru/policies/SD\\_POLICY\\_2016.pdf](http://www.sakhalinenergy.ru/media/library/ru/policies/SD_POLICY_2016.pdf) (дата обращения: 29.10.2018).

<sup>3</sup> Оценка воздействия на окружающую среду и социальную сферу. «Ямал СПГ». URL: <http://yamallng.ru/upload/ESIA%20RUS%20.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).

<sup>4</sup> Стандарты деятельности по обеспечению экологической и социальной устойчивости. URL: [https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/cd44c6004b8bbc068dbccfbbd578891b/PS\\_Russian\\_2012\\_Full-Documents.pdf?MOD=AJPERES](https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/cd44c6004b8bbc068dbccfbbd578891b/PS_Russian_2012_Full-Documents.pdf?MOD=AJPERES) (дата обращения: 08.11.2018).

но не предполагала оценку социальных последствий такого воздействия<sup>5</sup>. В современной России стало очевидным, что оценка социальных последствий имеет важное значение для создания благоприятных условий и сохранения качества жизни местного населения. В результате понятие «окружающая среда» подверглось переосмыслению. С принятием в 1993 г. Конституции РФ под ним стала пониматься совокупность не только компонентов природной среды, но и природно-антропогенных и антропогенных объектов. С расширением понятия окружающая среда и включением в его содержание социального аспекта были внесены изменения в процесс оценки воздействия на окружающую среду. Согласно официальным инструкциям, которыми сегодня пользуются российские компании при проведении ОВОС, оценка воздействия на социальную среду определяется как инструмент для анализа текущего состояния социальной среды с целью прогнозирования возможных социальных изменений, а также предотвращения и сокращения возможных последствий<sup>6</sup>. Из данного определения вытекает два вопроса: какие показатели социальной среды оцениваются при проведении ОВОС и какими методами? Анализ профессиональных источников показал отсутствие единых подходов к определению индикаторов социальной среды, которые должны оцениваться при планировании экономической деятельности. Например, согласно разработанным в 2012 году требованиям к проведению инженерно-экологических изысканий при строительстве, оценка социального аспекта ОВОС должна включать характеристику численности, занятости, уровня жизни населения, медико-биологические условия и заболеваемость<sup>7</sup>. Согласно другому пособию для разработчиков проектов строительства прогноз социальных изменений, помимо

указанного выше, должен учитывать региональные особенности, например взаимоотношения коренного, старожильческого и пришлового населения<sup>8</sup>.

На практике оценка социальных последствий, как правило, осуществляется в рамках определения экономической выгоды планируемого проекта для местного населения без учета территориальных, социальных, культурных и других особенностей местности [13]. В связи с этим стандартными показателями социальной эффективности проекта являются: количество новых рабочих мест, уровень заработной платы, повышение уровня жизни населения и т.п. Все эти показатели являются исчисляемыми величинами и имеют стоимостную оценку. Однако, как справедливо указывает Е.В. Рябухина, «блага от проекта по-разному воспринимаются различными слоями населения» [14, с. 85], так как, кроме экономических, существуют еще и другие критерии человеческого развития [15], связанные с человеческими ценностями. Стоимостный подход к оценке социальных последствий не учитывает виды воздействия, которые невозможно подсчитать, например воздействие на культурные и духовные ценности, социальное самочувствие населения, которые многими учеными относятся к «субъективным» [16, с. 101], или качественным, критериям оценки. К тому же в таких регионах, как Арктика, проживают народы, у которых уровень доходов зачастую существенно ниже по сравнению с уровнем доходов остального населения [17, с. 4], поэтому экономическая выгода от планируемого проекта не может являться ключевой при принятии решения о реализации планируемой хозяйственной деятельности.

Таким образом, основной вопрос, который возникает при оценке социальных последствий планируемой деятельности, связан с выбором показателей социальной среды, которые будут анализироваться при проведении оценки.

Для ответа на данный вопрос в первую очередь обратимся к определению понятия «социальная среда», под которым понимается «сово-

<sup>5</sup> Инструкция о составе, порядке разработки, согласования и утверждения проектно-сметной документации на строительство предприятий, зданий и сооружений: утв. постановлением Госстроя СССР от 23.12.1985 г. № 253. Доступ из базы правовой и нормативно-технической документации «Электронный фонд».

<sup>6</sup> Инженерные изыскания для строительства. Основные положения. Свод правил: СНиП 11-02-96. М., 2012.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Охрана окружающей природной среды. Практическое пособие для разработчиков проектов строительства / ФГУП «Центр научно-методического обеспечения инженерного сопровождения инвестиций в строительстве». М., 2006. С. 160-163.



купность духовных, социальных, коммунальных, жилищных и тому подобных условий, в которых живет человек» [18, с. 83]. Данное определение основано на рассмотрении социальной среды как целостности, единства и «события» (М. Хайдеггер) ее базовых элементов, а именно природы, человека и общества [19]. Следовательно, оценка воздействия на социальную среду должна включать анализ последствий экономической деятельности для всех компонентов социальной среды, причем обязательно с учетом социальной структуры и социокультурной динамики выбранного региона [19]. При таком подходе приоритетной целью при оценке социальных последствий планируемой экономической деятельности для территорий с так называемыми уязвимыми экосистемами, как Арктика, должно стать улучшение качества жизни постоянно проживающего и коренного населения.

Не менее важный вопрос, который возникает при оценке воздействия планируемого проекта на социальную среду, связан с методологией прогноза социальных последствий. На сегодняшний день отсутствует универсальная методология оценки изменений социальной среды в результате воздействия экономической деятельности как для России в целом, так и для отдельных социальных систем, таких как Арктика. Данный факт подтверждается существующими научными исследованиями, а также практическими пособиями для разработчиков инвестиционных проектов. Одна из возможных причин заключается в том, что при оценке воздействия на социальную среду трудно спрогнозировать, как планируемый проект повлияет на здоровье, биофизическое состояние, условия жизни местного населения и какие социальные последствия он будет иметь в будущем. В связи с этим основные методы, которыми пользуются компании при оценке социальных последствий, идентичны тем, которые используются при оценке воздействия планируемого проекта на компоненты природы. К ним относятся метод прогнозирования по аналогии и экспертный метод [14, с. 106].

Суть прогнозирования по аналогии состоит в том, что при оценке воздействия на социальную среду компании сравнивают планируемый проект с уже реализованными проектами, находят сходства и отличия в видах воздействия на

социальную среду и по аналогии делают прогноз относительно возможных последствий [20, с. 59-60]. Главным недостатком данного метода является то, что он не учитывает природную и климатическую специфику конкретных территорий и условия жизни местного населения, которые будут затронуты в ходе реализации проекта, и, как следствие, может дать лишь приблизительную картину возможных социальных последствий.

Метод экспертных оценок состоит в составлении списка показателей социальной среды и установлении степени воздействия (в баллах) на основе индивидуального или коллективного мнения специалистов (экспертов) [21, с. 309]. По мнению Е.В. Рябухиной, основным недостатком данного метода является «субъективность оценок, не снимаемая даже большим числом экспертов, так как большое число экспертных мнений может повышать объективность оценок только в случае гарантируемой независимости отдельных мнений, что практически труднодостижимо в реальной практике» [14, с. 119].

Таким образом, анализ отечественной, зарубежной и профессиональной литературы показал отсутствие общих научно-теоретических подходов к оценке социальных последствий планируемой экономической деятельности, что связано с рядом факторов. Во-первых, в современной науке до сих пор не сложилось единой теории оценки, которую можно было бы использовать для анализа отдельных проектов и программ [22, с. 7]. Во-вторых, недостаточно изучено социальное пространство Арктического региона. В-третьих, большинство методов, используемых для оценки воздействия на окружающую среду планируемых хозяйственных инициатив, неприменимы для прогноза социальных изменений. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, долгосрочные прогнозы социально-экономического развития в отношении Арктики на данном этапе вряд ли возможны [23, с. 11].

На наш взгляд, одним из подходов к созданию методологии оценки социальных последствий в Арктике может стать разработка комплексной системы индикаторов социальной среды [24, с. 17] и их оценка с использованием метода матриц. Использование данной методики позволит определить текущее состояние

Арктической социальной среды, установить причинно-следственные связи между ее компонентами и воздействующими факторами и сделать прогноз возможных социальных изменений, которые могут произойти в процессе реализации экономической деятельности.

#### **Методология и методы исследования**

Для разработки методики оценки воздействия на социальную среду в 2014–2016 годах нами проведено исследование существующих практик оценки воздействия на окружающую среду в европейской части Арктической зоны России. Сбор эмпирических данных проходил в Архангельской, Мурманской областях, Республике Коми и Ненецком автономном округе путем проведения полуструктурированного интервью с основными участниками процесса ОВОС: бизнес-компаниями, являющимися инициаторами экономической деятельности и заказчиками материалов по ОВОС; государственными органами власти федерального и регионального уровня, отвечающими за согласование хозяйственных инициатив и выдачу разрешения на реализацию проекта, муниципальными органами власти, сопровождающими процедуры общественных слушаний материалов по ОВОС; некоммерческими организациями, представляющими интересы общественности; организациями, разрабатывающими проектную документацию, а также экспертами, участвующими в государственной экологической экспертизе материалов по ОВОС. Дополнительно исследование практики проведения ОВОС проводилось в городах Москве и Петрозаводске (Республика Карелия).

Всего было проведено 51 интервью. Непосредственно в регионах европейской части Российской Арктики — 40, из них 35 — личных и 5 — посредством телефонной связи. В процессе анализа полученных данных выяснилось, что 13 респондентов не имели достаточных знаний и практического опыта в области прогноза экологических и социальных последствий планируемой экономической деятельности. В результате было проанализировано 27 интервью, из них 7 — с представителями государственных органов власти федерального и регионального уровня, 2 — с представителями муниципальных органов власти, 5 — с руководителями бизнес-компаний, 6 — с представителями проектных организаций, 7 — с некоммерческими организациями.

Основная цель полевых исследований заключалась в актуализации существующей в официальных документах информации о критериях, методах оценки воздействия на окружающую среду и способах прогноза социальных последствий планируемой хозяйственной деятельности в арктических регионах России.

Вопросы, заданные респондентам в ходе личного интервью, были разделены на три тематические группы. Первая группа вопросов касалась нормативно-правового регулирования процесса ОВОС в целом и оценки социальных последствий в частности: *«Для каких экономических проектов ОВОС является обязательной?»*, *«Какими законами и подзаконными актами руководствуются компании при проведении ОВОС?»*, *«Отличается ли нормативно-правовое регулирование процесса ОВОС в Арктике и в других регионах России?»*.

Вторая группа включала вопросы методического и инструментального сопровождения оценки экологических и социально-экономических последствий планируемой деятельности, а именно способов сбора исходных данных, установления критериев для определения степени воздействия планируемого проекта на компоненты природной и социальной среды, а также инструментов мониторинга экологических и социальных последствий в процессе реализации проекта: *«Существуют ли официально утвержденные методики и критерии оценки социальных последствий планируемой хозяйственной деятельности?»*, *«Учитываются ли традиционные знания местных сообществ и коренного населения при оценке социальных последствий и если да, то каким образом?»*, *«На сколько лет вперед дается прогноз социальных последствий? Если прогноз дается на 10 или 15 лет вперед (например, в нефтегазовой отрасли), какие инструменты используются для сбора данных и какие методы — для долгосрочных прогнозов изменений социальной среды? Какие предположения о социальных последствиях включаются в анализ?»*.

Третья группа вопросов была направлена на выяснение способов вовлечения общественности в процесс оценки экологических и социально-экономических последствий и использования местного потенциала и традиционных знаний коренных народов: *«Является ли обязательным участие населения и учет общественного мнения при проведении ОВОС?»*, *«Заинтересо-*

ваны ли компании в распространении информации о планируемом проекте?», «Какие инструменты общественного участия реализуются на практике?», «Каким образом мнение общественности отражается в итоговых материалах по ОВОС?».

В заключение респондентам предлагалось привести примеры из личного опыта участия в оценке воздействия на окружающую среду и дать рекомендации по совершенствованию процедуры с учетом природных и социальных особенностей Арктического региона. В частности, собеседникам предлагалось подумать и ответить на вопросы: «Какие экологические и социальные проблемы северных регионов заслуживают особого внимания при проведении ОВОС?» и «Считаете ли Вы, что для Арктики должна быть разработана отдельная процедура ОВОС?».

В 2017 году изучение практики оценки воздействия на окружающую среду было продолжено и распространено на азиатскую часть Российской Арктической зоны<sup>9</sup>. Сбор эмпирических данных проводился путем анкетирования основных участников процесса ОВОС в Архангельской, Мурманской областях, Республике Коми, Республике Саха (Якутия), Ненецком и Ямало-Ненецком автономном округах. Из 92 отправленных респондентам анкет получено 26 ответов. Из них: 10 — от государственных органов власти федерального и регионального уровня, 8 — от представителей бизнес-компаний, 7 — от проектных организаций и 1 — от некоммерческой организации, представляющей интересы коренных малочисленных народов.

Основная цель анкетирования заключалась в изучении положительного опыта участия заинтересованных лиц в проведении ОВОС и сборе предложений по совершенствованию существующей процедуры системы экологической и социальной оценки. Всего респондентам было предложено ответить на 12 вопросов, которые были разделены на две группы. Первая группа вопросов была направлена на получение информации о существующей практике проведения ОВОС в Российской Арктике: «Участвовали ли Вы в проведении оценки воздействия

на окружающую среду и если да, то в качестве кого: инициатора проекта, разработчика проектной документации и материалов по ОВОС, представителя органов государственной власти либо общественности?», «Если да, то что это был за проект (краткое описание) и каковы были Ваши обязанности?».

Вторая группа вопросов касалась рекомендаций для улучшения существующей процедуры ОВОС с учетом специфики Арктического региона: «По Вашему мнению, существует ли на сегодняшний день идеальная схема проведения ОВОС для Арктического региона?», «Какие недостатки есть в существующей процедуре ОВОС и каким образом ее можно и нужно улучшить?», «Какова роль общественности в проведении оценки воздействия на окружающую среду и как, по Вашему мнению, можно усилить значимость общественного участия в проведении ОВОС?», «Какие вопросы и темы, на Ваш взгляд, требуют особого внимания при проведении ОВОС в Арктическом регионе?».

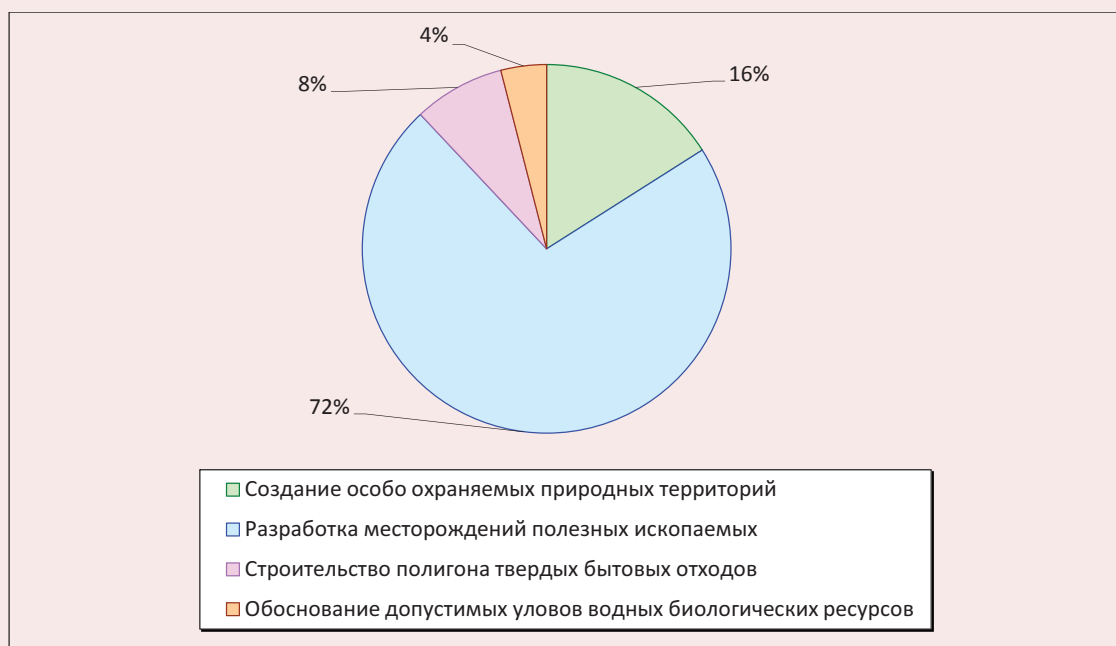
#### Результаты исследования

Анализ полученных эмпирических данных показал, что большая часть проектов, которые реализуются на территории Арктической зоны РФ, для которых проводится ОВОС, связаны с разработкой месторождений полезных ископаемых (рисунки).

Учитывая высокие экологические риски реализуемых проектов, 93% респондентов отметили важность разработки комплексной оценки воздействия на окружающую природную и социальную среду Арктического региона. Для этого необходимо восстановление ключевой роли ОВОС при принятии решений о реализации хозяйственных проектов в Арктике, совершенствование национальной нормативно-правовой базы, проведение комплексных научных исследований всех компонентов природы и общества с учетом фактического состояния окружающей природной и социальной среды в районе планируемой хозяйственной деятельности, разработка детального плана мероприятий по охране окружающей среды, введение системы государственного контроля и мониторинга за состоянием окружающей среды в районе реализации хозяйственной деятельности с учетом социально-экономических и социально-культурных аспектов территорий присутствия.

<sup>9</sup> Исследование проводилось на базе Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова по заданию Министерства экономического развития РФ в рамках реализации международного проекта «Рекомендации по оценке воздействия на окружающую среду и участию общественности в Арктике».

Распределение проектов ОВОС по отраслям хозяйственной деятельности



Особое внимание, по мнению респондентов, должно уделяться оценке социальных последствий планируемой хозяйственной деятельности. Система индикаторов Арктической социальной среды должна включать как основные (базовые), так и специфические для данной территории показатели, такие как традиционный образ жизни коренных малочисленных народов, их самобытная социальная организация, особенности культурной и бытовой жизнедеятельности, духовные ценности, традиционные промыслы. К числу вопросов, требующих особого решения при проведении ОВОС в Арктике, по мнению респондентов, относятся: возмещение экологического ущерба коренным малочисленным народам в местах их традиционного природопользования, сохра-

нение и профилактика здоровья, сохранение и развитие традиционной культуры и языков коренных малочисленных народов.

На основе анализа научной и профессиональной литературы, а также результатов полевых исследований нами выделены количественные (объективные) и качественные (субъективные) критерии для оценки текущего состояния и прогноза изменений социальной среды Арктического региона России (табл. 1).

К количественным показателям относятся те критерии, которым может быть придано числовое значение [24, с. 104]. Качественные данные могут быть конвертированы в количественные на основе балльной системы, ранжированы по степени интенсивности влияния воздействующих факторов и использованы для составле-

Таблица 1. Критерии оценки текущего состояния и прогноза изменений социальной среды Арктического региона России

Количественные	Качественные
Демографические показатели и миграционные процессы	Традиционная материальная культура
Трудовая занятость	Традиционная духовная культура
Доходы и уровень жизни населения	Рекреационные ресурсы
Доступность образования	Право на традиционные промыслы
Здоровье и безопасность населения	Социальное самочувствие

ния объективной картины текущего состояния и возможных изменений социальной среды. Для этого целесообразно использовать метод матриц, с помощью которого часто проводится оценка воздействия планируемого проекта на компоненты природы. Суть данного метода состоит в установлении взаимосвязи между индикаторами социальной среды, которые будут рассматриваться в ходе оценки, и воздействующими факторами с последующим построением таблицы, в клетках которой обозначается факт взаимодействия [21, с. 310]. Степень воздействия может быть установлена по результа-

там социологических исследований и выражена с помощью балльных шкал. В результате будет построена двухмерная количественная матрица воздействия, которую можно использовать для установления причинно-следственных связей между воздействующими факторами и компонентами социальной среды, получения экспертного знания о её текущем состоянии и возможных изменениях [21, с. 310], разработки альтернативных вариантов реализации проекта, а также мероприятий по смягчению либо предотвращению негативных последствий для социума (табл. 2).

Таблица 2. Матрица воздействия инвестиционного проекта на социальную среду Арктического региона

Индикаторы социальной среды	Воздействующие факторы	Степень воздействия (балльная оценка)
Трудовая занятость	Создание и предоставление новых рабочих мест, в том числе коренному населению.	X
	Снижение уровня безработицы.	X
Доходы и уровень жизни	Повышение уровня доходов и заработной платы.	X
	Рост социальной мобильности.	X
	Рост социального расслоения по уровню доходов.	X
	Изменение стоимости товаров и услуг.	X
	Строительство и ввод в эксплуатацию нового жилья.	X
	Изменение уровня цен на жилье.	X
	Рост спроса на местные товары и услуги, а также закупки у родовых общин продукции традиционного промысла.	X
	Развитие местного бизнеса.	X
	Модернизация и строительство объектов социальной инфраструктуры.	X
Миграция населения	Рост числа трудовых мигрантов.	X
	Необходимость переселения местного и коренного населения.	X
Демографическая ситуация	Прирост населения и изменение его состава в связи с ростом числа трудовых мигрантов.	X
Образование	Рост числа образовательных учреждений и организаций, предоставляющих образовательные услуги.	X
	Повышение доступности, уровня и качества образовательных услуг.	X
	Создание условий для получения общего, профессионального, дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и переобучения местного и коренного населения.	X
Здоровье населения	Рост заболеваемости в связи с загрязнением окружающей среды.	X
	Рост психических заболеваний населения в связи с нарушением традиционного образа жизни.	X
	Строительство новых и модернизация существующих объектов здравоохранения.	X
	Повышение качества медицинских услуг.	X
	Повышение доступности здравоохранения для местного и коренного населения.	X

Окончание таблицы 2

Индикаторы социальной среды	Воздействующие факторы	Степень воздействия (балльная оценка)
Безопасность населения	Рост числа социальных и межкультурных конфликтов между коренным, местным населением и трудовыми мигрантами.	X
	Увеличение числа несчастных случаев в связи со строительством и эксплуатацией объектов инфраструктуры.	X
	Рост уровня преступности.	X
Духовные и культурные ценности	Нарушение либо утрата объектов духовного, культурного и культурно-исторического наследия.	X
	Ограничение либо нарушение доступа к объектам духовного, культурного и культурно-исторического наследия.	X
	Нарушение самобытного и традиционного образа жизни, включая невозможность совершения традиционных обычаев, ритуалов, религиозных обрядов.	X
	Утрата языков коренных народов.	X
Рекреационные ресурсы	Ограничение либо прекращение доступа к традиционным зонам отдыха и туризма.	X
Традиционные промыслы	Изъятие, сегментация земель коренного населения.	X
	Сокращение рыбных запасов и ограничение возможностей для традиционного и любительского рыболовства.	X
	Ограничение доступа к местам сбора дикоросов.	X
	Ограничение доступа к местам охоты.	X
	Изменение кочевых маршрутов и мест кормлений оленей.	X
Социальное самочувствие	Рост уровня социальной напряженности.	X
	Возникновение проблем с социальной адаптацией местного и коренного населения к новым социально-экономическим условиям.	X
	Рост уровня обеспокоенности и недоверия населения.	X

Недостаток предлагаемого метода заключается в том, что он не дает достаточно объективных критериев для принятия управленческих решений и не может быть использован при мониторинге воздействий [14, с. 111].

#### Обсуждение результатов и выводы

Рассмотренные аспекты существующей оценки воздействия на социальную среду планируемой экономической деятельности говорят об актуальности комплексных исследований данной проблемы как в научно-теоретическом, так и практическом плане. Научный анализ, определение критериев, разработка методик ее проведения играют важную роль в обеспечении устойчивого социального развития территорий в процессе экономической деятельности и сохранении условий и качества жизни населения. Особое значение имеет решение данной проблемы для Арктики, пространство которой представляет собой сложное соединение природных, социальных, исторических, культурных, духовных уровней бытия человека.

Именно учет всех аспектов существования человека должен быть положен в основу разработки методологий и технологий оценки и прогнозирования социальных рисков.

В статье показано, что традиционно развитие оценки всегда шло от практики к теории [22], однако никакая практика оценки не может гарантировать безопасность планируемой деятельности без комплексных теоретических исследований системы, на которую будет оказано воздействие. Этим обуславливается необходимость проведения научных исследований социальной структуры и социальной динамики Арктического региона, а также особенностей традиционного природопользования и жизнедеятельности [25].

Хотя в последние годы как в России, так и за рубежом публикуется все больше плодотворных научных трудов, посвященных различным социальным аспектам северных и арктических территорий, анализ результатов интервью и анкетирования показал, что к числу наиболее се-

рьезных проблем при разработке конкретных методик и технологий прогноза социальных последствий относится определение индикаторов Арктической социальной среды. Одним из способов решения данной проблемы, на наш взгляд, является учет мирового и российского опыта научно-прикладных исследований и привлечение к решению данного вопроса экспертов и практиков из таких научных областей, как социология, антропология, этнология, география, экономика и экология.

Вторая проблема, решение которой принято в статье, связана с разработкой методики прогноза социальных последствий на основе матричного метода, которая может быть использована для оценки текуще-

го состояния, прогноза возможных изменений социальной системы и стать основой для принятия социально значимых решений о реализации инвестиционного проекта. Несмотря на существующие недостатки предложенной методики, она может быть взята за основу для разработки единых подходов и методологий оценки воздействия на социальную среду, которые в свою очередь могут быть использованы государственными органами, компаниями для разработки общих рекомендаций по устойчивому развитию Арктического региона, а также принятия решений в области охраны окружающей среды и сохранения благоприятных условий жизни местного населения Арктики.

### Литература

1. Приоритеты России в Арктике. Специальный доклад к международному форуму технологического развития «Технопром-2016». Новосибирск, 2016. 64 с.
2. Arctic Business Forum Yearbook 2016 / Compiled and edited by Timo Rautajoki. Lapland Chamber of Commerce. Rovaniemi, 2016. 198 p.
3. Руденко Д.Ю. Анализ демографических процессов в российской Арктике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 51-57. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57
4. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 26-31.
5. Виноградова С.Н., Маслобоев В.А. Добыча полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов Севера: особенности, проблемы, механизмы регулирования // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). С. 96-103.
6. Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Фундаментальные аспекты рационального освоения ресурсов нефти и газа Арктики и шельфа России: стратегия, перспективы и проблемы // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 4-13.
7. Barrow C.J. *Social Impact Assessment: An Introduction*. London: Arnold, 2000. 244 p.
8. Vanclay F. Conceptualising social impacts. *Environmental Impact Assessment Review*, 2002, no. 22(3), pp. 183-211.
9. Becker H.A., Vanclay F. *The International Handbook of Social Impact Assessment*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. 352 p.
10. *Social Impact Assessment*. International Association for Impact Assessment. Available at: <http://www.iaia.org>.
11. Рамочный документ по экологическим и социальным вопросам // Всемирный банк. URL: <https://consultations.worldbank.org> (дата обращения: 22.03.2018).
12. Koivurova T., Lesser P., Bickford S., Kankaanpää P., Nenashева M. *Environmental Impact Assessment in the Arctic. A Guide to the Best Practice*. Edward Elgar Publishing, Inc., 2016. 311 p.
13. Gulakov I., Vanclay F. Social impact assessment in the Russian Federation: does it meet the key values of democracy and civil society? *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2018, vol. 36, no. 6, pp. 494-505. DOI: 10.1080/14615517.2018.1507111.
14. Рябухина Е.В. Оценка воздействия на окружающую среду. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 175 с.
15. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 32-42. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.2.

16. Аникевич А.Г., Елизаров С.А., Юрис С.А. Методика оценки социально-экономических последствий реализации стратегических управленческих решений на уровне региона // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. 2001. № 3-4. С. 100-107.
17. Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 217. С. 1-43.
18. Шмаль А.Г. Факторы экологической опасности и экологические риски. Бронницы: ИКЦ БНТВ, 2010. 191 с.
19. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
20. Матвеев А. Н., Самусенок В.П., Юрьев А.Л. Оценка воздействия на окружающую среду. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. 179 с.
21. Экологическая экспертиза / под общ. ред. В.М. Питулько. М.: Академия, 2010. 528 с.
22. Визгалов Д.В. Методы оценки муниципальных программ. М.: Фонд «Институт экономики города», 2004. 108 с.
23. Минакир П.А., Леонов С.Н. Проблемы прогнозирования развития арктических регионов Дальнего Востока // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1(17). С. 10-17.
24. Невейкина Н.В. Индикаторы социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 23(302). С. 16-27.
25. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова. М.: СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.

### Сведения об авторе

Марина Викторовна Ненашева – кандидат философских наук, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: m.nenasheva@yandex.ru)

Nenasheva M.V.

### Social Impact Assessment as a Tool for Sustainable Development of the Russian Arctic

**Abstract.** In the context of dynamic economic development of the Arctic, one of the strategic tasks is to ensure environmental safety and preserve the conditions and quality of life of the local population. It is possible to solve this problem by conducting environmental impact assessment (EIA) at the stage of economic activity planning, which is mandatory in all Arctic countries. During the EIA process, companies assess possible environmental and related social and economic impact of the planned investment project. For this purpose, appropriate techniques are used, and their number is sufficient to carry out a comprehensive assessment of the impact on the natural environment. At the same time, assessing social impact of economic initiatives is quite a challenge for companies due to the fact that Russia lacks the documents and methodological recommendations that regulate the implementation of such an assessment. This fact is confirmed by the practice of EIA and by scientific research, according to which the assessment of social impact of economic activity is one of the most difficult and least studied issues in modern science. It becomes particularly important to find a solution to this problem for the Russian Arctic, where the indigenous population lives, whose conditions and quality of life largely depend on the state of the environment and preservation of traditional economic activities. In this regard, we set a goal to find an approach to the development of a methodology for forecasting social changes for the Arctic region of Russia. To achieve the goal, we do the following 1) we analyze the existing methodological approaches



to assessing the social impact of the planned economic activity in the context of Russian and foreign research, as well as the practice of EIA; 2) we describe a system of indicators of the social environment of the Russian Arctic; 3) we build a matrix of social impact of the planned economic activity. The findings of our study can become the basis for the development of specific techniques, including sectoral methods, to assess social impact of the planned economic activity; these techniques can be used for a comprehensive environmental assessment of the planned economic activity by public and private companies.

**Key words:** economic activity, impact, social environment, assessment, social impact, indicator, methodology, Russian Arctic.

### **Information about the Author**

Marina V. Nenasheva – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: m.nenasheva@yandex.ru)

Статья поступила 18.04.2018.

## Минимальная заработная плата и прожиточный минимум в российской экономике: теоретический и эмпирический анализ основных тенденций\*



**Юлия Александровна  
ПЕРЕКАРЕНКОВА**

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН  
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17  
E-mail: perekarenkova@mail.ru



**Виктор Иванович  
КРЫШКА**

Алтайский государственный университет  
Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, 656049, пр. Ленина, д. 61  
E-mail: kryshka@mail.ru

**Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию взаимной связи минимальной заработной платы и прожиточного минимума в российской экономике. В частности, проведен анализ степени разработанности указанной проблематики, выявлены наиболее разработанные, менее разработанные и дискуссионные аспекты. Используемая в статье методология нормативно-позитивного анализа позволила установить причинно-следственную связь, согласно которой прожиточный минимум должен определять соответственно потребительскую корзину и минимальную

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

**Для цитирования:** Перекаренкова Ю.А., Крышка В.И. Минимальная заработная плата и прожиточный минимум в российской экономике: теоретический и эмпирический анализ основных тенденций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 12. № 2. С. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13

**For citation:** Perekarenkova Yu.A., Kryshka V.I. Minimum wage and the subsistence level in the Russian economy: theoretical and empirical analysis of the main trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13

заработную плату. Однако, как отмечается в статье, в существующей экономической практике указанная связь имеет и противоположное направление. Рассмотренные на уровне российской экономики основные тенденции изменения прожиточного минимума, потребительской корзины и минимальной заработной платы позволяют сделать вывод о том, что их номинальное законодательно установленное равенство не обеспечивает реальное простое воспроизводство рабочей силы в отдельных регионах. Более того, полученные в ходе эмпирического анализа данные свидетельствуют о наличии дифференциации в уровне оплаты труда между регионами одного вида деятельности. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении полной фигуры кругооборота товарной формы простой рабочей силы, включая получение авансированной минимальной заработной платы, минимального располагаемого дохода, прожиточного минимума. Полученные в ходе анализа российские данные свидетельствуют о сохранении отставания минимальной заработной платы от реального уровня прожиточного минимума, что препятствует созданию условий для простого воспроизводства рабочей силы. Полученные результаты могут быть использованы при разработке нормативных документов федерального и регионального уровней, целевых программ поддержки сельских территорий, изучении связи между прожиточным минимумом и минимальной заработной платой, дифференцированной по отраслям, регионам и уровню профессиональной подготовки работников.

**Ключевые слова:** заработная плата, оплата труда, стоимость рабочей силы, мера оплаты труда, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, политика в области минимальной заработной платы.

### Введение

В настоящее время в отечественной хозяйственной практике по найму работает 93,4% занятых трудоспособных граждан<sup>1</sup>. Не требует доказательств тезис, что любой работающий по найму *желает* получать за свой труд достаточное для *нормальной* жизни вознаграждение в виде заработной платы. Однако практика значительно многообразнее и сложнее указанного желания. Во-первых, авторские наблюдения, результаты исследований, публикуемые официальные статистические данные, мнения экспертов и другие основания позволяют утверждать, что, несмотря на произошедшие изменения в уровне оплаты труда в сторону ее увеличения, в целом по стране и отдельно по регионам сохраняется относительно низкий уровень оплаты труда наемных работников. Во-вторых, в хозяйственной практике различия в уровне сложившейся заработной платы во многом определяются спецификой хозяйственной деятельности в регионе. Например, в Алтайском крае, как регионе с наличием аграрной (аграрно-промышленной) специализации, доля лиц, получающих оплату труда на уровне минимальной

заработной платы и ниже, в 2017 г. составила 6,0% от общей численности наемных работников. В-третьих, несмотря на то что с мая 2018 года по действующему законодательству минимальный уровень оплаты труда (11 163 руб.) приравнен к прожиточному минимуму, величина минимальной оплаты труда остаётся все же относительно низкой<sup>2</sup>.

В мировой экономической литературе наиболее изученным аспектом является рассмотрение минимальной заработной платы во взаимосвязи с уровнем занятости, конкурентным рынком труда, уровнем нормирования труда, потребительскими ценами в экономике, формированием человеческого капитала и др. Поскольку рассмотрение указанных аспектов непосредственно не относится к изучаемой проблеме, остановимся на них с позиции общего обзора проблематики.

Так, в ходе исследования влияния минимальной заработной платы на уровень *занятости* населения одна группа исследователей выявила негативное влияние на занятость

<sup>1</sup> Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 44.

<sup>2</sup> В современной экономической литературе проведение подобной меры не вызывает большого оптимизма среди исследователей. Наоборот, высказываются опасения о том, что прожиточный минимум не будет вовремя пересматриваться, исходя из необходимого уровня жизни трудоспособного населения [1, с. 88].

отдельных групп низкооплачиваемой и низкоквалифицированной рабочей силы [2]. Другая группа исследователей выявила обратную картину, позволяющую определить положительное влияние минимальной заработной платы на занятость [3, 4]. В частности, в статье С. Бадуко и А. Джаниана были исследованы последствия влияния повышения минимальной заработной платы на такие макроэкономические переменные, как занятость, фонд капитала и распределение заработной платы. Полученные в ходе данного исследования результаты подтвердили предыдущие выводы: умеренный рост минимальной заработной платы почти не влияет на занятость, в то время как сокращает распределение заработной платы и создает положительные побочные эффекты для ее повышения [5]. В работе Д. Сенгиза и др. представлен подход, исследующий влияние минимальной заработной платы на занятость. Новизна представляемого подхода позволила оценить данное влияние, основываясь на распределении заработной платы [6]. В статье А. Брауна, К. Мерклин и Д. Сновера делается вывод о том, что достаточно низкая минимальная заработная плата не оказывает негативного воздействия на занятость. Напротив, высокий уровень минимальной заработной платы приводит к сокращению числа рабочих мест [7]. Исследование Т. Боери позволило сделать вывод о разнице в уровнях устанавливаемой минимальной заработной платы. Изучив данные по 68 странам за период с 1981 по 2005 г., она сделала вывод о том, что уровень минимальной заработной платы, устанавливаемый Правительством, ниже минимального уровня заработной платы, установленного в коллективных договорах [8].

В статье Д. Ли и Е. Саиза приведен нормативный анализ политики установления оптимального минимума заработной платы применительно к модели конкурентного рынка труда с использованием стандартной системы социального обеспечения. В частности, в ней представлен анализ оптимальной политики минимальной заработной платы, необходимой для формирования механизма перераспределения на высококонкурентном рынке труда, в двух вариантах: 1) при наличии налогов/трансфертов и 2) при их отсутствии. В ходе исследования был получен вывод о том, что минимальная заработная плата является полезным инструментом,

если правительство имеет механизмы, позволяющие провести перераспределение в пользу низкооплачиваемых работников [9].

В статье Р. Сауэра рассмотрены макроэкономические последствия изменения *нормативного регулирования* минимальной заработной платы. Согласно проведенной оценке с точки зрения монетарной политики США минимальная заработная плата оказывает незначительное влияние на макроэкономику. Хотя обстоятельные расчеты показывают, что продуманное повышение минимальной заработной платы<sup>3</sup> способно привести к экономическому росту [10].

В отечественной литературе исследование минимальной заработной платы проводилось во взаимосвязи с *воспроизводством рабочей силы, отраслевыми и региональными особенностями оплаты труда*, проводимой *политикой заработной платы* и др. В частности, рассмотрение и обоснование необходимости регулирования отношений в области оплаты труда с точки зрения реализации законодательно установленных норм в оплате труда для конкретно взятого предприятия отражено в исследованиях Р. Капелюшникова, М.Ю. Неклюдовой, Т.Н. Долининой и др. [17–19]. Исследования, посвященные изучению проблем минимальной заработной платы и связанных с ней аспектов применительно к региональному рынку труда, сравнительному анализу зарубежного и отечественного опыта регулирования отношений в области оплаты труда, представлены в работах Н.Т. Вишневской, Э.Н. Соболева, А.Л. Мазина, Н.М. Кулагиной, Е.А. Ефимовой и многих других [20–24]. Одним из центральных аспектов в исследовании политики заработной платы является рассмотрение и обоснование необходимости определения минимального уровня оплаты труда с позиции гарантированности наемному работнику *приемлемого* уровня воспроизводства его рабочей силы [25–28]. При этом экономическая значимость использования минимального уровня оплаты труда в регулировании отношений между работником и работодателем обосновывается важностью участия государства в определении нормативного

<sup>3</sup> Отдельные статьи посвящены изучению влияния минимальной заработной платы на уровень *отраслевых цен* [11], *потребление работников* [12], *профессиональную подготовку* [13], *уровень автоматизации рабочих мест* [14–16].

уровня (нижней границы), способного обеспечить нормальный уровень удовлетворения потребностей работника и членов его семьи в одежде, пище, жилье, рождении и воспитании детей и т.д. [29–30].

Особенностью отечественной школы экономистов, занимающихся изучением проблем минимальной оплаты труда, является ее рассмотрение во взаимосвязи с прожиточным минимумом. Большинство современных исследований сосредоточено вокруг рассмотрения их соотношения преимущественно в 2000-х годах. В частности, изучение соотношения минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума для трудоспособного населения проведено в статье Э.Н. Соболева и И.В. Соболевой [31]. В исследовании В.В. Коокуевой рассматриваемые методологические аспекты связаны с изучением законодательных основ установления минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума с последующим проведением оценки изменения данных величин [32].

Проводимые исследования прожиточного минимума связаны с методологией его определения. Данный вопрос изучался в статье Л.С. Ржаницыной и И.В. Соболевой, где внимание уделено рассмотрению подходов к количественному определению прожиточного минимума с использованием законодательно установленных российских нормативов в сравнении с зарубежной практикой [33].

В отличие от рассмотренных исследовательских работ, в настоящей статье, помимо изучения сложившихся тенденций изменения минимального размера оплаты труда, прожиточного минимума и уровня потребительских цен за период с 1990 по 2017 г., особое внимание уделено исследованию теоретических аспектов формирования минимальной заработной платы и прожиточного минимума.

Менее изученными сторонами в исследовании соотношения между минимальным размером оплаты труда и прожиточным минимумом являются: соотношение позитивного и нормативного подхода при исследовании данной связи; логическая связь между минимальной заработной платой, прожиточным минимумом и минимальной потребительской корзиной с позиции кругооборота стоимости товара рабочей силы.

Исходя из недостаточной степени изученности указанных аспектов проблемы, цель статьи состоит в изучении теоретических оснований и выявлении сложившихся тенденций в соотношении между минимальным размером оплаты труда (МРОТ) и прожиточным минимумом (ПМ). Для достижения указанной цели предполагается решить следующие задачи: определить методологию исследования; проанализировать теоретические и эмпирические результаты исследования минимальной заработной платы и прожиточного минимума; показать их научную и практическую значимость в современной экономике.

#### Методология исследования

Знакомство с нормативно-правовой литературой показало, что минимальная заработная плата и прожиточный минимум с позиции методологии находятся в непосредственной логической связи. Так, в Трудовом кодексе Российской Федерации говорится о том, что минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации Федеральным законом и *не может быть* ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения<sup>4</sup>.

Сказанное означает, что с логико-методологической позиции термин «прожиточный минимум» является *нормативно* определяющим минимальную заработную плату. Это подтверждается в последней редакции Федерального закона о минимальном размере оплаты труда, в котором утверждается, что с 1 января 2019 года и далее ежегодно, с 1 января соответствующего года, минимальный размер оплаты труда устанавливается Федеральным законом в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации<sup>5</sup>. Вместе с тем в Федеральном законе о прожиточном минимуме говорится, что прожиточный минимум – это стоимостная оценка потребительской корзины, под которой понимается необходимый для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизне-

<sup>4</sup> См. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ (ред. от 11.10.2018). Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

<sup>5</sup> См.: О минимальном размере оплаты труда в Российской Федерации: Федеральный закон от 19.06.2000 г. №82-ФЗ (с изменениями на 7 марта 2018 г.). Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

деятельности минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания<sup>6</sup>.

Таким образом, как нам представляется, с позиции логики законодательства получается такая *позитивная* дедуктивная триада: потребительская корзина определяет прожиточный минимум, который, в свою очередь, является ориентиром для установления минимальной заработной платы.

Если посмотреть на эту триаду со стороны минимальной заработной платы, то получается противоположная *нормативная* (предписывающая) триада<sup>7</sup>: минимальная заработная плата *должна* соответствовать прожиточному минимуму, а прожиточный минимум *должен* соответствовать потребительской корзине.

Позитивный аспект, как известно из методологии научных исследований, связан с изучением того, *что есть*. Применительно к указанной выше проблеме на самом деле *фактически* получаемая и располагаемая денежная заработная плата в товарно-денежной экономике при всех прочих равных условиях *определяет* реальный уровень жизни наемных работников.

<sup>6</sup> О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 №134-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.). Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

<sup>7</sup> Нормативный (предписывающий) подход и позитивный (описывающий) подходы, как известно, противоположны и исключают друг друга. На это первым в философии и методологии науки обратил внимание еще Д. Юм и сформулировал принцип, известный как гильотина Юма [34]. Суть его, как известно, заключается в том, что с позиции формальной логики нельзя непосредственно перейти от *суждений бытия* (описательных суждений), в которых между субъектом и предикатом суждения устанавливается связка через слово «есть», и суждениями *понятия* (предписывающим суждениям), в которых утверждается или отрицается не то, что есть, а то, что *должно* быть или, соответственно, не должно быть.

Нельзя не согласиться с тем, что сказанное как самим Юмом, так и его многочисленными последователями с позиции формальной логики очевидно. Но аристотелевская формальная логика не исчерпывает всей логики. Так, Г.В.Ф. Гегель в «Науке логики», в частности в учении о бытии, говорит не только о *реальности* наличного бытия, его пределе, но и выходе за этот предел в сторону *бесконечности*. Этот выход, точнее, стремление выйти за предел, связан с принципом *долженствования*, который имеет характер не реального (конечного), а *идеального* (бесконечного) бытия [35]. Поэтому, по Гегелю, фактический момент *долженствования* входит в логику бытия, того, что есть.

Нормативный аспект, как известно также из методологии научных исследований, связан с тем, что *есть (фактическое бытие)*, должно соответствовать своему идеальному понятию. Применительно к задаче, решаемой в статье, минимальная заработная плата *должна* всегда *соответствовать* минимальному уровню жизни наемных рабочих.

#### Теоретические результаты исследования

Исследование минимальной заработной платы на теоретическом уровне позволило раскрыть сущность ее проявления в рамках как простого товарно-денежного обращения (т.е. рынков труда и средств потребления), так и обращения индивидуального промышленного капитала, которое изложено в «Капитале» К. Маркса. Неомарксистский подход, как нам представляется, позволяет рассмотреть и проанализировать взаимную связь, переход минимальной заработной платы и прожиточного минимума «друг в друга».

Так, по Марксу покупка капиталистом рабочей силы  $D - T_{PC}$  есть одновременно и продажа рабочей силы наемным работником  $T_{PC} - D$  [36]. Полученные деньги, включая и минимальную заработную плату, наемный рабочий расходует на приобретение средств потребления, или  $D - T_{СПТ}$  где  $T_{СПТ}$  – товар(ы) в качестве средства потребления.

По теории Маркса, обращение товара «рабочая сила» вписывается *только* в фигуру *простого* товарного обращения:

$$(T - D - T), \text{ а не обращения капитала (1)}$$

$$D - T - D'. \quad (2)$$

Это теоретическое видение не позволило К. Марксу выйти на товарную форму кругооборота факторов производства, включая рабочую силу.

Во-первых, по Марксу фигура простого товарного обращения без учета перерывов для кругооборота стоимости рабочей силы выглядит следующим образом:

$$T_{PC} - D - T_{СПТ}, \quad (3)$$

т.е. продажа рабочей силы с целью покупки средств потребления. Однако в этой фигуре начальный и конечный пункты не совпадают, что противоречит форме кругового движения,

в которой начальный и конечный пункты по форме и содержанию должны совпадать, т.е. в лапидарном виде кругооборот товарной формы рабочей силы должен быть таким:  $T_{PC} - D - T_{PC}$ , причем конец одного кругооборота является началом следующего.

Во-вторых, на рынке труда малый товарный кругооборот стоимости рабочей силы всегда связан с известного рода перерывами, в течение которых полученная *денежная* заработная плата рабочих приобретает характер денежного запаса (предпочтение ликвидности по Кейнсу), предназначенного для приобретения средств потребления. Рабочие не расходуют свою заработную плату *сразу*, а расходуют ее по *частям* в течение известного времени. С учетом сказанного формула 3 приобретает вид:

$$T_{PC} - D \dots D - T_{СПТ} , \quad (4)$$

где точки означают перерывы в расходовании денег в качестве заработной платы, включая ее минимальный уровень.

В-третьих, получение заработной платы опосредовано процессом труда. Заработная плата (цена труда) выступает как *плата за труд*, точнее, как плата за выполненную *работу*. Это обстоятельство позволяет разделить заработную плату на две части. Одна часть выплачивается в качестве аванса, цель которого поддержать трудоспособность работника до окончания процесса труда. Гипотетически она должна соответствовать некой *постоянной* величине, равной прожиточному минимуму и минимальной заработной плате. Другая часть заработной платы должна идти на полную оплату труда, в соответствии с заключенным контрактом, включая различные доплаты и надбавки. Гипотетически эта часть заработной платы имеет *переменный* характер. Если учесть сказанное, то формула 4 приобретает такой вид:

$$T_{PC} - D_{АЗП} \dots T_P \dots P - D_{НЗП} - T_{СПТ} , \quad (5)$$

где  $D_{АЗП}$  – авансированная заработная плата,  $\dots T_P \dots$  – процесс труда,  $P$  – выполненная работа,  $D_{НЗП}$  – начисленная за выполненную работу заработная плата за минусом аванса.

В-четвертых, из начисленной заработной платы на практике вычитаются различные налоги и сборы, добавляются законные нетрудо-

вые доходы. Этот момент распределения опосредованно входит в кругооборот стоимости рабочей силы. С учетом момента распределения формула 5 приобретает вид:

$$T_{PC} - D_{АЗП} \dots T_P \dots P - D_{НЗП} \dots D_{ЛРД} - T_{СПТ} , \quad (6)$$

где  $D_{ЛРД}$  – личный располагаемый доход, при этом  $D_{ЛРД} = D_{НПЗ} - Н + D_{ЗНД}$ , где  $Н$  – все налоги и сборы,  $D_{ЗНД}$  – законные нетрудовые доходы.

В-пятых, чтобы снова продать рабочую силу, включая ее простую форму, наемному работнику необходимо 1) выступить в качестве покупателя средств потребления, 2) осуществить их потребление и 3) воспроизвести прежнюю рабочую силу. С учетом сказанного *полная* фигура кругооборота товарной формы стоимости простой рабочей силы приобретает такой вид:

$$T_{PC} - D_{АЗП} \dots T_P \dots P - D_{НЗП} \dots D_{ЛРД} - T_{СПТ} \dots P_T \dots U_D - T_{PC} , \quad (7)$$

где  $D_{ЛРД}$  – личный располагаемый доход;  $T_{СПТ}$  – средства потребления как товар;  $P_T$  – процесс потребления;  $U_D$  – удовлетворенность/неудовлетворенность процессом потребления;  $T_{PC}$  – воспроизведенная рабочая сила в том же самом качестве и объеме, т.е., говоря марксистским языком, осуществляется простое воспроизводство товара «рабочая сила»<sup>8</sup>.

Исходя из рассматриваемой проблемы минимальной заработной платы и прожиточного минимума, воспроизводство товарной формы стоимости рабочей силы можно представить следующим образом:

$$T_{ПРС} - D_{АЗП} \dots T_{НТ} \dots P - D_{МЗП} \dots D_{МЛРД} - T_{ПК} \dots P_{ПМ} \dots U_{МУД} - T_{ПРС} , \quad (8)$$

где  $T_{ПРС}$  – простая, как правило, неквалифицированная рабочая сила;  $D_{АЗП}$  – авансированная минимальная заработная плата, которая примерно составляет 40% от минимальной заработной платы;  $T_{НТ}$  – неквалифицированный труд;

<sup>8</sup> В рамках данной статьи рассматривается простая рабочая сила, которой соответствует и должна соответствовать минимальная заработная плата. Расширенное воспроизводство рабочей силы и рост квалификации рабочих в ней не анализируется.

$P$  – выполненная работа в виде, как правило, услуг;  $D_{мзп}$  – минимальная заработная плата;  $D_{млрд}$  – минимальный личный располагаемый доход;  $T_{пк}$  – потребительская корзина;  $P_{пм}$  – прожиточный минимум;  $Y_{муд}$  – минимальная удовлетворенность/неудовлетворенность прожиточным минимумом;  $T_{прс}$  – воспроизводство простой рабочей силы.

Формула 8 позволяет *теоретически* увязать минимальную заработную плату, потребительскую корзину и прожиточный минимум. Данное положение является важным методологическим и понятийным основанием при проведении нормативно-позитивного анализа сложившихся тенденций изменения минимальной заработной платы и прожиточного минимума в целом по российской экономике, а также отдельно по выделенной группе аграрных регионов.

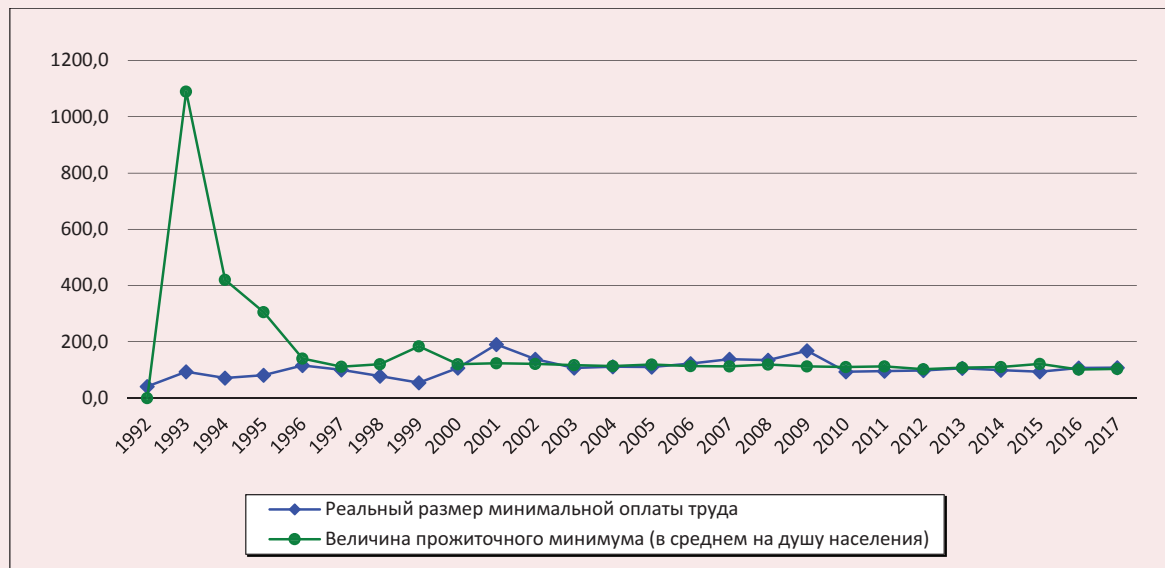
**Анализ и пояснение эмпирических результатов**

Изучение российских тенденций изменения минимального размера оплаты труда способ-

ствовало выявлению основных проблем, сложившихся в экономике в части оплаты наемного труда.

1. Проведенный эмпирический анализ показал, что на протяжении 25-летнего периода в российской экономической практике существовало отставание минимальной заработной платы от уровня прожиточного минимума. В этот период в российской экономике произошла утрата воспроизводственной функции минимальной заработной платы. Начиная с 1992 г. между номинальным значением МРОТ и прожиточным минимумом сформировалась существенная разница, которая на протяжении последующих лет увеличивалась. В последующие годы (1993–1998) меры правительственной политики в области регулирования оплаты труда низкоквалифицированных работников выражались в росте номинального значения МРОТ, но при ежегодном снижении темпов его роста. В связи с кризисом 1998 г. размер МРОТ в 1997–1999 гг. оставался без изменений (*рис. 1*).

Рис. 1. Размер минимальной оплаты труда и величина прожиточного минимума, в % к предыдущему году



Источники: Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 117, 120; Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 118-120, 130; Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 118-120, 130; Россия в цифрах. 2015: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 118, 120, 130; Россия в цифрах. 2014: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 128, 130; Россия в цифрах. 2013: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 128, 130; Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 116-117; Россия в цифрах. 2008: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 116-117; Россия в цифрах. 2004: крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. С. 99-100; Россия в цифрах. 2000: крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. С. 99.

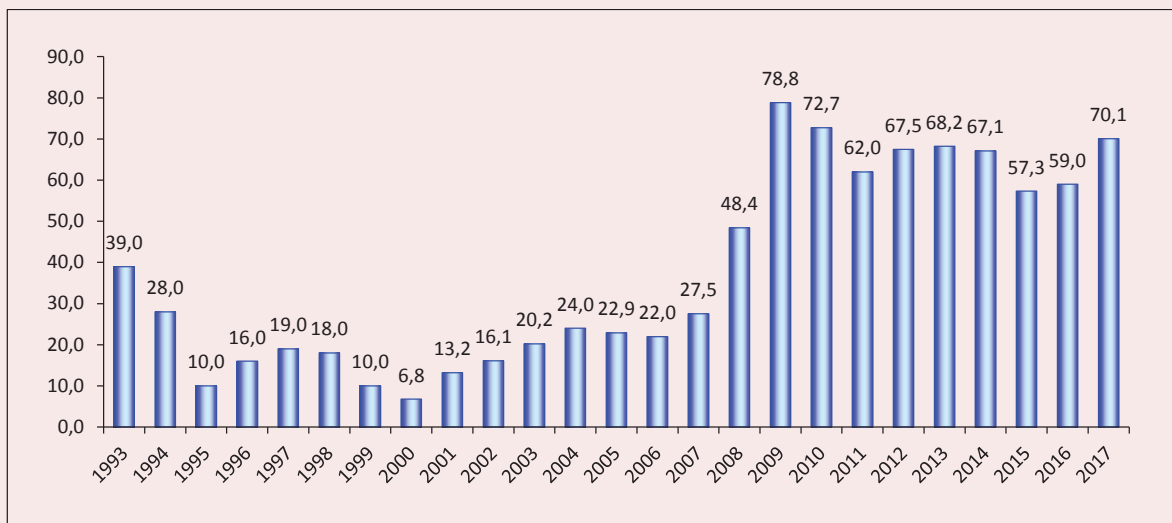


Динамика величины прожиточного минимума в российской экономике в первом десятилетии экономических преобразований состояла в том, что темпы роста прожиточного минимума были большими, чем темпы ежегодного увеличения минимальной оплаты труда. Особо это проявилось в периоды 1993–1995, 1998–1999 гг. Именно в эти годы сформировавшиеся различия были настолько существенными, что меры экономической политики, принимавшиеся в последующие 15 лет, не способствовали существенному увеличению номинального значения МРОТ и преодолению его отставания от уровня прожиточного минимума. Превосходство ежегодных темпов роста МРОТ над темпами роста прожиточного минимума в 2001–2002 гг. и 2006–2009 гг. также не устранили накопленного за предыдущие периоды отставания.

Период восстановительного роста в российской экономике<sup>9</sup> в 2000–2007 гг. положительно сказался на динамике МРОТ и ПМ. В этот период наметилась тенденция сокращения разницы между данными показателями, сохранившаяся по настоящее время (рис. 2).

Принятый в 2018 г. закон о повышении МРОТ направлен на устранение сформировавшегося номинального отставания между данными показателями. Однако данная мера не позволяет утверждать, что минимальная заработная плата, равная потенциальному уровню прожиточного минимума, обеспечивает необходимый минимум средств для *нормального* воспроизводства рабочей силы наемного работника и членов его семьи. Более того, низкий уровень прожиточного минимума, устанавливаемый в отдельных регионах, не учитывает полной стоимости базовых средств существования

Рис. 2. Соотношение МРОТ и прожиточного минимума в Российской Федерации в 1993–2017 гг., %



Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 141; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 176; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 182; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 187; Российский статистический ежегодник. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 195; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 24; Российский статистический ежегодник. 2001: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 171.

<sup>9</sup> За период восстановительного роста, рассматриваемого во временных границах 1999–2008 гг., произошло «восстановление социально-экономического уровня, достигнутого при социализме», где произошедший рост был связан главным образом с «повышением экспортных цен на нефть и увеличением цен на ряд других сырьевых товаров» [37, с. 10].

(одежда, питание, оплата услуг ЖКХ, аренда/покупка жилья, воспитание детей, медицинское обслуживание и т.д.), что противоречит законодательно установленной и теоретически обоснованной логической связи между прожиточным минимумом, потребительской корзиной и минимальной заработной платой. Так, например, в Алтайском крае при действовавшем на конец 2018 г. МРОТ для бюджетного сектора экономики на уровне установленного федерального значения не приходится говорить о возможности осуществить воспроизводство рабочей силы получающих оплату труда в таком размере. По данным статистики за ноябрь 2018 года, аренда однокомнатной квартиры в регионе составляла 9 тыс. руб. в месяц (соответственно покупка жилья потребует еще больших затрат в виде первоначального взноса, в случае привлечения заемных банковских ресурсов — еще и погашения ипотечного кредита). При таких расходах на удовлетворение остальных потребностей — в пище, одежде, воспитании детей и др. — остается чуть более 2 тыс. руб., что полностью исключает возможность даже для простого воспроизводства рабочей силы.

2. Несмотря на законодательное требование, чтобы уровень минимальной заработной платы был не ниже прожиточного минимума, в российской практике по-прежнему сохраняется явление, когда часть трудоспособного занятого населения получает минимальную заработную плату ниже установленного МРОТ. Данная негативная тенденция свидетельствует об ограничении даже *минимального* уровня воспроизводства рабочей силы.

Как известно, устанавливаемый на федеральном уровне и применяемый в региональной практике регулирования трудовых отношений минимальный размер оплаты труда является нормативным основанием для выполнения социальных гарантий перед работником. В этом смысле МРОТ связан со многими *институциональными аспектами*, среди которых особое место занимают установленные правовые нормы и правила. В частности, институт договорного регулирования трудовых отношений между работником и работодателем формирует механизм, регламентирующий норму рабочего времени, форму учета отработанного рабочего времени и произведенного продукта (соответственно повременная или

сдельная система заработной платы) и др. Законодательное установление нижней границы заработной платы в виде минимального размера оплаты труда должно быть направлено на обеспечение работника гарантией создания *нормальных* финансовых условий для воспроизводства рабочей силы. Однако сохранение в российской экономике численности работников, получающих заработную плату ниже минимально установленного уровня (по данным 2017 г.), говорит об отсутствии действующего механизма защиты наемных работников на рынке труда.

Проведенный сравнительный анализ данных федерального статистического наблюдения организаций о распределении численности работников по размерам заработной платы позволил выявить в 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. увеличение численности работников, получающих заработную плату ниже величины МРОТ, на 0,4 п.п. В то же время произошло сокращение численности работников, оплата труда которых начислялась в анализируемые периоды ниже прожиточного минимума и от 1 до 2 прожиточных минимумов (*табл. 1*).

Вместе с тем в российской экономике наметилась тенденция увеличения групп работников, чья величина заработной платы распределялась в интервалах свыше 2 прожиточных минимумов. Подобные результаты свидетельствуют об увеличении дифференциации в получаемых трудовых доходах.

3. В исследовании проблемы взаимосвязи прожиточного минимума и минимальной заработной платы важным направлением анализа является изучение денежных потерь покупательной способности получаемого минимального личного располагаемого дохода ( $D_{млрд}$ ), связанных с ростом цен на потребительские товары.

Индексация минимального размера оплаты труда является одной из мер политики заработной платы, проводимой государством. В зависимости от того, какова динамика номинальной минимальной заработной платы и темпов роста потребительских цен, можно говорить о возможном сохранении покупательной способности установленного МРОТ для работников, получающих его в качестве основного дохода. За анализируемый период темпы роста мини-

Таблица 1. Распределение численности работников организаций по размеру начисленной заработной платы в российской экономике за апрель 2015 и 2017 гг., %

Величина начисленной заработной платы	Численность работников	
	2015	2017
Менее МРОТ*	1,4	1,8
Менее ПМ**	10,7	7,3
От 1 до 2 ПМ	28,5	26,7
От 2 до 3 ПМ	24,7	24,6
От 3 до 4 ПМ	14,9	16,3
От 4 до 5 ПМ	8,3	9,5
Более 5 ПМ	13,0	15,6

\* На 1 января 2015 г. МРОТ в российской экономике составлял 5965 рублей, на 1 января 2017 г. – 7500 рублей.  
 \*\* Прожиточный минимум (ПМ) трудоспособного населения в 1 квартале 2015 г. составлял 10 404 рубля, в 1 квартале 2017 г. – 10 701 рубль.  
 Источники: Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 240; Труд и занятость в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 255; Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: статистический бюллетень / Росстат. М., 2015. С. 77-82; Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: статистический бюллетень / Росстат. М., 2017. С. 77-82 .

мальной заработной платы в отдельные годы в несколько раз были ниже темпов роста потребительских цен. В результате этого произошла потеря покупательной способности низкооплачиваемых наемных работников. На *рисунке 3* отчетливо видно отставание темпов роста номинальной минимальной заработной платы от

темпов роста потребительских цен, сформировавшееся за последние 26 лет. Наибольшая разница в данных показателях (более чем в 1,5 раза), полученная в 1992 г., не была компенсирована низкооплачиваемой части российских наемных работников на протяжении последующих лет.

Рис. 3. Минимальная заработная плата и индекс потребительских цен в Российской Федерации в 1992–2017 гг., в % к предыдущему году



Источники: рассчитано по: Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 36, 120; Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 36, 120; Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 36, 120; Россия в цифрах. 2015: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 36, 120; Россия в цифрах. 2012: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 36; Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 116-117; Россия в цифрах. 2009: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 33; Россия в цифрах. 2008: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 116-117; Россия в цифрах. 2006: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 33; Россия в цифрах. 2004: крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. С. 30, 99-100; Россия в цифрах. 2000: крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. С. 30, 99.

За счет принимавшихся правительством мер в отдельные периоды (1996 г., 2000–2009 гг., 2013 г., 2016–2017 гг.) ежегодные темпы роста потребительских цен были зафиксированы официальной статистикой меньше темпов роста минимальной заработной платы. Однако данные положительные тенденции не восполнили утраченную за остальные годы покупательную способность МРОТ, в результате чего не способствовали улучшению уровня жизни получателей минимальной заработной платы и созданию условий для воспроизводства их рабочей силы.

4. Проблема воспроизводства рабочей силы приобретает особое значение применительно к конкретным регионам, где, с одной стороны, по-прежнему сохраняется отставание минимальной заработной платы от установленного на федеральном уровне МРОТ, а с другой – имеет место дифференциация в установленной заработной плате, обусловленная различиями в уровне жизни (например, разница в уровне жизни в регионах Юга и Севера). Последнее обстоятельство предполагает, что если в таких регионах сформирован различный уровень жизни с установлением соответствующего прожиточного минимума, то существующая дифференциация в уровне оплаты труда

является вполне обоснованным явлением для развитой экономики. Так, оплата низкоквалифицированного простого труда (минимальная заработная плата) в районах Крайнего Севера будет выше исходя из более дорогого уровня проживания на этой территории, а также за счет установленного повышенного районного коэффициента.

Однако, в отличие от теоретических положений и законодательных норм, в российской практике сохраняется также дифференциация в минимальной оплате труда наемных работников в регионах с одинаковой специализацией<sup>10</sup>. Подтверждением тому послужил проведенный анализ отдельных регионов с преобладанием в них отрасли сельского хозяйства как одной из ведущих. Из приведенных данных следует, что, несмотря на низкий уровень средней оплаты труда в сельском хозяйстве в российской экономике, в ряде регионов сохранилась доля численности занятых с заработной платой менее МРОТ на относительно низком уровне. Речь идет прежде всего о таких регионах, как Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Республика Крым, где данный показатель составляет 0,3, 2,0, 1,3 и 2,4% соответственно. И в сравнении с ними схожи по удельному весу сельского хозяйства в валовой

Таблица 2. Удельный вес сельского хозяйства в ВДС, среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве и численности работников с заработной платой менее установленного МРОТ в некоторых регионах с аграрной специализацией, %

Регионы	Доля сельского хозяйства в общем объеме Валовой Добавленной Стоимости РФ в 2015 г., % к итогу	Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве в 2016 г., в % от общей численности занятых	Численность работников с заработной платой менее установленного МРОТ в среднем по российской экономике (по данным за апрель 2017 г. – 7500 рублей в месяц)
Белгородская область	20,8	13,9	0,3
Воронежская область	15,3	13,5	2,0
Курская область	18,9	12,2	1,3
Республика Крым	17,0	14,2	2,4
Ставропольский край	17,2	17,2	4,7
Алтайский край	17,3	13,9	6,0

Источники: составлено авторами с использованием статистических данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. С. 178-179, 554-555; Распределение численности занятых по размерам начисленной заработной платы с 2017 г. // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 10.03.2018 г.).

<sup>10</sup> По существующим оценкам разница в уровне получаемой наемными работниками заработной платы одинаковых профессий, но различных регионов достигает двух раз [37, с. 12].

добавленной стоимости (ВДС) и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Ставропольский край и Алтайский край, где численность работников с заработной платой ниже установленного на федеральном уровне МРОТ составила 4,7 и 6,0% (табл. 2).

Наличие той или иной специализации в регионе, безусловно, оказывает влияние на формирование уровня оплаты наемного труда на его территории. Однако в российской практике сформировалась тенденция дифференциации в уровне оплаты труда между регионами одного вида деятельности. Единственным объяснением поддержания относительно высокого уровня минимальной оплаты труда в подобных регионах служит наличие проработанной региональной политики и стратегии предприятий, направленных в совокупности на создание условий для воспроизводства рабочей силы и формирование высокого уровня жизни<sup>11</sup>.

#### Заключение

Произошедшее в 2018 году законодательное выравнивание уровней МРОТ и прожиточного минимума способствовало появлению различных научных публикаций, в которых отражаются следующие общезначимые и дискуссионные аспекты.

Во-первых, с одной стороны, выравнивание минимальной оплаты труда и прожиточного минимума по общему признанию является важной мерой на пути поддержания уровня жизни низкооплачиваемых категорий работников [38]. С другой стороны, в научных исследованиях присутствует и противоположная точка зрения, согласно которой данное равенство не будет способствовать улучшению положения низкооплачиваемых наемных работников – получателей МРОТ [1].

Во-вторых, дискуссионным является вопрос оценки величины минимальной заработной платы и соответствующего прожиточного минимума в условиях рыночной экономики. Вступая в дискуссию, можно отметить, что в минимальную заработную плату и прожиточный минимум необходимо включать всю полноту базовых потребительских благ, т.е. 1) *обязательные* платежи (налоги, оплату коммунальных услуг и другие), 2) потребительские расходы, связанные с возможностью элементарного потребительского выбора, и 3) минимальные сбережения.

В-третьих, наиболее сложен вопрос о включении в минимальную заработную плату оплаты жилья и его приобретения через систему ипотечного кредитования, поскольку именно данный способ в современных условиях является основным средством приобретения жилья.

В-четвертых, сохраняющаяся дифференциация в уровне минимальной заработной платы в регионах с аграрной (аграрно-промышленной) специализацией требует пересмотра государственной политики в области оплаты труда с целью поддержания низкооплачиваемых работников ведущих отраслей, например, в форме увеличения районных коэффициентов и т.д.

Основной вывод: необходимо проведение *системной* реформы в области оплаты труда, направленной на пересмотр существующих *нормативных* уровней минимальной заработной платы и прожиточного минимума. В частности, необходимо разработать механизмы определения уровня оплаты труда, учитывая региональную специфику и отраслевые особенности.

#### Литература

1. Соболев Э.Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №5. С. 79-96.
2. Neumark D., Wascher W. *Minimum Wages*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2008. 378 p.
3. Card D., Krueger A. *Myth and Measurement: the New Economics of the Minimum Wage*. New Jersey: Princeton University Press, 1995. 423 p.
4. Dube A., Lester W., Reich M. Minimum wage effects across state borders: estimates using contiguous counties. *The Review of Economics and Statistics*, 2010, no. 4, vol. 92, pp. 945-964.

<sup>11</sup> Более подробно данные результаты исследования будут представлены в отдельной статье.

5. Bauducco S., Janiak A. The macroeconomic consequences of raising the minimum wage: capital accumulation employment and the wage distribution. *European Economic Review*, 2018, vol. 101, pp. 57-76. DOI: 10.1016/j.euroecorew.2017.09.012.
6. Cengiz D., Dube A., Lindner A., Zipperer B. *The Effect of Minimum Wage on the Total Number of Jobs: Evidence from the United States Using a Bunching Estimator*. Discussing Paper no. 1531. Centre for Economic Performance. 108 p.
7. Brown A., Merkl Ch., Snower D. The minimum wage from a two-sided perspective. *Economics Letters*, 2014, vol. 124, pp. 389-391. DOI: 10.1016/j.econlet.2014.06.020.
8. Boeri T. Setting the minimum wage. *Labour Economics*, 2012, vol. 19, no. 3, pp. 281-290. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.01.001.
9. Lee D., Saez E. Optimal minimum wage policy in competitive labor markets. *Journal of Public Economics*, 2012, vol. 96, pp. 739-749. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2012.06.001.
10. Sauer R. The macroeconomic of the minimum wage. *Journal of Macroeconomics*, 2018, vol. 56, pp. 89-112. DOI: 10.1016/j.macro.2018.01.003.
11. Katz L.F., Krueger A.B., *The Effect of the Minimum Wage on the Fast-food Industry. Working Paper No. 3997*. National Bureau of Economic Research. 41 p.
12. Aaronson, D., Agarwal, S., French, E., The spending and debt response to minimum wage hikes. *American Economic Review*, 2012, vol. 102, no. 7, pp. 3111-3139. DOI: 10.1257/aer.102.7.3111.
13. Hara H. Minimum wage effects on firm-provided and worker-initiated training. *Labour Economics*, 2017, vol. 47, pp. 149-162. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.05.011.
14. Author D., Dorn D. The growth of low-skill service jobs and the polarization of the us labor market. *American Economic Review*, 2013, vol. 103, no. 5, pp. 1553-1597.
15. Lordan G., Neumark D. People versus machines: the impact of minimum wages on automatable job. *Labour Economics*, 2018, vol. 52, pp. 40-53. DOI: 10.1016/j.labeco.2018.03.006.
16. Author D., Dorn D., Hanson G. Untangling trade and technology: evidence from local labor market. *The Economic Journal*, 2015, vol. 125, pp. 621-646. DOI: 10.1111/eoj.12245.
17. Капелюшников Р. Политика заработной платы российских предприятий // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 48-69.
18. Неклюда М.Ю. Особенности формирования эффективной политики оплаты труда // Российское предпринимательство. 2013. № 13 (235). С. 68-77.
19. Долинина Т.Н. Внутрифирменная политика оплаты труда: экономическое обоснование. Минск: Изд-во Гревцова, 2008. 320 с.
20. Мазин А.Л. Минимальная заработная плата: зарубежный опыт и отечественная практика // Человек и труд. 2004. № 6. С. 48-49.
21. Кулагина Н.М. Функционирование института минимальной заработной платы в России и за рубежом // Труд и социальные отношения. 2012. № 12. С. 3-18.
22. Ефимова Е.А. Установление минимальной заработной платы: зарубежный опыт и российская практика // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 2. С. 24-35.
23. Вишневская Н.Т. Особенности минимальной заработной платы в странах ОЭСР // Труд за рубежом. 2006. № 1. С. 38-55.
24. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 46 с.
25. Роик В. Минимальная заработная плата – основной инструмент регулирования доходов россиян // Человек и труд. 2009. № 6. С. 22-28.
26. Вишневская Н.Т. Политика минимальной заработной платы: цели, ограничения, последствия // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 4. С. 479-504.
27. Мазманова Б.Г. О функциях заработной платы и трансформации базовых оснований для их реализации // Труд и социальные отношения. 2009. № 11. С. 26-32.
28. Вишневская Н.Т. Регионализация минимальных заработных плат // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 27-44.

29. Кобзарь Е.Н. Минимальная заработная плата и региональные рынки труда в России: препринт WP15/2009/06. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 56 с.
30. Устинова К.А. Минимальная заработная плата как институт рынка труда // Проблемы развития территории. 2010. Вып. 6 (52). С. 94-98.
31. Соболев Э.Н, Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. №5(71). С. 33-50.
32. Коокуева В.В. Методологические аспекты соотношения минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума в России // Успехи современной науки. 2016. №8. С. 85-89.
33. Ржаницына Л.С., Соболева И.В. О методологии определения показателя прожиточного минимума // Уровень жизни населения регионов России. 2012. №10-11. С. 98-108.
34. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: Попурри, 1998. 720 с.
35. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9-ти т. Т. 8. М.: Политиздат, 1987. 589 с.
37. Аганбегян А.Г. На пути к цивилизованному рынку // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 7-26.
38. Лукьянова А.Л. Минимальная заработная плата и минимальные заработные платы в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 176-186.

### Сведения об авторах

Юлия Александровна Перекаренкова – научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17; e-mail: perekarenkova@mail.ru)

Виктор Иванович Крышка – к.э.н., доцент, Алтайский государственный университет (656049, Российская Федерация, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61; e-mail: kryshka@mail.ru)

Perekarenkova Yu.A., Kryshka V.I.

### Minimum Wage and the Subsistence Level in the Russian Economy: Theoretical and Empirical Analysis of the Main Trends

**Abstract.** The paper studies the relationship between the minimum wage and the subsistence level in the Russian economy. In particular, we analyze the degree of elaboration of the issue and reveal its aspects that are studied most extensively, less extensively and those aspects that remain debatable. We use a methodology of normative-positive analysis and reveal a causal relationship, according to which the subsistence level should determine the consumer basket and the minimum wage, respectively. However, as we note in our paper, in the current economic practice the specified relationship has the opposite direction as well. We consider the main trends in the change of the subsistence level, the consumption basket and the minimum wage at the level of the Russian economy and conclude that their nominal and legally established equality does not promote real simple reproduction of labor force in certain regions. Moreover, the data obtained in the course of empirical analysis show that there is a differentiation in the level of wages between the regions of one type of activity. Scientific novelty of our study consists in the fact that it considers the complete cycle of circulation of the commodity form of the simple labor force, including the receipt of the advanced minimum wage, the minimum disposable income, and the subsistence level. The data on Russia obtained during the analysis show that the minimum wage remains behind the real subsistence level; such a situation impedes the creation of conditions for the simple reproduction of labor force. The results we have obtained can be used to develop regulations at the federal

and regional levels, to develop target programs to support rural areas and to study the correlation between the subsistence level and the minimum wage differentiated by sector, region and level of professional training of employees.

**Key words:** wages, labor remuneration, labor costs, measure of labor remuneration, minimum wage, subsistence level, policy on the minimum wage.

### **Information about the Authors**

Yuliya A. Perekarenkova – Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: perekarenkova@mail.ru)

Viktor I. Kryshka – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Altai State University (61, Lenin Avenue, Barnaul, Altai Krai, 656049, Russian Federation; e-mail: kryshka@mail.ru)

Статья поступила 20.08.2018.



# ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.14

УДК 331.104, ББК 65.9

© Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И.

## Детерминанты удовлетворённости трудом работников X и Y поколений: региональное исследование



**Веслав  
МАТВЕЙЧУК**

Белостокский технический университет  
Белосток, Польша, 15-351, ул. Вейская, д. 45а  
E-mail: w.matwiejczuk@pb.edu.pl



**Виктор Васильевич  
ВОРОНОВ**

Институт социологии ФНИСЦ РАН  
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5  
Центр социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета  
Даугавпилс, Латвия, LV-5401, ул. Парадес, д. 1  
E-mail: viktor.voronov@du.lv



**Иоанна  
САМУЛЬ**

Белостокский технический университет  
Белосток, Польша, 15-351, ул. Вейская, д. 45а  
E-mail: j.samul@pb.edu.pl

**Для цитирования:** Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И. Детерминанты удовлетворённости трудом работников X и Y поколений: региональное исследование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 225-237. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.14

**For citation:** Matveichuk V., Voronov V.V., Samul J. Determinants of job satisfaction of workers from Generations X and Y: regional research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 225-237. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.14

**Аннотация.** В статье обсуждается вопрос удовлетворенности работой в контексте существования разных поколений работников и вхождения на рынок труда новых представителей. Исследование имеет теоретически-прикладной характер, в нем были использованы материалы количественных и качественных исследований по анализируемым вопросам. Основной источник эмпирических данных – социологические опросы, проведенные в 2015 и 2017 гг. по методу случайной бесповторной выборки среди работников отдельных предприятий различных форм собственности, функционирующих в Подляском северо-восточном регионе Польши, и анализ полученных данных. Цель работы: определение наиболее важных организационных факторов, влияющих на удовлетворенность работой, а также выявление различий между представителями работников старшего поколения (X) и молодого поколения (Y) региональных предприятий разных форм собственности, как объектов функционального управления. Результаты исследования по четырем показателям, отражающим профессиональную удовлетворенность работой (условия труда, ощущение собственной ценности, возможность развития, отношения с другими сотрудниками), выявили сходство и различия по ним у старшего и молодого поколений. Сходство заключается в приоритете для обоих поколений работников материальных результатов деятельности. Различие – в преобладании характеристик прагматизма у молодого поколения и характеристик консерватизма у старшего поколения. Проведённое исследование имеет теоретическое и практическое значение в области профессионального управления бизнесом в регионе. Оно указывает на то, какие факторы являются важными для молодого поколения работников в контексте достижения удовлетворенности трудом по сравнению со старшим поколением. Следовательно, руководство любого предприятия должно использовать для повышения эффективности его деятельности, разнообразные инструменты управления, например дифференцировать мотивы, которые будут соответствовать различным потребностям и стимулам в трудовой деятельности работников разных возрастных групп.

**Ключевые слова:** профессиональная удовлетворенность работой, удовлетворенность трудом X и Y поколения, эффективность труда.

### Введение

Удовлетворенность работой/трудом является одной из широко изученных логических структур в социальных науках. Существует много исследований об удовлетворенности работой и её влиянии на ангажирование работников [1, pp. 991-1007; 2], на текучесть кадров и абсентеизм [3, pp. 1146-1151], эффективность труда [4, pp. 165-175] и даже здоровье и самочувствие сотрудника [5, pp. 65-91].

Многочисленные исследования указывают также на положительную взаимосвязь удовлетворенности работников и удовлетворенности клиентов [6, pp. 161-171], что подтверждается тем фактом, что подход работников (в том числе удовлетворенность) влияет на результаты не только их работы, но и всей организации [7, pp. 57-61]. Этот вопрос вызывает интерес среди ученых различных областей и дисциплин (социологии, психологии, экономики и управления). Однако есть еще несколько аспектов рассматриваемой проблемы, которые требуют внимания. Одними из них являются параллель-

ное сосуществование разных поколений работников (X, Y) и выход на рынок труда их новых представителей (поколение Z).

Формирование рассматриваемых поколений работников связано с историческими, политическими, социально-экономическими переменами и с развитием технологий. Значительные преобразования в этой области, в условиях которых накапливался опыт данных поколений, определяют принадлежность к той или иной возрастной группе, характеризующейся отдельными особенностями. Считается, что нынешнее поколение видит свою работу не только как источник дохода, но и как место, на котором работник может реализовать собственные цели и стремления, достигнуть независимости и подтвердить свою собственную ценность.

Восприятие рабочего места в контексте рабочей среды и чувство профессиональной удовлетворенности определяются и личными чертами, и организационными показателями [8, pp. 5-12; 9, pp. 617-637]. На основе этого подхо-

да категорию удовлетворенности работой можно рассматривать как с внутренней точки зрения (личностные черты, отношения, ценности, знания, навыки), так и с внешней (организационные факторы). Внешняя удовлетворенность связана с конкретной ситуацией и профессиональной средой: это организационный климат, стиль управления, условия труда, отношения с коллегами и т.д. Детерминанты внутренней удовлетворенности влияют на восприятие важности внешних показателей удовлетворенности. То, что работник воспринимает как удовлетворительные результаты, непосредственно вытекает из его внутренних потребностей.

Из-за различий в характеристиках разных поколений с точки зрения их отношений и ценностей можно ожидать, что восприятие организационных факторов, условий трудовой деятельности, влияющих на удовлетворенность работой, будет разным. Поэтому важно определить те факторы, которые могут повлиять на удовлетворенность работой. Тем самым исследования в данной области имеют большое практическое значение. Разнообразное восприятие внешних показателей удовлетворенности среди работников разных поколений оказывает влияние на применение конкретных методов управления персоналом. Методы управления, которые были использованы в случае работников старшего поколения (X), могут быть весьма бесполезны в отношении молодого поколения (Y).

С учётом вышеизложенного была сформулирована задача исследования, которая заключается в определении организационных факторов, влияющих на удовлетворенность работой, и попытке ответить на следующие вопросы: существуют ли различия в восприятии определенных организационных факторов, влияющих на удовлетворенность работой поколений работников X и Y, и какие факторы являются для поколения Y наиболее важными.

### **Обзор литературы**

*Конструкт удовлетворенности работой.* В классическом понимании удовлетворенность работой определяется как совокупность чувств и отношение работника к работе [10, pp. 891-906], то есть позитивное отношение работников к возложенным на них обязанностям, а также к коллегам и рабочей среде, сопровождающееся чувством удовлетворения [11].

Термин «удовлетворенность» часто взаимозаменяем с термином «удовлетворение». Значительная часть исследователей рассматривают эти понятия как синонимы, хотя некоторые авторы указывают на различия между ними. Считается, что удовлетворенность – это сильное чувство удовлетворения [12, p. 228], которое обычно ощущается после длительного периода удовлетворенности, в отличие от временной удовлетворенности, которая является мгновенной [13, pp. 192-196]. Подобным образом формулируют рассматриваемые понятия Г.Г. Татарова и Г.П. Бессокирная: «Удовлетворенность трудом/работой является, по сути, междисциплинарной категорией, которая характеризует состояние трудовых отношений с позиции субъекта труда. ... При этом в эмпирических исследованиях фиксируется, как правило, удовлетворенность работой, то есть удовлетворенность трудовой деятельностью здесь и сейчас. Эти два термина используются зачастую как синонимы» [14, с. 8-26].

Помимо терминов «удовлетворенность» и «удовлетворенность работой», появляется также понятие «удовлетворенность профессиональной деятельностью». Использование здесь взаимозаменяемых указанных терминов является результатом совместимости дефиниций и ясности [15] и довольно распространено в литературе из-за способа формулирования цели идентификации источника и измерения уровня воспринимаемой удовлетворенности, связанной с работой [16, pp. 54-56].

В этом исследовании удовлетворенность работой определяется как приятное и позитивное отношение к своей работе в результате восприятия работы, условий труда и места работы, выполняемых должностных обязанностей, а также профессиональной среды.

*Удовлетворенность работой* является одной из ключевых категорий в организации, так как это означает, что работники работают больше и лучше, если у них есть удовлетворенность от профессиональной деятельности [17, pp. 4-9]. Как восприятие выполняемой работы с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей на рабочем месте [18, pp. 34-40] и выполнения определённых задач в конкретных физических и социальных условиях [19, p. 115]. Удовлетворенность от профессиональной деятельности определяется также любо-

вью или нелюбовью к работе [20, p. 210]. Стоит отметить, что удовлетворенность является тем ощущением, которое может постепенно уменьшаться или увеличиваться: своей работой работник может быть очень доволен, средне доволен или почти доволен. Кроме того, работник может чувствовать удовлетворение от определенных этапов работы, например от выполняемых задач, в то время как другие компоненты, например заработная плата, будут определять его неудовлетворённость. Эти частичные чувства, относящиеся к отдельным компонентам работы, формируют окончательную удовлетворенность работой.

В литературе существует множество теорий и исследований, определяющих те организационные (внешние) показатели, наиболее часто упоминаемые факторы, которые влияют на профессиональную удовлетворенность (табл. 1).

При этом значительная часть авторов соглашается с тем, что влияние на удовлетворенность оказывают: (а) общие условия труда, связанные с характеристикой работы, заработной платой или со стабильностью трудоустройства; (б) содержание выполняемой работы, т.е. выполняемые задачи, независимость, возможность развития и продвижения по службе; (с) окружение на работе: отношения с начальством и другими сотрудниками, культура организации и методы управления.

*Контекст поколений.* Поколение представляет собой определённую группу людей, которая может быть выделена по таким показателям, как: год рождения и возраст, имеющийся опыт, связанный с воспитанием в аналогичных социальных, экономических и политических условиях [24, pp. 749-751; 25, p.72].

Проблема, с которой сталкиваются сегодня менеджеры многих предприятий, связана с существованием на них сразу нескольких поколений, характеризующихся различными ожиданиями и отношением к работе. Поэтому важно изучить факторы, определяющие удовлетворенность работой, предоставить менеджерам знания в области создания соответствующих условий труда, способствующих повышению удовлетворенности работников из разных групп поколений.

Наиболее широко используется классификация, которая выделяет поколение, родившееся до войны, т.е. в 1920–1945 годах; поколение *baby-boomers* или так называемое поколение демографического пика, который имел место после войны, в 1946–1964 годах; поколение X, т.е. те, кто родился в 1965–1979 годах. К последнему относятся работники в возрасте 39–53 лет и старше; поколение Y, называемое *internet generation, generation net, millennials, generation next* или *nexters* [26; 27], родившееся в период между 1980 и 2000-м годами: работники в возрасте 18–38 лет. Поколение Z, т.е. родившиеся после 2000 года, – работники в возрасте от 15 до 18 лет. Принятая классификация характерна для американского общества и может немного отличаться по диапазону лет в разных странах, что связано с культурными, социальными и экономическими различиями [28]. Наиболее представительными группами работников современных предприятий разных форм собственности в Польше, её регионах являются поколения X и Y [29, pp. 118-134]. Таким образом, дальнейший анализ будет базироваться на этих двух группах поколений.

Таблица 1. Организационные факторы удовлетворенности работой

Автор исследования	Факторы удовлетворенности работой
Essen, 2002	Стабильность занятости, дополнительные пособия кроме заработной платы, связь между сотрудниками и руководством, а также другими профессиональными группами, возможность сбалансировать карьеру и личную жизнь, вознаграждение, возможность продвижения по карьерной лестнице, возможность развиваться, содержание выполняемой работы, признание начальством высокого качества работы, хорошие отношения с непосредственным руководителем, автономия и независимость принимать решения, корпоративная культура, безопасность на рабочем месте, обучение, важность работы и хорошие отношения с коллегами.
Schulz, Schulz, 2002	Вознаграждение, продвижение, контроль, условия работы, отношения, достижения, независимость, признание.
Schulze и другие, 2006	Организационная культура, осознание того, что людей ценят и уважают.
Mendoza, Maldonado, 2014	Методы управления, условия труда, характеристика работы.
Источник: составлено авторами по [17; 21; 22; 23].	

Поколение X является поколением профессионально активных людей, для которых работа имеет большое значение. К наиболее важным для них ценностям относятся: развитие личности, независимость, разнообразие, инициатива, трудолюбие [30, р. 44]. Профессиональная карьера связана с тяжелой работой, добросовестным выполнением своих обязанностей, часто за счёт дисбаланса между работой и личной жизнью [31, р.11-12]. Удовлетворенность этого поколения зависит от успеха в работе, высокой позиции и от престижа работы. Характерные черты данного поколения [32; 33]: лояльность, трудоголизм и высокая трудовая этика, признание авторитетов, чувство нужности и пригодности на работе, хорошие отношения с командой, от которой ожидают поддержки, удовольствие от работы, которое подкрепляет мотивацию.

В противоположность этому, поколение Y является относительно однородной группой, имеющей другие ценности, другое поведение и ожидания, чем предыдущее поколение. Указывается на то, что представители этого поколения более доверчивы, терпимы, мобильны (Furlow, 2011), ценят независимость и самостоятельность [34; 10], кроме того, они лучше образованы, особенно в контексте технического прогресса [35, р. 70-76], а также придают большее значение качеству жизни [36, р. 61-84]. Они воспитаны в свободном доступе к информации с использованием новейших технологий и поэтому хорошо ориентируются в окружающей, часто виртуальной, реальности, что, в свою очередь, отображается как слабая точка старшего поколения. С одной стороны, они могут хорошо общаться по электронной почте, при помощи коротких сообщений (смс), всех видов мессенджеров, но им труднее вести живой разговор «лицом к лицу». Это может вызвать ослабление отношений с другими людьми, особенно с коллегами, что в контексте работы может оказать существенное влияние на их чувство удовлетворения работой. В связи с этим был сформулирован следующий исследовательский вопрос:

**RQ1:** *Являются ли отношения с коллегами более важными для поколения X, чем для поколения Y, как организационный фактор, влияющий на удовлетворенность работой?*

Так как поколение Y по сравнению с предыдущим поколением имеет другие ценности, у

него также и другие ожидания относительно рабочего места, выполняемых задач и роли руководителя. Представители поколения *Millennials* ожидают, что работа позволит им в полной мере использовать свои знания и навыки, что положительно сказывается на их мотивации [36]. Они хотят выполнять сложную работу, которая активизирует их творческие способности и даёт возможность стать членом целеустремлённой и мотивированной команды, и хотят, чтобы ими руководили открытые и позитивные менеджеры [26], которые будут предоставлять им регулярную обратную информацию о выполняемой ими работе [27]. Важна для них и возможность карьерного роста, приобретения новых знаний, дополнительного обучения, повышения квалификации [37, рр. 42-63]. Возможность постоянного повышения квалификации и способность к использованию творческих решений выигрывают в конфронтации с рутинной работой. Что касается роли вознаграждения, то мнения по этому вопросу разделяются. Некоторые исследователи указывают, что вознаграждение является для поколения Y менее важным, чем для поколения X, в то время как другие полагают, что вознаграждение представляет важный или даже самый важный аспект их работы [34; 38, рр. 43-58]. Кроме того, вознаграждение должно быть напрямую связано с результатами работы и добавленной стоимостью, созданной сотрудником. Далее были поставлены другие исследовательские вопросы:

**RQ2:** *Является ли зарплата более важной для поколения Y, чем для поколения X, как организационный фактор, влияющий на удовлетворенность работой?*

**RQ3:** *Является ли осознание ценности, созданной для предприятия, более важным для поколения Y, чем для поколения X, как организационного фактора, влияющего на удовлетворенность работой?*

Несомненно, что если ожидания работников поколения Y в плане работы не будут удовлетворены, то это может отразиться в отсутствии чувства удовлетворенности [39, рр. 256-268]. Они не чувствуют себя привязанными ни к профессии, ни к работодателю и не имеют никаких проблем с переходом с одной работы на другую [36]. Следовательно, методы управле-

ния сотрудниками, используемые менеджерами до сих пор, могут оказаться неэффективными в случае данного поколения, которое характеризуется новым подходом к работе и их ролью в ней, а также смелыми требованиями в отношении условий труда.

Самыми значимыми для этого поколения являются: эластичность, мобильность (с точки зрения изменения профессии, фирмы, места жительства), самореализация (развитие непрофессиональных навыков, хобби, увлечений и их реализация). Поэтому весьма важно определить понятие профессиональной удовлетворенности в случае данного поколения, для чего был сформулирован еще один вопрос исследования:

**RQ4:** *Какие организационные факторы, влияющие на удовлетворенность работой, являются наиболее важными для поколения Y по сравнению с поколением X?*

#### **Методология и методы исследования**

Исследование было проведено в два этапа: в июне 2015 года и в ноябре 2017 года – на предприятиях различных форм собственности Подляского воеводства Северо-Восточного региона Польши. На первом этапе, на базе метода количественных исследований, использовалась для сбора данных методика PAPI (Paper and Pencil Interview), при помощи случайного отбора респондентов. Во-первых, случайная выборка была использована среди работающих студентов Белостокского технического университета в качестве представителей поколения Y, чтобы обеспечить внутреннюю точность исследования и репрезентативность выборки. Затем применялась техника «снежного кома», которая позволяла охватить респондентов соответствующего возраста, то есть тех, кто отвечает критериям принадлежности к поколению X. В целом опрос был адресован 256 респондентам, от которых были получены 102 заполненные анкеты с ответами на поставленные в них вопросы. Второй этап исследования состоял в проведении структурированных глубинных интервью с представителями обоих поколений, чтобы уточнить информацию, полученную в ходе количественного исследования. Были проведены опросы среди 20 представителей поколения X и 20 представителей поколения Y. Отбор респондентов осуществлен методом случайной бесповторной выборки. Респонденты

были людьми, отличавшимися от тех, кто участвовал в количественных исследованиях. Использование в исследовании смешанного подхода с применением как количественного, так и качественного методов сбора данных позволяет лучше понять рассматриваемую проблему и обеспечить более высокий уровень доверия к полученным результатам, чем использование одного метода.

По числу работников опрошенные предприятия Подляского воеводства распространялись следующим образом: 58% – небольшие предприятия (менее 50 работников); 17% – средние (менее 250 работников); остальная часть – 25% – крупные предприятия (250 или более работников). Половина опрошенных предприятий (51%) занималась предоставлением услуг, треть (35%) – производством, остальные (14%) представляли смешанный профиль деятельности.

Распределение предприятий по профилю деятельности и численности работников позволило получить довольно полную картину восприятия значимости тех или иных факторов профессиональной удовлетворенности среди трудящихся представителей разных поколений. Респондентами являлись работники различных профессиональных групп опрошенных компаний, отобранные по методу случайной бесповторной выборки. В *таблице 2* приведены характеристики респондентов.

Большинство респондентов, являющихся представителями поколения Y, имеют в основном небольшой профессиональный опыт (53%) – от 1 года до 5 лет и, по крайней мере, среднее образование (58%). Значительная часть людей работают по трудовому договору (60%), в том числе на определённый и неопределённый срок.

Цель проведенных исследований заключалась в выявлении значимых, по мнению представителей X и Y поколений, организационных факторов, влияющих на удовлетворенность работой.

На основе анализа научной литературы были определены 20 факторов, влияющих на удовлетворенность работой, касающихся методов управления (например, стиль управления, атмосфера на работе, правильная оценка); условий работы (стабильность занятости, гибкость,

Таблица 2. Характеристика респондентов (N= 142, в % от числа опрошенных)

Характеристики респондентов	Доля в общем количестве, %
<i>Пол</i>	
Женщина	41
Мужчина	59
<i>Образование</i>	
Высшее	37
Среднее	58
Профессиональное	5
<i>Принадлежность к поколению</i>	
Представители поколения X	35
Представители поколения Y	65
<i>Профессиональный опыт</i>	
1–5 лет	53
6–10 лет	18
11–20 лет	17
Более 20 лет	12
<i>Правовая основа работы</i>	
Трудовой договор	41
Трудовой договор на определенный срок	19
Договор-заявка	24
Прочее	16
Источник: собственная разработка авторов.	

система справедливого вознаграждения); применяемых инструментов управления (возможности для продвижения по службе, обучения) и отношений с руководителем и коллегами. Задача респондентов состояла в том, чтобы оценить важность указанных факторов с точки зрения удовлетворенности по пятибалльной шкале, где 5 – очень большая удовлетворенность и 1 – очень маленькая).

**Результаты исследования**

Оформление результатов проделанной работы началось с анализа отдельных групп факторов, для того чтобы сгруппировать похожие величины в больших группах. Это позволило сократить число переменных и обнаружить наиболее важные аспекты, характеризующиеся различными факторами, влияющими на удовлетворённость работников трудом (табл. 3).

В результате анализа данных с использованием программы *Statistica* были выделены четыре основных компонента (вращение факторов Varimax нормированных). Не были приняты во внимание такие элементы, как: полное использование потенциала, чувство собственного достоинства, признание руководством, ангажирование в работу, интересная работа, гибкий график. Были выделены четыре показателя,

объясняющие в общей сложности 50,15% дисперсии случайной величины в частности, первый показатель составляет 25,24% дисперсии случайной величины. Показатель альфа Кронбаха принимает значение 0,833, что означает относительно высокую надежность полученных ответов.

На основе анализа выделена группа определённых показателей, влияющих на профессиональную удовлетворенность работников.

**Показатель 1 – условия труда** – определяется как вознаграждение, получаемое в соответствии с имеющимися профессиональными компетенциями: вознаграждение, получаемое в соответствии с результатами работы; стабильность занятости; возможность сбалансировать работу и личную жизнь.

**Показатель 2 – ощущение собственной ценности** – определяется как осознание ценности для фирмы, как потребность измерения вклада в стоимость фирмы, а также самостоятельность в работе.

**Показатель 3 – возможность развития** – связан с карьерным ростом, приобретением новых знаний и навыков, выполнением различных задач, участием в курсах повышения квалификации.

Таблица 3. Факторный анализ элементов, влияющих на удовлетворенность работой

Характеристика факторов	Показатель 1	Показатель 2	Показатель 3	Показатель 4
Полное использование потенциала	-0,247508	0,145387	0,131996	0,440489
Чувство собственного достоинства	0,378837	0,154842	0,081328	0,302821
Признание руководителем	0,384774	0,277392	- 0,059034	0,402783
Осознание ценности для фирмы	0,034129	<b>0,730979</b>	0,125220	0,138237
Измерение части стоимости вкладываемой в рост фирмы	0,114933	<b>0,747875</b>	0,024525	0,387796
Ощущение, что кто-то является частью команды	0,146862	0,425455	- 0,045066	<b>0,654405</b>
Самостоятельность в осуществлении своей работы	0,096388	<b>0,649211</b>	0,231447	- 0,024503
Участие в работе	0,265966	0,272362	0,412217	0,254947
Возможность продвижения	0,332801	0,295971	<b>0,517155</b>	- 0,281483
Возможность приобрести новые знания и навыки	0,194617	0,042110	<b>0,806003</b>	0,075719
Участие в обучении	0,165398	0,292395	<b>0,651177</b>	- 0,022145
Возможность выполнять различные задачи	0,080165	0,031022	<b>0,719700</b>	0,318756
Интересная работа	0,423089	- 0,103650	0,342277	0,435410
Приятное (комфорт) место для работы	0,323841	- 0,231436	0,239344	<b>0,605461</b>
Дружеские отношения с коллегами	0,264566	0,199139	0,073193	<b>0,584574</b>
Вознаграждение, соответствующее профессиональным компетенциям	<b>0,771429</b>	0,013500	0,147288	0,062415
Вознаграждение, соответствующее результатам выполняемой работы	<b>0,716429</b>	0,113000	0,046362	0,128975
Гибкий график работы	0,039170	0,366179	0,311289	0,092560
Стабильность занятости	<b>0,559026</b>	- 0,211079	0,178271	0,175340
Возможность сбалансировать работу и личную жизнь	<b>0,641426</b>	0,319767	0,086790	- 0,036683
Процентное накопление дисперсии случайной величины	<b>25,24</b>	<b>34,94</b>	<b>43,36</b>	<b>50,15</b>
Альфа Кронбаха	<b>0,833</b>			

\* Указанные единицы > 0,55.  
 Источник: собственная разработка авторов с использованием программы Statistica..

**Показатель 4 – отношения с другими работниками** – определяется как ощущение себя частью команды, дружеские отношения с коллегами по работе, приятное, комфортное место работы.

Далее был проведён сравнительный анализ конкретного конструкта для работников поколений X и Y (рисунк). Анализ доказал существование небольших различий между отдельными показателями, влияющими на удовлетворенность работой, и позволил сделать некоторые выводы. Большое совпадение в ответах касается условий работы (в среднем 4,55 для поколения X и до 4,5 для поколения Y), и одновременно данный показатель значительно влияет на чувство удовлетворенности. Вознаграждение, о котором было упомянуто в данной группе показателей, является более

важным для поколения Y. Это также подтверждается мнениями, полученными в ходе интервью. Респонденты поколения X отметили, что «вознаграждение имеет второстепенное значение, первостепенное – мысль о том, что вы делаете, что вам нравится и будет приятно на работе» и «если вы работаете в неприятных условиях, никакие деньги не дадут вам удовлетворения на работе».

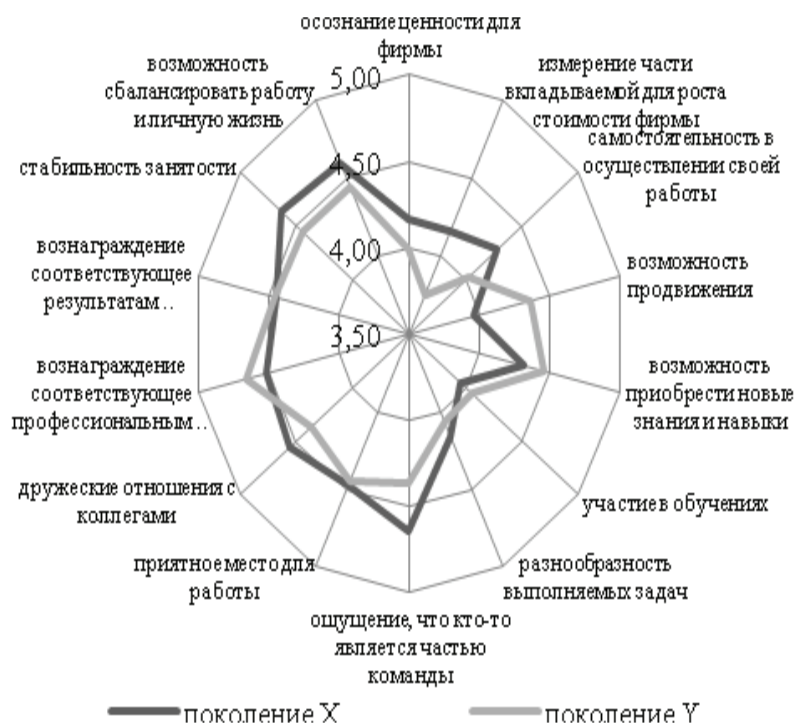
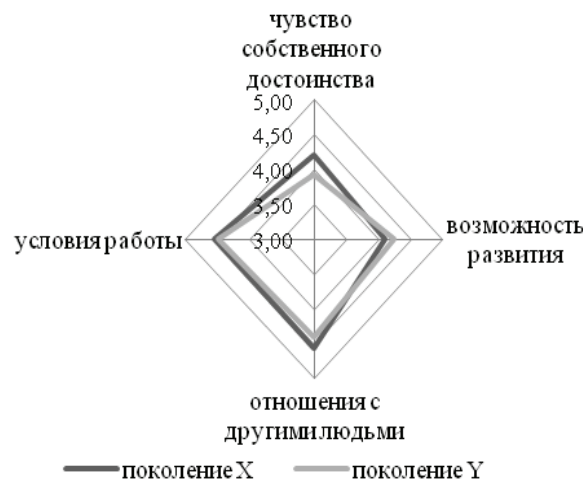
С другой стороны, среди респондентов Y часто высказывались такие мнения, как «вознаграждение является одним из ключевых факторов, влияющих на чувство удовлетворенности работой» или «вознаграждение очень важно, и мы работаем для достижения финансовых выгод, я считаю, что финансовый мотив является самым важным».



Поколение X высоко оценило отношения с другими людьми, хотя они получили почти ту же самую среднюю оценку, как в случае условий работы, а именно 4,56. Данная группа факторов удовлетворенности работой является менее важной для представителей поколения Y,

однако она находится на втором месте в плане значимости. Судя по проведенным интервью, представители конкретных поколений указывают на совершенно разные источники трудностей, связанных с установлением и поддержанием хороших отношений на рабочем месте.

Значение показателей профессиональной удовлетворенности для поколений X и Y



Источник: собственная разработка авторов.

Поколение X чаще отмечало, что это было результатом «конкуренции, нежелания делиться знаниями» и «зависти и ревности», в то время как представители поколения Y гораздо чаще подчеркивали «различия во взглядах» или «различия в характере, статусе, общих убеждениях или привычках». Это может говорить о большем осознании различий между людьми и, вероятно, более широком признании среди молодого поколения.

Наибольшее разногласие наблюдается в случае осознания ценности для предприятия и необходимости ее измерения – соответственно в среднем 4,2 для поколения X и 3,9 для поколения Y. Это единственная группа факторов, которая была оценена ниже среднего уровня (4) для поколения Y.

На вопрос о том, как осознание ценности, созданной для предприятия, влияет на удовлетворенность работой, были получены такие ответы, как: «Если мы знаем, что то, что мы делаем, влияет на развитие предприятия, а руководство выражает благодарность, то работаем лучше, с большим удовлетворением и производительностью (представитель поколения X); «Если нас ценят, мы удовлетворены работой» (X) и «Позволяет нам судить, имеет ли работа, которую мы делаем, цель и полезна ли для чего-то/кого-то» (Y); «Тогда мы осознаем, что то, что мы делаем, влияет на функционирование предприятия и поэтому очень важно» (Y); «Идентифицирует нас с предприятием» (Y). Эти заявления могут указывать на то, что для старшего поколения респондентов ценность, созданная для предприятия, должна быть оценена супервизором, в то время как для более молодых респондентов она больше отождествляется с ощущением смысла делать что-то важное.

Все приведённые группы факторов удовлетворенности работой (условия труда, отношения с другими людьми и чувство собственного достоинства) были оценены выше поколением X. Единственной группой факторов, которая была оценена поколением Y выше, чем поколением X, является возможность развития. Это подтверждают результаты ранее проведенных исследований, показавших, что постоянное обучение, приобретение новых знаний, возможность развивать свою компетентность, а

также быстрое продвижение по карьерной лестнице выступают значимыми для молодого поколения элементами профессиональной среды. Следовательно, в совокупности с соответствующим вознаграждением это представляет собой важные факторы удовлетворенности от работы.

#### **Выводы**

При формировании окончательных результатов исследования следует отметить, что отношения с другими людьми менее важны для молодого поколения работников (Y), чем для старшего поколения работников (X) (ответы на RQ1). Общение с другими людьми при помощи различных сетей связи успешно заменяет личную коммуникацию, а отношения с сотрудниками, хотя и важны, не являются определяющими в самой удовлетворенности от работы. Вознаграждение выступает более важным фактором профессиональной удовлетворенности для молодого поколения (Y), чем для старшего поколения (X), особенно в контексте ее соответствий с компетенциями (RQ2). Зато зарплата, связанная с результатами работы, также важна для них, как и для поколения X, и является естественным результатом того, что поколение Y не имеет надобности доказывать свою ценность в работе (RQ3). Важнейшими факторами, повышающими удовлетворенность от работы работников молодого поколения (Y), являются вознаграждение, а также возможности приобретения новых знаний и развития способностей, стабильность трудоустройства, баланс между работой и личной жизнью, комфортное рабочее место (RQ4).

Проведённое исследование имеет теоретическое и практическое значение в области профессионального управления бизнесом в регионе. Оно указывает, какие факторы являются важными для молодого поколения работников в контексте достижения удовлетворенности трудом по сравнению со старшим поколением. Исследование обращает внимание на то, что менеджеры в рамках одной организации должны использовать разнообразные инструменты управления, например дифференцировать мотивы, которые будут соответствовать различным потребностям и стимулам в трудовой деятельности работников разных возрастных групп.

## Литература

1. Meyer J.P., Becker T.E., Vandenberghe C. Employee commitment and motivation: a conceptual analysis and integrative model. *Journal of Applied Psychology*, 2004, no. 89(6), pp. 991-1007.
2. Kopertyńska M.W. *Motywowanie Pracowników. Teoria i Praktyka*. Warszawa: Placet. 2008. 167 p.
3. Rutherford B., Boles J., Hamwi G.A., Madupalli R. The role of the seven dimensions of job satisfaction in salesperson's attitudes and behaviours. *Journal of Business Research*, 2009, no. 62(11), pp. 1146-1151.
4. Lambert E.G., Edwards C., Camp S.D. Here today, gone tomorrow, back again the next day: antecedents of correctional absenteeism. *Journal of Criminal Justice*, 2005, no. 33(2), pp. 165-175.
5. Tsutsumi A. Psychosocial factors and health: community and workplace study. *Journal of Epidemiology*, 2005, no. 15(3), pp. 65-91.
6. Bernhardt K.L., Donthu N., Kennett P.A. A longitudinal analysis of satisfaction and profitability. *Journal of Business Research*, 2000, no. 47, vol. 2, pp. 161-171.
7. Matwiejczuk W., Samul J. Teamwork measures and organizational performance. some empirical observations. In: *ICEM'2016: Conference Proceeding*. Brno University of Technology, 2016. Pp. 57-61.
8. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: the link between competitive advantage and corporate social responsibility. *Harvard Business Review*, 2004, no. 84, vol. 12, pp. 5-12.
9. Barnett B.R., Bradley L. The impact of organizational support for carter satisfaction. *Career Development International*, 2007, no. 7, vol. 12, pp. 617-637.
10. Cennamo L., Gardner D. Generational differences in work values, outcomes and person-organisation values fit. *Journal of Managerial Psychology*, 2008, no. 23, vol. 8, pp. 891-906.
11. Lewicka D. *Zarządzanie Kapitałem Ludzkim w Polskich Przedsiębiorstwach*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. 351 p.
12. Olechnicki K., Załęcki P. *Słownik Socjologiczny*. Graffiti BC, Toruń, 1998. P. 228.
13. Kunecka D., Kamińska M., Karakiewicz B. Analiza czynników wpływających na zadowolenie z pracy w grupie zawodowej pielęgniarek. *Problemy Pielęgniarstwa*, 2007, no. 15, vol. 2-3, pp. 192-196.
14. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Udowletworennost' rabotoj kak konstrukt w empiriczeskich issledowanijach [Satisfaction with work as a construct in empirical studies]. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal]. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 8-26. (In Russ.).
15. Kwiatkowska-Ciotucha D., Zaluska U., Dziechciarz J. *Analiza porównawcza odczuć satysfakcji zawodowej – Polska na tle wybranych krajów Unii Europejskiej*. 2007. 170 p.
16. Sowińska A. Edukacja w świetle przemian współczesnego rynku pracy: wybrane problem. *Studia Ekonomiczne*, 2014, no. 197, pp. 54-56.
17. Mendoza M. L., Maldonado C.O. Meta-analytic of the relationship between employee job satisfaction and customer satisfaction. *Suma De Negocios*, 2014, no. 5, vol. 11, pp. 4-9.
18. Tziner A. A revised model of work adjustment, work attitudes, and work behaviour. *Review of Business Research*, 2006, no. 6, vol. 1, pp. 34-40.
19. Gros U. *Zachowania Organizacyjne w Teorii i Praktyce Zarządzania*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. 247 p.
20. Spector P.E. *Industrial and Organizational Psychology: Research and Practice*. New York: John Wiley & Sons, 2003. 485 p.
21. Essen E. *Job Satisfaction Pool*, 2002. URL: [www.shrm.org](http://www.shrm.org) (accessed October 2, 2016).
22. Schulz D.P., Schulz S.E. *Psychologia a Wyzwania Dzisiejszej Pracy*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002. 532p.
23. Schulte M., Ostroff C., Kinicki A.J. Organizational climate systems and psychological climate perceptions: a crosslevel study of climate satisfaction relationships. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 2006, no. 79, pp. 645-671.
24. Hardey M. Generation C: content, creation, connections and choice. *International Journal of Market Research*, 2011, vol. 53, pp. 749-770; doi:10.2501/ijmr-53-6-749-770

25. Shih Yung Ch. Millennials in the workplace: a conceptual analysis of millennials' leadership and followership styles. *International Journal of Human Resource Studies*, 2012, no. 2, vol. 2, pp. 71-83.
26. Broadbridge A.M., Maxwell G.A., Ogden S.M. Experiences, perceptions and expectations of retail employment for generation Y. *Career Development International*, 2007, no. 12, vol. 6, pp. 523-544.
27. Shaw S., Fairhurst D. *Engaging a New Generation of Graduates, Education and Training*. 2008, no. 50, vol. 5, pp. 366-378.
28. D'Amanto A., Herzfeldt R. Learning orientation, organizational commitment and talent relationship: a study of European managers. *Journal of Managerial Psychology*, 2008, no. 23(8), pp. 929-953.
29. Cewińska J., Striker M., Wojtaszczyk K. Zrozumieć pokolenie Y – wyzwania dla zarządzania zasobami ludzkimi. W: Juchnowicz M. (Red.). *Kulturowe uwarunkowania zarządzania kapitałem ludzkim*. Kraków: Oficyna a Wolters Kluwer business, 2009. Pp. 118-134.
30. Woszczyk P. Zarządzanie wiekiem – ku wzrostowi efektywności organizacji. W: P. Woszczyk (Red.). *Człowiek to inwestycja. Podręcznik do zarządzania wiekiem w organizacjach*. Łódź: Wydawnictwo HRP Group, 2013. P. 214.
31. Rusak P. X, Y, Z: Pokoleniowa bitwa biurowa. W: *Raport Rynek pracy. Przewodnik pracodawcy*, 2013, 2014. Pp. 34-46.
32. Chester E. *Young at Work. How to Take Care of Employees of Generation Y*. Gliwice: Helion, 2007. 116 p.
33. Bahoo T. Motivating and Rewarding Generation Y Employees. URL: [http://www.academia.edu/3736192/MOTIVATING\\_AND\\_REWARDING\\_GENERATION\\_Y\\_EMPLOYEES](http://www.academia.edu/3736192/MOTIVATING_AND_REWARDING_GENERATION_Y_EMPLOYEES) (accessed April 8, 2018).
34. Hite L.M., McDonald K.S. Career counseling for Millennials: practitioners' perspectives. In: Ng E., Lyons S.T., Schweitzer L. (Eds.). *Managing the New Workforce: International Perspectives on the Millennial Generation*. Edward Elgar Publishing, Northampton, MA, 2012. Pp. 204-222.
35. Syrett M., Lammiman J. Catch them if you can. *Director*, 2003, no. 57(3), pp. 70-76.
36. Oliver D. An expectation of continued success: the work attitudes of generation Y. *Labour and Industry*, 2006, no. 17, vol. 1, pp. 61-84.
37. De Cooman R., Dries N. Attracting Generation Y: how work values predict organizational attraction in graduating students in Belgium, In: Ng E., Lyons S.T., Schweitzer L. (Eds.). *Managing the New Workforce: International Perspectives on the Millennial Generation*. Edward Elgar Publishing, Northampton, MA, 2012. Pp. 42-63.
38. Lowe D., Levitt K.J., Wilson T. Solutions for retaining Generation Y employees in the workplace. *Business Renaissance Quarterly*, 2008, no. 3, vol. 3, pp. 43-58.
39. Taris T.W., Feij J.A., Capel S. Great expectations – and what comes of it: the effects of unmet expectations on work motivation and outcomes among newcomers. *International Journal of Selection and Assessment*, 2006, no. 14, vol. 3, pp. 256-268.

### Сведения об авторах

Веслав Матвейчук – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Белостокский технический университет (15-351, Польша, г. Белосток, ул. Вейская, 45а; e-mail: w.matwiejczuk@pb.edu.pl)

Виктор Васильевич Воронов – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5); приглашенный исследователь, Центр социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (LV-5401, Латвия, г. Даугавпилс, ул. Парадес, 1; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Иоанна Самуль – доктор экономики, адъюнкт кафедры, Белостокский технический университет (15-351, Польша, г. Белосток, ул. Вейская, 45а; e-mail: j.samul@pb.edu.pl)

Matveichuk V., Voronov V.V., Samul J.

## Determinants of Job Satisfaction of Workers from Generations X and Y: Regional Research

**Abstract.** The paper discusses job satisfaction in the context of different generations of workers and the entry of new representatives in the labor market. The study is both theoretical and applied; it uses materials of quantitative and qualitative research on the issues under consideration. The main source of empirical data is a sociological surveys conducted in 2015 and 2017 according to the method of random non-repetitive sampling among employees of individual enterprises of different forms of ownership operating in Podlaskie North-Eastern region of Poland, and analysis of the data. The goals of our work are to identify the most important organizational factors that influence job satisfaction and to identify differences between the employees from the older generation (X) and the younger generation (Y) at regional enterprises of different ownership forms as objects of functional management. According to four indicators reflecting professional job satisfaction (working conditions, sense of self-worth, possibility of development, relations with other employees), the findings of our study revealed similarities and differences between them in the older and younger generations. Similarity consists in the fact that material results of activity are a priority for both generations of workers. Difference consists in the predominance of pragmatism in the younger generation and conservatism in the older generation. The study is of theoretical and practical importance in the field of professional business management in the region. It indicates what factors are important for the younger generation of workers in the context of achieving job satisfaction compared to the older generation. Therefore, the management of any enterprise should use a variety of management tools to improve the efficiency of its activities, for example, to differentiate the motives that will satisfy different needs and incentives in the work of employees of different age groups.

**Key words:** professional job satisfaction, job satisfaction of generations X and Y, labor efficiency.

### Information about the Authors

Wieslaw Matveichuk – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department Head, Bialystok Technical University (45A, Wiejska Street, Bialystok, 15-351, Poland; e-mail: w.matwiejczuk@pb.edu.pl)

Viktor V. Voronov – Doctor of Sciences (Economic Sociology), Professor, Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation); Leading Researcher, Social Investigations Center of the Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University (1, Parades Street, Daugavpils, LV-5401, Latvia; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Joanna Samul – Ph.D. in Economics, Assistant Professor of Department of Organization and Management, Bialystok Technical University (45A, Wiejska Street, Bialystok, 15-351, Poland; e-mail: j.samul@pb.edu.pl)

Статья поступила 27.12.2018.

# МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

## Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области<sup>1</sup>.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в феврале – апреле 2019 г., а также в среднем за последние 6 опросов (июнь 2018 – апрель 2019 г.).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год третьего президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2017–2018).

**Основной акцент в анализе данных сделан на изменениях общественного мнения, произошедших за последние 10 месяцев (с июня 2018 по апрель 2019 г.).** Это обусловлено тем, что в июне 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект о реформировании пенсионной системы, после чего оценки населения по различным показателям мониторинга (включая отношение к деятельности Президента и других органов власти) существенно снизились. Таким образом, данные опросов за июнь 2018 г. – это показатель, которого необходимо достичь хотя бы для того, чтобы «вернуться» к тому состоянию взаимоотношений общества и власти, которое наблюдалось до начала реализации пенсионной реформы.

---

<sup>1</sup> Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>

В феврале – апреле 2019 г. продолжилась негативная тенденция снижения поддержки деятельности главы государства, отмечающаяся с июня 2018 г. В целом за последние 10 месяцев (с июня 2018 по апрель 2019 г.) доля положительных оценок уменьшилась на 14 п.п. (с 70 до 56%), негативных – возросла на 13 п.п. (с 18 до 31%).

В динамике оценок деятельности председателя правительства также с июня 2018 г. отмечается снижение доли положительных суждений: за последние 10 месяцев (с июня 2018 по апрель 2019 г.) – на 13 п.п. (с 52 до 39%). При этом удельный вес негативных оценок за этот же период возрос на 12 п.п. (с 28 до 40%).

Для справки:

В целом по стране уровень одобрения деятельности главы государства с июня 2018 по апрель 2019 г. снизился на 8 п.п. (с 73 до 65%; по данным ВЦИОМ).

По данным Левада-Центра уровень одобрения деятельности Президента еще в мае 2018 г. составлял 79%. В июле 2018 г. он снизился до 67% (на 12 п.п.), в марте 2019 г. он составил 65% (в целом за период с мая 2018 по март 2019 г. – снижение на 14 п.п.).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) апр. 2019 к июню 2018	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
	2017	2011	2007													
<b>Президент РФ</b>																
Одобряю	75,3	58,7	51,7	67,3	66,4	70,1	65,9	63,5	61,9	58,7	55,9	62,7	-14	-5	+4	-13
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	20,0	21,7	17,5	22,1	24,1	27,0	30,1	31,2	25,3	+14	+5	0	+14
<b>Председатель Правительства РФ*</b>																
Одобряю	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	52,0	47,4	45,2	45,3	41,6	38,8	45,1	-13	-4	-14	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	31,1	31,6	27,5	31,9	34,8	36,9	39,3	40,2	35,1	+13	+4	+10	-
<b>Губернатор</b>																
Одобряю	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	40,5	37,3	35,7	38,3	36,5	34,7	37,2	-6	-3	-9	-19
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	35,3	36,9	39,1	40,3	41,5	41,4	39,1	+6	0	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

За последние 10 месяцев (с июня 2018 по апрель 2019 г.) существенно уменьшилась доля жителей области, считающих успешными действия главы государства:

- ✓ по укреплению международных позиций России – на 6 п.п. (с 56 до 50%);
- ✓ по наведению порядка в стране – на 13 п.п. (с 55 до 42%);
- ✓ по защите демократии и укреплению свобод граждан – на 11 п.п. (с 43 до 32%);
- ✓ по подъему экономики и росту благосостояния – на 4 п.п. (с 32 до 28%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?\*(  
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) апр. 2019 к июню 2018	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
											2017			2011	2007	
<b>Укрепление международных позиций России</b>																
Успешно	58,4	46,2	43,1	55,7	54,2	55,6	53,3	51,3	53,5	51,5	50,2	52,6	-5	-3	+6	-6
Не успешно	24,9	33,7	37,9	26,8	28,4	26,7	29,1	30,7	30,3	31,7	32,7	30,2	+6	+3	-4	+5
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	129,0	125,7	128,9	124,2	120,6	123,2	119,8	117,5	122,4	-11	-7	+10	-11
<b>Наведение порядка в стране</b>																
Успешно	53,2	36,6	35,4	50,6	51,1	55,1	51,0	48,5	46,9	44,2	42,4	48,0	-13	-3	+11	-5
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,1	35,0	32,9	36,2	37,9	39,5	40,7	42,6	38,3	+10	+2	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	114,5	116,1	122,2	114,8	110,6	107,4	103,5	99,8	109,7	-22	-5	+23	-9
<b>Защита демократии и укрепление свобод граждан</b>																
Успешно	44,4	32,4	28,8	40,3	40,5	43,4	39,8	37,3	36,5	33,5	32,3	37,1	-11	-3	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	52,3	40,2	40,2	38,1	41,4	42,7	43,3	45,3	47,7	43,1	+10	+3	-5	+6
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	100,2	100,2	105,3	98,4	94,6	93,2	88,2	84,6	94,1	-21	-6	+10	-13
<b>Подъём экономики, рост благосостояния граждан</b>																
Успешно	47,2	30,7	28,5	29,3	31,0	32,3	30,6	30,6	29,9	28,1	28,1	29,9	-4	+1	-1	-17
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,9	56,2	55,2	58,3	57,2	57,6	56,9	58,2	57,2	+3	0	+1	+18
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	72,4	74,7	77,1	72,3	73,4	72,3	71,2	69,9	72,7	-7	0	-2	-35
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.																

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области за период с июня 2018 по апрель 2019 г. отмечается снижение поддержки партии «Единая Россия» (на 6 п.п., с 39 до 33%), а также заметный рост доли людей, считающих, что никакая из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы (на 8 п.п., с 27 до 35%). Позиции остальных парламентских партий существенно не изменились.



Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) апр. 2019 к июню 2018	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
																	2017	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	38,0	34,7	37,9	38,9	38,1	36,5	36,0	34,6	33,3	36,2	-6	+2	+5	+6
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	21,9	11,0	9,6	9,7	9,7	9,7	8,8	8,9	8,2	9,2	-2	-2	+1	+2
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	14,2	7,6	9,2	8,7	10,3	11,1	9,9	9,1	8,0	9,5	-1	+2	-1	+3
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	10,8	4,8	2,9	2,3	2,7	3,4	2,8	2,9	2,9	2,8	+1	-2	-3	-5
Другая	1,8	-	1,9	-	2,1	-	0,5	0,7	0,5	0,6	0,4	0,4	0,6	0,3	0,5	0	0	-1	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	31,3	-	29,2	28,5	26,7	28,5	29,0	31,9	34,2	34,7	30,8	+8	+2	+1	+13
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	11,7	-	12,2	11,2	13,3	10,0	9,9	10,2	9,7	12,6	11,0	-1	-1	-2	-10

За последние 10 месяцев незначительно уменьшилась доля людей, положительно характеризующих свое эмоциональное самочувствие (на 4 п.п., с 73 до 69%). Возрос удельный вес жителей области, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» (на 2 п.п., с 45 до 47%). Индекс потребительских настроений снизился на 2 пункта (с 92 до 90 п.), что говорит о снижении положительных прогнозов населения относительно перспектив развития собственного материального положения и экономики страны в целом.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) апр. 2019 к июню 2018	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
											2017			2011	2007	
<b>Настроение</b>																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	70,6	-4	0	+8	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	22,8	22,5	23,1	23,5	25,6	25,5	23,8	+3	0	-5	-4
<b>Запас терпения</b>																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	76,5	78,0	75,7	77,1	74,3	76,7	76,4	0	-1	+2	+2
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	16,6	15,5	17,1	17,5	19,1	17,5	17,2	+1	+1	+2	+4
<b>Социальная самоидентификация*</b>																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,1	42,3	43,1	43,3	42,8	41,6	43,8	41,3	42,7	-2	0	0	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,6	45,4	45,3	44,1	45,4	44,7	44,8	46,9	45,2	+2	-1	+1	+3
<b>Индекс потребительских настроений</b>																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	84,6	89,9	92,2	89,2	89,2	89,1	90,1	90,0	90,0	-2	+5	0	-16
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

С июня 2018 по апрель 2019 г. ни в одной из социально-демографических категорий населения не наблюдается улучшения социального настроения. При этом в 9 из 14 групп отмечаются негативные тенденции. Доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, особенно ощутимо снизилась:

- ✓ среди мужчин (на 6 п.п., с 75 до 69%);
- ✓ лиц старше 55 лет и людей со средним и неполным средним образованием (на 5 п.п., с 65 до 60%);
- ✓ среди тех, кто по самооценке собственных доходов относится к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 5 п.п., с 86 до 81%);
- ✓ а также среди жителей городов (в Вологде – на 6 п.п., с 75 до 69%, в Череповце – на 9 п.п., с 77 до 68%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) апр. 2019 к июню 2018	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2017	2011	2007
<b>Пол</b>																
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	74,5	73,9	70,8	73,4	69,9	68,6	71,9	-6	+1	+7	+6
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	70,9	71,3	71,8	68,4	66,4	69,0	69,6	-2	-1	+8	+8
<b>Возраст</b>																
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	81,3	77,9	85,1	81,6	76,3	81,2	80,6	0	+2	+11	+9
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	75,1	74,9	70,9	71,6	68,0	71,5	72,0	-4	+1	+10	+7
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	64,7	66,5	65,4	64,7	64,3	59,8	64,2	-5	-1	+6	+9
<b>Образование</b>																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	64,8	66,5	63,8	67,8	61,5	60,4	64,1	-4	+1	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	74,9	72,6	73,5	70,5	68,6	73,0	72,2	-2	0	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	77,4	78,4	76,5	74,1	73,8	73,3	75,6	-4	0	+7	+7
<b>Доходные группы</b>																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	60,0	53,1	59,6	61,3	50,4	56,1	56,8	-4	+4	+11	+5
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	72,3	74,5	73,1	69,7	67,2	69,9	71,1	-2	-1	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	85,5	83,4	81,3	83,4	86,2	81,0	83,5	-5	0	+8	+9
<b>Территории</b>																
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	75,4	70,4	68,8	67,1	65,5	68,5	69,3	-7	-3	+2	+6
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	76,7	79,1	77,7	74,5	71,1	67,8	74,5	-9	-1	+3	+6
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	68,6	69,8	69,2	70,5	67,6	69,6	69,2	+1	+3	+12	+8
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	70,6	-4	0	+8	+7

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, динамика как российских, так и региональных данных социологических изменений свидетельствует о существенном негативном влиянии, которое оказала на российское общество реформа пенсионной системы. Напомним, что законопроект пенсионной реформы был внесен в Государственную Думу и озвучен общественности именно в июне 2018 г., после чего по многим показателям (включая традиционно самые устойчивые – социальное настроение и поддержку деятельности Президента) произошло резкое снижение доли положительных суждений.

В настоящее время темпы негативных тенденций существенно замедлились. Тем не менее практически по всем показателям мониторинга ситуация выглядит хуже, чем в июне 2018 г., и каких-либо устойчивых позитивных изменений, позволяющих говорить о предпосылках возвращения на этот «докризисный» уровень, пока не отмечается.

Исключением можно считать заметное улучшение социального настроения среди лиц с низким уровнем доходов: в феврале – апреле 2019 г. доля положительных оценок эмоционального состояния среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных

жителей области, увеличилась на 6 п.п. (с 50 до 56%). Однако это во многом может быть связано как с актуализацией индивидуальных стратегий адаптации к трудным экономическим условиям, так и с приближением весенне-летнего (в том числе дачного) сезона. По крайней мере, в динамике решения самой проблемы бедности существенных позитивных изменений пока не наблюдается: по данным соцопросов, доля «бедных и нищих» в феврале – апреле 2019 г. увеличилась с 45 до 47%; по официальным данным Вологдастата, реальная заработная плата в регионе в январе 2019 г. составила 80,6% от уровня декабря 2019 г., при этом индекс потребительских цен на товары и услуги фактически не изменился – 100,9%.

На фоне устойчивого роста потребности в переменах<sup>2</sup> ожидания «решительного прорыва в сбережении народа России и благополучии наших граждан»<sup>3</sup>, а также реализации основных задач, указанных в национальных проектах<sup>4</sup>, становятся особенно острыми.

Однако первый год, прошедший после выборов Президента РФ, не принес никаких положительных сдвигов в динамике уровня и качества жизни. Напротив, пенсионная реформа стала ярким примером решений, противоречащих общественным ожиданиям и оценкам экспертов, многие из которых говорили о том, что в ней нет необходимости<sup>5</sup>, что она была проведена неправильно, в режиме «спецоперации»<sup>6</sup>, и что она не принесет желаемых результатов<sup>7</sup>.

Эти научно обоснованные предостережения остались без внимания со стороны как Правительства, так и Президента, поэтому не удивительно, что пенсионная реформа сыграла роль пускового механизма «для активации более фундаментальных изменений, последствия которых могут растянуться на длительное время»<sup>8</sup> (фактически после резкого падения в июне 2018 г. никаких ощутимых позитивных изменений в динамике общественного мнения не наблюдается).

Не соответствующие национальным интересам, в некотором смысле авантюрные, решения властвующих элит, зачастую проводимые методом «шоковой терапии», говорят о том, что «наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ»<sup>9</sup>, и это расценивается многими экспертами как признак их «интеллектуального бессилия»<sup>10</sup>. Это важнейший барьер и риск для существования «долгого государства»<sup>11</sup> В. Путина – государства, выстроенного и существующего исключительно на авторитете и личностных качествах Президента, который, согласно действующей Конституции РФ, уже в 2024 году должен будет передать страну своему преемнику.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

<sup>2</sup> Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – феврале 2019 г.: доклад / Вологдастат. 2019. 92 с.

<sup>3</sup> За период с 2014 по 2018 г. доля россиян, считающих, что перемены для страны важнее, чем стабильность, увеличилась почти в 2 раза (с 30 до 56%; источник: Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. С. 7.).

<sup>4</sup> Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

<sup>5</sup> О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

<sup>6</sup> Широков А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. №24. 11–17 июня.

<sup>7</sup> Материалы интервью с директором региональной программы Независимого института социальной политики Н. Зубаревич (источник: Костарнова А. Пенсионная реформа – спецоперация в режиме аврала. <https://www.discred.ru/2018/07/18/pensionnaya-reforma-spetsoperatsiya-v-rezhime-avrала/>).

<sup>8</sup> Бобков В.Н. Пенсионная реформа: простота тактических решений чревата стратегическим провалом // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 31–40.

<sup>9</sup> Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В. Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 16.

<sup>10</sup> Полтерович В.М. Реформаторам науки недостает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 28–31.

<sup>11</sup> Носкович О.И. Как построить долгое государство? // Независимая газета. 2019. 18 мар. [http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7\\_7533\\_ideas1.html](http://www.ng.ru/ideas/2019-03-18/7_7533_ideas1.html)

**ПРАВИЛА**  
**приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала**  
**«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»**  
**(в сокращении)**

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

**Требования к комплектности материалов**

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

**Требования к оформлению текста статьи.**

**1. Поля.**

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

**2. Шрифт.**

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

**3. Абзацный отступ – 1,25.** Выставляется автоматически в MS Word.

**4. Нумерация.**

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

**5. Оформление 1 страницы статьи.**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

## **6. Требования к аннотации.**

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

## **7. Требования к ключевым словам.**

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

## **8. Требования к оформлению таблиц.**

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

## **9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.**

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

## **10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.**

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

## **11. Оформление постраничных сносок.**

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

## **12. Оформление и содержание списка литературы.**

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard<sup>1</sup>.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

**Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!**

---

<sup>1</sup> Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

## Лицензионный договор № \_\_\_\_\_

г. Вологда

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице \_\_\_\_\_, действующего на основании доверенности \_\_\_\_\_, с одной стороны, и \_\_\_\_\_, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

### 1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи \_\_\_\_\_

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

### 2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.



### 3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

### 4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

### 5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

### 6. Реквизиты Сторон

#### Лицензиат:

ВолНЦ РАН  
ИНН 3525086170 / КПП 352501001  
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а  
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН  
лиц. сч. 20306Ц32570)  
Р/с 40501810400092000001  
Отделение Вологда  
БИК 041909001, ОКПО 22774067  
ОКАТО 19401000000

\_\_\_\_\_/\_\_\_\_\_  
подпись

#### Лицензиар:

Ф.И.О. \_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_  
Дата рождения: \_\_\_\_\_  
Домашний адрес: \_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_  
Паспорт: серия \_\_\_\_\_  
номер \_\_\_\_\_  
выдан \_\_\_\_\_  
когда выдан \_\_\_\_\_  
ИНН \_\_\_\_\_  
Свидетельство государственного пенсионного страхования \_\_\_\_\_

\_\_\_\_\_/\_\_\_\_\_  
подпись / ф. и. о. полностью

**АКТ**  
**приёма-передачи произведения**

г. Вологда

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ года

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук**, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице \_\_\_\_\_

\_\_\_\_\_, действующего на основании доверенности \_\_\_\_\_, с одной стороны, и \_\_\_\_\_

\_\_\_\_\_, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение \_\_\_\_\_

\_\_\_\_\_ в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № \_\_\_\_ от « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ года.

Передал  
**Лицензиар:**

Принял  
**От Лицензиата:**

\_\_\_\_\_  
подпись                      ф. и. о. полностью

\_\_\_\_\_/\_\_\_\_\_/\_\_\_\_\_  
подпись

М. П.

## ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.aks.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: [esc@volnc.ru](mailto:esc@volnc.ru)).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

---

Подписано в печать 26.04.2019.  
Дата выхода в свет 30.04.2019.  
Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Печать цифровая.  
Усл. печ. л. 29,4. Тираж 500 экз. Заказ № 124.  
Свободная цена.

---

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).  
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:  
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а  
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02  
E-mail: common@volnc.ru